ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.П. Зиновьев

ОЧЕРКИ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ СИБИРИ. XIX – НАЧАЛО XX В.

Издательство Томского универитета
2009

УДК 94(57)»18/20»
ББК 63.3(2)
З63

Научный редактор – д-р ист. наук *Э.И. Черняк*

Рецензенты:
д-р ист. наук *М.В. Шиловский*
д-р ист. наук *А.П. Толочко*

Зиновьев В.П. Очерки социальной истории индустриальной
З63 Сибири. XIX – начало XX в. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – 336 с.

ISBN 978-5-7511-1929-4

В книге помещены избранные труды В.П. Зиновьева по социальной истории индустриальной Сибири, часть из которых была ранее опубликована в малотиражных сборниках и которые сейчас малодоступны для читателей, другие публикуются впервые в авторском варианте. Помимо этих материалов рассмотрены проблемы краеведения Сибири и современной истории России.

Для историков, преподавателей и студентов, интересующихся историей социального и промышленного развития дореволюционной Сибири, краеведением, советской и постсоветской историей России.

УДК 94(57)»18/20»
ББК 63.3(2)

Издание осуществлено за счет средств гранта РГНФ-регион № 08 01 64105 а/Т «Формирование региональной экономики в процессе хозяйственного освоения в XVIII–XX вв. (на примере Томской области)» и аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)». Проект «Мир Северной Азии: изучение и освоение как факторы развития экономического, культурного и геополитического потенциала России»

ISBN 978-5-7511-1929-4 © В.П. Зиновьев, 2009

Оглавление

Введение «Я остался за старшего по истории Сибири периода капитализма в Томске...»: к 60-летию профессора В.П. Зиновьева (В.А. Скубневский)..... 5

I. Очерки истории добывающей промышленности Сибири периода капитализма..... 15

1.1. Горная промышленность Сибири в конце XIX – начале XX в. (1895–1917 гг.)..... 15
1.2. Динамика добывающей промышленности Томской губернии в период капитализма..... 60
1.3. Озерное рыболовство в Сибири в XIX – начале XX в..... 68

II. Особенности процесса модернизации Сибири 91

2.1. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному..... 91
2.2. Государственное и частное предпринимательство в Сибири. Этапы взаимодействия 100

III. Рабочие Сибири в XIX – начале XX в...... 104

3.1. Рабочие Сибири в 1907–1917 гг..... 104
3.2. Китайские и корейские рабочие на горных промыслах Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. 140
3.3. Социально-политический облик сибирского отряда рабочего класса России накануне Революции 1917 г. 163

3.4. Прошения о пенсии как источник информации о рабочих кадрах сибирской золотопромышленности в XIX – начале XX в. ... 169
3.5. Индустриальные рабочие Сибири в XVIII – начале XX в. ... 178

IV. Проблемы краеведения Сибири ... 207

4.1. Сибирь ... 207
4.2. Томская область ... 223
4.3. Нарымский колонизационный тупик ... 241
4.4. Ссыльный край ... 257

V. Проблемы современной истории России ... 265

5.1. Революция массового потребления в СССР ... 265
5.2. Распад СССР ... 271
5.3. Россия: исторические традиции и вызов времени ... 283
5.4. Проблема доверия в отношениях России и ЕС: взгляд из Сибири ... 288
5.5. Советская история – потерянный век или героический период? ... 294

VI. Список научных трудов В.П. Зиновьева ... 299

«Я ОСТАЛСЯ ЗА СТАРШЕГО ПО ИСТОРИИ СИБИРИ ПЕРИОДА КАПИТАЛИЗМАВ ТОМСКЕ...»: К 60-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА В.П. ЗИНОВЬЕВА

В заглавие предисловия вынесена цитата из интересного автобиографического очерка Василия Павловича Зиновьева «Студенчество и научное детство»[1]. Действительно, после отъезда в 1981 г. в Москву Н.В. Блинова и смерти в том же году Г.Х. Рабиновича В. Зиновьеву выпало руководить в Томске крупными научными проектами, которые были задуманы и начали осуществляться раньше – это «История хозяйственного освоения Сибири» и «Рабочее движение в Сибири». Сразу же отметим, что В.П. Зиновьев с честью справился с этой сложной задачей.

Десять лет назад я уже попытался к 50-летнему юбилею В.П. Зиновьева сделать обзор его научной деятельности[2]. За прошедшие десять лет творчество юбиляра приобрело новые черты. К присущему для него бережному отношению к факту, широкому и умелому использованию источников добавились глубокое осмысление изучаемых событий и попытки теоретического подхода к актуальным проблемам отечественной истории. Несмотря на административную деятельность, а с 2004 г. В.П. Зиновьев – декан исторического факультета ТГУ, юбиляр работает на научном поприще с удивительной энергией и эффективностью.

Вкратце все же напомним о главных научных достижениях Василия Павловича в предшествующем периоде. В 1977 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию под руководством Н.В. Блинова «Формирование горнорабочих Сибири в период империализма (1895–1917 гг.)».

Результаты исследования В.П. Зиновьева, изложенные в кандидатской диссертации, статьях, коллективных трудах[3], были потом востребованы при подготовке академических изданий – многотомных историй рабочего класса Сибири и СССР. В.П. Зиновьев являлся ответственным секретарем первого тома истории рабочего класса Сибири «Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период» (Новосибирск, 1982). Им были написаны разделы, посвященные золотопромышленности Сибири первой половины XIX в., борьбе наемных рабочих и работных людей в XVIII – первой половине XIX в., социально-экономическим и политическим условиям формирования рабочих в пореформенный период (в соавторстве), формированию рабочих кадров в пореформенный период, рабочему движению в 1861–1894 гг., условиям и факторам складывания сибирского пролетариата на рубеже XIX–XX вв. (в соавторстве).

В конце 70-х – 80-е гг. одним из главных направлений в исследованиях В.П. Зиновьева стала история рабочего движения. В 1978 г. была опубликована коллективная работа «Стачечная борьба рабочих Сибири в период империализма», в подготовке которой принимал участие и В.П. Зиновьев. Он подобрал большую часть информации о стачках горнорабочих. Книга была одной из первых региональных хроник стачечного движения. Она отличалась от других основательностью источниковой базы. К каждой из упомянутых в хронике стачек назывался и источник информации. Впервые была введена в научный оборот информация о 400 стачках. Это издание привлекло внимание не только историков Сибири, но и ведущих научных центров страны[4], способствовало интенсификации работы над общероссийскими хрониками стачечного движения. Коллектив авторов был удостоен звания лауреата премии ТГУ за лучшую научную работу года.

Работа над первой общесибирской хроникой стачечного движения выявила и нерешенные проблемы, показала необходимость комплексного анализа рабочего движения во всех его проявлениях. За эту работу и взялся коллектив авторов под руководством профессора Н.В. Блинова. После переезда Н.В. Блинова в Москву проект возглавил В.П. Зиновьев. Итогом работы стало издание трехтомника «Рабочее движение в Сибири», получившего высокую оценку специалистов[5]. Хронологически труд охватил период с XVII в. по февраль 1917 г. Помимо хроник рабочего движения с XVII в. по 1904 г. (первый том), периода первой российской рево-

люции (второй том), с 3 июня 1907 г. по февраль 1917 г. (третий том), издание включает разделы историографический, источниковедческий, статистико-аналитический. Только стачек в Сибири учтено было 3078, а кроме них – жалобы, прошения, уходы с работы, волнения, террористические акты, собрания, сходки, митинги, демонстрации, восстания, рабочие организации и др. Аналитическую и редакторскую работу выполнил В.П. Зиновьев. Он же подготовил приложения, список источников и литературы. В приложения к первому тому вошли хроники рабочего движения в Казахстане, Средней Азии и на Дальнем Востоке России в XIX в. и в первые годы XX в.

Трехтомник представляет фундаментальную базу данных для анализа многих аспектов социально-политических процессов в дореволюционной Сибири. Материалы его использовались при составлении хроники рабочего и социал-демократического движения в России. В.П. Зиновьев является консультантом этого издания[6].

Глубокая разработка истории рабочего движения в Сибири логически привела В.П. Зиновьева к написанию и защите в 1992 г. диссертации на соискание ученой степени доктора наук по теме «Рабочее движение в Сибири в мануфактурный период». Она построена на материалах первого тома хроники рабочего движения в Сибири с XVII в. по 1904 г. Вместе с тем хроника была существенно дополнена. Рабочее движение показано в диссертации в неразрывной связи с состоянием экономики, составом, численностью, положением рабочих, политической ссылкой, общественно-политическим движением.

В соответствии с выводами автора рабочее движение в Сибири в рассматриваемый период прошло три этапа: борьба предпролетариата – вторая половина XVII в. – 1820-е гг.; борьба мануфактурного пролетариата – 1830-е гг. – 1901 г.; борьба пролетариата машинной индустрии – 1901 г. – 1917 г.[7]. Этапы формирования пролетариата, в свою очередь, увязывались с этапами индустриального развития региона, которых В.П. Зиновьев выделил пять: 1) XVII в. – первая четверть XVIII в. – начало частного раннекапиталистического предпринимательства; 2) вторая четверть XVIII в. – первая четверть XIX в. – рост, а затем господство государственно-феодального предпринимательства; 3) вторая четверть XIX в. – 1861 г. – кризис государственно-феодального предпринимательства, рост и победа частного капитала в ряде сфер экономики (транс-

порт, цензовая промышленность, добыча золота), начало технического переворота в водном транспорте; 4) 1861 г. – первая половина 90-х гг. XIX в. – крах феодальной промышленности, господство капиталистической мануфактуры в промышленности, начало строительства железных дорог, технического перевооружения промышленности; 5) вторая половина 90-х гг. XIX в. – 1930-е гг. – строительство железных дорог, промышленный переворот во всей экономике региона. Пятый этап индустриального развития Сибири, таким образом, по мнению В.П. Зиновьева, выходит за рамки капиталистического периода. В 1917–1919 гг. частнокапиталистическая индустриализация была сменена государственно регулируемой. Пятый этап характерен промышленным переворотом на транспорте, в обрабатывающей промышленности, концентрацией ее в городах, углублением технического переворота в горнодобывающей промышленности.

Позднее, в других работах, В.П. Зиновьев продолжил свою периодизацию индустриального развития Сибири. Он выделил шестой этап, связанный с эвакуацией промышленных предприятий в Сибирь в годы Великой Отечественной войны, развитием в 40–50-е гг. угольной и металлургической отраслей, завершением аграрной колонизации. Седьмой этап характеризуется переносом в 60–80-е гг. XX в. топливно-энергетической и сырьевой базы страны в Сибирь, восьмой этап (с начала 90-х гг.) обозначен рыночными реформами[8].

Думаю, прежде всего дефицит времени не позволил Зиновьеву издать авторские монографии по теме кандидатской, а позже и докторской диссертации, но их содержание очень полно отражено не только в многочисленных статьях, но и в коллективных трудах. Здесь, помимо уже упомянутых («Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период» и трехтомника «Рабочее движение в Сибири»), отметим две новые крупные работы: монографию «Индустриальные кадры старой Сибири» (Томск, 2007) и коллективную монографию «Сибирь в составе Российской империи» (М., 2007).

Особенно выделим монографию «Индустриальные кадры старой Сибири», которая, безусловно, стала знаковой работой в современном сибиреведении. Указанный труд явился определенным итогом многолетней работы Зиновьева, в нем использованы материалы кандидатской и докторской диссертаций автора и результа-

ты многих статей, которые апробировали отдельные проблемы и сюжеты будущей монографии[9].

Как верно отметил сам автор, в течение последних 15 лет тема рабочего класса фактически перестала изучаться, и этим трудом Зиновьев продолжил лучшие традиции томской исторической школы в данном направлении. Но значимость монографии не только в изучении индустриальных кадров, так как в ней плодотворно рассматриваются методологические аспекты в изучении истории Сибири и России.

Автору удалось восполнить пробелы, которые обнаружились в предшествующих коллективных трудах по истории рабочих Сибири, например, в освещении отдельных категорий рабочих и служащих (менеджеры, рыбаки, промысловики – охотники, лесорабочие и др.). Существенно уточнены данные о численности, составе и положении речников, лиц, занятых в торговле, и др.

Отметим, что В.П. Зиновьеву удалось уточнить (в сравнении с книгой «Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период») многие показатели динамики отдельных отраслей экономики, соотношение мелкого, мануфактурного и фабричного производства, численности и состава рабочих. Глубоко исследуются вопросы правового и экономического положения рабочих. Отметим также интересный сюжет, посвященный временным промысловым поселкам Сибири. Как показывает автор, их появление было связано с развитием горной промышленности, строительством железных дорог, рыбными промыслами и др. В некоторых случаях из таких временных поселков вырастали города (Новониколаевск, Бодайбо, Тайга и др.). Зиновьев пишет: «Временные промысловые поселки были обычной практикой промышленного освоения Сибири еще в XIX – начале XX вв.», но «при всей своей неэффективности они сыграли важную роль в освоении Сибири»[10].

Монография стала новым шагом и в изучении рабочего движения. Дело в том, что трехтомное издание «Рабочее движение в Сибири» появилось уже после выхода в свет первого тома «Истории рабочих Сибири». Именно в трехтомнике была опубликована хроника рабочего движения, тем самым существенно дополнена источниковая основа для его изучения. В анализируемой монографии Зиновьев опирается при анализе рабочего движения не только на указанный выше трехтомник, но и на материалы своей же докторской диссертации. В результате, в настоящее время подсчеты Зи-

новьева о всех формах рабочего движения с XVIII в. до февраля 1917 г. являются наиболее полными, при этом проведен всесторонний анализ этих форм и этапов рабочего движения.

В монографии, а также в серии статей В.П. Зиновьев разрабатывает фактически новый для сибиреведения вопрос о служащих, в том числе инженерах и менеджерах[11]. О менеджерах Сибири он, в частности, пишет, что здесь на ряде предприятий горной и обрабатывающей промышленности часто управляющие были главными фигурами в производственном процессе, так как предприятия нередко размещались в удаленных местах, в то время как владельцы проживали в городах (и не всегда в Сибири), многие из сибирских предпринимателей главным своим делом считали торговлю, а не промышленность и перекладывали руководство промышленными предприятиями полностью на плечи управляющих. Он отмечает: «Так, славу «Лензото» создали не Баснины и Катышевцевы, не Гинцбурги и Мейеры (т.е. владельцы. – *В. С.*), а Иван Федорович Шмотин, В.П. Таюрский, Рухлов, Андрей Густавович Фохт, К.Ф. Пеньевский, М.С. Купенков, Л.Ф. Грауман, А.К. Кокшаров, И.Н. Белозеров, Л.А. Перре, В.Н. Журин, А.М. Малоземов, Исаак Давыдович Красносельский»[12].

В методологическом плане монография «Индустриальные кадры старой Сибири», а также и другие современные работы В.П. Зиновьева строятся на основе теории постиндустриализма, согласно которой все общество проходит как минимум три стадии эволюции: аграрную, индустриальную и постиндустриальную[13]. При этом он в отдельном параграфе определяет особенности перехода России от аграрного к индустриальному обществу. Процесс индустриализации в России Зиновьев датирует с 90-х гг. XIX в. до рубежа 50–60-х гг. XX в. (с. 16). Сибирь прошла те же стадии модернизации, что и вся Россия (с. 18).

В своем докладе на конференции «Русская революция в контексте истории XX века» и публикации этого доклада[14] В.П. Зиновьев весьма четко пояснил свою приверженность теории модернизации применительно к изучению истории России. Он, в частности, отметил: «По моему мнению, подход к истории России с точки зрения теории модернизации лучше объясняет то, что произошло и происходит сейчас в нашей стране»[15]. В его оценке, «…социальные революции начала века расчистили площадку для строительства индустриального общества... указали к нему более короткий

путь»[16] и далее: «Социальные революции 1905–1907 гг. и 1917 г. подтолкнули процесс перехода страны на индустриальную стадию развития, поскольку способствовали ее форсированной индустриализации»[17]. Он высказал, возможно, дискуссионное положение, что «индустриализации капиталистическая и социалистическая – процессы принципиально одинаковые»[18].

Методологические поиски (и находки) В.П. Зиновьева особенно могут быть полезны для диссертантов, ибо в настоящее время соответствующие разделы во многих диссертациях выглядят весьма беспомощно.

Другим направлением научных исследований В.П. Зиновьева является история предпринимательства и купечества. Его особенно увлекают сюжеты, связанные с яркими фигурами и целыми семьями томского купечества и предпринимателями в горной промышленности и винокурении. Так, В.П. Зиновьев принял активное участие в работе над «Краткой энциклопедией по истории купечества и коммерции Сибири», которая была издана в Новосибирске в 4 т. и 10 кн. в 90-е гг. XX в. Сам Василий Павлович был ответственным редактором третьего тома (3 книги) совместно с А.С. Зуевым и книги 2-й 4-го тома (совместно с Д.Я. Резуном). Всего же он написал для этого издания 240 статей, часть в соавторстве. Сразу же оговоримся, что некоторые статьи фактически являются лишь упоминаниями отдельных купцов и фирм, но есть довольно большие по объему и научной значимости статьи, в их числе: «Кухтерины» (в соавторстве с Н.М. Дмитриенко и А.С. Зуевым), «Лесоторговля», «Маклер», «Михельсон Л.А.», «Нарым» (в соавторстве с Д.Я. Резуном), «Переселенческое управление Министерства земледелия и гос. имуществ», «Родюковы», «Российское золотопромышленное общество», «Рыботорговля», «Монголор», «Федоровское золотопромышленное общество» и ряд других. В настоящее время (2009 г.) готовится 2-е, дополненное издание этой энциклопедии.

Особенно Зиновьеву в соавторстве с Н.М. Дмитриенко удалось полно и всесторонне восстановить историю знаменитой династии томских купцов Кухтериных. Большие статьи и заметки о Кухтериных были опубликованы во многих изданиях, в том числе в московской газете «Былое».

Принял участие В.П. Зиновьев и в издании популярных исторических очерков «Деловая элита старой Сибири» (Новосибирск, 2005). Им написаны статьи «Реутовский», «Родюковы», «Кухтери-

ны», последняя опять же в соавторстве с Н.М. Дмитриенко. Четыре статьи Зиновьева опубликованы в изданной авторитетным московским издательством «РОССПЭН» первом томе энциклопедии «Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.». (М., 2008), это «Базилевские», «Иваницкие», «Кухтерины» (в соавторстве), «Мясниковы».

В.П. Зиновьев принимает участие почти во всех крупных проектах, связанных с историей Томска и Томской области, и как автор и как редактор, или член редколлегии. Порой берет на себя ответственность писать, может быть, не очень выигрышные по тематике, но необходимые статьи, на которые просто не нашлось других авторов. И в этом также проявляется его отношение к профессии, к долгу историка.

Для энциклопедии «Томск от А до Я» (Томск, 2004) им были написаны 10 статей, для первого тома «Энциклопедии Томской области» (Томск, 2008) – 6 статей. В обеих энциклопедиях перу Зиновьева принадлежат статьи о деятелях революционного движения В.Е. Воложанине, С.М. Кирове, В.В. Куйбышеве, а также купцах Кухтериных (в соавторстве с Н.М. Дмитриенко). Кроме того, в томской городской энциклопедии опубликованы такие разные по тематике статьи, показывающие эрудицию автора и его знакомство с самими разными вопросами, как «Революция 1905–1907», «Октябрьские события 1905», «Завод пищевых продуктов Томский», «Коммунистическая партия Советского Союза» (в соавторстве с Н.С. Ларьковым и А.В. Войтовичем) и др.

Для коллективной монографии «Томск: история города от основания до наших дней» (Томск, 1999) В.П. Зиновьев написал 7-ю главу «На баррикады!», посвященную общественно-политической жизни города XIX – начала XX в.

Должность декана и, безусловно, любовь к родному факультету определили обращение Зиновьева к его истории[19]. В.П. Зиновьев также обращается к истории отдельных промышленных предприятий Сибири, востоковедным исследованиям, вопросам межнациональных отношений и ряду других. Он ведет огромную работу как организатор науки на факультете и в Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири, выступая в качестве руководителя грантов, ответственного редактора десятков книг, организатора конференций, руководителя диссертаций.

Выпускник 1966 г. Шпалозаводской средней школы Парабельского района Томской области оказался в нужное время, в нужном месте: в Томске, в университете, на историческом факультете, с которым связал всю свою жизнь и где реализует блестящую научную карьеру.

Примечания

[1] *Зиновьев В.П.* Студенчество и «научное детство» // Историческому образованию в Сибири 90 лет: исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах. Томск, 2008. С. 204.

[2] *Скубневский В.А.* Вопросы истории Сибири в трудах В.П. Зиновьева // Сибирь в составе России XIX – начала XX в. Томск, 1999. С. 115–124.

[3] *Блинов Н.В., Зольников Д.М., Плотников А.Е., Толочко А.П., Зиновьев В.П., Скубневский В.А.* Стачечная борьба рабочих Сибири в период империализма: хроника, статистика, историография. Томск, 1978. 323 с.

[4] *Вопросы* истории. 1979. № 5. С. 154–156.

[5] Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистка: В 3 т. Т. 1: XVII в. – 1904 г. Томск, 1988. 374 с.; Т. 2: 1905 г. – июнь 1907 г. Томск, 1990. 376 с.; Т. 3: Июнь 1907 – февраль 1917 г. Томск, 1991. 343 с. См. рецензию В.П. Желтовой, Т.А. Игнатенко, Ю.И. Кирьянова на первый том книги: История СССР. 1989. № 6. С. 176.

[6] *Рабочее* движение в России. 1895 г. – февраль 1917 г. Хроника. Вып. I–V. 1895–1899 г. М., 1992–1998.

[7] *Зиновьев В.П.* Рабочее движение в Сибири в мануфактурный период: Автореф. дис.... д-ра ист. наук. Томск. 1992. С. 33.

[8] *Зиновьев В.П.* Этапы индустриального освоения Сибири // Хозяйственное освоение Сибири: вопросы истории. Томск, 1994. С. 5–28; *Зиновьев В.П.* Государственное и частное предпринимательство в Сибири // Предпринимательство в Сибири: Материалы научной конференции. Барнаул, 1994. С. 3–6.

[9] *Зиновьев В.П.* Правовой статус наемных рабочих сибирских мануфактур XVIII–XIX вв. // Проблемы истории и исторического познания: Сборник статей / Ред. В.П. Зиновьев. Томск, 2001. С. 76–84; *Он же*. Волнения на крепостных мануфактурах Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв.: Сборник науч. трудов / Отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск, 2005. С. 86–92; *Он же*. Формирование сибирского отряда рабочих Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв.: Сборник науч. трудов / Под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул, 2005. С. 226–243; *Он же*. Революция массового потребления в СССР в 1960–

1980-х гг. // Экономическая история Сибири XX века: Материалы Всерос. науч. конф. 30 июня – 1 июля 2006 г. / Под ред. Е.В. Демчик. Барнаул, 2006. Ч. 1. С. 43–49; *Он же*. Временные промысловые поселки в Сибири (XIX – начало XX в.) // Сибирь в XVII–XX веках: демографические процессы и общественно-политическая жизнь: Сборник науч. трудов / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.А. Ламин. Новосибирск, 2006. С. 210–217 и др.

[10] *Зиновьев В.П.* Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007. С. 132.

[11] *Зиновьев В.П.* Менеджеры в Сибири в XIX – начале XX вв. // К истории предпринимательства в Сибири: Материалы Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 1995). Новосибирск, 1996. С. 38–42; *Он же*. П.И. Пальчинский – великий инженер России // История российской интеллигенции: Материалы и тезисы науч. конф. М., 1995. Ч. 2. С. 51–53; *Он же.* Горный инженер В.С. Реутовский // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Барнаул, 1997. С. 75–81 и др.

[12] *Зиновьев В.П.* Менеджеры в Сибири в XIX – начале XX вв. С. 39.

[13] *Зиновьев В.П.* Индустриальные кадры… С. 13.

[14] *Зиновьев В.П.* Русская революция в контексте модернизации: социально-экономический аспект // Русская революция в контексте истории: Материалы регион. науч. конф. (Томск, 6–8 ноября 2007 г.). Томск, 2008. С. 67–76.

[15] Там же. С. 67.

[16] Там же. С. 71.

[17] Там же. С. 69–70.

[18] Там же. С. 68.

[19] *Зиновьев В.П., Фоминых С.Ф., Хаминов Д.В., Некрылов С.А.* Краткий очерк истории исторического факультета ТГУ // Историческому образованию в Сибири 90 лет: исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах. Томск, 2008. С. 8–35; *Зиновьев В.П.* Исторический факультет Томского государственного университета в 2004–2008 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 1 (5). С. 14–24.

В.А. Скубневский

Посвящается светлой памяти моих родителей Павла Петровича и Валентины Илларионовны и моих предков: Зиновьевых, Вяткиных, Брусовых, Лямкиных, Котеневых, Глебовых, Матусовых, Важениных, Барсуковских и других воронежских, курских, вятских и алтайских приписных крестьян и мастеровых, кузнецов и волостных писарей

I. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СИБИРИ ПЕРИОДА КАПИТАЛИЗМА

1.1. Горная промышленность Сибири в конце XIX – начале XX в. (1895–1917 гг.)

(Вариант публикуется впервые)

Горная промышленность Сибири имела к концу XIX столетия уже вековые традиции. Первые горные заводы появились здесь еще в начале XVIII в. В XVIII – первой половине XIX в. Сибирский регион являлся второй металлургической базой страны. Заводы концентрировались в Нерчинском и Алтайском горных округах Кабинета, где находился один из крупнейших в крае отряд мануфактурных рабочих – 33 680 мастеровых и урочных (на 1861 г.)[1].

Во второй половине XIX в. лишенные подневольного труда мастеровых и приписных крестьян кабинетские заводы стали закрываться, так как выплавка металлов на них была убыточной[2]. Сократилось производство свинца, меди и серебра.

Железоделательные и чугуноплавильные заводы края во второй половине XIX в., наоборот, утроили выплавку металла и дали в 1898 г. 10 тыс. т чугуна[3].

Золотопромышленность, возникшая в Сибири в конце 20-х – начале 50-х гг. XIX в., вплоть до его конца развивалась поступательно, увеличивая добычу золота и число рабочих. Центр ее по мере выработки россыпей перемещался на восток, с 70-х гг. основным районом добычи золота стал Витимско-Олекминский[4].

Добыча неметаллических полезных ископаемых в Сибири во второй половине XIX в. велась нерегулярно и в ничтожных размерах, хотя давно были известны мощные месторождения каменного угля, слюды, графита, асбеста, поделочных камней. В целом горные ресурсы края эксплуатировались слабо. Хищническими методами велась добыча наиболее ценных металлов – золота и серебра. Несмотря на это, горные отрасли занимали ведущие позиции в промышленности края. На них падало в 1900 г. около 65% всей суммы производства региона и около 15% суммы производства горной промышленности страны[5].

В конце XIX в. горная промышленность края вступила в полосу упадка, который испытывали все отрасли за исключением угледобычи. Данные горной статистики, приведенные в Приложении № I, свидетельствуют о падении выплавки всех металлов и добычи всех полезных ископаемых, за исключением угля, с 1895 по 1905 г. Экономический кризис, разразившийся в России в 1899–1905 гг., тяжело отразился на горной промышленности Сибири, так как он совпал с рядом других местных факторов. К ним прежде всего следует отнести проведение Транссибирской магистрали, открывшей сибирский рынок для металлургии Урала, что поставило в безвыходное положение отсталые в техническом отношении металлургические заводы края. Не случайно среди первых жертв экономического кризиса в России оказались Николаевские железоделательные заводы, принадлежавшие Мамонтову, обанкротившемуся в 1899 г.[6]

Выплавка чугуна в Сибири сократилась с 1895 по 1905 г. более чем в два раза, с 9,4 тыс. т до 4,25 тыс. т. Число заводов уменьшилось с пяти до трех, домны которых потухли к 1913 г. В годы Первой мировой войны действовал лишь один Петровский завод Кабинета. В 1917 г. к нему присоединился Абаканский. Николаевский и Гурьевский заводы в это время реконструировались. Следовательно, черная металлургия края не вышла из кризиса вплоть до 1917 г.

Кризис цветной металлургии с проведением железной дороги усиливался. Кабинетское хозяйство, основанное на «владельческом праве», было не в силах конкурировать с капиталистической промышленностью, и Кабинет предпочитал сдавать в аренду богатейшие месторождения серебросвинцовых руд иностранным капиталистам, выплавка меди с за 1895–1905 гг. уменьшилась в 10 раз. С открытием новых заводов в Минусинском горном округе производство рафинированной меди достигло к 1916 г. 910 т, не дойдя,

однако, до уровня 1895 г. В 1917 г. сибирские медеплавильные заводы дали только 515 т меди, или 5,5% производства ее в России.

Выплавка серебра сократилась с 1895 по 1905 г. в 6 раз, с 6,4 до 1 т[7]. В 1910 г. действовала одна Змеиногорская фабрика, давшая 0,24 т серебра[8], которая к 1915 г. снизила производство до 0,1 т, но к концу 1917 г. закрылась[9].Производство свинца в крае с 1895 по 1905 г. снизилось на 10%, при ничтожном его масштабе, а к 1915 г. совершенно прекратилось. Только в 1916 г. на Усть-Алданском заводе в Якутии было получено 5 т свинца, в 1917 г. – 47 т, что составило почти половину его российского производства, хотя не достигало и трети уровня 1895 г.[10] Таким образом, цветная металлургия Сибири также не вышла из кризисного состояния, за исключением выплавки меди.

Добыча соли с 1895 по 1905 г. снизилась с 28,7 тыс. т до 13,6 тыс. т, что являлось следствием конкуренции дешевой самосадочной соли из Европейской России и Казахстана. В дальнейшем увеличение выварки соли в Сибири продолжалось до 1917 г. и достигло (вместе с самосадочной) 31,6 тыс. т, или 13% общероссийской добычи соли.

Ведущая отрасль горной промышленности Сибири – золотодобыча в конце XIX в. также оказалась в тяжелом положении. Причиной кризиса послужила выработка богатых россыпей золотоносных пород. На разработку глубоколежащих пластов, золотоносных жил, механизированную добычу золота из бедных россыпей требовались значительные капиталовложения. Большинство золотопромышленников не имели для этого средств и вынуждены были закрывать прииски. С 1895 по 1905 г. добыча золота снизилась в 1,5 раза. В 1907 г. она достигла минимума – 13,6 т (45% общероссийской)[11]. Число действующих приисков сократилось почти наполовину, число занятых рабочих – с 32,6 тыс. в 1895 г. до 20 тыс. в 1907 г.[12] Уровень 1895 г. был превзойден лишь в преддверии нового промышленного подъема – в 1909 г., а в 1915 г. Сибирь дала максимальное количество золота в рассматриваемый период – 28,7 т, т.е. 69% общероссийской добычи. К 1917 г. сказались условия военного времени: нехватка оборудования, рабочей силы, дороговизна материалов и продуктов, и производство золота упало до 19,5 т, то есть ниже уровня 1895 г.

Выход золотопромышленности из кризисного состояния следует связывать с тремя факторами: вложением больших средств в зо-

лотодобычу края крупными российскими предпринимателями и обществами, опиравшимися на банковский кредит; внедрением механизации, в значительной степени благодаря удешевлению транспортировки механизмов по железной дороге и снятию вплоть до 1909 г. таможенных пошлин на ввоз машин из-за границы; расширение золотничного способа добычи, путем эксплуатации дешевого труда иностранных рабочих.

Механизированная добыча золота получила наибольшее распространение в Томской и Енисейской губерниях, где эксплуатация золотых рудников и бедных золотом россыпей иным способом была невыгодна, а богатые россыпи являлись полностью выработанными. Районом интенсивного драгирования россыпей стал Енисейский горный округ, где к 1913 г. находилось более половины всех драг России[13]. Гидравлический способ получил наибольшее распространение в Алтайском округе, разработка золотоносных жил – в Красноярско-Канском, Томском и Минусинском горных округах. В Восточно-Сибирской горной области золотые рудники и механическая разработка россыпей не получили широкого распространения.

Здесь подъем золотодобычи шел другим путем. Первый из них, наиболее капиталоемкий, но сулящий громадные прибыли, заключался в добыче глубоколежащих россыпей шахтным способом. Район преобладающего размещения шахт находился в Витимском горном округе – по р. Бодайбо и ее притокам. На подготовительные работы уходили миллионы рублей, не приносящих сиюминутной выгоды. Долгосрочные кредиты удалось получить лишь «Ленскому золотопромышленному товариществу». Только кредиты Государственного Банка покрывали миллионные убытки товарищества при оборудовании шахт. Две другие крупные фирмы – «Бодайбинская» и «Компания Промышленности и Прибрежно-Витимская» – вынуждены были свернуть дела,

Второй, наиболее дешевый выход из положения, лежал через эксплуатацию массового труда золотничников-кустарей, прежде всего иностранцев. Районами преобладания золотничных работ стали Забайкалье, Ленский, Ангарский, Зейский горные округа. Этому способствовало наличие здесь сравнительно богатых россыпей золотоносных песков. Привлечение массового непроизводительного труда золотничников-кустарей явилось основной причиной быстрого роста числа занятых в золотопромышленности

рабочих. Однако не они обеспечивали успех золотого промысла края в 1908–1917 гг., а внедрение механизированной добычи и обработки золотоносных пород, а также разработка глубоколежащих россыпей шахтным способом с механизацией вспомогательных процессов.

От экономического кризиса 1899–1903 гг. из отраслей горной промышленности Сибири меньше всего пострадала угледобыча[14], что, впрочем, характерно было для углепромышленности всей страны[15]. Углепромышленность являлась фактически новой отраслью экономики сибирской окраины. Капиталистическая эксплуатация месторождений каменного угля началась в крае с 1898 г., когда наряду с Анжерскими казенными копями стали действовать Судженские копи Михельсона и копи Щелкунова в Черемховском бассейне. Ранее этого в небольших размерах уголь добывали на кустарно организованных Кузнецких копях Кабинета для нужд его хозяйства. С 1898 по 1906 г., удовлетворяя растущие потребности в каменном угле железной дороги, углепромышленность Сибири развивалась поступательно, увеличив добычу угля с 141,6 тыс. т в 1900 г. до 1,6 млн т в 1906 г.[16] Число действовавших шахт и карьеров за это время выросло с 21 до 84, а число занятых на шахтах рабочих – с 1,1 тыс. до 9,9 тыс.[17]

В 1907 г. потребность железной дороги в топливе резко сократилась вследствие уменьшения грузопотока. Лишенные иного рынка сбыта, углепромышленники сократили производство, выбросив часть рабочих на улицу и закрыв 22 шахты. Добыча угля в 1907 г. составила 67,1% от уровня предыдущего года, в 1908 г. она опустилась до 60% максимальной добычи 1906 г.[18]

Рост угледобычи в Сибири обозначился с началом нового промышленного подъема в России. В 1913 г. был превзойден уровень 1906 г., на 69 шахтах работали 9,6 тыс. горняков. Доля сибирского района в угледобыче страны составила 7,8% по сравнению с 6,8% в 1905 г. и 0,2% в 1895 г. Росту угледобычи способствовал угольный голод в стране, искусственно созданный «Продуглем». Сибирский уголь начал поставляться за Урал.

Настоящий бум переживала каменноугольная промышленность края во время Первой мировой войны. Добыча выросла с 1,8 млн т в 1915 г. до 5,2 млн т в 1917 г., т.е. более чем на 60% за 4 года. Число рабочих более чем удвоилось, число шахт достигло 87[19]. Сибирь давала 12,6% всего угля, производимого в Российской империи.

Колебания угледобычи в крае не наблюдалось, в отличие от углепромышленности Европейской России, где в 1917 г. снижение добычи по сравнению с 1916 г. составило 11% [20].

Добыча прочих неметаллических полезных ископаемых в крае была организована слабо и нерегулярно. В небольших количествах добывались слюда, графит, асбест, поделочные камни, с 1913 г. началась добыча руд редких металлов в Забайкалье. В этих отраслях было занято ничтожное число рабочих.

В период империализма в крае преобладающее значение из горных отраслей имели угле- и золотопромышленность, добыча соли. Металлургия переживала кризис, который так и не был преодолен к 1917 г. Горные отрасли продолжали оставаться ведущими в промышленности края. В 1912 г., они дали около 60% всей суммы производства и нанимали около 80% всех рабочих Сибири и Дальнего Востока[21]. Причиной однобокого развития горной промышленности края явились слабость российской экономики и хищническая колониальная политика царизма и буржуазии. Эти же факторы обусловили низкий уровень технического оснащения горных промыслов Сибири.

Известно, что технический переворот в добывающей промышленности начинается позднее, нежели в обрабатывающих отраслях, и основные операции в добывающих отраслях с трудом поддаются механизации. Переоснащение горного производства Сибири, в силу общей отсталости ее и России в целом, задерживалось. В массовом масштабе внедрение новых механизмов началось лишь в конце XIX в., после проведения Транссибирской магистрали, которая открыла Сибирь для машиностроения Европейской России и развитых капиталистических стран. Представление о техническом состоянии горного производства региона могут дать таблицы энерговооруженности горных отраслей края на 1900, 1905/06, 1914, 1916 гг., составленные автором на основании данных ведомственной отчетности. Судя по этим сведениям, в 1900 г. в горной промышленности имелось 303 механических двигателя в 4 204 л.с., из которых 195 (в 2 519 л.с.) являлись водяными, 86 (в 1 367 л.с.) – паровыми и 22 (в 218 л.с.) – электрическими. На одно предприятие приходилось 4,4 л.с., на одного рабочего – 0,13 л.с. Более половины всех мощностей давали водяные двигатели – типичные спутники мануфактур. Больше всего двигателей находилось на приисках, затем на металлургических заводах, в других отраслях они были

единичны[22]. Из 951 предприятия только 144 имели механическое оборудование, из них лишь 58 с 7 046 рабочими располагали электрическими и паровыми машинами. Из всех предприятий по энерговооруженности выделялись железоделательные заводы, на каждый из которых в среднем приходилось 194 л.с., а на рабочего – 0,9 л.с.[23], Колыванская фабрика и Зырянский рудник.

Существенно изменилось положение через пять-шесть лет. В 1905–1906 гг. из 369 механических двигателей (в 6896 л.с.) только 61 в 789 л.с. являлся водяным, прочие – электрическими или паровыми. Энерговооруженность одного предприятия выросла до 11 л.с., одного рабочего – до 0,22 л. с.[24] Таким образом, в первое пятилетие XX столетия водяные двигатели были практически полностью заменены на более совершенные и экономичные – паровые и электрические. Однако это не означало, что в горном деле Сибири совершился промышленный переворот, происшедшие перемены не затронули глубоко всего строя горной промышленности, техническая ее основа оставалась по-прежнему рутинной, применение машин ничтожным.

Это подтверждается данными 1914 г. На эту дату в горной промышленности Сибири насчитывалось 575 механических двигателей, из них 158 в 9040 л.с. – электрических, 414 в 11596 л.с. – паровых и только 5 в 45 л.с. – водяных[25]. Энерговооруженность одного предприятия выросла до 23,2 л.с. в среднем, одного рабочего – до 0,38 л.с. Выросла энерговооруженность во всех отраслях, за исключением черной металлургии и горнорудной промышленности, которые переживали кризис. В золотопромышленности на один прииск приходилось 18,5 л.с. вместо 0,12 л.с. На одну угольную шахту приходилось 78,8 л.с., на одного шахтера – 0,65 л.с., а в 1900 г. механические двигатели здесь практически отсутствовали. На медеплавильных заводах энерговооруженность составила 2,0 л.с. на рабочего и была самой высокой в горной промышленности Сибири на 1914 г.[26]

Однако за средними цифрами скрывалась следующая картина: из 904 предприятий на 1914 г. только 198 имели механические двигатели, прочие 706 обходились без них. В заведениях без механических двигателей было занято 50 908 горняков, или 57,% их общего числа, из них 29 тыс. были золотыми приисками[27].

К 1916 г. средняя энерговооруженность предприятий выросла еще больше и составила 29,4 л.с., одного рабочего – 0,42 л.с. Это

повышение дали каменноугольные копи, а также рудники Алтайского горного округа. На первых мощности увеличивались на 50%, на предприятиях Алтайского округа – почти в 4 раза[28]. Переоснащение шло в основном за счет внедрения наиболее прогрессивных источников энергии – электрических двигателей. Мощность электромоторов в 1916 г. составила 15 840 л.с. против 9 040 л.с. в 1914 г., число их увеличилось с 158 до 426[29]. В 1916 г. электродвигатели составили 51% всех механических мощностей горного дела края[30].

В золотопромышленности, солеварении, металлургии рост числа рабочих обгонял по темпам внедрение механизмов. Снабжение золотопромышленности техникой в годы войны было крайне затруднено, происходила переориентация с машин германского производства на англо-американские[31]. Расширялся золотничный способ, а, стало быть, росло число рабочих на приисках без механических двигателей.

В 1916 г. из 915 горных предприятий только 199 с 50 595 рабочими имели механические двигатели всех типов, 714 с 52 885 рабочими не имели таковых вовсе. Основную массу рабочих подобных заведений составляли прииски – 646 с 50,7 тыс. рабочих. Эти предприятия находились на первых ступенях развития промышленности – мелкого товарного производства (золотничные прииски) и мануфактурной стадии.

Сложнее определить тип предприятий при наличии на них паровой техники, которая, как известно, считается одним из главных признаков перехода предприятий к фабричной, или машинной стадии производства. В силу специфики горной промышленности, в которой механизировались прежде всего вспомогательные процессы производства, не всегда наличие паровых двигателей означало здесь коренную техническую перестройку и переход предприятия на фабричные рельсы. Суть же промышленного переворота заключается в замене рабочих рук машиной-орудием на выполнении основной для данного предприятия производственной операции, когда система машин заменяет кооперацию людей[32]. В горнозаводской промышленности, как и в отраслях обрабатывающей промышленности, критерий наличия паровых машин как признака фабричной стадии оправдывает себя. Иное дело в горнодобывающей, где основными процессами производства являлись выемка (отбойка) руд, транспортировка их из забоев и об-

работка (обогащение). Паровая техника применялась для откачки воды, вентиляции, что не меняло характер производства. Затем механизировались подъем руд из шахт, транспортировка их и обработка. Последняя операция в золотопромышленности являлась промывкой песков, в углепромышленности – сортировка угля, в горной – обогащение руд и т.д.

Все горные предприятия с применением машин можно разделить на три группы: 1) с механизацией основных производственных процессов; 2) угольные копи с механизацией транспортировки и подъема угля; 3) золотые прииски с механической промывкой песков и частично механизированной транспортировкой их. Наши подсчеты приведены в табл. 1.

Таблица 1

Уровень механизации основных производственных процессов в горной промышленности Сибири в 1900–1916 гг.[33]

Годы	Общее число предприятий	Годовых рабочих на них	Из общего числа предприятий					
			предприятия с механизированным производством		паровые угольные шахты		прииски с паровой промывкой песков	
			предпр.	рабочих	предпр.	рабочих	предпр.	рабочих
1900	58	7076	29	2530	1	30	28	4516
1914	198	23534	98	5950	73	9526	27	8058
1916	199	30393	98	8187	78	16206	23	6000

Как указывалось ранее, до 80% всех предприятий горного дела края не имели паровой и электрической техники, в 1900 г. на них насчитывалось 25 272 годовых рабочих (78,2%), в 1914 г. – 50906 (56,7%), в 1916 г. – 52885 (52,0%)[34]. Несмотря на абсолютный рост, доля рабочих, занятых на типично мануфактурных и кустарных промыслах, снижались. В то же время росло их число на механизированных предприятиях. В горных заведениях с механизацией основных процессов было занято в 1900 г. – 7,8% всех годовых рабочих отрасли, в 1914 г. – 10,9%, в 1916 г. – 12,9%. К этим заведениям отнесены горные заводы (металлургические), 4 из 9 солеваренных, золотые и Риддерский серебросвинцовый рудники,

прииски с драгами и гидромониторами. Эти предприятия можно считать фабричными, так же как и рабочих на них.

Переходный период от мануфактуры к фабрике переживали в это время угольные копи и золотопромышленность. Если в 1900 г. в углепромышленности имелись только одна шахта с паровой машиной для водоотлива, на которой было 50 рабочих, то к 1906 г. из 86 шахт паровой отлив применялся на 28, которые дали 60,0% всего угля и нанимали 5,8 тыс. рабочих на 9,9 тыс. в отрасли[35]. Практически все шахты были оборудованы паровыми и электрическими машинами. На копях механизировался не только подъем угля, но и его транспортировка в штреках и на поверхности, частично отбойка при помощи механической силы взрывов.

К 1914 г. число шахт и разрезов с паровыми механизмами достигло 75 с 9,5 тыс. рабочих, к 1916 г. – 78 с 16,2 тыс. рабочих. Фактически весь уголь Сибири добывался на них. На одного шахтера в это время приходилось 0,65–0,7 л.с. механических мощностей, на отдельных предприятиях значительно ваше: на Анжерских копях – 1,0 л.с., на Тарбагатайских и Черновских – 2,5 л.с., на карьере бр. Замятиных – 4,8 л.с. В то же время энерговооруженность одного шахтера в Черембассе составляла 0,4 л.с. Отметим, что в передовой для России углепромышленности Донбасса на одного рабочего приходилось 0,9 л.с. механических мощностей[36].

Каменноугольные копи в это время нельзя определить как чисто мануфактурные предприятия, так как в них широко применялись машины, механизировалась часть производственных процессов, отношения рабочих и работодателей были чисто капиталистическими без налета патриархальности, присущей мануфактуре. Однако технический переворот на копях Сибири, так же как и в Донбассе[37], не завершился вплоть до 1930-х гг., поскольку основная операция – отбойка угля – производилась мускульной силой забойщиков, транспортировка угля из забоев в подавлявшем числе случаев была ручная, сортировка угля на копях Сибири также не механизировалась. Шахтер оставался еще немашинным рабочим[38]. В то же время он был далек от классического типа мануфактурного рабочего и скорее тяготел к фабричным[39]. Эволюция эта не закончилась в начале XX в. в силу незавершенности технического переворота в отрасли.

Не завершился в период капитализма технический переворот и в ведущей отрасли горной промышленности края – золотодобыче.

В 1900 г. механизированную обработку прошли 1,5% всего добытого золота в Сибири, в 1914 г. – 20%, в 1916 г. – 22,1%. Число рабочих на полностью механизированных предприятиях выросло с 0,5 до 4,2 тыс., а их доля среди занятых в отрасли – с 1,8 до 10,1%. Производительность труда выросла в 2,5 раза[40].

На другом полюсе – на приисках без механизации, в основном золотничных, – росли за это время только число и доля занятых рабочих. Абсолютное их число за 16 лет выросло с 12,1 тыс. до 52,6 тыс., доля – с 44,2 до 75,2%. Однако участие таких приисков в добыче золота снизилось с 44,5 до 26,9%, производительность труда упала в 4 раза[41].

Основную часть сибирского золота давали немногие прииски-гиганты с механической промывкой пород. К 1900 г., по подсчетам автора на основе данных ведомственной отчетности, 114 приисков (седьмая часть), имевших механические двигатели на промывальных устройствах, при 14,7 тыс. годовых рабочих дали 54,2% золота. Производительность труда была на них равна средней по отрасли – 1,7 фунта на рабочего в год. В это время только 28 приисков с 4,5 тыс. рабочих имели паровые промывальные машины[42].

К 1914 г. число крупных приисков с паровой промывкой сократилось до 27, а к 1916 г. до 23, однако число рабочих на них возросло к 1916 г. до 6 тыс., доля же их среди приисковых рабочих снизилась с 17% в 1900 г. до 14% в 1916 г. (1914 г. – 19,3%). Паровую промывку в 1900 г. прошло 18,2% всего золота, в 1914 г. – 43,4%, в 1916 г. – 51,0%, производительность труда одного рабочего выросла почти в три раза и достигла 4,6 фунта золота в год[43]. Прииски с паровой промывкой песков, оборудованные мощными бочечными машинами большой производительности, сосредоточивались главным образом в Ленско-Витимском районе. В 1916 г. добыча трех отводов Феодосиевского управления «Лензото» – Софийского, Эфемерного и Мало-Варваринского – составила треть общесибирской[44]. Производительность труда одного шахтера составила 20 фунтов золота в год. Однако она достигалась не столько за счет механизации, сколько за счет высокого содержания золота в песках, то есть естественной производительности.

Энерговооруженность одного рабочего составила на приисках «Лензото» 1 л.с. Они находились в переходном состоянии от мануфактурного уровня к фабричному. Промывка пород и часть вспомогательных операций были механизированы, но основная опера-

ция – отбойка песка производилась вручную. На добыче и транспортировке песка в 1910/11 г. здесь было занято 60,4% всех рабочих, в то время как на механизированной промывке его – 3,7% [45].

Организация труда на приисках «Лензото» не отличалась от таковой на мелких приисках. Горный инженер А.П. Митинский писал об этом в 1912 г.: «Вместо... нормального объединенного и правильно работающего рудника имеется совокупность чисто внешне связанных между собой разработок мелких шахт с совершенно необорудованной подземной откаткой, плохой вентиляцией, плохим механическим оборудованием подъема на поверхность, сложными планами выработок и т.д.»[46]. Специализация труда была на приисках «Лензото» условной. «Сегодняшний забойщик может завтра оказаться укладчиком пустой породы, поденным чернорабочим и т.д.», – писал тот же А.П. Митинский[47]. Американский инженер Пюрингтон отмечал, что конструкция промывальных машин не менялась с 1867 г., менялся лишь источник энергии[48].

Крайне неравномерное распределение мощностей паровой техники в России, отмеченное А.М. Соловьевой[49], можно перенести на золотопромышленность Сибири, так как технический переворот завершился только в Томской горной обл., где механическим путем добывалось в 1910 г. 84% всего золота[50]. В Восточно-Сибирской горной области практически все механические мощности были сосредоточены в Ленско-Витимском районе, а в забайкальской золотопромышленности, на Зейских и Ангарских приисках преобладали примитивные в техническом отношении золотничные работы.

Таким образом, в горной промышленности Сибири технический переворот не завершился в рамках ее капиталистического развития. В 1916 г. в ней едва насчитывалась сотня предприятий фабричного типа с 8,2 тыс. рабочих (12,9% от занятых в отрасли), на 100 предприятиях переходного типа находилось 22,2 тыс. горняков (36,1%), прочие 52,9 тыс. рабочих (52,0%) трудились на предприятиях мануфактурного типа [51].

Техническое переоборудование горных отраслей края сопровождалось усилением концентрации производства и капитала. Так, в золотопромышленности крупные прииски (более 100 рабочих на каждом) дали в 1895 г. треть всей добычи золота, в 1905 г. – две трети, в 1916 г. – три четверти, в то время как они составляли соответственно 7,2, 7,2, 11,4% всех приисков. Из них крупнейшие предприятия (более 500 рабочих на каждом) дали в те же годы 22,2,

27,6, 29,5% всей сибирской добычи, составляя при этом менее одного процента всех приисков [52].

В 1900 г. была одна угольная копь с числом рабочих более 500. Она дала 59% общесибирской добычи угля. В 1917 г. таких копей стало 14, и на них добывалось 84,7% угля в крае, из них доля 5 копей (свыше 1 000 чел. на каждой) составила 44,4% всей добычи[53].

Концентрация капитала была значительной в горном деле Сибири уже к концу XIX в. Крупнейшим монополистом выступал российский император, который сохранял за собой на основе «владельческого права» два богатейших горных района Сибири – Алтайский и Нерчинский. Царский Кабинет монополизировал добычу серебра, меди, свинца, угля, имел два из пяти железоделательных завода, вел добычу золота в 19 приисковых районах, которые давали десятую часть золота края. Но в начале XX в. Кабинет потерял ведущие позиции во всех отраслях горного дела. Казна владела солеваренными заводами Сибири, большинство из которых сдавала в аренду, сохраняя за собой, однако, крупнейший из них – Усольский (Иркутский).

В золотопромышленности 35 компаний и предпринимателей с добычей свыше 5 пуд. золота каждый, считая и Кабинет, в 1895 г. владели 38,8% общего числа действующих приисков, на которых находилось 65,5% годовых рабочих отрасли и было добыто 81,1% сибирского золота. Из этого числа крупнейшие компании – «Компания Промышленности и Прибрежно-Витимская», «Ленское золотопромышленное товарищество», «Бодайбинская», а также Кабинет имели 6% приисков, 21% рабочих и 54,8% добычи золота.

В начале XX в. концентрация капитала в отрасли усилилась, изменилась и его организационная структура. Так, в 1914 г. 26 предприятий имели 46,2% всех приисков, 74,7% всех рабочих и добывали 90,1% всего золота. Из них 5 предприятий с производством свыше 1 млн руб. в год имели 52,5% всех приисков, 58,6% всех рабочих, добывали 75,9% всего золота. Основную часть золота дали 8 крупнейших акционерных обществ, которые имели 15% приисков, 25,5% рабочих и 60,8% добытого золота.

В 1916 г. 25 компаний и предпринимателей разрабатывали 59,2% приисков с 71,1% всех рабочих, занятых в отрасли, которые добыли 96,5% всего зарегистрированного статистикой золота. Из них три монополистических объединения – «Лензото», «Золото-

росс» (с «Ивамарзоло»), «Федоровское общество» и Кабинет имели 27,5% приисков, 46,4% рабочих и 80% добычи. Число акционерных обществ среди крупнейших предприятий выросло до 10, и они дали 70,1% сибирского золота [54].

Всего же с 1890 по 1917 г. в золотопромышленности края действовали, по подсчетам Г.Х. Рабиновича, двадцать акционерных предприятий с основным капиталом в 69 млн руб.[55] Из них 12 с основным капиталом в 55,1 млн руб. находились под контролем общероссийских банков: Международного, Русско-Азиатского, Сибирского торгового. В 1916 г. был образован специальный Золотопромышленный банк[56]. В углепромышленности Сибири, в которой мелкие предприятия в отличие от Донбасса не играли заметной роли, уже к 1908 г. 99,3% угля поставили копи с производством свыше 100 тыс. руб. каждая. Две крупнейшие – Анжерская и Судженская копи дали 28% общесибирской добычи[57]. К 1915 г. их доля увеличилась до 42% [58].

К 1917 г. в Сибири действовало 7 крупных углепромышленных компаний, из них две акционерные, каждая с суммой производства свыше 1 млн руб. Вместе с государственными копями они добыли из 25 шахт (треть сибирского числа) 2 017,4 тыс. т угля, т.е. две трети сибирской добычи, сосредоточив три четверти, или 17 тыс., шахтеров[59].

Относительно высокая степень концентрации производства и капитала явилась реальной основой для проникновения в углепромышленность края монополистических тенденций. В 1907–1908 гг. возник первый синдикат – черемховских углепромышленников, который распространял свое влияние и на Забайкалье. Синдикатские договоры здесь заключались дважды – в январе 1908 г. и сентябре 1910 г. Через единое бюро продажи т-во «Уголь», а затем через «Сибирское торговое товарищество» синдикат контролировал сбыт угля в Восточной Сибири». В 1915 г. им были заключены договоры о разделе рынка с Михельсоном и «Продуглем»[60]. С 1915 г. в конкурентную борьбу включился «Копикуз» – «Акционерное общество Кузнецких каменноугольных копей», русское предприятие со значительным участием французского капитала[61].

В годы Первой мировой войны в угольную промышленность края стали проникать уральские металлургические акционерные общества, строились планы создания мощных угольно-металлургических комплексов. Усилилось акционирование. Так, в

акционерные были преобразованы ранее единоличные предприятия Михельсона – Судженские копи, Баландиных – Черногорские[62].

Металлургия края полностью перешла под контроль русских и иностранных банков. Гурьевский завод перешел к «Копикузу», Абаканский – к «ЮСГиМЗ» (акционерное общество с капиталом в 15 млн руб.). Николаевские заводы – к «Товариществу Столль и К°. Все названные предприятия контролировались банковским капиталом[63]. Предприятия цветной металлургии контролировались синдикатом «Медь»[64]. Районы полиметаллических руд Горного Алтая были поделены между двумя монополиями – «Русско-азиатской» и «Русской горнопромышленной» корпорациями со смешанным англо-американо-русским капиталом[65].

Иностранный капитал, влияние которого в горной промышленности Сибири во время Первой мировой войны упрочилось, занимал сильные позиции лишь в горнорудной и частично в угольной промышленности. В золотодобыче ведущие предприятия находились под контролем крупных русских капиталистов и банков. Возникавшие преимущественно в Англии горнопромышленные компании для эксплуатации сибирских приисков носили в основном грюндерский характер, к производственной деятельности приступили немногие и в скромных масштабах[66].

Несмотря на относительную техническую отсталость и преобладание в ней предприятий мануфактурного типа, горная промышленность Сибири имела высокую степень обобществления производства. Вступление России в период империализма сразу и непосредственно втянуло горные отрасли края в орбиту влияния российских и иностранных монополий. На примере горной промышленности Сибири полностью подтверждается замечание В.И. Ленина, высказанное им в «Тетрадях по империализму»: «Техническая концентрация прогрессивна в технике; финансовая может укреплять и укрепляет всесилие монопольного капитала при отсталой технике»[67].

Капиталистическое освоение богатейших ресурсов Сибири способствовало сохранению и развитию в горном деле края наряду с фабричной ранних форм капиталистического производства – мелкого товарного и мануфактурного.

Поступательное развитие горной промышленности Сибири обеспечило рост численности горняков, а незавершенность технического переворота обусловила сложность социальной структуры этого отряда промышленных рабочих региона.

Обязательным условием существования капиталистического производства является наличие рынка наемного труда, который создается путем отделения мелких товаропроизводителей от средств производства. Свободная от них масса наемных рабочих обретает подвижность в поисках места приложения своим рабочим рукам. Возникают миграционные потоки, пересекающие границы экономических районов и государств. Формируется национальный и международный рынок рабочей силы.

В России конца XIX – начала XX в., где в силу незавершенности капиталистических преобразований многие наемные рабочие были связаны с землей, миграция рабочей силы в значительной мере выразилась через отхожие крестьянские промыслы

Не осталась в стороне от формирования рынка наемного труда в России и сибирская окраина. Однако процесс этот в Сибири имел ряд особенностей. Здесь, наряду с пополнением армии наемных рабочих разоряющимися местными крестьянами и ремесленниками, привлекался труд переселенцев из Европейской России, поток которых увеличился с проведением железной дороги и особенно после столыпинской реформы 1906 г. Другим своеобразным источником рабочей силы для промышленности края служила ссылка. Значительным был отход в Сибирь на заработки, главным образом на горные промыслы. Широко привлекался и труд иностранных рабочих.

Рынок труда для горной промышленности края, как составная часть общесибирского, делился, следовательно, на три основные части – Азиатскую Россию, Европейскую Россию и иностранные государства. Первый рынок можно назвать собственно сибирским, поскольку приток рабочих на горные предприятия Сибири с Дальнего Востока и из Средней Азии был невелик. Во второй входили все прибывшие из Европейской России и Урала, включая ссыльнопоселенцев и каторжных, которых автор отнес к внешним ресурсам рабочей силы. Третью группу составляли рабочие из стран Восточной Азии, законтрактованные иностранные специалисты, а также военнопленные в период Первой мировой войны.

Имеющиеся данные по этому вопросу сведены в табл. 2, характеризующую деление сибирских горняков по трем основным рынкам рабочей силы. За отправные точки взяты годы, по которым автор располагал наибольшим количеством сведений. За основу брались данные официальных источников: отчетов горных инженеров,

исправников, трудов и переписки чиновников горного ведомства. Подсчеты проводились по горным округам и отраслям отдельно, затем суммировались в общий итог. Отметим, что сведения об иностранных рабочих неполны, и действительное их число значительно больше указанного[68].

Если выделение иностранных рабочих не вызывает особых затруднений, то разделить сибиряков и пришедших из европейской части России значительно сложнее. Сведения в выходе рабочих мозаичны, поэтому делались отступления от указанных в таблице дат от одного до трех лет по отдельным округам. Это, конечно, не способствует точности подсчетов, но при отсутствии иных, более полных источников, такие издержки неизбежны. Хотя подсчеты и далеки от статистически достоверных, они сравнительно точно отражают реальное разделение горняков Сибири по местам выхода.

Таблица 2

Места выхода горнорабочих Сибири (1895–1916 гг.)[69]

Годы	Из Сибири		Из Европейской России		Из иностранных государств		Итого	
	Абс., в тыс.	% к итогу	Абс., в тыс.	% к итогу	Абс., в тыс.	% к итогу	Абс., в тыс.	% к итогу
1895	25,2	60,7	16,2	39,1	0.1	0.2	41.5	100
1908	29,4	53,2	8,4	33.2	7.5	13,6	55,5	100
1913	25.1	37.7	22,7	34.3	18,7	28,0	66.5	100
1916	33,0	41,9	15.5	19.8	30,1	38,5	78,6	100

Анализ данных таблицы показывает, что число выходцев из сибирских губерний, нанятых на горные промыслы края, упало только в процентном отношении к итогу – с 60,4% в 1895 г. до 41,9% в 1916 г., но абсолютно возросло от 25,2 тыс. до 33,0 тыс. в указанные годы. В то же время число пришедших из Европейской России

возросло более чем в 1,4 раза, но их доля снизилась с 39,1 до 34,3% в 1913 г. Еще больше снизилась она к 1916 г. – до 19,8% от общего числа горняков.

Гигантскими темпами росло применение труда иностранных рабочих. Их численность увеличилась с 0,1 тыс. чел. в 1895 г. до 50,1 тыс. в 1916 г., в 1917 г. рост был, несомненно, еще большим. Доля иностранных рабочих практически с нуля увеличилась до 38,3%.

В конце XIX в. горные промыслы, кроме Ленских приисков, обходились в основном внутренними ресурсами губерний, в которых они располагались. Отчеты окружных инженеров отмечали в это время преобладание на промыслах местных рабочих из окрестных сел и деревень[70].

В 1895 г. из 800 рабочих, бежавших с приисков Южно-Енисейского горного округа, 90,4% были уроженцами Енисейской губернии, при этом 65% являлись крестьянами Красноярского округа[71]. В 1912–1914 гг. местные рабочие составляли в лучшем случае половину горняков Томской и Енисейской губерний[72], в Забайкалье – 13%, в Иркутской губернии – 4,9% (Ленские прииски)[73]. Увеличивался отход из Тобольской губернии, выходцы из которой дали почти четверть контингента горнорабочих Ленских приисков[74], десятую часть рабочих Мариинской тайги и Енисейских приисков[75].

Рабочие из Европейской России, приходившие на прииски, были главным образом уроженцами нечерноземных и средневолжских губерний: Симбирской, Нижегородской, Вятской, в меньшей степени Костромской и Казанской. Из уральских губерний постоянным поставщиком рабочих рук для горных предприятий Сибири была Пермская. На приисках росло число выходцев именно из этих губерний. Если в 90-е гг. XIX в. они составляли 25,8% всех рабочих Ленских приисков, то в 1915 г. – 50,0% [76]. В отчете окружного инженера Витимского округа за 1914 г. указывалось: «Рабочий элемент на приисках весь пришлый, преобладающий состав рабочих – из Европейской России, при этом не менее 1/5 части из Нижегородской губернии, а затем в порядке количественном из губерний: Вятской, Пермской, Симбирской и Казанской, очень немного рабочих бывает из губерний Центральной России и еще меньше Южной»[77]. Все названные

губернии, кроме Симбирской, относились к районам преобладания неземледельческого отхода[78].

На прииски Томской и Енисейской губерний, на горные заводы и каменноугольные копи из Европейской России шли прежде всего рабочие уральских губерний. В основном это были квалифицированные специалисты или имевшие опыт работ по найму. Так, в отчете по Енисейскому горному округу за 1914 г. можно прочесть следующее: «Что касается мастеровых, драгеров, машинистов, литейщиков и вообще специальных рабочих, то таковые обыкновенно нанимались на приисках, но представляли из себя выходцев преимущественно с Урала»[79]. Из других губерний на прииски Томской горной области также приходили главным образом квалифицированные рабочие[80].

Более скрытым источником формирования горняков края стало крестьянское переселение. Переселенцы в поисках средств для обзаведения хозяйством нанимались не только на сельскохозяйственные работы, но и на горные промыслы. Пересчитать их число затруднительно, поскольку ведомственная статистика отдельно их не учитывала. Они попадали либо в число пришедших из Европейской России, либо в сибиряки по месту причисления. Во всяком случае число их было значительным. Также невозможно учесть количество пришедших на горные промыслы беженцев в период Первой мировой войны. Лучше учитывались ссыльные различных категорий, из которых больше половины уходило на заработки, а не оставалось на месте прииска. По приблизительным подсчетам, в 1895 г. ссыльных на горных предприятиях было не менее 10,5 тыс., в 1908 г. – около 2,2 тыс., в 1915 г. – 2,7 тыс., в 1916 г. – 2 тыс.[81] Их число резко снизилось в начале XX в., в связи с сокращением ссылки в Сибири по закону 12 июня 1900 г. [82]

Иностранные рабочие в подавляющем большинстве своем являлись крестьянами-отходниками из слаборазвитых стран Восточной Азии. Неграмотные и неорганизованные, они становились идеальным объектом эксплуатации со стороны горнопромышленников. Их труд использовался главным образом в Забайкалье, Ленском и Витимском горных округах, в меньшей степени на угольных копях Черемхово, незначительное количество их находилось и на территории Енисейской и Томской губерний в период Первой мировой войны.

Иностранных квалифицированных специалистов на горные предприятия Сибири контрактовали немного, обычно для обслуживания новой техники и обучения русских рабочих. Известно, что первыми драгерами на прииске Мюллер и К° в Ленском округе были новозеландцы[83]. В том же 1914 г. на горных предприятиях Томской и Енисейской губерний работали 9 буровых мастеров из США, 2 химика из Англии[84].

Кроме вольнонаемного, на горных предприятиях Сибири эксплуатировался и принудительный труд. Использование на горных работах каторжников было традиционным на заводах и рудниках Кабинета. Они являлись основными рабочими на серебросвинцовых рудниках Нерчинского округа, казенных Бархатовских копях. Выписывали каторжных солеваренные и железоделательные заводы, Нерчинские прииски Кабинета.

Прибегали к услугам тюремного ведомства и частные предприятия. До 400 каторжан нанимали владельцы Николаевских металлургических заводов в 1895–1898 гг., черемховские углепромышленники в 1904[85]. В 1898 г. каторжане (540 человек) составляли 1,4% от общего числа горнорабочих, в 1908 г. – 900 чел., или 1,8%, в 1913 г. – 1,5 тыс. чел., или 2,3%, 1916 г. – 1231 чел., или 1,8% [86].

В годы Первой мировой войны появилась новая категория лиц принудительного труда – «реквизированные», т.е. мобилизованные рабочие из коренных народностей Сибири и Средней Азии. В 1916 г. они составляли не менее 3,1% всех горняков края. В том же году на горных предприятиях края работали 4,5 тыс. военнопленных, т.е. 5,8% общего числа горнорабочих, а в углепромышленности – даже 18,3% [87]. На золотых рудниках принимались только военнопленные с горными специальностями[88]. Всех лиц принудительного труда в 1916 г. насчитывалось до 10% общего числа рабочих горной промышленности края.

Таким образом, рынок рабочей силы для горной промышленности Сибири в рассматриваемый период не стабилизировался. Сибирские ресурсы были узки и не удовлетворяли полностью потребностей горной промышленности в рабочих руках. В то же время следует отметить, что если доля сибиряков в общем количестве горнорабочих имела тенденцию к снижению, то в абсолютном выражении число их росло. Если 1895 г. взять за 100%, то уровень 1916 г. будет равен 131%. К тому же можно добавить, что деление рабочих по местам их приписки не всегда соответствовало факти-

ческому положению дел. Многие посторонние рабочие угольных копей, приисков и золотых рудников много лет работали в Сибири и были связаны со старым местом жительства только припиской.

Участие сибиряков в формировании отряда промышленных рабочих на горных предприятиях края было еще более значительным. Если исключить из числа рабочих иностранцев и лиц принудительного труда, которые практически не принимали участия в процессе формирования постоянных кадров на горных предприятиях Сибири, то численность горняков края в 1895 г. составляла 40,9 тыс. чел., в 1908 г. – 46,9 тыс., в 1913 г.– 46,3 тыс., в 1916 г. – 47,3 тыс. Из них доля сибиряков составляла соответственно 61,6, 62,7, 54,2, 69,9%. Следовательно, контингент постоянных рабочих на горных предприятиях Сибири формировался в основном за счет ресурсов местного рынка труда.

Растущие потребности горных промыслов в рабочей силе покрывались за счет пришедших из Европейской России (районы особого притока – Витимско-Олекминский, Енисейский, угольные бассейны), а также привлечения иностранных рабочих (районы их преобладания – Забайкалье, Алданские россыпи). В периоды острой нехватки рабочих рук применялся принудительный труд военнопленных, «реквизированных» и каторжных. Эксплуатация последних на горных работах совмещала репрессивные функции и получение прибылей. Нехватку рабочих рук горная промышленность края испытывала довольно часто.

Стихийно развивающееся капиталистическое производство имело подобный себе рынок труда, состояние которого регулировалось соотношением спроса и предложения. Не был исключением и рынок рабочей силы для горной промышленности Сибири. В рассматриваемый период он в своем развитии прошел три основных этапа.

Первый – с 1895 по 1906 г. включительно – характерен повсеместной нехваткой рабочих рук, превышением предложения над спросом сохранялось только у крупных компаний Ленско-Витимского района, а с 1897 г. – на Королонских приисках Баргузинской тайги. Манило сюда рабочих необыкновенное богатство золотых россыпей. Безработица и неполная занятость существовали также и в заводских селах, где работы сокращались или закрывались совсем (с. Кутомарское, Николаевские заводы, алтайские горнозаводские села).

В отчетах горных окружных инженеров упоминания о нехватке рабочих часты. Причиной называлось обычно отвлечение рабочих рук на строительство Транссибирской магистрали. Отмечались массовые побеги рабочих на постройку рельсовых путей, а также сильную обратную миграцию [89]. Две мобилизации 1900 и 1904 гг. вызвали дефицит рабочих рук даже в наиболее обеспеченном ими Ленском горном округе. Если в 1899 г. на приисках Витимского и Баргузииского округов было до 5 тыс. вольностарателей, в массе своей безработных, не принятых на прииски, то в 1902 и 1904 гг. «Лензото», «К° Промышленности», В.А. Ратьков-Рожнов не имели нужного числа рабочих. В 1904 г. не хватало работников почти на всех горных предприятиях Сибири, особенно же в угольных районах.

В 1905–1906 гг. угольные копи по-прежнему не имели необходимого числа шахтеров, золотые прииски уже располагали значительной резервной армией. Ал. Блек писал, что рынок труда на Ленских приисках расширился именно с 1905 г.[90] Число вольностарателей здесь ежегодно превышало 0,5 тыс. чел.

Второй этап обозначился в 1907 – первой половине 1914 г., когда преобладающим стал избыток рабочих рук. Каменноугольные копи в связи с отсутствием заказов выкинули на улицу треть рабочих, недовольные заменялись более покладистыми иностранными рабочими. Распространение в Восточной Сибири труда иностранных рабочих сняло проблему рабочих рук в Забайкалье, Якутской области, частью в Иркутской губернии. Переселенческое движение и усилившийся отход на заработки из Европейской России предоставили сравнительно дешевую рабочую силу горным промыслам Томской, Енисейской, Иркутской губерний[91]. Притупилась, острая до того, нехватка в квалифицированных специалистах. В 1907 г. на Енисейских приисках квалифицированным рабочим именно поэтому снизили заработную плату,

Временная нехватка рабочих рук в этот период наблюдалась лишь в 1909 г. на Нерчинских приисках Кабинета в связи с постройкой Амурской железной дороги, а в 1911 г. – на приисках Томской горной области. Избыток рабочей силы увеличился. В 1908 г. на Ленских приисках было минимум 1,2 тыс. безработных, в 1909 – 2 тыс., в 1913 – 2,2 тыс. В последний год излишек рабочих составил 4 тыс., но часть из них использовали на старательских работах, часть вывезли из приискового района. В предвоенные го-

ды наличие вольностарателей, большей частью безработных, не взятых на прииски, отмечалось во всех горных округах края.

Грубая прикидка излишка рабочих в горной промышленности Сибири в 1913 г. дает цифру, близкую к 6,5 тыс.[92], которая составит 10% наличного числа рабочих на горных предприятиях. Сразу оговоримся, что эти подсчеты далеко не полные.

Третий этап охватывает годы Первой мировой войны. Во второй половине 1914 г. мобилизация сразу же создала дефицит рабочей силы, в 1915 г. рабочие требовались во все горные предприятия края. Только «Лензото» путем найма иностранцев и казахов обеспечило себя рабочими на лето 1915 г. В следующем году здесь не хватало уже тысячи рабочих. Всего же на горных промыслах Сибири в 1916 г., по подсчетам автора, для ритмичной деятельности необходимо было до 28 тыс. горнорабочих, или свыше 30% наличного их числа. По отдельным предприятиям этот процент значительно выше: по каменноугольным копям – 52,3%, а по Черемховским – 97,43%, по Черногорским – 115,8%, по рудникам и заводам – 146,1%. Меньше других отраслей страдала от недостатка рабочих рук золотопромышленность Восточно-Сибирской горной области, имевшая неограниченные ресурсы труда в виде иностранных рабочих. Летом 1916 г. Ленским приискам не хватало лишь 15,0% нужного числа шахтеров[93].

Колебания рынка рабочей силы для горных предприятий края носили не только длительный характер с амплитудой в несколько лет, но и сезонный, в течение одного года. Период усиления эксплуатации горных разработок приходился в силу специфики производства и его технической отсталости на теплые месяцы – с мая по сентябрь. Основные поставщики рабочей силы на сезонные производства – крестьяне – были заняты в это время на сельскохозяйственных работах, которые сами требовали массу наемных рук. Много рабочих отвлекалось на строительство, водный транспорт, ремонт железнодорожных путей, рыбные и другие промыслы. Сибирский рынок не мог обеспечить такого расширенного спроса на рабочие руки, даже учитывая приток отходников из Европейской России и зарубежных стран. Следовательно, с мая по сентябрь горным предприятиям труднее всего было найти нужное число рабочих. Заработная плата в летние месяцы повышалась на всех горных предприятиях. Так, на приисках она была в 1,5–2 раза выше зим-

ней[94]. Традиционным являлось повышение расценок весной и их последующее снижение осенью, после страды, на угольных копях.

С октября по апрель в Сибири существовала значительная резервная армия труда, рекрутов в которую выделяла и горная, прежде всего, золотопромышленность[95]. Каменноугольная промышленность, расширявшая свою деятельность в зимний период, могла поглотить лишь часть избыточных рабочих рук. Летом копи испытывали в них недостаток и сокращали производство[96].

В золотопромышленности сезонность снизилась с развитием механизированной добычи золота в Томской и Енисейской губерниях и с переходом Ленско-Витимского района на подземные круглогодичные работы. Так, если в 1897 г. только пятая часть приисков находилась в действии 9–12 месяцев в году и на них трудилась максимум треть всех рабочих, то в 1912–1914 гг. свыше трети всех приисков имело такой же сезон, и на них работало около двух третей всех горняков золотопромышленности[97]. Доля приисков с периодом работы до полугода снизилась за 20 лет с 58,3 до 46,8%, а доля занятых на них рабочих – с 35,5 до 20,4%. Уменьшилось и число предприятий с сезоном работ 6–9 месяцев[98].

Соответственно, снизились колебания численности рабочих в течение года. Так, если в 1900 г. на приисках Томского и Южно-Енисейского горных округов зимой оставалась максимум пятая часть рабочих, то к 1914 г. в южной части Енисейского округа на зиму оставалось до 60% летнего числа рабочих, а в Томском округе максимальное количество горняков отмечалось в зимний период. На Ленских приисках число рабочих зимой также равнялось трем четвертям их летнего контингента. В округах с преобладанием открытых, слабо механизированных разработок положение практически не изменилось. На приисках Забайкалья зимой оставалось не более четверти летнего состава рабочих[99].

На угольных копях сезонные колебания имели обратную амплитуду, здесь максимум фиксировался в зимние месяцы. Летом на копях Михельсона недосчитывалось до 30–40% нужного числа шахтеров, в 1914 г. в связи с мобилизацией – 57%[100]. В 1902–1905 гг. нехватка рабочих рук отмечалась на копях Черембасса, «так как при полевых работах рабочие с копей уходят»[101]. Черногорские копи Баландиных в феврале 1914 г. имели 74 рабочих, а в июне – июле закрылись из-за отсутствия таковых. На Анжерских копях в январе 1915 г. находилось 1949 рабочих, в июле только

1188[102]. В годы Первой мировой войны сезонные колебания были снижены привлечением труда военнопленных и закреплением на копях военнообязанных, но, как мы убедились, они полностью не исчезли.

На каменоломнях, рудниках, самосадочных соляных озерах работы производились только в летние месяцы. На горных заводах пик занятости работников отмечался в зимние месяцы, спад – в летние. Так, на Николаевских заводах наибольшее количество рабочих было занято в декабре – феврале, наименьшее – в июне – августе [103].

Следовательно, на всех горных предприятиях Сибири существовали сезонные изменения численности рабочих. На одних они диктовались особенностями и уровнем развития производства (добыча соли, камня, золота), на других – состоянием рынка наемного труда (каменноугольные копи, горные заводы).

Наиболее устойчивый состав рабочих имели золотые рудники, шахтные прииски, каменноугольные копи, металлургические и солеваренные заводы, где существовал годичный цикл работ, наименее постоянный – на золотничных приисках, мелких рудниках, каменоломнях, соляных озерах. Текучесть кадров была велика даже на предприятиях с наиболее постоянным составом рабочих. Так, на Черемховские копи в 1906 г. было принято 5596 рабочих, уволено 2770 при среднегодовом числе рабочих в 4606 чел.[104]. На Судженских копях в декабре 1907 г. было 917 рабочих, за год было принято 1565 чел. Если учесть, что на копях в это время около 500 рабочих имели семьи и работали постоянно, то нетрудно подсчитать, что другая половина контингента шахтеров копей обновилась за год четыре раза[105].

Сезонность значительно затрудняла формирование кадрового состава горнорабочих Сибири. Сказывался также постоянный дефицит квалифицированных рабочих, слабость сибирского рынка рабочей силы. Применение труда военнопленных, каторжников, «реквизированных», иностранных рабочих заметно сужало основу для формирования постоянных кадров на горных предприятиях Сибири. Главными источниками формирования и пополнения отряда горнорабочих края оставалось крестьянство Сибири, Европейской России, городские сословия, в меньшей степени – ссыльнопоселенцы и коренные народности Сибири.

Примечания

[1] *Бородавкин А.П.* Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972. С. 124; *Топчий А.Т.* Политика Кабинета и местной администрации в отношении поземельного устройства мастеровых Нерчинского горного округа по положениям реформы 1861 г. // Некоторые вопросы истории Сибири. Томск, 1972. С. 113.

[2] *Скубневский В.А.* Кризис сереброплавильного производства на Алтае // Из истории Сибири. Томск, 1971. Вып. 3. С. 45–61.

[3] *Лившиц Р.С.* Размещение промышленности в дореволюционной России. М., 1955. С. 171, 222.

[4] *Мухин А.А.* Промышленность Сибири во второй половине XIX в. // Труды Иркутского гос. ун-та. Томск, 1968. Т. 55. Сер. ист. Вып. I. С. 81.

[5] *Динамика* российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887–1926). М.; Л., 1929. Т. I, Ч. 1.: Промышленность 1900 г. С. 98–100. Подсчет наш. Учтена Сибирь с Дальним Востоком.

[6] *Яковлев А.Ф.* Экономические кризисы в России. М., 1955. С. 251.

[7] Приложение 1.

[8] *Сборник* статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1910 заводском году. СПб., 1913. С. XXVШ.

[9] *Джаксон М.Н., Флеров А.Н.* Сборник статистических сведений о горной и горнозаводской промышленности СССР за 1911–1924/25 гг. Л., 1928. С. 90–93.

[10] Там же. С. 94–95.

[11] *Сборник* статистических сведений... в 1907 году. СПб., 1910. С. XC–XCI.

[12] Приложение 12.

[13] 26 драг из 44. (*Рабинович Г.Х.* Технический переворот и его финансирование в золотопромышленности Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв. // К изучению экономики Енисейской губернии конца XIX – начала XX вв. Красноярск, 1962. С. 77).

[14] Только Черемховские копи в 1903 г. сократили добычу на 2 млн пудов по сравнению с 1902 г. (Сборник статистических сведений... в 1905 году. СПб., 1906. С. CII–CVII).

[15] *Яковлев А.Ф.* Указ. соч. С. 506.

[16] *Сборник* статистических сведений... в 1900 году. СПб., 1905. С. XXII–XXV; … в 1906 году. СПб., 1909. С. 457–441.

[17] Приложение 12.

[18] *Сборник* статистических сведений... в 1907 году. СПб., 1910. С. 444–451; … в 1908 году. Пг., 1917. С. 461–470.

[19] Приложение 12.

[20] *Джаксон М.Н., Флеров А.Н.* Указ. соч. С. 146–155.

[21] *Динамика* российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за 40 лет (1887–1926). Т. 1. Ч. 3. М.; Л., 1950. С. 14–15.

[22] Приложение 2.

[23] Приложение 6.

[24] Приложение 5.

[25] Приложение 3, 5.

[26] Приложение 3.

[27] Приложение 6.

[28] Приложение 4.

[29] Приложение 5.

[30] Для сравнения скажем, что в высокоразвитой для своего времени промышленности Германии в 1907 г. на электродвигатели приходилось чуть более 15% всех мощностей промышленности. (*Ленин В.И.* Тетради по империализму // Полное собрание сочинений. Т. 25. С. 112).

[31] *Овсянникова Н.Д.* Влияние Первой мировой войны на материально-техническую базу золотопромышленности Сибири // Труды Иркутского университета, 1968. Т. 50, вып. 1. С. 84–106.

[32] *Маркс К.* Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. (Здесь и далее изд. 2). Т. 25. С. 589–594.

[33] Источники подсчета указаны в приложениях 2–5.

[34] Приложение 6.

[35] *Сборник* статистических сведений … в 1906 году. СПб., 1909. С. 437–441; *Государственный* архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 155. Оп. 1. Д. 584. Л. 102–105.

[36] *Бакулев Г.Д.* Развитие угольной промышленности Донбасса. М., 1955. С. 164.

[37] *Мельник Л.Г.* Технический переворот на Украине в XIX ст. Киев, 1972. С. 121. (На украинском языке).

[38] *Зольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 г. С. 54; *Серый Ю.И.* Рабочие Юга России в период империализма (1900–1915 гг.). Ростов н/Д, 1974. С. 46.

[39] В.И. Ленин, сравнивая лесо- и углепромышленность того времени, указывал: «Что касается до общественных отношений производства, то в этом отношении лесопромышленность относится к каменноугольной промышленности приблизительно так же, как капиталистическая мануфактура относится к крупной машинной индустрии. Лесопромышленность означает самое примитивное состояние техники, эксплуатирующей первобытными средствами природное богатство; каменноугольная промышлен-

ность ведет к полному повороту в технике и к широкому употреблению машин. Лесопромышленность оставляет производителя крестьянином, каменноугольная промышленность превращает его в фабричного» (Подчеркнуто нами. – *В. З.*) (*Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 5. С. 529).

[40] Приложение 7.

[41] Там же.

[42] Там же.

[43] Отметим, что в золотопромышленности Южной Африки в 1913 г. на одного шахтера в год добывалось 1237 г золота, или 3,1 фунта (*Афанасьев А.А.* Золотодобывающая промышленность капиталистических стран. М., 1963. С. 27).

[44] *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1128. Л. 6–8.

[45] *Кваша Г.* Статистико-сравнительные сведения о материальном положении рабочих на приисках Ленского золотопромышленного товарищества. СПб., 1912. С. 26.

[46] *Лившиц Я.И.* К истории золотопромышленного треста «Лензото». Конспект записки инженера А.П. Митинского // Исторический архив. 1962. № 4. С. 139.

[47] Там же. С. 140.

[48] *Ленские* прииски: Сборник документов. М., 1937. С. 351–352.

[49] *Соловьева А.М.* Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990. С. 243.

[50] *Рабинович Г.Х.* Технический переворот… С. 2; *Зиновьев В.П.* Методы капиталистической эксплуатации рабочих в золотопромышленности России // Из истории буржуазии в России. Томск, 1982. С. 64–78.

[51] Приложение 6.

[52] *Зиновьев В.П.* Формирование горнорабочих Сибири в период империализма (1895–1917 гг.): Дис. … канд ист. наук. Томск, 1977. С. 68.

[53] Там же. С. 67.

[54] Приложение 8. Подробнее о процессе монополизации горной промышленности края см.: *Рабинович Г.Х.* Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975. С. 119–194.

[55] *Рабинович Г.Х.* Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири... С. 131.

[56] Там же. С. 162–163.

[57] *Сборник* статистических сведений … в 1906 году. СПб., 1909. С. 437–441.

[58] *Джаксон М.Н., Флеров А.Н.* Указ. соч. С. 138–155.

[59] Подсчитано автором по источнику: *Джаксон М.Н., Флеров А.Н.* Указ.соч. С. 138–155. См. также источники к приложению № 9.

[60] *Колмаков Ю.П.* Из истории угольного синдиката Восточной Сибири // Сборник аспирантских работ. Иркутск, 1965. Сер. историко-филологическая. Вып. II. С. 152, 160; *Рабинович Г.Х.* Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири … С. 178–185.

[61] *Лукин А.А.* Кузнецкий бассейн и концессионная политика Кабинета // Краевед Кузбасса. Новокузнецк, 1971. Вып. IV. С. 67.

[62] *Рабинович Г.Х.* Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири … С. 175, 186, 191.

[63] Там же. С. 187, 190, 192.

[64] Там же. С. 195.

[65] *Лукин А.А.* Инвестиционная политика английских монополий в горном деле Сибири в 1917 г. // Вопросы истории Сибири Томск, 1974. Вып. 8. С. 67–73.

[66] К 1917 г. в Сибири действовало одно иностранное акционерное общество – «Русская горнопромышленная корпорация» (*Разумов О.Н.* Иностранные акционерные общества в горной промышленности Сибири периода империализма // Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1983. С. 115.

[67] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 28. С. 171.

[68] Горный инженер А.Н. Митинский сообщал, что на приисках Кабинета в Нерчинском горном округе к 1910 г. было 25–50 тыс. иностранных рабочих в летнее время, однако приисковые управления зарегистрировали в сентябре того же года лишь 8658 иностранных рабочих, т.е. в три раза меньше (*Митинский А.Н.* Указ. соч. С. 81; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 25. 1910. Д. 182. Л. 28–29).

[69] Таблица составлена по данным: *Зольников Д.М.* Влияние состава населения на формирование рабочих Сибири накануне Октябрьской революции // Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. Томск, 1975. С. 92; *Рабинович Г.Х.* Динамика численности и состав рабочих золотопромышленности Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Ученые записки Енисейского пединститута. Енисейск, 1964. Т. 7. С. 75–82; *Хроленок С.В.* Формирование пролетариата в золотодобывающей промышленности Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Очерки истории Сибири. Иркутск, 1975. Вып. 3. С. 10, 11; *Он же.* Золотопромышленность Сибири (1832–1917): Историко-экономический очерк. Иркутск, 1990. С. 108; *Горбачев М.Ф.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Ленского округа. СПб., 1903. Т. III. Таблица I; *Бересневич И.П.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золо-

топромышленности Томского горного округа. СПб., 1912. Т. I. С. 196, 197, 210, 251; *Внуковский В.М.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности северной части Енисейского округа. СПб., 1905 Т. II. С. 212–215, 218, 250, 252, 245, 250; *Нестеров М.В.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Нерчинского округа Кабинета Его Императорского Величества // Вестник золотопромышленности. 1904. № 6–12. С. 455; *Тульчинский К.Н.* Восточно-Сибирская горная область в 1907 г. Томск, 1909. С. 95; *Положение* рабочего рынка и условия промышленного труда в Забайкалье в 1914–1915 гг. Иркутск, 1916. Вып. I. С. 10–33; *Первая* всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 73, 74. СПб., 1904. С. 118, 121; *Горные* и золотопромышленные известия. 1909. № 23. С. 232–233; 1910. № 3–4. С. 27; № 8. С. 63–64; № 9. С. 69–71; 1914, № 15. С. 341; № 24. С. 561; *Восточное* обозрение. 1895. № 117; *РГИА*. Ф. 37. Оп. 67. Д. 1316. Л. 8; Оп. 75. Д. 681. Л. 14–18; Д. 714. Л. 24; Д. 721. Л. 4; Оп. 77. Д. 1179. Л. 90–100; Ф. 69. Оп. 1. Д. 125. Л. 19; Д. 160. Л. 12–48; Ф. 468. Оп. 25. Д. 182. Л. 51–52; Д. 424. Л. 27–31; *Государственный* архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 470. Оп. 1. Д. 977. Л. 7; Ф. 543. Оп 1. Д. 192. Л. 98. 101, 102; Д. 267. Л. 26–27; *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 453. Л. 2–59; Д. 1743. Л. 107. Д. 1757. Л. 5, 7, 13, 23, 24; Д. 1860. Л. 6; *Государственный* архив Томской области (ГАТО). Ф. 215. Оп. 8. Д. 514. Л. 4; Ф. 234. Оп. 1. Д. 304. Л 18; Ф. 428. Оп. 4. Д. 3035. Л. 57, 83, 87, 89–91, 175; Ф. 433. Оп. 1. Д. 529. Л. 82–83; Д. 532. Л 122; *Центр* хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 4. Оп. 7. Д. 150. Л. 253–263; Ф. 189. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–53; Д. 11[а]. Л. 42; Д. 12. Л. 1–97. Подсчет наш.

[70] *Вестник* золотопромышленности. 1896. № 23. С. 424; № 24. С. 442–443; 1897. № 4. С. 82.

[71] Там же. 1896. № I. С. 18.

[72] *Илимский Д.* Материалы к вопросу о производительных силах Сибири // Вестник общества Сибирских инженеров. 1916. № 3. С. 31.

[73] *Положение* рабочего рынка … С. 16–17; *Мерхалев Д.* Рабочие Ленских золотопромышленных приисков // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского географического общества. Т. XIV. Иркутск, 1915. С. 141. (Последняя цифра явно занижена, на что указывает Д. Мерхалев).

[74] *Мерхалев Д.* Указ. соч. С. 141.

[75] *ГАТО*. Ф. 433. Оп. 1. Д. 529. Д. 82–83, 190–211.

[76] *Коренев Е.Н.* Очерк санитарно-экономического положения рабочих на золотых приисках Витимско-Олекминской системы Якутской области: Дис. … д-ра мед. наук. СПб., 1903. С. 34; *Мерхалев Д.* Указ. соч. С. 141.

[77] *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 449. Л. 176.

[78] *Яцунский В.К.* Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. М**.,** 1973. Карта передвижения населения по территории Европейской России к концу XIX века.

[79] *ГАТО*. Ф. 433. Оп. 1. Д. 532. Л. 162.

[80] Там же. Д. 529. Л. 210–211.

[81] Источники указаны в табл. I.

[82] *Марголис А.Д.* О численности и размещении ссыльных в Сибири в конце XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири. Новосибирск, 1975. С. 237.

[83] *Горные* и золотопромышленные известия. 1914. № 5. С. 341.

[84] *ГАТО*. Ф. 433. Оп. I. Д. 507. Л. 6–54.

[85] «*Вестник* золотопромышленности. 1897. № 3. С. 49; Восточное обозрение. 1904. 5 сент.; Горные и золотопромышленные известия. 1906. № 12–13. С. 131.

[86] *Щербаков Н.Н.* Численность и состав политических ссыльных Сибири в 1907–1917 гг. // Ссыльные революционеры в Сибири. Иркутск, 1973. С. 232; *Сборник* статистических сведений... в 1895 году. СПб., 1897. С. 287; …в 1908 году. Пг., 1917. С. 466; *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1853. Л. 186; *РГИА*. Ф. 468. Оп. 25. Д. 182. Л. 52; Д. 424. Л. 27–31; Оп. 44. Д. 596. Л. 5.

[87] См. приложение 12.

[88] *РГИА*. Ф. 69. Оп. 1. Д. 125. Л. 19.

[89] *ГАТО*. Ф. 433. Оп. 1. Д. 239. Л. 26.

[90] *Блек А.* Рабочие на Ленских золотых приисках // Архив истории труда в России. Пг., 1923. Кн. 4. С. 77.

[91] Если в 1902 г. в Сибирь прибыли на заработки 37,5 тыс. рабочих, в 1905 г. – 16,7 тыс., то в 1912 г. – 106 тыс. рабочих (*Мухин А.А*. Рабочие Сибири в эпоху капитализма. М., 1972. С. 154).

[92] В Томской и Енисейской губерниях избыток рабочих рук согласно Д. Илимскому составил 13%, что дает 2,1 тыс. безработных; на Нерчинских приисках Кабинета лишними были 8% мужского населения, значит, в Забайкалье и Якутской области по аналогии с ними безработных в горных районах было не менее 2,2 тыс. чел. (*Илимский Д.* Указ. соч. С. 31; *РГИА*. Ф. 37. Оп. 77; Д. 1179. Л. 94; Ф. 468. Оп. 25. Д. 182. Л. 55; *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1815. Л. 37).

[93] Источник подсчета: *РГИА*. Ф. 37. Оп. 58. Д. 879. Л. 22–23, 40, 44–46, 57, 61–62, 83, 99, 101–105; Ф. 1418. Оп. 1. Д. 1798. Л. 11; Ленские прииски: Сборник документов. М**.,** 1956. С. 369.

[94] *Зиновьев В.П.* К вопросу об экономическом положении горнорабочих Сибири (1895–1914 гг.) // Из истории Сибири. Томск, 1975. Вып. 8. С. 135, 149–150.

[95] Приложение 9.

[96] Приложение 11.

[97] Приложение 10.

[98] Там же.

[99]. Приложение 9.

[100] Аналогичный характер носили сезонные колебания численности горняков на копях Донбасса (*Серый Ю.И.* Рабочие Юга России в период империализма (1900–1913 гг.). Ростов н/Д, 1971. С. 64, 147).

[101] *Труды* совещания Черемховских углепромышленников в г. Иркутске 13–16 ноября 1903 г. Иркутск, 1904. С. 16; Горные и золотопромышленные известия. 1906. № 12–13. Л. 131; *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 509. Л. 75.

[102] *Шлаин Б.И.* Западно-Сибирский углепромышленный район в 1914–1919 гг. М., 1920. С. 60–61.

[103] *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1627. Л. 74, 75.

[104] *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1156. Л. 13, 29, 50, 65, 71, 100, 113, 123.

[105] *Борман В.Л.* Годичный медицинский отчет по больнице Судженских каменноугольных копей // Горные и золотопромышленные известия. 1908. № 3–4. С. 42.

Приложение 1

Динамика добычи основных полезных ископаемых и выплавка металлов в Сибири в 1895–1917 гг.*

Годы	ПОЛЕЗНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ:													
	Золото		Каменный уголь		Чугун		Медь		Серебро		Свинец		Соль	
	кг	% к российской добыче	тыс. т	% к российской добыче	тыс.т	% к российской добыче	тыс. т	% к российской добыче	тыс. т	% к российской добыче	тыс. т	% к российской добыче	тыс.т	% к российской добыче
1895	21840	54,4	21,9	0,2	9,29	0,6	1005,0	17,6	7,0	82,9	145,0	36,2	24,0	2,0
1905	14900	50,0	1250,4	6,8	4,25	0,2	102,0	1,2	1,0	51,7	134,0	17,8	13,6	0,2
1913	22048	64,9	1809,4	7,8	–	–	629,0	2.3	95,0	0,7	–	–	24,7	4,5
1917	19317	52,5	3193,2	12,6	6,78	0,2	515,0	3,5	–	–	47,0	41,6	31,6	13,0

* *Сборник* статистических сведений… в 1895 году. СПб., 1897. С. CIV; … в 1905 году. СПб., 1908. С. CII–CVI; *Джаксон М.Н., Флеров А.Н.* Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности СССР за 1911–1924/5 гг. Л., 1923. С. 4–155. Подсчет и перевод пудов в тонны наши.

Приложение 2

Энерговооруженность горной промышленности в Сибири в 1900 г. по отраслям*

Отрасли	Предприятия	Годовые рабочие	Механические двигатели		В т.ч.						Энерговооруженность	
					Электрические		Паровые		Водяные			
			Абс.	Мощность, л.с.	Абс.	Мощность, л.с.	Абс.	Мощность, л.с.	Абс.	Мощность, л.с.	предприятия	рабочего
Золотодобыча	782	27314	239	3113	8	106	76	1047	155	1960	4,0	0,12
Углепромышленность	21	1102	1	5	–	–	1	5	–	–	0.25	–
Черная металлургия	3	658	29	581	–	–	7	235	22	346	194,0	0,9
Цветная металлургия	6	701	10	88	–	–	1	20	9	68	1,5	0,13
Солеварение и шлифовка камня	10	629	3	188	–	–	1	10	2	160	17,0	0,27
Горнорудная и соледобыча	129	1914	21	247	14	112	1	60	6	75	1,9	0,13
Все отрасли	951	32318	303	4204	22	218	87	1377	194	2609	4,4	0,13

* *Сборник* статистических сведений... в 1900 году. СПб., 1903. С. 92–101, 114–173, 208, 214, 260, 262, 412, 413, 432. Подсчет наш (каменноугольные и серебросвинцовые рудники расписаны по шахтам).

Приложение 3

Энерговооруженность горной промышленности Сибири в 1914 г. по отраслям*

Отрасли и округа	Предприятия	Рабочие, годовые	Механических двигателей		В т.ч.				Энергооруженность	
					Электрические		Паровые			
			Абс.	Мощность, л.с.	Абс.	Мощность, л.с.	Абс.	Мощность, л.с.	предприятия	рабочего
Золотодобыча	702	40027	396	13049,4	136	7473	258	5881,4	18,3	0,33
Каменноугольная	73	8842	120	5757,5	6	1017	114	4740,5	78,8	0,65
Черная металлур-	1	283	1	130	-	-	1	130	130,0	0,5
Цветная металлур-	3	259	12	511	4	183	8	328	170,0	2,0
Солеварение	8	420	10	156	4	30	6	126	19,5	0,3
Горнорудная	72	1502	–	–	–	–	–	–	–	–
Алтайский горный округ	45	3113	36	1227	8	337	28	890	27,3	0,4
Все отрасли	904	54443	575	20603,9	158	9040	415	11595,9	23,2	0,38

* Подсчет по: *Фабрично*-заводские предприятия Российской империи. Справочник: Пг., 1914. Изд. 2. С. 283, 306–307, 332, 398, 408, *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 446. Л. 9–10, 103, 113, 120, 144–145, 161; ГАТО. Ф. 428. Оп. 4. Д. 2765. Л. 114, 138; Ф. 433. Оп. 1. Д. 532. Л. 27, 49, 126, 174, 175, 359, 360. Алтайский горный округ выделен, поскольку данные о мощностях двигателей в нем не распределены по отраслям. Энерговооруженность 12 драг в Енисейской горном округе определена в среднем по 40 л.с. на драгу. Нет сведений о двигателях на Николаевском и Авенировском рудниках этого округа. Нет также сведений о мощности электростанций Судженских копей. В углепромышленности и горнорудной отрасли указаны число шахт и разработок.

Энерговооруженность горной промышленности Сибири в 1916 г. по отраслям*

Отрасли и округа	Число предприятий	Число рабочих	Число механических двигателей	Мощность двигателей, л.с.	Энерговооруженность, л.с.	
					предприятия	рабочего
Золотодобыча	728	40201	534	13223,5	18,1	0,33
Каменноугольная	73	11783	185	8223,0	112,7	0,70
Алтайский горный округ	43	8573	117	4667,0	108,5	0,55
Черная металлургия	2	380	1	130,0	75,0	0,34
Цветная металлургия	4	310	16	408,0	102,0	1.30
Солеварение	8	555	10	156,0	19,5	0,28
Горнорудная	55	1474	–	–	–	–
Все отрасли	913	63276	861	26807.5	29,4	0.42

* *Шлаин Б.И.* Западно-Сибирский углепромышленный район в 1914–1919 гг. М., 1920. С. 72–73; *РГИА*. Ф. 37. Оп. 67. Д. 1316. Л. 70. Оп. 75. Д. 631. Л. 21; Д. 714. Л. 59–69; *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 455. Л. 22–23; Д. 1414. Л. 35; Д. 1851. Л. 8, 18; Д. 1860. Л. 5; Ф. 286. Оп. 1. Д. 67. Л. 13; ГАТО. Ф. 428. Оп. 4. Д. 3035. Л. 99–100; Ф. 443. Оп. 1. Д. 532. Л. 539, 360; Д. 574. Л. 26–27, 32, 93–98. Подсчет наш. Данные по Черемховскому району, рудникам Красноярско-Ачинского округа приведены на 1914 г. В угледобыче и горнорудной отраслях указано число шахт и разработок.

Приложение 5

Энерговооруженность горной промышленности Сибири в 1900–1916 гг.*

Годы	Пред-приятия	Рабочие	Механические двигатели		Из них электрических		Паровых		Водяных		Энергово-оружен-ность	
			Абс.	Мощн., л.с.	Абс.	Мощн., л.с.	Абс.	Мощн., л.с.	Абс.	Мощн., л.с.	предприятия	рабочего
1900	951	32318	303	4204	22	218	.86	1367	195	2519	4,4	0,13
1905/6	625	31443	369	6896	34	:900	274	5207	61	789	11	0,22
1914	904	54440	575	20630,9	158	9040	414	11595,9	3	45	23,2	0,38
1916	913	63276	861	26807,5	426	13840	425	12689,5	8	278	29,4	0,40

* Таблица составлена на данных приложений № 2–4, а также Сборника статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1905 заводском году. СПб., 1908. С. 134–146, 230–231, 242–243, 294, 455, 459, 488–490; Горные и золотопромышленные известия.1908. № 7–8. С. 80. Подсчет наш. Данные по двигателям на 1905–1906 гг. неполны. Число предприятий и рабочих дано на 1906 г.

Приложение 6

Распределение предприятий горной и горнозаводской промышленности Сибири* по оснащению механическими двигателями в 1900–1916 гг.

Годы	Всего		Из них с паровыми и электрическими двигателями				С водяными двигателями				Без механических двигателей	
	Предприятий	Рабочих (годовых)	Число предприятий	Энерговооруженность одного предприятия	Число рабочих (годовых)	Энерговооруженность одного рабочего	Число предприятий	Энерговооруженность одного предприятия	Число рабочих (годовых)	Энерговооруженность одного рабочего	Число предприятий	Число рабочих (годовых)
1900	951	32318	57	31,0	7046	0,25	87	26,3	10496	0,22	807	14774
1914	904	54440	198	104,2	23534	0,88	-	-	-	-	706	30906
1916	913	63276	199	134.0	30393	0.89	-	-	-	-	714	32883

* Источники указаны к приложениям № 2–5. Подсчет наш. В 1914 и 1916 гг. учтенные нами водяные двигатели находились на рудниках с преобладающим паровым или электрическим оснащением.

Приложение 7

Структура золотопромышленности Сибири в 1900–1916 гг.*

Годы	Число приисков	Число годовых рабочих	Из них фабричного типа					Мануфактурного, с механической промывкой песков					Мануфактурного типа без применения машин				
			Число приисков	Рабочих на них		Добыча золота, %	На одного рабочего, ф.	Число приисков	Рабочих на них		Добыча золота, %	На одного рабочего, ф.	Число приисков	Рабочих на них		Добыча золота, %	На одного рабочего, ф.
				Абс.	% к итогу				Абс.	% к итогу				Абс.	% к итогу		
1900	782	27314	12	483	1,8	1.8	1,3	114	14749	54,0	54,2	1.7	656	12082	44,2	44,5	1,9
1914	734	41665	88	4549	10,8	20.0	3,0	27	8058	19,3	43,4	3,5	616	29068	69,9	36,7	0,8
1916	754	40929	85	4158	10,1	22,1	3,3	23	6000	14,7	51,0	4,8	646	30771	75,2	26,9	0,47

* Источники подсчета указаны к приложениям № 2–5. В 1900 г. из приисков с механической промывкой песков 86 имели водяные двигатели, на них насчитывалось 10233 годовых рабочих, они дали 37,4% всего сибирского золота, при средней производительности 1,7 фунта золота на человека в год.

Приложение 8

Концентрация капитала в золотопромышленности Сибири в 1895–1916 гг.*

Годы	Крупные предприятия с производством свыше 5 пуд. золота (100 тыс. руб.)							Из них акционерных обществ							Из них предприятий с производством свыше 50 пуд. (1 млн руб.)						
	Число	Приисков, им принадлежащих		Рабочих		Добыча золота		Число	Приисков, им принадлежащих		Рабочих		Добыча золота		Число	Приисков, им принадлежащих		Рабочих		Добыча золота	
		абс.	% к отрасли	Годовых	% к отрасли	пуд.	% к отрасли		абс.	% к отрасли	Годовых	% к отрасли	пуд.	% к отрасли		абс.	% к отрасли	Годовых	% к отрасли	пуд.	% к отрасли
1895	35	337	38,2	21538	63,3	1108	82,1	–	–	–	–	–	–	–	4	49	6,0	7186	21,0	747	54,8
1914	26	342	46,2	31211	74,7	1469	90,1	8	110	15,0	10588	25,4	973	60,8	5	238	52,5	24650	58,6	1190	75,9
1916	25	296	39,2	29176	71,1	1419	96,3	10	96	12,7	11231	26,5	1049	70,1	4	206	27,3	19000	44,2	1183	80,0

* *Сборник* статистических сведений... в 1895 году. СПб., 1897. С. 75–175; *РГИА*. Ф. 37. Оп. 67. Д. 1366. Л. 11–52; Оп. 75. Д. 681. Л. 18; Д. 721. Л. 7–20; Ф. 468. Оп. 25. Д. 424. Л. 22; *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 443. Д. 61–85; Д. 446. Л. 1–18; Д. 1550. Л. 1–8; Д. 1428. Л. 1–9; Д. 1807. Л. 1–3; Д. 1851. Л. 1–24; Д. 1886. Л. 17–51; ГААК, Ф. 160. Оп. 1. Д. 2869. Л. 31–32; Ф. 470. Оп. 1. Д. 977. Л. 1–7; Ф. 543. Оп. 1. Д. 192. Л. 27–32, 36–44; ГАТО. Ф. 428. Оп. 4. Д. 3035. Л. 137–138; Ф. 433. Оп. 1. Д. 532. Л. 50–76, 121, 181, 189, 286–295. Подсчет наш.

Приложение 9

Сезонные колебания числа рабочих на золотых приисках Сибири в 1895–1910 гг.*

Горные округа	Годы	Число рабочих		
		летом	зимой	
			абс.	% к летнему
Томский	1900	1665	350	21
	1912	1020	1370	134,3
	1913	1083	1482	136.8
	1914	916	1423	155,5
	1915	743	1270	170,1
	1916	843	1215	144,1
Восточно-Забайкальский	1898	1841	276	15,0
	1901	1725	426	24,7
	1907	2103	429	20,4
	1911	3098	1401	45,2
	1913	4456	1711	38,4
	1914	5837	1354	23,2
	1915	6218	998	16,0
	1916	7394	1988	27,0
Ленский, Лензото	1907	2240	1470	58,6
	1911	3261	1894	58,0
	1913	8155	5042	61,8
Красноярско-Канский	1909	153	5	3,3
	1915	129	62	48,0
Южно-Енисейский	1897	3571	1250	35,0
	1900	3320	624	18,7
	1903	2920	1239	42,4
	1905	1558	865	55,4
	1907	1369	1040	76,0
	1914	2230	1456	65,0
	1916	2106	1656	78,5
Бирюсинский	1899	650	50	7,7
	1900	600	20	3,3
Зейский	1914	21006	12269	58,4

* *Тульчинский К.Н.* Восточно-Сибирская горная область в 1907 г. Томск, 1909. С. 110; *Обзор* Томской области за 1900 год. Томск, 1901. С. 17; *Золото* и платина. 1913. № 5. С. 139; 1914. № 13. С. 325; *ГАКК*. Ф. 543. Оп. 1. Д. 267. Л. 26–27; Ф. 16. Оп. 1. Д. 97. Л. 1–27; Д. 301. Л. 33; *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 434. Л. 21; Д. 449. Л. 183; Д. 1627. Л. 119; Д. 1685. Л. 391; Д. 1743. Л. 144; Д. 1797. Л. 154; *РГИА*. Ф. 37. Оп. 75. Д. 714. Л. 24; Оп. 77. Д. 1179. Л. 97; *ГАТО*. Ф. 428. Оп. 4. Д. 2765. Л. 150; Ф. 433. Оп. 1. Д. 277. Л. 77–78; Д. 326. Л. 187; Д. 341. Л. 179–181; Д. 401. Л. 202–203; Д. 427. Л. 9–10; Д. 506. Л. 281; Д. 532. Л. 140, 147–148; Д. 544. Л. 368.

Приложение 10

Рабочий сезон в золотопромышленности Сибири (1897–1917 гг.)*

Годы	Всего учтено		Продолжительность работы приисков															
			от 1 до 90 дней				от 91 до 180 дней				от 181 до 270 дней				от 271 до 366 дней			
			Приисков		Рабочих		Приисков		Рабочих		Приисков		Рабочих		Приисков		Рабочих	
	приисков	рабочих	Абс.	% к итогу	Абс.	% к итогу	Абс.	% к итогу	Абс.	% к итогу	Абс.	% к итогу	Абс.	% к итогу	Абс.	% к итогу	Абс.	% к итогу
1897–1898	646	24614	148	22,8	2077	8,4	233	35,5	6613	26,9	123	18,8	3912	15,9	142	22,9	12012	48,8
1906–1907	404	15066	91	22,5	1092	7,2	115	28,5	2420	16,0	80	20,0	1862	12,3	118	29,0	9692	64,5
1912–1914	559	26747	144	25,6	2146	8,0	139	24,8	4162	15,5	77	13,8	3079	11,5	199	35,5	17360	65,0
1915–1917	328	19510	89	27,3	1192	6,1	64	19,5	2797	14,3	59	17,8	2119	12,4	116	35,4	13402	67,2

1. Источники подсчета: *Сборник* статистических сведений … в 1898 году. СПб., 1900. С. 134–143; *РГИА*. Ф. 37. Оп. 67. Д. 997. Л. 1–26; Д. 1004. Л. 1–15; Д. 1100. Л. 1–16; Д. 1101. Л. 1–20; Д. 1102. Л. 18–20; Оп. 75. Д. 721. Л. 52–57; *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 443. Л. 61–83; Д. 446. Л. 1–25; Д. 1350. Л. 1–8; Д. 1428. Л. 1–9; Д. 1627. Л. 169–174; Д. 1743. Л. 27, 104; Д. 1833. Л. 17–31; Д. 1863. Л. 1–18; *ГАКК*. Ф. 470. Оп. 1. Д. 977. Л. 1–7; Ф. 543. Оп. 1. Д. 192. Л. 27–44; ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 300. Л. 130–328; Д. 430. Л. 2–215; Д. 508. Л. 428–439; Д. 532. Л. 50–71, 181–190, 288–293; Д. 544. Л. 348–354, 371–378; Д. 574. Л. 12–21; В подсчет за 1897 г. вошли прииски Томского, Северно- и Южно-Енисейских, Ачинско-Минусинского, Бирюсинского, Восточно-Забайкальского горных округов; за 1898 г. – Ленского; за 1906 г. – Томского, Алтайского, Енисейского, Минусинского, Красноярско-Ачинского округов; за 1907 г. – Зейского (Якутская обл.), Западно-Забайкальского, Ленского, Ангарского, Витимского округов; за 1912 г. – Алтайского; за 1913 г. – Западно-Забайкальского; за 1914 г. – Томского, Енисейского, Минусинского, Красноярско-Ачинского, Восточно-Забайкальского, Ленского, Витимского округов; за 1915 г. – Томского, Алтайского, Зейского (Якутская обл.), за 1916 г. – Енисейского, Красноярско-Ачинского, Витимского округов; за 1917 г. – Минусинского и Ленского округов.

Приложение 11

Сезонные колебания числа рабочих на Судженских копях Михельсона в 1899–1916 гг. (в годовых рабочих)*

Годы	Число рабочих зимой	Число рабочих летом	
		Абс.	% к зимнему
1899	400	300	75,0
1900	300	400	133,0
1901	500	400	80,0
1902	550	410	74,5
1903	450	350	77,8
1904	780	570	73,0
1905	1000	750	75,0
1906	1150	800	70,0
1907	1100	775	70,4
1908	1180	730	61,9
1909	1140	860	75,6
1910	1000	734	73.4
1911	1140	800	70,2
1912	1490	890	59.0
1913	2440	1510	61,9
1914	2680	1156	43,1
1915	3300	2030	61,5
1916	3710	2350	63,0

* *Обзор* Томской губернии за 1900 год. Томск, 1901. С. 19; *Вестник* золотопромышленности и горного дела вообще. 1901. № 1. С. 6; 1902. № 19. С. 366; *Западно-Сибирская* горная область в 1902 году. Томск, б.г. С. 4; … в 1903 году. С. 7; … в 1904 году. С. 5; … в 1905 году. С. 7; … в 1907 году. С. 13; … в 1912 году. С. 17; *Горные* и золотопромышленные известия. 1907. № 19. С. 233; 1910. № 3–4. С. 27; 1911. № 4. С. 42; 1912. № 9. С. 190; 1913. № 7. С. 156; ГАТО. Ф. 428. Оп. 4. Д. 2765. Л. 150; Д. 3035. Л. 175; Ф 433. Оп. 1. Д. 532. Л. 132; Д. 544. Л. 368.

Приложение 12

Численность горнорабочих Сибири в 1895–1917 гг.*

Годы	Золотопромышленность		Горные заводы		Углепромышленность		Рудники и соляные озера		Итого		% к России	
	Предприятий	Рабочих	Предприятий	Рабочих	Предприятий	Рабочих	Предприятий	Рабочих	Предприятий	Рабочих	Предприятий	Рабочих
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1895	870 (66)	32690	19	3464	3 (1)	256	47 (3)	3796	939 (70)	40206	14,0	8,0
1896	796 (69)	26232	21	3536	2	609	43 (4)	1766	862 (73)	32143		
1897	780 (115)	25123	20 (5)	5654	2 (1)	90	113 (21)	2594	915 (142)	33462		
1898	709 (73)	23533	21 (1)	4084	3	483	180 (31)	1873	913 (105)	29958		
1899	785 (91)	27289	21	4829	5	605	49 (18)	1267	860 (109)	33990		
1900	782 (40)	27314	19	1988	8 (1)	1102	115 (15)	1914	924 (56)	32318	9,5	4,4
1901	809 (59)	28895	16	1702	13	4004	107 (21)	1481	946 (80)	36100		
1902	702 (61)	29112	16	1688	14	3063	127 (26)	22370	859 (87)	36183		
1903	676 (53)	27446	15 (1)	1650	15	3619	160 (50)	2260	866 (104)	34975		
1904	682 (46)	22658	15 (1)	1551	17	5376	151 (48)	1183	866 (95)	30768		
1905	606 (16)	21106	16	1602	23 (3)	7771	130 (21)	775	775 (40)	31257	9,9	5,4
1906	491 (31)	19573	16 (3)	1351	26 (1)	9885	92 (35)	634	625 (70)	31443		
1907	487 (35)	19929	17 (1)	1434	20 (2)	8210	95 (9)	1673	619 (47)	31246		
1908	550 (66)	23122	18 (1)	1542	21	6948	173 (12)	11525	761 (79)	43137		
1909	515 (66)	24920	15	1417	26	6871	161 (3)	1558	727 (69)	34766		

Продолжение приложе. 12

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1910	651 (31)	33599	14 (1)	1461	24 (2)	6329	158 (18)	1737	850 (52)	43126	10,7	7,4
1911	730 (32)	37197	18 (6)	1609	24 (1)	6551	50 (8)	874	822 (47)	46231		
1912	781 (22)	40614	16 (4)	1368	26 (3)	7133	62 (28)	956	865 (57)	50071		
1913	761 (11)	41596	14 (5)	1102	24	9639	60 (16)	1256	859 (32)	53593	22,5	7,4
1914	734 (4)	41665	13 (1)	1198	28	9624	64 (1)	1968	838 (6)	54440		
1915	731 (28)	38692	14	1393	30	12764	50 (3)	2995	874 (31)	55844		
1916	754 (68)	40929	15 (1)	1931	30 (1)	16250	43 (6)	4076	842 (76)	63276		
1917	619	31527	18 (3)	3979	34	22861	46 (2)	5403	717 (3)	63770		7,6

* *Гапоненко Л.С.* Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970. С. 56; *Горная* промышленность ДВР. Чита, 1922. С. 31–37; *Обзоры* Томской губернии за 1895–1912 гг. Томск, 1896–1914; *Общий* обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности России. Пг., 1915. С. 43–44; *Сборники* статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1895–1910 гг. СПб., 1897–1917 гг.; *Фабрично*-заводские предприятия Российской империи. Пг., 1914. С. 278–408; *Шлаин Б.И.* Западно-Сибирский …С. 59–61; *Горные* и золотопромышленные известия. 1913. № 7. С. 156, 157; № 8–9. С. 176–192; № 10. С. 213–217; № 11. С. 236–237; № 15. С. 343; 1914. № 5. С. 98–100; № 6. С. 116–117; № 7. С. 149–150; № 8–9. С. 171–173; № 12. С. 253; № 22. С. 499; № 23. С. 523–527; № 24. С. 561; 1915. № 5. С. 75; *РГИА*. Ф. 37. Оп. 67. Д. 1316. Л. 6; Оп. 75. Д. 581. Л. 33–34; Д. 681. Л. 14–20; Д. 714. Л. 1–29; Д. 717. Л. 1–8; Д. 721. Л. 4–20; Д. 728. Л. 12; Оп. 77. Д. 1179. Л. 90–101; Ф. 468. Оп. 25. Д. 182. Л. 28–30, 51–53; Д. 424. Л. 27–31; *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 424. Л. 4; Д. 434. Л. 2–35; Д. 1786. Л. 2–33; Д. 1797. Л. 53–60; Д. 433. Л. 33–44; Д. 1826. Л. 82–110; Д. 442. Л. 17–29; Д. 443. Л. 61–83; Д. 446. Л. 2–28; Д. 449. Л. 9. – 187; Д. 1350. Л. 1–7; Д. 1833. Л. 17–31; Д. 1428. Л. 1–9; Д. 1851. Л. 2–24; Д. 1853. Л. 61–255; Д. 1858. Л. 4; Д. 1860. Л. 6; 1414. Л. 138, 280; Д. 1863. Л. 1–18; Д. 1866. Л. 30–31; Ф. 138. Оп. 1. Д. 213. Л. 59–161; Ф. 286. Оп. 1. Д. 35; Д. 67. Л. 14; *ГАКК*. Ф. 160. Оп. 1. Д. 2889. Л. 32; Ф. 470. Оп. 1. Д. 977. Л. 1–7; Ф. 543. Оп. Д. 192. Л. 27–44; ГАТО. Ф. 428. Оп. 4.Д. 2765. Л. 151; Д. 3035. Л. 175; Ф. 433. Оп. 1.Д. 4823. Л. 42–225; Д. 506. Л. 15–664; Д. 532. Л. 26–293; Д. 544. Л. 35–376; Д. 574. Л. 12–169. Подсчет наш.

1.2. Динамика добывающей промышленности Томской губернии в период капитализма

(Первая публикация: Промышленное развитие Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск: Иркут. гос. пед. ин-т, 1989. С. 21–28)

История хозяйственного освоения Сибири становится в последние годы главным предметом внимания исследователей дореволюционного прошлого региона. Частью общей проблемы является история транспортного и промышленного освоения Сибири в период капитализма. Нами предпринята попытка определить основные тенденции в развитии добывающей промышленности капиталистической Сибири на материалах крупнейшей губернии края – Томской.

Тема эта не нова. Истории добывающей промышленности Сибири посвящено немало научных, научно-популярных, мемуарных произведений. Достаточно назвать труды В.И. Семевского, В.И. Данилевского, В.А. Обручева, В.И. Шемелева, И.П. Шарапова, З.Г. Карпенко, С.Ф. Хроленка, Г.Х. Рабиновича, Н.Д. Овсянниковой, А.Г. Патроновой, М.Н. Орлова и других историков[1]. Однако все они посвящены одной отрасли – горнодобывающей.

Значительна литература по рыбопромышленности, но она преимущественно представлена трудами специалистов-ихтиологов, этнографов, чиновников[2]. Есть лишь несколько статей в «Сибирской советской энциклопедии» и работе Ю.А. Кудрявцева, А.Г. Егорова и М.Д. Клименченко[3]. То же самое можно сказать об истории охотничьего промысла в XIX – начале XX в., которой интересовались этнографы, исследователи этапа первоначального накопления капитала[4].

Лесопромышленность как отрасль хозяйства, мало изучавшаяся до революции[5], была прочно забыта советскими историками Сибири. Ее касались лишь аграрники при освещении арендного хозяйства Казны и Кабинета, крестьянских промыслов[6].

Масштабы развития добывающей промышленности зависят от ряда факторов. Прежде всего – от уровня развития экономики. Совершенствование системы жизнеобеспечения человеческого общества постепенно сокращает долю добывающего производства по

мере роста обрабатывающего. По соотношению того и другого можно судить об уровне развития производительных сил. Важнейшую роль играет также характер природных ресурсов региона. В колониальных районах, каким была Сибирь, существенны дополнительные факторы – неразвитость инфраструктуры, редкость населения, неизученность природных богатств.

Томская губерния в период капитализма имела сложное и многоотраслевое добывающее производство, основу которого составляла горная промышленность. В 1860-е гг. она преобладала в промышленном производстве края. В 1861 г. общая производительность промышленности губернии равнялась 2,7 млн руб.[7], в т.ч. металлов было выплавлено на 2,4 млн руб. К 1895 г. соотношение изменилось: обрабатывающие отрасли дали около 4,3 млн руб., горнозаводская и золотые прииски – 3,2 млн руб.[8] К 1912 г. горнодобывающая промышленность в Томской губернии отошла на второй план по сравнению с обрабатывающей. Общая сумма производства последней превысила 60 млн руб., а всех добывающих отраслей – около 15 млн руб.[9]

Следует отметить, что к концу XIX в. горнодобывающая промышленность Сибири в целом уже отставала от обрабатывающего производства. Она давала 31% производства цензовой промышленности на 1900 г., а к 1915 г. – 19,5% [10]. Таким образом, следует признать неверным мнение о том, что в Сибири до революции преобладала добывающая промышленность. Вероятнее всего, это пережиток областнической традиции в историографии.

Динамика производства основных полезных ископаемых и металлов в Томской губернии в период капитализма была различной. Старая отрасль – добыча руд и плавка металлов с 1961 г. до кануна Первой мировой войны находилась в полосе упадка. Если в 1861 г. было выплавлено 964 пуд. серебра, то в 1895 г. – 343,5 пуд., а в 1911 г. – 6 пуд.; меди – в 1861 г. – 30 тыс. пуд., в 1895 г. – 15,9 тыс. пуд., в 1911 г. – 3,8 тыс. пуд.; чугуна – в 1861 г. – 74,5 тыс. пуд.; в 1895 г. – 175,2 тыс. пуд.; в 1911 г. – производство было закрыто[11]. Все предприятия металлургии, принадлежавшие Кабинету, имели слабое техническое оснащение, постепенно закрывались, не выдержав конкуренции на мировом рынке. Производство серебра имело расточительную технологию: при плавке терялось около 40% серебра, до одной трети золота, сгорал весь свинец, выбрасывался весь цинк, другие редкие металлы. Попытка реконструкции заводов Ка-

бинетом в середине 1880-х гг. не имела успеха в связи с резким падением цен на серебро в мире[12]. Строительство в 1890-х годах первой в мире электролитической установки промышленного образца – Змеевской фабрики – закончилось неудачей из-за несовершенства технологии того времени. Таким образом, при нескольких сотнях разведанных месторождений отрасль в условиях феодального хозяйствования не получила должного развития.

В период Первой мировой войны начали реконструироваться на средства иностранных предпринимателей крупнейшие горно-металлургические предприятия – Зыряновский и Риддеровский рудники. В 1917 г. было получено 142 пуд. серебра[13]. Достройка заводов и рудников шла уже в советское время.

Золотодобыча на территории Томской губернии началась с 1828 г., пережила в середине 1830-х гг. резкий подъем, когда губерния стала лидером в общероссийской добыче золота, а затем отрасль испытывала постоянные колебания, связанные с разведкой и выработкой новых площадей. В начале XX в. добыча стабилизировалась на уровне 100–120 пуд. в год на основе перехода к механизированным способам разработки россыпей и рудного золота. В период Первой мировой войны добыча золота в губернии сократилась почти в два раза. Основные районы добычи золота в губернии находились в отрогах Кузнецкого Алатау; в Мариинской тайге, по р. Лебеди, Кондоме, Мрассу; по верховьям Томи.

Отраслью, порожденной машинной индустрией, была каменноугольная. Из всех горных производств в Томской губернии именно эта отрасль стала ведущей. В 1861 г. было добыто 3,7 тыс. т угля, в основном для Гурьевского и Гавриловского заводов Кабинета. В 1895 г. добыто уже 19,7 тыс. т (Бачатская и Кемеровская копи). В 1913 г. получено 773,7 тыс. т, в 1917 г. – 1257,1 тыс. т. Анжерская и Судженская копи к 1917 г. насчитывали по 5 тыс. рабочих и стали крупнейшими промышленными предприятиями Сибири. В начале XX в. были реконструированы старые Кольчугинские и Кемеровские копи, разведаны десятки новых месторождений, которые составляют основу индустриального развития Западной Сибири до сих пор[14].

В Томской губернии добывалась также поваренная соль из самосадочных озер на Алтае (Боровая и Алеусская системы озер). Непостоянная садка соли обусловливала резкие колебания добычи – от нуля до 17 тыс. т в год[15].

Горнодобывающие районы размещались на юге бывшей Томской губернии – в современных Алтайском и Красноярском краях, в Восточно-Казахстанской, Кемеровской и Новосибирской областях. Современная Томская область до революции не была разведана в геологическом отношении и считалась бесперспективной. Другие отрасли добывающего производства – рыбо-, зверо- и лесодобыча, наоборот, получили наибольшее развитие на севере Томской губернии – в бывших Томском и Каинском уездах.

Наибольшее значение из них имела лесопромышленность, которая снабжала материалом и топливом города, села, промышленные предприятия и средства транспорта. Изучение динамики сибирской лесопромышленности сопряжено с исключительной сложностью, поскольку не сохранилось надежных статистических сведений: порубки долгое время не регулировались, учет размеров лесопользования не велся не только в Сибири, но и в России в целом. Не случайно, что при анализе состояния российской лесопромышленности В.И. Ленин опирался на косвенные данные – о росте цен на лес, на перевозку лесоматериалов[16]. Те же косвенные данные по Томской губернии свидетельствуют о росте лесопромышленности. Так, цены на дрова в Томске выросли с 179 коп. за куб. саж. в 1848 г. до 380 коп. в 1911 г.[17] Обороты казенных лесных складов в Западной Сибири с 1900 по 1910 г. выросли в 10 раз[18]. Районы порубок в течение XVIII – начала XX в. постепенно смещались с юга на север. Наиболее интенсивно вырубались зоны горнопромышленного освоения – Алтай, Мариинская тайга; транспортного освоения – вдоль железных дорог, рек. Интенсивные вырубки велись подрядчиками и крестьянами при заготовке дров и лесоматериалов для пароходов и железной дороги, для растущей аграрной колонизации. Бессистемность и хищничество привели к середине XIX в. к истощению березовых лесов и сосновых боров лесостепных районов губернии, хотя в ней находились, по оценке специалистов, 54,4 млн дес., или 17,2% всех лесов Азиатской России[19].

Томская губерния располагала также двумя крупными рыбопромышленными районами: Чановским и Нарымским, примерно равными по рыбным запасам и масштабам добычи. По данным губернского статистического комитета, в Чановском районе (на озерах Чаны, Сартлан, Тандовское, Убинское, Корган, Яркуль) общий объем добычи составлял в первой половине XIX в. до 150 тыс. пуд.,

в 1898 г. – 101,5 тыс. пуд., в 1908–1914 гг. – до 400 тыс. пуд.[20] Рос объем рыбодобычи в Нарымском крае: в 1843 г. – 40 тыс. пуд., 1863 г. – 70 тыс. пуд., 1882 г. – 109 тыс. пуд., в 1895 г. – 100–130 тыс. пуд., в 1912 г. – около 300 тыс. пуд., в 1921 г. – 82 тыс. пуд.[21] При этом промысел наиболее ценных пород рыб падал. Так, в 1843 г. было добыто около 166 тыс. штук муксуна, в 1863 г. – 58 тыс. штук, в 1882 г. – 40 тыс. штук[22]. Падал в XIX в. и объем вылова осетровых, пеляди, нельмы. Следует учитывать, что подсчету, пусть неточному, доступен только тот улов, который шел на продажу, с капиталистически организованных промыслов – песков. Таких промыслов в Нарымском крае в 1870-е гг. было 13 с 600 рабочими[23]. На озерах Чановского района в 1911/12 гг. насчитывалось 188 неводов с 4449 рыбаками. Большинство же рыбаков ловили рыбу для своих хозяйственных надобностей. Обследование показало, что в 1911/12 г. 91% хозяйств коренных жителей и 72% хозяйств русских в Нарымском крае ловили рыбу для себя[24]. Статистики писали, что «плавальная сырковая сеть имеет столь же громадное значение для крестьянина рыболова, обитателя берегов Оби, как и соха-колесуха для земледельца»[25]. Капиталистические тенденции все активнее проникали в жизнь рыбопромышленного населения. Закабаление задатками, займами приводило к тому, что формальные владельцы угодий ханты и селькупы становились наемными работниками купцов, арендовавших по низким ценам у них пески. Хищническая добыча рыбы привела к оскудению рыбных богатств губернии. К 1880-м гг. стало ясно, что сохранение, а тем более расширение, добычи ценных пород рыб на Оби требует искусственного воспроизводства рыбного поголовья.

Процессы истощения природных ресурсов, закабаления свободных производителей шли и в другой отрасли – в охотничьих промыслах. Уже в отчете томского губернатора за 1870 г. отмечалось падение рыболовства и звероловства[26]. Число занятых охотничьими промыслами росло: в 1896 г. оно составило 809 чел., в 1912 г. – 8062 чел.[27] Добыча зверя в 1912 г. оценивалась в 400 тыс. руб.[28], т.е. не меньше, чем в конце XIX в. Однако общие показатели скрывали падение добычи наиболее ценных пород зверя. Публицист Т.Жерновков не без основания заметил: «Остяцкое племя вырождается и исчезает вместе с нарымским соболем»[29].

Надо сказать, что современники по-разному оценивали положение добывающих промыслов. Буржуазные публицисты настаи-

вали на вполне достаточных запасах рыбы. Так, в передовой статье «Сибирского вестника» от 18 августа 1899 г. писалось: «Общая картина положения сибирского рыбного дела довольно печальна. Громадные рыбные богатства Сибири используются еще весьма слабо, хотя в то же время хищнически. Орудия лова самые примитивные». Критике, таким образом, подвергалось неумение предпринимателей взять лежащие богатства. Более дальновидные наблюдатели, видя быстрое оскудение природных ресурсов, наоборот, били тревогу. В передовице «Восточного обозрения» за 10 июня 1899 г. сообщалось по поводу создания Акционерной рыбопромышленной компании в Сибири: «Омуль, еще недавно предмет продовольствия рабочего класса, стал недосягаем даже для горожан. Размер улова упал за 3–4 десятка лет в 10 раз. «Кончали» морскую корову, «кончали» бобра обоих видов, «кончали» изюбря и соболя, «кончили» омуля – теперь как раз время взяться за речную рыбу».

К Томской губернии применима та оценка итогов капиталистического хозяйствования в Сибири, которую дал в своей неизданной книге знаток природных ресурсов края П.А. Пальчинский: «Все эти рыбные, пушные и пернатые богатства истребляются в невероятных количествах без толку и смысла и результатом получается уже полное истребление одних и частичное – других форм. Темноголубой песец исчез почти окончательно, дикий северный олень тоже, число моржей и сивучей уменьшилось значительно, морской котик остался только на Командорских островах, камчатская выдра, или бобер заменили совершенно истребленных речных бобров и т.д. Лось исчез во многих местах, соболь сократился численно чрезвычайно и т.д. Обеднение Сибири не заметно еще только потому, что уж очень велика ее площадь и количество людей, занятых промыслом, едва превышает несколько десятков тысяч человек, собирающих пушную жатву на этой огромной территории»[30].

В целом краткий обзор состояния добывающей промышленности Томской губернии в период капитализма показывает, что природные ресурсы ее были изучены слабо, особенно полезные ископаемые, использование их шло отсталыми, расточительными методами. Хищнические способы добычи нанесли серьезный ущерб рыбным и охотничьим ресурсам, привели к вырубкам доступных лесных массивов, выработке наиболее богатых месторождений драгоценных металлов. Социалистическое строительство в Том-

ской губернии должно было начаться с отсталого добывающего производства, наносящего громадный вред природе. К сожалению, ряд черт добывающей промышленности того времени до сих пор сохранился – это потребительское отношение к природным богатствам, слабое восстановление леса, отсутствие восстановительных работ в рыболовных и охотничьих угодьях, нерациональная технология производства.

Примечания

[1] *Семевский В.И.* Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898. Т. 1–2; *Данилевский В.И.* Русское золото. М., 1953; *Шемелев В.И.* Горняки Сибири до революции. Новосибирск, 1927; *Шарапов И.П.* Очерки по истории Ленских золотых приисков. Иркутск, 1949; *Обручев В.А.* История геологического исследования Сибири. М.; Л. 1931–1937. Т. 1–4; *Карпенко З.Г.* Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 годах. Новосибирск, 1963; *Хроленок С.Ф.* Развитие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Очерки истории Сибири. Иркутск, 1970. Т. 1. С. 3–113; *Рабинович Г.Х.* Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975; *Орлов М.Н.* Развитие угольной промышленности Восточной Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX века и политика царизма в этом вопросе // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. Иркутск, 1984. С. 58–70 и др.

[2] *Кириллов [Н.В.]* Поездка а Нижнеангарск Баргузинского округа на Байкале в 1885 г. // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО). 1886. Т. XVII, № 1–2. С. 1–83; *Кулаков П.Е.* Рыбный промысел и торговля в Туруханском крае // Известия ИРГО. 1898. Т. 34, вып. VII. С. 665–691; *Варпаховский Н.А.* Рыболовство в бассейне реки Оби. СПб., 1898; *Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север. СПб., 1904; *Поляков И.С.* Остяки и рыбопромышленность в долине р. Оби // Природа и охота. СПб., 1878. № 2. С. 31–68; *Н.С.* Обская рыбная промышленность // Сибирские вопросы. 1908. № 16. С. 29–31; *Материалы* по исследованию р. Енисея в рыбопромышленном отношении. Красноярск, 1909. Вып. II; 1911. Вып. IV.

[3] *Кудрявцев Ю.А.* К судьбе сибирской рыбопромышленности // Жизнь Сибири. 1925. № 6. С. 74–83; *Егоров А.Г., Клименченко М.Д.* Очерк истории рыболовства на Байкале и прилежащих водоемах // Известия / Биолого-географический НИИ при Иркутском университете. 1971. Т. XXIV. С. 193–233.

[4] *Бартенев В.* На крайнем Северо-Западе Сибири: Очерки Обдорского края. СПб., 1896; *Абрамов Н.А.* Описание Березовского края. Б.м., б.г.;

Швецов С. Очерк Сургутского края // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ЗСОИРГО). Омск, 1889. Кн. X. С. 1–87; *Шрейбер А.Ф.* Пушной промысел в Сибири. Иркутск, 1916; *Савельев А.А.* Пушной промысел Енисейской губернии // Справочная книжка Енисейского ГСНХ. Красноярск, 1923, С. 123–150.

[5] *Денисов В.И.* Леса России, их эксплуатация и лесная торговля. СПб., 1911; *Фаас В.В.* Лесные богатства // Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 2: Земля и хозяйство. С. 205–218; *О лесах* Западной Сибири // Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1882. С. 369–386.

[6] *Горюшкин Л.М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма. 1900–1917 гг. Новосибирск, 1975; *Соловьева Е.И.* Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981.

[7] Подсчет по данным: *ЦХАФ АК*. Ф. 2. Оп. 1. Д. 96. Л. 245–246; *Боголюбский И.* Опыт горной статистики Российской империи. СПб., 1878. С. VII; *Андрющенко Б.К.* Обрабатывающая промышленность Сибири второй половины XIX в. // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980. С. 48.

[8] *Обзор* Томской губернии за 1896 год.Томск, 1897. Ведомость № 2; *Сборник* статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1896 заводском году. СПб, 1899. С. 1.

[9] *Обзор* Томской губернии за 1912 год. Томск. 1914. С. 19, 26; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1911 заводском году. Пг., 1918. С. XVIII–LIII.

[10] *Динамика* российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за 40 лет: 1887–1926. М.; Л., 1929. Т. 1. С. 98–99.

[11] *Памятная* книжка для русских горных людей за 1863 год. СПб., 1863. С. 30–34; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1895 заводском году. СПб., 1897. С. I, VIII, XXXIX; … в 1911 заводском году. Пг. 1918. С. XVIII–LIII.

[12] См.: *Скубневский В.А*. Кризис сереброплавильного производства на Алтае после отмены крепостного права // Из истории Сибири. Томск, 1971. Вып. 3. С. 43–61.

[13] *Скубневский В.А*. Промышленность Алтая в период империализма // Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1983. С. 92; ГАТО. Ф. 428. Оп. 5. Д. 5. Л. 7.

[14] *Памятная* книжка для русских горных людей на 1863 год. С. 30–34; *Сборник* статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1895 заводском году. С.XXVIII; *Джаксон М.Н., Флеров А.Н.* Сборник статистических сведений о горной и горнозаводской промышленности СССР за 1911–1924/25 гг. Л., 1928. С. 138–147.

[15] *Михельсон О.* Очерк истории и разработки соляных озер Алтайского округа // Записки ЗСОИРГО. Омск, 1902. Кн. 29. С. 8–10.

[16] *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // Полное собрание сочинений. М., 1967. Т. 3. С. 526.

[17] *Гагемейстер Ю.* Статистическое обозрение Сибири … СПб., 1854. Т. II. С. 488; *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 18. Д. 1333. Л. 13–14.

[18] *Б.С.* Очерк сибирского и среднеазиатского лесного дела // Сибирский торгово-промышленный ежегодник 1914–1915 г. Пг., б.г. Отд. II. С. 65, 69.

[19] *Фаас В.В.* Лесные богатства … С. 207; *Огановский П.П.* Народное хозяйство Сибири. Омск, 1921. С. 79.

[20] *Гагемейстер Ю.* Статистическое обозрение Сибири … Т. II. С. 347; *Кудрявцев Ю.А.* К судьбе сибирской рыбопромышленности // Жизнь Сибири. 1925. № 6. С. 74–85.

[21] *Волости* и населенные места 1893 года. СПб., 1894. Вып. 10: Томская губерния. С. 133–138; *Обзор* Томской губернии за 1912 год. С. 19; *Кудрявцев Ю.А.* К судьбе сибирской рыбопромышленности. С. 82.

[22] *Волости* и населенные места 1893 года. С. 135–138.

[23] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1858. Л. 14.

[24] *Кудрявцев Ю.А*. К судьбе сибирской рыбопромышленности. С. 76, 77, 82.

[25] *Волости* и населенные места 1893 года. С. 128.

[26] *РГИА*. Ф. 1284. Оп. 67. Д. 396. Л. 11.

[27] *Обзор* Томской губернии за 1896 год. С. 9; … за 1912 год. С. 18

[28] *Обзор* Томской губернии за 1912 год. С. 19.

[29] *Жерновков Г.* Нарымский край // Сибирские вопросы. СПб., 1906. № 4. С. 81.

[30] ГАРФ. Ф. 3348. Оп. 1. Д. 687. Л. 116.

1.3. Озерное рыболовство в Сибири в XIX – начале XX в.

(Первая публикация: Хозяйственное освоение Сибири: история, историография, источники. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. Вып. 1. С. 62–81).

Рыбопромышленность играла в экономике дореволюционной Сибири весьма важную роль. Однако она оказалась среди отраслей хозяйства, практически не получивших отражение в трудах профессиональных историков. Беглые обзоры в обобщающих трудах в несколько строк – это все, что сообщали о развитии рыбопромышленности исследователи истории края[1]. Литература по вопросу со-

стоит из исторических экскурсов ихтиологов[2], хозяйственников[3], заметок в справочных изданиях[4], исследований этнографов[5].

Причина такого положения заключается, вероятно, в том, что рыбопромышленность не являлась главной ареной формирования капиталистических отношений, процессы классообразования здесь были медленны и не показательны для историков, стремившихся определить степень зрелости капитализма в крае. Другая причина лежит в трудности поиска материала для исторического анализа развития отрасли. Сейчас, когда изучение исторического опыта хозяйственного освоения Сибири – одна из главных задач историков региона, первое обстоятельство стало несущественным, второе – более преодолимым при большей открытости архивных и опубликованных сведений.

Знание состояния рыбной промышленности прошлых веков имеет не только теоретическое, но и практическое значение для ихтиологов и экономистов, которые вынуждены до сих пор пользоваться случайными данными при анализе динамики рыбного хозяйства. Исключение составляет Байкал, по которому литература богата и известна[6]. В то же время не используются обстоятельные сочинения о состоянии рыболовства на Оби, Енисее, Лене, Колыме, в Якутии, оставленные Н.А. Варпаховским, В. Исаченко и С. Лавровым, А. Дуниным-Горкавичем, П.Е. Кулаковым, Н.П. Левиным, Н.Ф. Почтаревым, А.Г. Шлихтером, А.С. Еленевым, А.И. Якоби, Ф. Августиновичем и др.[7]

В настоящей статье автор ставит задачу выяснить значение в дореволюционной экономике Сибири озерного рыболовства – особой и наименее известной отрасли рыбопромышленности региона[8]. Сведения о ней скудны даже в досоветской литературе. Преимущественно это публикации о Барабинских и забайкальских озерах[9]. По другим водоемам материалы единичны[10].

Сибирь имеет гигантский, до сих пор полностью не приведенный в известность и, стало быть, не освоенный в полном объеме рыбохозяйственный фонд. В справочнике о состоянии рыбопромышленности СССР на 1952 г. учтено 9292,6 тыс. га озерной площади в Сибири. При этом отмечено, что в Бурятии и Якутии озерный фонд почти не учтен[11]. В «Сибирской советской энциклопедии» указано, что общая площадь озер, имеющих рыбохозяйственное значение, в начале XX в. составляла 7,6 млн га[12]. О состоянии изученности этих богатств говорит следующее суждение известно-

го ихтиолога А. Березовского: «Сибирь обладает большим количеством внутренних озер, исчисляемых десятками тыс. и занимающих огромную площадь, которая могла быть подсчитана лишь приближенно, т.к. большинство озер не обследовано, а лежащие в северных частях страны даже не нанесены на карту»[13].

Первая попытка представить в общих чертах водно-земельное хозяйство Сибири была предпринята в конце XVIII в. составителями топографических описаний Тобольского и Иркутского наместничеств. По уездам топографы отметили 4845 наиболее крупных озер, при этом в Березовском, Сургутском, Туруханском округах, Якутской области озера не учитывались совсем[14]. Так, о туруханских озерах сказано следующее: «Озер, хотя и многое число, но в разсуждении великих к ним трясин и топких мест, к тому ж и за отдаленностию от жилья по не имению к ним пути, оные названиев никаких не имеют, зачем и описать их не можно»[15]. То, что за четыре века не удалось описать рыбохозяйственный фонд внутренних водоемов Сибири, вызывает не только естественную мысль о его необъятности и труднодоступности, но и уверенность в явной недооценке и недостаточных усилиях по его изучению. В досоветское время к исследованию озерных рыб и рыбопромышленности специально обращались Г. Радде, Б.И. Дыбовский, П.Е. Куликов, Н.В. Кириллов, И.Л. Кузнецов, А.А. Коротнев (Байкал)[16], А.С. Скориков (Чаны), Нагибин (Котокель)[17], Д. Дьяконов (Сартлан), В.Б. Шостакович (Гусиное озеро).

До присоединения Сибири к России основной озерный рыбохозяйственный фонд использовался слабо. Коренное население, не имея больших и прочных сетевых снарядов, промышляло обычно по рекам озерных систем: протокам, притокам, истокам, перегораживая их разного рода запорными ловушками для вылова сезонно мигрирующих рыб. Дополнением к ним были крапивные и мочальные, в Якутии – волосяные сети и невода, остроги, крючковая снасть. Русские принесли в Сибирь производство прочных сетей из конопли и льна, переняв у местных рыбаков умение плести мережу и веревки из мочала и конского волоса, ставить запоры.

Часть рыбных озер в XIX – начале XX в. осталась у коренных жителей края, потому что входила в надельные или жалованные земли. В Западной Сибири многие озера принадлежали татарам: в Тюменском округе, например, Шайтановские юрты владели оз. Калмацким, Больше-Есаульские юрты – оз. Нагалым[18], в Каин-

ском округе чойские татары считали своим оз. Убинское[19]. Карагасы традиционно владели оз. Агул и Медвежье в Саянах[20], хакасы – Божьими озерами, баунтовские эвенки – Баунтовскими озерами, Киндигирский род – низовьями Верхней Ангары и Кичеры, Чильчагирский род – верховьями этих рек и оз. Иркана, шемагирские эвенки – Чивыркуйским заливом Байкала[21], селенгинские буряты – Убукунскими озерами, хоринские – Даурскими озерами, ольхонские – Малым морем Байкала[22]. Богатейшие рыбные тони по Байкалу и прилегающим к нему озерам захватили в XVIII в. монастыри – Киренский, Посольский и др., архиерейские дома. Оз. Котокель при Петре I было высочайше пожаловано Троицкому Селенгинскому монастырю, оз. Старый Сор – Якутскому Спасскому монастырю[23]. Большей же частью сибирских озер пользовались крестьяне по захватному праву.

Первая попытка Казны заявить свои права на рыбные угодья относится к 1822 г., когда генерал-губернатор П.М. Капцевич задумал обложить оброком крупнейшие озера, а на доходы построить и содержать сибирский университет. Он приказал описать озера и определить их доходность. Наиболее ретивый омский исправник Ершов даже самочинно собрал с крестьян Юдинской волости 517 руб.[24] Затем Капцевич велел распубликовать следующее заявление:

«Объявление
Генерал-губернатора Западной Сибири

Рыбопромышленникам на озерах: Омского округа Чане, Сумах, Молоках, Чебаклах, Пресном Абышкане, Салтаиме, Теннисе, Чевтагае и Каинского округа на озере Убинском.

Сим объявляется рыбопромышленникам, что поименованные выше озера будут составлять отныне казенные оброчные статьи, которые с 1 генваря будущего тысяча восемьсот двадцать четвертого года имеют отдаваться желающим с торгов в кортом, или оброчное содержание по частям и целыми озерами на год и не более. Почему от сего времени строго запрещается ловить кому-либо самовольно на тех озерах рыбу, кроме только прибрежных жителей, коим позволяется ловить для собственного своего потребления удами; посему со стороны начальства примутся надлежащие меры, чтобы право на лов рыбы взявшему от Казны на откуп какое-либо озеро, принадлежало единственно содержателю, и чтоб другие не могли ни под каким видом ловить самовольно рыбу.

Торги на озеро Убинское назначаются в Каинске в тамошнем общем окружном управлении, на озера: Чан, Сумы, Молоки, Чебаклы, Пресной Абышкан, Салтаим, Теннис и Чевтагай в Омске областного правления в казенной экспедиции 1-го, 5-го и 10-го числа будущего декабря сего года, а окончательные переторжки 11-го числа того же месяца.

Вследствие сего и вызываются на означенные торги желающие явиться в назначенные сроки и в назначенные места самим или прислать от себя поверенных с благонадежными залогами, или же с верными и узаконенными поручительствами общества.

Омск. Октября 18 дня 1823 года

Генерал-лейтенант Капцевич

За управляющего отделением подпись»[25].

Однако торги не состоялись в 1823 г., торги 1824 г. не были утверждены из-за низких цен, в феврале 1825 г. торги вновь не состоялись. Чтобы сломить сопротивление крестьян, генерал-губернатор распорядился охранять озера отрядам казаков. После ряда конфискаций и арестов крестьянские общества согласились взять в аренду с 1 июля 1825 г. традиционные места лова за суммы, значительно большие, чем предлагали на торгах промышленники. Кроме 9 перечисленных озер, были сданы в оброк еще оз. Сартлан и Тандовское, а всего 11 озер в 480 тыс. десятин за 46722 р. 50 к., тогда как на торгах давали за них около 6 тыс. руб.[26]

Инициатива Капцевича не была поддержана высшими властями. Сибирский комитет 5 апреля 1826 г. не утвердил предложение генерал-губернатора, усмотрев в нем подрыв крестьянского благосостояния, ничтожность дохода и бесцельность проекта, поскольку университет в Сибири в тот момент открывать власти не собирались. Против затеи П.М. Капцевича выступил и Кабинет, часть территории Алтайского округа которого – Малые Чаны – генерал-губернатор сдал в аренду, не спроса владельца. О самовольстве Капцевича Кабинет донес императору и затребовал свою долю оброка. Департамент государственных имуществ смог в этих условиях добиться лишь действия договоров до конца арендного срока, после чего озера вернулись в прежнее состояние[27].

Следует отметить, что в дальнейших действиях администрации не было единства в отношении водно-земельной политики в Сибири. Министерство финансов и его органы на местах – казенные па-

латы, Министерство земледелия и государственных имуществ стремились все доступные и мало-мальски доходные угодья превратить в оброчные статьи. Кабинет, помимо своих горных округов в Сибири, охранял также традиционные владения коренного населения края – плательщика ясака в Кабинет. Губернская администрация, опасаясь недоимков прямых налогов с оседлого населения, нередко становилась на сторону крестьян в их спорах за рыбные озера и реки с Казной и предпринимателями. Одновременно губернские власти должны были проводить охранительную политику в отношении ясачных народов. Несмотря на противоречивость водноземельной политики администрации, главной ее тенденцией была «экономическая реализация прав собственности Казны»[28].

Судя по распоряжению рыбопромысловыми угодьями, эта тенденция стала проявляться еще до реформы 1861 г. Казна закрепляла за собой рыбопромысловые статьи, открытые и освоенные крестьянами обычно в тех случаях, когда к ним проявляли интерес частные предприниматели. Так, хотя проект Капцевича и не был поддержан, в 1827 г. началось снятие на план Барабинских озер – Абышканских, Молоки, Сумы, Чебаклы. В 1829 г. было признано казенной оброчной статьей Убинское озеро[29]. В 1840 г. было сдано в аренду оз. Яркуль[30], в 1856 г. – Сартлан и Убинское. В 1855–1857 гг. Томская губернская чертежная сняла на план Сартлан, Убинское, Берчикульское, Карганское озера[31]. В 1857 г. в Тобольской губернии Казна сдала с торгов 270 оброчных рыболовных статей из 309 предположенных к продаже, в т.ч. 201 озеро, на 3182 руб. 95 коп.[32] В Томской губернии из 18 статей – 6, в т.ч. 2 озера, на 1017 руб. 82 коп.[33] Число озер, сдаваемых с торгов в оброк, позднее сильно колебалось. В Тобольской губернии в 1871 г. сдано всего 22 статьи, в 1876 г. – 46[34]. Однако число угодий, зачисленных в Казну, постоянно росло. В Томской губернии в 1912 г. насчитывалось уже 405 рыболовных статей ценой в 37489 руб. 25 коп., в т.ч. 167 озер, давших почти весь доход[35].

В Восточной Сибири казенное озерное хозяйство было почти не развито. В Енисейской губернии сдавались в оброк Можарские озера. На оз. Тиберкуль существовали торги по крайней мере с 1875 г.[36]

Формы организации и технология рыболовства зависели от множества обстоятельств: характера водоемов, видового состава рыб, традиций и уровня развития самого промысла, наличия транс-

порта, рынков сбыта, производства снастей. В озерном рыболовстве Сибири присутствовали все, исключая фабричную, формы организации производства – домашнее, мелкое товарное, простая капиталистическая кооперация, мануфактурная.

Наиболее массовым и распространенным географически было домашнее производство. В Сибири ловля рыбы «для себя» велась повсеместно. В очерке о рыболовстве в книге «Азиатская Россия» написано: «Если бы нанести на карту Сибири все те пункты, где рыболовство производится, хотя бы для удовлетворения местных потребностей, то оказалось бы, что вся Сибирь сплошь покрыта условными значками; просветы на такой карте, означая отсутствие рыболовства, показывали вместе с тем и отсутствие человека»[37].

На самом деле, в любом описании крестьянских и «инородческих» хозяйств есть указания на подсобный рыбный промысел. Так, в материалах по Томскому округу отмечено, что «…рыбный промысел в пределах исследованного района существует лишь как домашнее занятие населения, редко где являвшееся предметом главных жизненных средств»[38].

В описаниях Томской и Тобольской губерний в изданиях ЦСК указывается, что рыболовство в них существует в основном для собственного потребления[39]. Потребительский характер рыболовства в большинстве случаев отмечен в анкетах о рыболовстве в Сибири, собранных в 1900 г.[40] Метко определил сущность такого рыболовства крестьянин Енисейской губернии в анкете переселенческого управления в 1915 г., сказав, что «ловит рыбу почти полдеревни, но ни у кого не найдешь купить»[41].

Домашняя рыбопромышленность могла иметь случайный, эпизодический характер, а могла быть и регулярной сезонной. Она могла вестись рыбаком-одиночкой (сетями, удочкой, переметами, котцами, мордами, фитилями), семьями, артелями крестьян. В случаях необходимости крестьяне кооперировались при неводьбе, постановке езов или запоров на реках, рытье копанцев-канав, их перекрытии. Бытовая артель могла состоять из 3-4 человек, а могла включать трудоспособное население целого села или нескольких сел. Например, для расчистки истока из оз. Котокель в р. Коточик стекались сотни рыбаков из окрестных сел[42], десятками собирались на рытье канав из отног в большие озера крестьяне Барабы. В Якутии лов карасей производился традиционно в октябре всем родом или наслегом, которому принадлежало озеро. «День ловли карасей –

настоящий праздник для инородцев. Помимо перспективы получить свою долю добычи, им нравится многолюдство, суетня, крики, движение, это приводит их в добродушно-веселое, возбужденное состояние», – такой увидел родовую рыбалку в Якутии Я.В. Стефанович[43].

Домашнее производство в том или ином соотношении сочеталось с товарной добычей или становилось им в подходящих условиях. Там, где сбыта почти не было, а сам размер добычи был скромным, доля домашнего потребления составляла 90–100%. Так, манси Туринского уезда, по данным ясачной комиссии 1830 г., из 20–30 тыс. пуд. годового улова продавали лишь 1,7–3 тыс. пуд.[44] В районе Тарских озер из общего улова в 640 тыс. пуд. ежегодно в 1850-е гг. половина шла на продажу (на 200 тыс. руб.)[45]. В 1911 г. в Барабинских озерах на продажу ушло более 400 тыс. (на 920 тыс. руб.) из 540 тыс. пуд. общей добычи, или почти три ее четверти[46]. Исследование В.В. Солдатова показало, что чисто товарным было малое число промысловых хозяйств. Только для собственного потребления в Забайкалье в 1910 г. ловили 72,8% опрошенных, 24,5% – для себя и на продажу, 2,7% – для продажи[47]. Можно сделать вывод о домашнем характере рыболовства почти трех четвертей занятых этим промыслом хозяйств, у четверти хозяйств промысел можно квалифицировать как мелкотоварный. Предпринимательскими были лишь 2,7% хозяйств. Концентрация производства была уже заметной, потому что от 35 до 52% улова шло на продажу.

Случайные сделки превращались в систему при стабильном сбыте и надежном промысле. Особенностью озерного рыболовства была выгодность сбыта дешевой соровой рыбы – щуки, окуня, чебака, ерша, карася лишь зимой в мороженом виде, в меньшей мере весной – в сушеном. Это был продукт для массового потребителя – горожан, заводских рабочих, крестьян безрыбных местностей. Такая рыба ходко шла на всех городских базарах и ярмарках, доходила до Ирбита, Перми. Сбыт рыбы весеннего посола, сушеных чебаков и карасей был значителен на Ишимской ярмарке, рыбной муки – порсы на Нерчинскую каторгу.

Очаги товарного рыболовства в Сибири обозначились еще в XVIII в. – Барабинские озера, Байкал, Гусиное озеро. В описании Тобольского наместничества указывалось, что оз. Чаны «достойно замечания по своей величине и изобилию в рыбной ловле, ибо почти во все здешнее наместничество, Колыванскую губернию и

Пермское наместничество, в Екатеринбургскую область и заводы ловимая из оного рыба для продовольствия жителей доставляется в немалом количестве»[48]. Кроме Байкала, который считался «депо рыбного продовольствия Иркутской губернии», крупным источником рыбы являлись забайкальские озера – Гусиное, дававшее в конце XVIII в. до 30 тыс. пуд., Котокель – 2 тыс. пуд, Еравные (Еравнинские, или Еравинские) озера – 4–5 тыс. пуд., Шакшинское – 1 тыс. пуд. в 30-е гг. XIX в.[49] К этому же времени в товарный обмен были включены Ивано-Арахлейские озера, о чем свидетельствуют обнаруженные Г.Л. Карасевым контракты промышленника А. Монгутаева о доставке в 1830–1831 гг. на Петровский завод партий щучины, сорожины и порсы по 100–120 пуд.[50] Тогда же продавалось до 2 тыс. пуд. рыбы с Божьих озер в Енисейской губернии[51].

Свидетельства современников, писавших о рыбных озерных промыслах первой половины XIX в., показывают на преимущественно кустарный и артельный характер промыслов. Омский исправник Ершов в описании Чановских озер указывал на формирование в Барабе постоянного типа рыбаков: «… многие, оставя вовсе земледелие, весной и летом единственно ставят на озерах котцы и сети, а зимою с крючьями и удами сидят на прорубях, выменивая хлеб на рыбу, продают оную барышникам вперед, не наловив и будучи наклонны к пьянству, находятся в самом бедном положении. К числу таковых особенно принадлежат жители деревень Яркульской и Шипициной». Там же Ершов замечает большую группу сел, жители которых, не бросая хлебопашества, «преимущественно занимаются рыбною ловлею и частию наклонны к пьянству. Таковых есть половина между жителями деревень Молоковой, Злыдаревой. Абышканской, Кочегаровой, Курсиной, Костылевой, Кановской, Великосельской, Лузиной, Троеречинской и Ретковской»[52]. Таким образом, из 41 поселения Юдинской волости с почти 3 тыс. обитателей 13 сел занимались в основном рыболовством. Поселились они в этих местах самовольно из-за хорошего рыбного промысла. Кроме кустарей, на Юдинской части Чанов было 28 неводных артелей. Добыча их оценивалась в 1821 г. в 20 тыс. пуд. на 30 тыс. руб., а в 1822 г. – в 13,1 тыс. пуд. на 16 тыс. руб. В казанской части Чанов добывалось до 80 тыс. пуд. рыбы на 100–120 тыс. руб.[53] Неводные артели выставляли не только местные жители, они прибывали из Тарского, Ишимского, Ялуторовского, Курганского, Тюменского, Шадринского[54], Камышловского уездов. Рыбу скупа-

ли оптовики из Тюмени, Шадринска, Каинска, Ялуторовска, Кургана, Тары. Возчиками рыбы были жители села Юдинского – потомки сословия сибирских ямщиков.

На оз. Чевтагай местные (60 чел.) и пришлые (45055 чел.) вылавливали сетями, котцами, удами 4,6 тыс. пуд. рыбы на 6,6 тыс. руб., сбывали ее в Шадринский округ. В 1823 г. на оз. Черемуховом близ Чевтагая крестьянин Татаринов поставил первый в этой округе невод. На оз. Теннис (Ик) в зиму 1822/23 г. действовал один 25-пайный невод с добычей в 1,6 тыс. пуд. на 500 руб. и 60 рыбаков котцами и сетями с добычей до 240 тыс. карасей на 1,8 тыс. руб. На озере Салтаим стояли четыре 30-пайных невода с добычей в 8,6 тыс. пуд. на 5,6 тыс. руб. и находилось ежегодно около 70 рыбаков с сетями и котцами, добывавших до 310 тыс. карасей на 2,3 тыс. руб. На Сартлане было 5 неводов с 2,3 тыс. пуд. добычи на 1,4 тыс. руб. и до 200 удильщиков, добывавших 4 тыс. пуд. рыбы на 2,4 тыс. руб.[55] Общий итог добычи в Барабинско-Тюкалинском районе на 1822 г. составил, по данным полиции, около 130 тыс. пуд. на 150–170 тыс. руб. товарной рыбы. Однако, как справедливо полагал Тобольский губернатор, «сей счет есть самый сокращеннейший», и реальная добыча исчислялась несколькими сотнями тысяч пудов[56]. Дореволюционные авторы оценивали добычу только в Чанах в 200 тыс. пуд.[57] Средний валовой доход рыбака в тех случаях, когда было указано их число, составил 43 руб. серебром в год, при колебаниях от 12 до 60 руб., и не может быть назван предпринимательским. В 1840–1850-е гг. современники отмечали падение рыбодобычи в Барабинских озерах, Ю. Гагемейстер приводит для оз. Чаны объем добычи в 150 тыс. пуд., для Сартлана, Урюма, Тандовского – в 30 тыс. пуд., поставки в Алтайский горный округ определены им в 46 тыс. пуд.[58]

В 1850-х гг. первенство в озерном рыболовстве Сибири перешло к Тарским и Ишимским озерам. По сведениям Колмогорова, в Тарском округе из 640 тыс. пуд. рыбы половина шла на продажу в Омский, Челябинский, Шадринский, Ишимский округа, в Ирбит. Доход от сбыта рыбы определен им в 200 тыс. руб., или по 3 руб. 60 коп. на жителя округа[59]. В Ишимском округе тысячи крестьян зарабатывали деньги рыболовством, «сотни возов развозились по ярмаркам; целые обозы двигались на Ишимскую ярмарку», – писал Н. Петропавловский[60]. Мелкотоварный характер большинства этих промыслов наиболее вероятен.

В 1870–1880-е гг. озерное рыболовство Западной Сибири переживало спад вследствие высыхания озер. Цена аренды оз. Яркуль, например, упала с 200 руб. до 41 руб., а затем – до 13 руб. в год[61]. Аренда Казанской части оз. Чаны в 1825 г. стоила 9268 руб. в год, а в 1897 г. – лишь 2 тыс. руб.[62], аренда оз. Убинского в 1825 г. – 3400 руб., а в 1857 г. – 360 руб.[63] Большинство озер Тобольской губернии к 1870-м гг. остались без рыбы, а потому – без оброка[64]. Н. Петропавловский заметил в 1880-е гг.: «Теперь этот промысел в полном упадке. Большинство Ишимских озер, даже такие, как Черное, Медвежье, Станичное, Щучье, медленно, но постоянно уменьшаются в размерах; а рыба в такой мере уменьшилась, что в иные годы труды и хлопоты артелей не окупаются. Даже караси перевелись»[65]. При всем этом рыболовство оставалось серьезным подспорьем в крестьянском хозяйстве.

В начале XX в. уровень западносибирских озер вновь стал расти, а вместе с ним стала расти и рыбодобыча. Если в 1898 г. из Барабинских озер было вывезено 101,5 тыс. пуд. рыбы, то в 1908 г. – 405 тыс. пуд.[66] Мелкотоварный характер промысла сохранился в значительной мере и в начале XX в., хотя капиталистические отношения уже сильно разрушили крестьянскую артельную кооперацию.

Артельная организация лова на Байкале и в Забайкалье сформировалась еще в XVIII в. Вольные ватаги соперничали с работниками графа Шувалова и монастырями[67]. В 1790-е гг. самыми богатыми считались артели Каргинская, Култукская, Березовская на р. Селенге, Ольхонская. Они брали на откуп угодья, нанимали рабочих, которые впоследствии сами образовывали артели. Крестьянские артели чистили, по крайней мере до 1831 г., устья рек для прохода рыбы[68]. В значительной мере артельным мелкотоварным оставался промысел здесь и в конце XIX – начале XX в., судя по сведениям В.В. Солдатова и Н.А. Крюкова[69]. Жители сел Укыр и Сосновка, например, занимались в основном озерным рыболовством. Чиновникам Переселенческого управления они заявляли: «…нам выгоднее заниматься промыслом, который дает верный и легкий доход – рыба ведь не боится ни засухи, ни заморозков … А есть у нас рыба – можно выменять у семейских и хлеб»[70]. На Гусином озере в 1900 г. 6 артелей по 20 чел. добыли 24 тыс. пуд. рыбы на 24–30 тыс. руб., на оз. Котокель в конце XIX – начале XX в. 5–

7 неводных артелей и до полутора тысяч удильщиков-бармашельщиков добывали до 75 тыс. пуд. окуня, щуки и сороги[71].

Артелями ловили рыбу крестьяне в Саянских горах. Они пытались, хотя и неудачно, сделать промысловыми даже далекие таежные озера – Агул, Меджвежье. В Можарских озерах артели, а на Тиберкуле – старообрядческий скит вылавливали до 4,5 тыс. пуд. рыбы, часть которой продавалась[72].

На озерах Сибири организация артельного промысла не отличалась большим разнообразием. Артели формировались из 15–30 однообщественников, вносивших по равному паю невода – по «столбу», снаряженья – инструментов, лодок, лошадей, саней, продуктов и т.д., рабочей силы. Возглавлял артель наиболее опытный рыбак – башлык, получавший за это дополнительный, так называемый сухой, пай. На Чанах сухой пай получал также «уставщик», который строил невод в зависимости от рельефа дна участка ловли. Башлык обычно обустраивал невод мотней за свой счет. От авторитетного башлыка это не требовалось, начинающий башлык мог, так же как и его помощник – «побашлычье», получать полуторный, а не двойной пай[73]. Артели имели традиционные места лова. На Барабинских озерах, когда промысел стал нарушать, по мнению администрации, способность рыбного стада к воспроизводству, число неводных артелей пришлось ограничить (на оз. Убинском – 7, на оз. Сартлан – 11, на оз. Чаны – 50)[74].

Крестьянские артели, в силу разного имущественного положения пайщиков, не могли быть явлением устойчивым и однородным. Более состоятельные скупали паи неимущих рыбаков. Скупку паев у сообщественников и образование предпринимательских артелей отметил еще Колмогоров в Тарском округе в 1850-е гг.[75] Так, внутри самих артелей росли капиталистые крестьяне. При большой стоимости невода в 200–300 саженей, употреблявшегося для зимней озерной рыбалки на крупных сибирских озерах, которая составляла в 1822 г. 220–270 руб., а в начале XX в. – 700–1200 руб., стать пайщиком мог только зажиточный крестьянин[76]. Стоимость среднего пая в 1822 г. равнялась 10–15 руб., а в начале XX в. – 35–60 руб.

Процесс наибольшего расслоения неводных артелей наблюдался на Барабинских озерах. На Сартлане 18% артельщиков имели по два пая. На оз. Чаны из 373 артельных паев, попавших в обследование А.С. Скорикова, 179 принадлежали держателям одного пая, 153 –

владельцам 1,5 или 2 паев. Четверо имели по 6 паев, один – 8 паев, один – 9 паев[77]. Владельцы паев далеко не всегда работали сами, посылая за себя работников. Так, на Чанах в Юдинской части озера работники составляли 43,3% рыбаков на неводах, в казанской части – 55,2%, на Сартлане – 31,7%, в Купинской части Чанов – 73,7%[78]. Из указанных выше пайщиков владельцы 6 и более паев, получая на пай 62–140 руб. чистой прибыли, уже могли существовать на эти средства, не вкладывая в промысел личного труда. А.С. Скориков писал, что на Чанах «…артельное начало в неводном хозяйстве испытывает ущерб, заменяясь в конце концов предпринимательством. Последнее в наиболее чистом виде получает такую структуру. Владельцы 47 из 77 неводных паев, распределяющихся неодинаково между 6–9 более зажиточными крестьянами, нанимают от себя башлыка с платою 50 рублей в месяц, подбашлычье, получающего половину, и «норельщиков», которым полагается на 3 рубля более обыкновенного рабочего, получающего 15 рублей на хозяйских харчах. Всего артельщиков 19 чел. Хозяева по 2 дежурят на дню: один на озере, а другой при рыбном сарае (завозне) и жилье рабочих. Обыкновенно для ведения упрощенной бухгалтерии нанимается писарь за 6–15 рублей в месяц, имеется также абонированный кузнец, получающий 12 рублей в месяц»[79]. Крестьяне пос. Александровского и с. Убинского, имевшие по неводу на оз. Убинском, с 1906 г. также не работали сами. «Устроились они чисто покупечески: наняли работников, накупили лошадей, да всю зиму и ловили рыбу чужим хребтом, а сами, не ударив и пальца о палец, зарабатывали деньгу, подобно кулакам и всяким эксплуататорам чужого труда», – сообщал в Главное управление земледелия и землеустройства доверенный крестьян с. Черный мыс Н.К. Панычев в 1913 г.[80] Его доверителям не удалось взять на торгах ни одной из семи неводных тоней.

Всего в неводных артелях Барабинских озер, по данным А.С. Скорикова, на 188 неводов с 4449 работниками приходился 2361 наемный рабочий, или 53% всех занятых. Общий доход артелей составил 650 тыс. руб., расходы – 186 тыс. руб., чистая прибыль – 458 тыс. руб. Валовой доход одного невода составил в среднем 3,4 тыс. руб., а чистый доход – 2,5 тыс. руб. Чистый доход одного пайщика колебался на Чанах в пределах 62–140 руб., на Сартлане – от 129 до 164 руб.[81] Этот доход нельзя считать предпринимательским. Следовательно, крестьянская кооперация носила в ос-

новном мелкотоварный характер, с большой долей личного труда владельцев неводных предприятий.

В Забайкалье, судя по данным В.В. Солдатова, расслоение рыбацкого населения не зашло столь далеко, как на Барабе. Здесь из 5232 хозяйств с 11767 рыбаками в 1910 г. был зарегистрирован лишь 471 наемный рабочий[82]. В Забайкалье, так же как и в Якутии, распространенным способом подчинения артелей капиталу являлось предоставление им средств производства – неводов, лодок, припасов с получением половины или трети улова.

Самым универсальным способом эксплуатации рыбаков была скупка рыбы. Она широко практиковалась уже в конце XVIII в. Скупщики кредитовали артели, рыбаков-одиночек, предоставляя в кредит до 100% стоимости орудий труда. На Барабинские озера скупщики ехали вслед за промысловыми артелями из Каинска, Колывани, Ишима, Камышлова, Челябинска, Шадринска, из Пермской губернии. На Тарских озерах действовали скупщики из Ишима, с. Абатского. В Забайкалье скупали рыбу иркутские, верхнеудинские, баргузинские торговцы, приисковые управления. Мороженая рыба в возах по 15–25 пуд. шла на Ишимскую, Ирбитскую ярмарки, на нерчинские, алтайские, уральские заводы, прииски. Еравинская рыба в 1830-е гг. в Кяхте и Верхнеудинске стоила 2–3 руб. пуд, в 1891 г. пуд рыбы с этих озер шел по 0,4–1,0 руб., с Селенгинских озер – по 1–2 руб.[83] В Барабинском районе в 1820-е гг. пуд щуки стоил 1,8–2 руб., окуня – 0,8–1,6 руб., карася и чебака – 0,5–1,4 руб., сушеная рыба – 6–9 руб. тысяча[84]. В 1897 г. там же пуд рыбы стоил в среднем 40 коп. С проведением железной дороги и усилением спроса на рынке цены резко возросли. В 1898 г. пуд рыбы покупался уже за 0,8–1 руб., в начале XX в. – за 1,5–2,5 руб. Сбыт на востоке распространялся до Иркутска, а на Западе – до Москвы[85].

Скупщиками нередко выступали арендаторы рыбных угодий. Они ставили своих рабочих, но одновременно собирали деньги за право лова неводами, котцами, удами, скупая добычу. Купец Акимов, взявший в 1856 г. в аренду оз. Сартлан и Убинское, обязывал желающих ловить рыбу сдавать ему улов по 40 коп. с пуда, что было вдвое-втрое меньше рыночной цены. Он же нанимал артели рабочих с платой башлыку 20 руб. в месяц, пешему работнику – 6 руб., конному – 10 руб.[86] Троицкий монастырь имел для скупки рыбы на оз. Котокель заимку. Он брал за право лова половину добычи и получал до 20 тыс. руб. дохода в год. Киренский и Якут-

ский монастыри брали треть улова в качестве платы за лов в соровых озерах[87]. Арендаторы Гусиного озера брали с неводных артелей половину улова[88]. На оз. Чаны крестьянское общество брало за право рыбалки по 400 руб. с невода в год, по 3 руб. с удочки в месяц, арендатор же Юдинской части озера К. Красноусов в 1904–1910 гг. брал с невода по 500 и более рублей в год, кроме того, выговаривал себе одну тоню бесплатную, а это 0,5–1 тыс. пуд. рыбы, скупал рыбу и продавал снасти. Доход его, по данным Казны, составлял 20–30 тыс. руб. в год, а по сведениям крестьян, – 60 тыс. руб., при плате в Казну 2,3 тыс. руб. в год[89].

В Тобольской губернии в 1870 г. из арендаторов казенно-оброчных рыболовных статей выделялись бухарец К. Сеитов, взявший на 1855–1857 гг. 123 озера и плеса на 330,4 руб., туринский купец Нешков, арендовавший оз. Синтур за 125 руб., тобольский купец Ершов – 29 озер и плесов на 423 руб. 65 коп., тарский купец А. Пановский – 13 песков и озер, в т.ч. оз. Артево, за 301 руб. 10 коп.[90] В 1876 г. из них остался один А. Пановский, взявший в кортом оз. Силочи Тарского округа с 1869 г. на 12 лет за 210 руб. в год. Кроме него, из арендаторов выделялись купец А. Рымарев, взявший с 1874 г. на 6 лет оз. Святое за 161 руб. в год., купец Дюденев – оз. Артево за 220 руб. в год, купец И. Васильев – 6 озер, в т.ч. оз. Берикульское за 109 руб., купец Семенов – оз. Диковское за 95,25 руб. в год[91].

Предприниматели брали в аренду угодья не только у Казны, но и у крестьян. Исследователи крестьянского быта отмечали, что «там, где есть озера или речки, почти непременно находят арендаторов в числе одного или нескольких человек»[92]. Так, в 1880-е гг. в Тюменском округе крестьяне д. Шешуковой сдавали 13 озер И. Шешукову за 150 руб. в год, крестьяне с. Сазоновского сдавали оз. Дедушкино П. Велижанину за 35 руб., оз. Прорва – Криводанову за 70 руб., д. Дубровная сдавала за 1900 руб. озера Истомное и Якушкино, д. Пинжакова – 5 озер крестьянину Чемагину за 150 руб.[93]

Между крестьянами и предпринимателями шла постоянная борьба за рыбные озера. Первые в истории Сибири торги за аренду Барабинских и Тюкалинских озер в 1825 г. остались за крестьянскими обществами. В Мариинском округе в 1827 г. крестьяне убили каторжника и авантюриста Егора Лесного, объявившего своим оз. Берчикуль[94]. Общество д. Яркульской постановило в 1839 г.

запретить лов рыбы неводами в оз. Яркуль, и 6 марта 1841 г. выборный от общества Фрол Шухурдин с товарищами прогнал с озера арендатора М. Яброва и конфисковал пойманную рыбу. Лишь 17 октября 1853 г. озеро взял в аренду за 504 руб. омский купец Т. Кузьмин[95]. Постоянно шла борьба крестьян сел Туркинского и Горячинского с Троицким монастырем за оз. Котокель и р. Турку. В 1870 г. и в декабре 1873 г. крестьяне прогоняли монастырских арендаторов и ломали заезки на Турке и Коточике. Власти провели расследование, которое установило, что озеро и река принадлежат монастырю по указу 7 ноября 1713 г., подтвержденному указами 1746 и 1800 гг. Жалобы крестьян императору 26 мая 1875 г., 24 июля 1878 г., 7 февраля 1879 г. и 26 июля 1883 г. были оставлены без последствий[96].

За аренду оз. Сартлан соперничали общество Таскаевской волости и купцы-рыбопромышленники. События 1824–1827 гг., связанные с арендой обществом озер по проекту Капцевича и возвращением к прежнему бесплатному использованию озера, отложились в сознании крестьян в виде легенды о предсмертном даре озера крестьянам Александром I. С 1856 по 1862 г. озеро держали в аренде купцы М.И. Акимов, Ф.И. Акулов, П.Л. Байгулов за 240 руб., с 1862 по 1869 г. – крестьяне – за 749 руб., в 1870–1873 гг. – купец И.Г. Бушуев за 754 руб. в год, с 1874 по 1876 г. – крестьяне за 900 руб., с 1877 по 1888 г. – вновь Бушуев за 916 руб. в год, но в 1882 г. его сын М. Бушуев отказался от аренды, поскольку крестьяне разломали запоры и не дали рыбу арендатору. В 1883 г. озеро взяли в аренду Коновалов и Манерный, бравшие по 150 руб. с невода[97]. С 1909 г. оз. Сартлан перешло в аренду крестьянам за 2000 руб. в год[98].

На Барабинских озерах конкуренция обострилась в начале XX в., когда начался новый тридцатилетний цикл повышения уровня озер, увеличилось количество рыбы и доходность промысла. Аренда Казанской части Чанов выросла с 2 тыс. руб. в 1897 г. до 12 тыс. руб. в 1913 г., Юдинской части Чанов – с 2,3 тыс. руб. в 1904 г. до 12 тыс. в 1914 г., оз. Сартлан – с 900 руб. в 1887 г. до 5 тыс. руб. в 1913 г., оз. Яркуль с 48 руб. в 1904 г. до 523 руб. в 1913 г. Крестьянские общества, не без помощи губернской администрации, арендовали к 1914 г. почти все крупные озера. У частных лиц остались: оз. Карганское у крестьянина Катаева за 2100 руб., Тандовское – у крестьянина Соколова за 636 руб., и оз. Яркуль у

крестьянина Красноусова за 523 руб. 70 коп.[99] Губернатор настаивал на сдаче озер в аренду крестьянским обществам, чтобы гарантировать выплату прямых налогов. Так, в 1904 г. Казанская часть Чанов на торгах осталась за каинским мещанином Куперштохом за 6 тыс. руб., но губернское управление государственных имуществ передало озеро в оброк крестьянам «как в видах повышения оброчного дохода, так и в целях избавления крестьян, занимающихся главным образом рыбными промыслами, от эксплуатации со стороны еврея-арендатора»[100].

Предприниматели и артели крестьян-промышленников были главными каналами передачи технологии и традиций промысла. На Барабинские озера неводной промысел был завезен ишимскими, тарскими, шадринскими, уральскими артелями. На Сартлане невод впервые поставил купец Набатов в 1780-е гг., однако искусства своего никому не передал. Лишь в 1820-е гг. купец-башлык Мостовщиков из Ишима научил местных крестьян строить невода. Сети, удочки, самоловы привезли на озеро ялуторовские и камышловские скупщики рыбы в 1840-е гг., тогда же сартланцы научились солить и вялить рыбу[101]. В Саянах рыбачили в основном артели старожилов-старообрядцев, сохранявших традиции Северной Руси.

Промышленники же делали первые в Сибири попытки разведения рыбы в озерах. В 1895 г. разводили карасей и окуней крестьяне с. Осино-Ключевского, с. Аббатского Читинского уезда[102]. В 1906 г. арендатор Катаев переселил ершей и чебаков из Убинского озера в Карганское[103].

В настоящей статье нет возможности остановиться на описании техники рыболовства – неводьбы, постановки сетей, заезков, вершей, вентерей, фитилей, морд, котцов, ловли удами, самоловами, кривдами, саками, на описании ритуалов, сопровождавших промыслы, артельных обычаев, быта рыбаков на промыслах. Сошлюсь лишь на то, что орудия лова достаточно хорошо описаны в трудах А.С. Скорикова, Д. Дьяконова, Н.А. Крюкова, В.В. Солдатова, в работах современных ихтиологов.

Для того, чтобы завершить рассмотрение социально-экономической стороны темы, необходимо определить общую тенденцию развития озерной рыбопромышленности и ее роль в экономике края. Надежных данных об объеме добываемой рыбы в озерах Сибири в целом нет. «О количестве добываемой в озерах рыбы еще затруднительнее достать более или менее точные сведения, чем в

речной промышленности. Из официальных документов только видно, что прежняя озерная добыча была гораздо обильнее…», – писалось в памятной книжке Западной Сибири за 1882 г.[104] Действительно, имеющиеся сведения разноречивы и неполны. Они есть лишь по наиболее крупным товарным районам. Общий вывод можно сделать все же следующий: в Западной Сибири в 1850-е гг. рыбодобыча в озерах составляла не менее 900 тыс. пудов[105], во второй половине XIX в. добыча значительно снизилась, в начале XX в. она снова возросла. На Барабинских озерах добыча выросла минимум вдвое: с 200 тыс. пуд. товарной рыбы в 1820-е гг. до 400 тыс. пуд. перед Первой мировой войной, когда общая ценность улова поднялась до 1 млн руб. и сравнялась с доходом от маслоделия в этом районе[106]. На Байкале однозначно прослеживается тенденция к падению промысла – с 295 тыс. пуд. в 1830-е гг. до 154 тыс. пуд. в 1900 г. и 115 тыс. пуд. в 1912 г.[107] Омуль, названный Ю. Гагемейстером «главным предметом народного продовольствия» в первой половине XIX века, в начале XX столетия стал в ряд деликатесов. В забайкальских озерах добыча рыбы, видимо, возросла. По сведениям А. Курбатова, в 1830-е гг. она составляла не менее 37 тыс. пуд. (Еравинские, Шакшинские, Котокель, Гусиное, Баунтовские озера)[108], в конце XIX в. равнялась 104 тыс. пуд. (Даурские – 12,5 тыс. пуд., Селенгинские – 15,8, Баунтовские – 0,9, Котокель – 75 тыс. пуд.)[109]. Эти весьма условные цифры показывают, что озерная рыба составляла около половины товарной рыбы Сибири: 0,7 млн пуд. из 1,5 млн пуд.[110]

Мелкая озерная рыба была предметом народного продовольствия в Сибири и на Урале, непременным блюдом в постные дни. Цена на нее на рынках Сибири в течение XIX в. менялась мало и стала расти лишь в начале XX в. с вывозом ее на рынок Европейской России. Озерная промышленность была сферой приложения крупных капиталов, но преобладало в ней крестьянское мелкое товарное производство и домашние промыслы. Главным двигателем освоения рыбохозяйственного фонда края были крестьянские и купеческие промысловые артели. Полезные выводы, которые могли бы сделать для себя из опыта прошлого хозяйственники наших дней, состоят, видимо, в необходимости охраны и всемерного увеличения естественного рыбохозяйственного фонда, в использовании немалых возможностей промысловой кооперации, выстоявшей в дореволюционный период в борьбе с крупным капиталом, в раз-

витии промысловой аренды силами приозерного населения, накопившего богатейшие двухвековые рыбопромысловые традиции.

Примечания

[1] См.: История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 374–375; Т. 3. С. 32, 33, 92, 94; *Крестьянство* Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 89–70; 204–205.

[2] *Пантелеев К.Н.* Озеро Котокел // Бурятоведение. Верхнеудинск. 1927. № 3–4. С. 21–29; *Березовский А.И.* Рыбное хозяйство Бурят-Монгольской АССР // Проблемы Бурят-Монгольской АССР. М.; Л., 1936; Т. II. С. 208–210; *Иоганзен Б.Г.* Рыбные ресурсы Томской области и их освоение // Рыбное хозяйство Томской области и продуктивность водоемов. Томск, 1951. С. 9–10; *Кожов М.М.* Очерк истории исследования рыб и рыбного промысла на озере Байкал и его бассейне // Рыбы и рыбное хозяйство в районе озера Байкал. Иркутск, 1958. С. 6–32; *Попов П.Ф.* Историческая справка о рыболовстве на озере Байкал // Там же. С. 33–42; *Кожов М.М., Спелит К.К.* Динамика добычи рыбы в Байкале и его бассейне // Там же. С. 504–525; *Егоров А.Г., Клименченко М.Д.* Очерк истории рыболовства на Байкале и прилегающих водоемах (от эпохи неолита до наших дней) // Известия / Биолого-географический НИИ при Иркутском университете, 1971. Т. 24. С. 193–233; *Асхаев М.Г, Егоров А.Г.* К истории рыболовства в системе озера Байкал // Вопросы развития народного хозяйства Бурятской АССР. Улан-Удэ, 1961. С. 148–153.

[3] *Малинин М.* Рыбопромышленность Сибири // Жизнь Сибири. 1922. № 4. С. 182–185; *Тюрин П.В.* Рыбные богатства Приенисейского края // Справочная книга Енисейского ГСНХ. Красноярск, 1923. С. 159–192; *Кудрявцев Ю.А.* К судьбе сибирской рыбопромышленности // Жизнь Сибири. 1925. №. 6. С. 74–85.

[4] *Березовский А.* Озера и озерное хозяйство // Сибирская советская энциклопедия: Материалы IV тома. Б.м., б.г. С. 70–82; *Дрягин П. Сметанин К.* Рыбное хозяйство // Там же. С. 729–737.

[5] *Бородина М.* Очерки хозяйственной жизни Баргузинского края // Очерки по изучению Прибайкалья. Иркутск, 1926. С. 5–36; *Орлова Е.Н.* Население по рр. Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт. Красноярск, 1928. 55 с. и др.

[6] См. библиографию к названным статьям М.М. Кожова, А.Г. Егорова и М.Д. Клименченко.

[7] См.: *Промышленность* и рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861–1917): Библиографический указатель. Томск, 1978. С. 93–105.

[8] В настоящей статье не рассматривается рыбопромышленность Байкала, представляющая самобытное явление.

[9] *Курбатов А.* Статистические сведения о лесной и рыбной промышленности Верхнеудинского округа // Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1941. С. 30–43; *Бестужев Н.А.* Гусиное озеро // Декабристы в Бурятии. Верхнеудинск, 1927. С. 41–78; *Сельский И.С.* Гусиное озеро // Вестник ИРГО. СПб., 1852. Ч. 6, кн. 1. С. 1–6; *Костров Н.* Каинская Бараба // Томские губернские ведомости. 1874. 13 июля; *Д.Н.* Рыболовство в Западной Сибири // Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1882. С. 338–368; *Дьяконов Д.* Путевые заметки об озере Сартлан // Записки ЗСОИРГО. Омск, 1888. Кн. VII, вып. 3. С. 1–22; *Крюков Н.А.* Некоторые данные о положении рыболовства в Приамурском крае. СПб., 1894. 87 с.; *Солдатов В.В.* Внеземледельческие домашние промыслы сельского населения и сельское рыболовство в Забайкальской области (по данным анкеты 1910 года) // Труды Амурской экспедиции. Хабаровск, 1912. Вып. II, т. V. 315 с.; *Скориков А.С.* Озерное рыболовство в Барабинском районе // Материалы к познанию русского рыболовства. СПб., 1913. Т. II, вып. 8. 87 с.; *Шостакович В.Б.* Отчет о поездке на Гусиное озеро // Известия ИРГО. СПб., 1916. Т. 2, вып. 6. С. 459–481; *Карасев Г.Л.* Материалы о рыбном промысле на Ивано-Арахлейских озерах в дореволюционный период. Ученые записки / Читинский пед. ин-т, 1963. Вып. 8. С. 96–101.

[10] *Щукин Н.С.* Рыбные промыслы в Восточной Сибири // Журнал МВД. СПб., 1847. Ч. 17. С. 205–234; *Колмогоров.* Скотоводство и рыболовство в Тарском округе Тобольской губернии // Журнал МВД, 1857. Ч. 23, отд. III. С. 11–44.

[11] *Лузанская Д.И., Сливина Н.О.* Рыбохозяйственный водный фонд и улов рыбы во внутренних водоемах СССР: Справочник. М.; Л., 1956. С. 217, 227, 362.

[12] *Дрягин П., Сметанин К.* Указ. соч. С. 729.

[13] *Березовский А.* Озера и озерное хозяйство. С. 70.

[14] *Описание* Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. С. 48–233; *Описание* Иркутского наместничества 1792 года. Новосибирск, 1988. С. 44.

[15] *Описание* Тобольского наместничества. С. 233.

[16] *Кожов М.М.* Очерк истории … С. 6–12.

[17] *Егоров А.Г.* Озеро Котокель // Известия Биолого-географического НИИ при Иркутском гос. ун-те, 1950. Т. XI, вып. 1. С. 6.

[18] *Материалы* для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1889. Вып. IV. С. 83.

[19] *ГАТО*. Ф. 144. Оп. 1. Д. 249. Л. 1.

[20] Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нем. Пгр., 1921. С. 297.

[21] *РГИА*. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1086. Л. 69; *Елизов Ф.В.* Рыбная и звериная промышленность по берегам озера Байкала // Известия СОИРГО, 1873. Т. IV, № 4. С. 176–178.

[22] *Крюков Н.А.* Указ соч. С. 30–34; *Елизов Ф.В.* Указ соч. С. 178.

[23] *Елизов Ф.В.* Указ. соч. С. 169–174; *Солдатов В.В.* Указ. соч. С. 278–279.

[24] *ГАОО*. Ф. 3. Оп. 1. Д. 48. Л. 11.

[25] Там же. Д. 291. Л. 4.

[26] *ГАОО*. Ф. 3. Оп. 1. Д. 291. Л. 11–271; *ГАТО*. Ф. 144. Оп. 2. Д. 12. Л. 10; *ЦХАФ* АК. Ф. 167. Оп. 1. Д. 178.

[27] *ЦХАФ АК*. Ф. 167. Оп. 1. Д. 178. Л. 1–7.

[28] *Худяков В.Н.* Аграрная политика царизма в пореформенный период. Томск, 1986. С. 259.

[29] *ГАТО. Ф*. 144. Оп. 2. Д. 12. Л. 11–16.

[30] *ГАОО*. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2870. Л. 27.

[31] *ГАТО*. Ф. 144. Оп. 1. Д. 298. Л. 1–3; Д. 495. Л. 74; Д. 502. Л. 1; Д. 528. Л. 13–38; д. 541. Л. 1–31; Д. 546. Л. 1–18.

[32] *ГАОО*. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4066. Л. 1–25.Подсчет.

[33] Там же. Д. 4034. Л. 6–20. Подсчет.

[34] Там же. Оп. 6. Д. 9959. Л. 2–9; Д. 12950. Л. 7–28. Подсчет.

[35] *ГАТО*. Ф. 240. Оп. 1. Д. 270. Л. 3–151. Подсчет.

[36] *ГАИО*. Ф. 24. Оп. 9. Д. 119. Л. 105.

[37] *Азиатская* Россия. СПб., 1914. Т. 2. С. 339.

[38] *Материалы* по изучению экономического быта … С. 205.

[39] *Томская* губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1868. Т. 61. С. XCVIII; Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868–1869 годов. СПб., 1871. Т. 60. С. CCXXVIII.

[40] *РГИА*. Ф. 398. Оп. 75. Д. 202. Л. 1–128.

[41] Там же. Д. 574. Л. 1.

[42] *Егоров А.Г.* Озеро Котокель. С. 6.

[43] *Стефанович Я.В.* От Якутска до Аяна. Путевые наблюдения // Записки ВСОИРГО по общей географии. Иркутск, 1896. Т. 2, вып. 3. С. 28.

[44] *ГАОО*. Ф. 3. Оп. 1. Д. 964. Л. 6–7.

[45] *Колмогоров.* Указ. соч. С. 38–41.

[46] *Скориков А.С*. Указ соч. С. 34–38. Подсчет.

[47] *Солдатов В.В.* Указ. соч. С. 111–112.

[48] Описание Тобольского наместничества. С. 26.

[49] *Курбатов А.* Указ соч. С. 38–41.

[50] *Карасев Г.Л.* Указ. соч. С. 96–97.

[51] *Щукин Н.С.* Указ соч. С. 230.

[52] *ГАОО*. Ф. 3. Оп. 1. Д. 48. Л. 40–41.

[53] *ГАОО*. Ф. 3. Оп. 1. Д. 48. Л. 12–13, 41, 50. По данным Омского областного суда, на Юдинской части Чанов в 1824 г. было более тысячи промышленников, добывавших около 50 тыс. пуд. рыбы (*ГАОО*. Ф. 3. Оп. 1. Д. 291. Л. 184).

[54] *ГАОО*. Ф. 3. Оп. 1. Д. 291. Л. 184.

[55] Там же. Д. 167. Л. 3–27; Д. 172. Л. 1.

[56] Там же. Д. 48. Л. 2.

[57] *Д.Н.* Указ соч. С. 355.
[58] *Гагемейстер Ю.* Статистическое обозрение Сибири … СПб., 1854. Ч. 2. С. 216.
[59] *Колмогоров.* Указ соч. С. 44.
[60] *Петропавловский Н.* По Ишиму и Тоболу // Записки ЗСОИРГО. Омск, 1886. Кн. VIII, вып. 1. С. 78.
[61] *Д.Н.* Указ. соч. С. 355.
[62] *ГАТО*. Ф. 144. Оп. 2. Д. 12. Л. 10; *РГИА*. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5191. Л. 20.
[63] *ЦХАФ* АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 178. Л. 7; *Дьяконов Д.* Указ. соч. С. 15.
[64] *ГАОО*. Ф. 3. Оп. 6. Д. 9959. Л. 609.
[65] *Петропавловский Н.* Указ. соч. С. 78.
[66] *Скориков А.С.* Указ. соч. С. 63–64.
[67] *Егоров А.Г., Клименченко М.Д.* Указ. соч. С. 200–201.
[68] *Сельский И.* Примечания к статье г. Пежемского // Вестник ИРГО.СПб., 1853. Кн. 8. С. 35–41.
[69] *Солдатов В.В.* Указ. соч. С. 111–279; *Крюков Н.А.* Указ. соч.
[70] *РГИА*. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1086. Л. 14.
[71] *Восточное* обозрение. 1900. 15 марта; *Пантелеев К.Н.* Озеро Котокел. С. 21–29.
[72] *Саянский* промыслово-охотничий район. С. 287, 364.
[73] *Скориков А.С.* Указ. соч. С. 28.
[74] *РГИА*. Ф. 398. Оп. 71. Д. 25883. Л. 1–3; Оп. 72. Л. 28183. Л. 10; *Скориков А.С.* Указ. соч. С. 58.
[75] *Колмогоров.* Указ. соч. С. 39–44.
[76] *ГАОО*. Ф. 3. Оп. 1. Д. 167. Л. 14, 16.
[77] *Скориков А.С.* Указ. соч. С. 28.
[78] Там же.
[79] Там же. С. 29.
[80] *РГИА*. Ф. Ф. 398. Оп. 72. Д. 28183. Л. 10.
[81] *Скориков А.С.* Указ. соч. С. 32.
[82] *Солдатов В.В.* Указ. соч. С. 243.
[83] *Курбатов А.* Указ. соч. С. 42–43; *Крюков Н.А.* Указ. соч. С. 34.
[84] *ГАОО*. Ф. 3. Оп. 167. Л. 7–26; Д. 48. Л. 50.
[85] *Скориков А.С.* Указ. соч. С. 67.
[86] *Дьяконов Д.* Указ. соч. С. 21.
[87] *Солдатов В.В.* Указ. соч. С. 277–279.
[88] *Шостакович В.Б.* Указ. соч. С. 438–439.
[89] *РГИА*. Ф. 398. Оп. 71. Д. 25883. Л. 13, 16, 65.
[90] *ГАОО*. Ф. 3. Оп. 3. Д. Д. 4066. Л. 13–25. Подсчет.
[91] Там же. Оп. 8. Д. 12950. Л. 7–28. Подсчет.
[92] *Материалы* для изучения экономического быта… С. 80–83.
[93] Там же.
[94] *Томские* губернские ведомости. 1860. 14 февр.

[95] *ГАОО*. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2870. Л. 23, 36–37, 275.
[96] *ГАИО*. Ф. 24. Оп. 6. Д. 1330. Л. 9, 12, 28–30, 51, 68, 84, 95–97, 231.
[97] *Дьяконов Д.* Указ. соч. С. 14–20; ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 546. Л. 18.
[98] *Скориков А.С.* Указ. соч. С. 52.
[99] *Скориков А.С.* Указ. соч. С. 52–53; ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 270.
[100] *РГИА*. Ф. 398. Оп. 71. Д. 25883. Л. 65.
[101] *Дьяконов Д.* Указ. соч. С. 11.
[102] *Солдатов В.В.* Указ. соч. С. 142.
[103] *Скориков А.С.* Указ. соч. С. 15.
[104] *Д.Н.* Указ. соч. С. 355.
[105] *Гагемейстер Ю.* Указ. соч. С. 216; *Колмогоров*. Указ. соч. С. 39–44.
[106] *Скориков А.С.* Указ. соч. С. 38
[107] *Курбатов А.* Указ. соч. С. 39–40; *Егоров А.Г., Клименченко М.Д.* Указ. соч. С. 218.
[108] *Курбатов А.* Указ. соч. С. 39–40.
[109] *Крюков Н.А.* Указ. соч. С. 30–31; *Пантелеев К.Н.* Озеро Котокел. С. 30.
[110] *Азиатская* Россия. Т. 2. С. 339.

II. ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА МОДЕРНИЗАЦИИ СИБИРИ

2.1. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному

Автор статьи уже несколько раз выступал по данной теме на различных научных форумах[1], однако, зная по собственному опыту, насколько живучи прежние представления о течении исторического процесса, продолжает транслировать одни и те же идеи. Хотя некоторые результаты достигнуты, особенно благодаря чтению спецкурса «Становление индустриального общества в России» в 1992–2002 гг. в Томском университете[2], остается необходимость пересмотра старых концепций индустриального освоения Сибири для подготовки нового обобщающего труда по истории Сибири. Со времени выхода последнего такого труда – «История рабочего класса и крестьянства Сибири» – прошло уже более 20 лет.

Сейчас нет необходимости доказывать наличие предпосылок для Октябрьской революции в Сибири, но остается потребность в изучении особенностей перехода Сибири от традиционного общества к индустриальному.

Сибирь, как и Россия в целом, в XVIII–XX вв. переживала период перехода от аграрного общества к индустриальному. Именно этот процесс являлся главным движущим механизмом жизни страны, а прочие экономические, социальные и политические процессы были производными от основного сущностного течения истории. Становление индустриального общества в каждом регионе России имело свои особенности, хотя в основном определялось общероссийскими факторами.

В изложении индустриальной истории Сибири в XVIII–XX вв. целесообразно исходить из теории постиндустриализма, согласно кото-

рой все общества проходят как минимум три стадии эволюции – аграрную, индустриальную и постиндустриальную, или информационную. Переход от аграрной стадии к индустриальной именуется обычно модернизацией. По этой причине постиндустриальные теории еще называются модернизационными. Они продолжают прогрессистские традиции мыслителей эпохи Просвещения XVIII в., позитивистские и марксистские формационные теории XIX в. С 60-х гг. XX в. именно постиндустриальные теории претендуют на роль наиболее общей исторической парадигмы. Постулатами ее по-прежнему остаются признание законов в истории, стремление человеческого общества к прогрессу и справедливости на основе совершенствования технологии жизнеобеспечения.

Теория эта также признает многовариантность, альтернативность исторического процесса, которая обусловлена многообразием историко-географических условий жизни людей. Чем ниже уровень развития технологии жизнеобеспечения, тем больше человеческое общество в своей организации зависит от окружающих условий. Аграрная стадия предполагает множество способов производства и основанных на них культурно-исторических типов общества. Известны античный (рабовладельческий), феодальный, азиатский, тропический, номадный, американский и т.д. способы аграрной стадии развития общества. По достижении обществом индустриальной стадии варианты развития сокращаются до двух исторически известных – капиталистического (западного), основанного на частной собственности, наемном труде, свободном рынке и политическом лидерстве класса собственников; и социалистического (советского), основанного на государственной собственности, наемном труде, регулируемой системе производства и распределения, политическом лидерстве класса работников. Китай и другие развивающиеся страны, возможно, покажут иные варианты индустриализма.

Альтернатива возникает на стадии завершения промышленной революции (первой модернизации), когда формируются основные классы индустриального общества: промышленная буржуазия и промышленный пролетариат. Они вступают в борьбу за социальное лидерство и политическую власть в новом индустриальном мире. Вспомните период чартизма в Англии, Парижскую коммуну, «героический период» германской социал-демократии, классовые бои в США в 80–90-е гг. XIX в., наконец, революционную Россию пер-

вой четверти XX века. История показала, что победа той или другой стороны реальна и определяется конкретной ситуацией. Отметим, кстати, что этот момент непреодолимо сложен для антикоммунистов[3], которые, отказываясь признать роль Октябрьской революции и советского периода в модернизации страны, договариваются до «негативной модернизации» и оказываются, по выражению Н.Л. Рубинштейна, в «захолустном и затхлом тупичке» истории[4].

Переход от аграрного общества к индустриальному в России, как и в любой другой стране, прошел ряд последовательных этапов, которые обозначу привычными для нас марксистскими терминами: 1) первоначальное накопление капитала, 2) промышленная революция, 3) индустриализация. Четвертый этап – общество массового потребления – был скрыт в советской социологии под понятием «развитой социализм». Последующая научно-техническая революция подготовила предпосылки к переходу в постиндустриальный мир, в котором главную роль играют не аграрное или промышленное производства, а информационные технологии и производство услуг. Страны «золотого миллиарда» уже близки к новой модели общества. Россия же на этом переходе, по мнению многих ученых, застряла, не будучи готовой для новой трансформации[5].

Догоняющий тип модели индустриального развития России определился еще в аграрную эпоху, когда в стране затянулся период ее земледельческого освоения, вследствие перманентного расширения границ и гигантской географической протяженности государства. Последним актом экстенсивной аграрной колонизации стало освоение целинных и залежных земель Сибири и Центральной Азии в 50-е гг. XX в. Общество в России, еще не завершив процесса экстенсивного аграрного развития, начало переход в индустриальное. Возможность линейного роста экономики России обусловила запаздывание ее качественных изменений по сравнению с Западной Европой, а также узость сферы индустриальных преобразований в экономике в XVIII – первой трети XX в.

Первый этап становления индустриального общества в России – это первоначальное накопление капитала, которое, как известно, характеризуется разложением классов-сословий старого аграрного общества и созданием предпосылок для формирования новых социальных слоев, определяется временным отрезком с XVIII по 1930-е гг. Начало ему положила не экспроприация собственности мелких товаропроизводителей (крестьян и ремесленников), как в

классическом английском варианте, а использование крестьянского труда на мануфактурах. Казна и помещики сделали индустриальный труд разновидностью феодальных повинностей. Так был рожден «особый строй» русской промышленности. Перенесение традиций аграрного общества в индустриальную сферу не могло дать прочного результата, но крепостной труд на протяжении 150 лет сохранял конкурентоспособность и тормозил развитие капиталистической индустрии.

Отмена крепостного права в сельском хозяйстве и промышленном производстве ускорила процесс разложения крестьянства и дворянства, но и в начале XX в. в аграрной сфере было занято 4/5 населения России. Ликвидация классов аграрного общества произошла во время Революции 1917 г., Гражданской войны и коллективизации. Экспроприацию пролетарским государством крестьянской собственности в период массовой коллективизации в 1929–1933 гг. можно считать завершением процесса первоначального накопления капитала в России. На самом деле, И.В. Сталин лишь завершил дело разорения мелких крестьянских хозяйств, начатое Петром I, продолженное Александром II, С.Ю. Витте, П.А. Столыпиным.

Второй этап индустриальной эволюции России – промышленная революция (первая модернизация) – длился с первой половины XIX в. до 60-х гг. XX века. Промышленная революция в России началась в 20–40-е гг. XIX в. в текстильном и механическом производствах, в водном транспорте, продолжилась в других отраслях обрабатывающей промышленности, проявилась в строительстве железных дорог, автотранспорте, электросвязи во второй половине XIX – начале XX в., а завершилась механизацией добывающих отраслей промышленности, строительства, сельского хозяйства в 30–60-е гг. XX в.

Особенностями промышленной революции в России стали: 1) решающая роль английской технологии в начале технического переворота и значительная роль западноевропейской технологии впоследствии; 2) значительная, часто решающая роль государства в финансировании и управлении индустриальным сектором экономики; 3) переход роли политического лидера общества к рабочему классу на завершающем этапе промышленной революции; 4) верхушечный характер промышленного переворота в XIX в. (обрабатывающая промышленность, транзитный транспорт), отсюда узость

индустриальной сферы; 5) большая, чем в Европе, роль механизации транспорта и связи.

Третий этап становления индустриального общества в России – индустриализация (экстенсивное расширение индустриальной сферы) – шел параллельно с промышленным переворотом в догоняющих отраслях экономики и первоначальным накоплением в аграрной сфере. Это обусловило многоукладность российской экономики, отмеченную В.И. Лениным в начале XX в.

Процесс индустриализации начался в России во время промышленного подъема 90-х гг. XIX в., а завершился на рубеже 50–60-х гг. XX в., когда большую часть национального дохода стала давать промышленность, там же стала трудиться большая часть самодеятельного населения, а более половины жителей страны стали горожанами. К этому времени были исчерпаны трудовые ресурсы деревни, возможности экстенсивного роста советской экономики и начался поиск путей ее реформирования. Сталинский «большой скачок» резко увеличил индустриальную сферу, сделал решающий шаг в механизации добывающих отраслей, начал механизацию сельского хозяйства, сделал первые шаги второй модернизации обрабатывающих отраслей на основе внедрения конвейерного производства и научной организации труда. Решения партийных съездов конца 50-х – начала 60-х гг. зафиксировали построение в СССР индустриального общества. Советской спецификой индустриализации была государственная, плановая ее форма, ликвидация рыночных отношений, политическая, экономическая, моральная диктатура рабочего класса в виде партийно-бюрократической административной и репрессивной системы.

Четвертый этап становления индустриализма в СССР – общество массового потребления пришелся на 60–80-е гг. XX в. В партийных документах это нашло отражение в термине «развитой социализм». Также, как и в других странах, в России революция массового потребления произошла на основе второй модернизации, давшей массовую стандартную продукцию. В это время резко возросли доходы населения СССР, произошла смена жизненного стандарта, появился современный набор жизненных благ, бытовая техника. Конечно, жизненный стандарт в СССР был невысок по сравнению с развитыми капиталистическими странами, но далеко опережал развивающиеся страны. СССР уверенно входил в число наиболее развитых стран мира по индексу человеческого развития. Особен-

ностью жизни в СССР был дефицит товаров и услуг вследствие отставания производства предметов потребления от роста заработной платы, корпоративное распределение товаров, нарушение главного продекларированного принципа советского общества – оплаты по труду, замедленные темпы демократизации. В результате начавшейся революции потребления выделился небольшой слой среднего класса – 10–15% населения. Сформировались потребительская психология и сознание населения, но они не получили адекватного удовлетворения. Уравнительная политика в оплате труда, ограничения творческой и трудовой инициативы, чтобы не допустить расслоения общества, двойная мораль партхозноменклатуры лишали стимулов к труду основную часть населения, раскололи общество, лишили его устойчивости и скомпрометировали социалистическую идею. Плановое централизованное управление уже не могло эффективно руководить усложнившимся хозяйственным механизмом, требовавшим перехода на саморегулирование. Сложившаяся система не принимала новшества научно-технической революции. Механизм торможения сковал развитие производительных сил. Массовое недовольство и нетерпение населения, косность номенклатуры, ее ответственность за преступления авторитарного режима, экономический кризис, большие расходы на внешнеполитическую экспансию привели к потере власти КПСС, распаду СССР.

Сибирь прошла те же ступени модернизации, что и вся Россия. В XIX – начале XX в. Сибирь была аграрной колониальной окраиной, на 90% крестьянской страной, в которой темпы аграрной колонизации далеко опережали темпы промышленного освоения. Особенностями сибирского варианта были отставание по времени от аналогичных российских процессов, еще большая ее зависимость от экономической политики государства, зависимость темпов и масштабов модернизации края от капитала центра страны, решающая роль транспорта, сырьевая направленность развития индустрии, значительно большая роль двигателей электрических и внутреннего сгорания в механизации производства, нежели в европейском варианте. Российские особенности модернизации в Сибири усиливались и не были принципиально иными.

История индустриализации Сибири разделяется на следующие этапы: 1) XVII – первая четверть XVIII в. – начало частного раннекапиталистического предпринимательства в весьма скромных мас-

штабах; 2) вторая четверть XVШ в. – первая четверть XIX в. – рост, а затем господство феодального предпринимательства Казны, Кабинета, дворянства в мануфактурной промышленности; 3) вторая четверть XIX в. – 1861 г. – кризис феодальной промышленности, рост и победа частного капиталистического предпринимательства в транспорте, промышленности, господство капиталистической мануфактуры в золотодобыче, начало промышленного переворота в водном транспорте; 4) 1861 г. – первая половина 90-х гг. XIX в. – крах феодального предпринимательства, господство капиталистической мануфактуры во всей промышленности, начало промышленного переворота в ней, утверждение пароходства, начало железнодорожного строительства; 5) вторая половина 90-х гг. XIX в. – 1930-е гг. – промышленный переворот во всех отраслях экономики, начало индустриализации[6].

В 1940–60-е гг. в Сибири быстрыми темпами продолжался процесс индустриализации, причем опережающими темпами развивалась тяжелая промышленность – металлургия и угольная отрасль, а также лесодобыча, опять же для нужд горнометаллургической промышленности. С середины 60-х гг. Сибирь стала главной топливно-энергетической базой страны, основным поставщиком нефти и газа, каковой и остается до сих пор.

Если определить место Сибири в экономике России, то это место поставщика сырья. В XVII в. главным сибирским товаром была пушнина, в XVIII в. – пушнина и серебро, в XIX в. – золото и зерно, в начале XX в. – зерно. В советское и нынешнее время – нефть и газ.

За исключением первого периода освоения края (XVII в.), направление развития экономики Сибири зависело от воли центрального российского правительства, от нужд и экономических интересов Европейской России. Сибирь всегда давала стране больше, чем получала. При этом получала не то, что хотело население региона, а то, что предлагали Петербург и Москва. Так, железнодорожное сообщение появилось в Сибири не раньше, чем этого потребовали военно-стратегические интересы страны на Дальнем Востоке. Большая часть сибирских регионов до сих пор не имеет газоснабжения, доходы от нефтяных рек до сих пор текут мимо сибиряков.

Сибирь всегда испытывала дефицит финансов. Это обстоятельство отмечали публицисты и экономисты в XIX в., скудным было финансирование сибирской экономики в советское время. В 1930–40-е гг. льви-

ную долю финансов забирал Кузбасс. Например, индустриализация Томской области началась только в 1950-х гг.

Сибирь всегда испытывала дефицит кадров для индустрии и других отраслей экономики и социальной сферы. Несмотря на нынешний кризис, квалифицированных кадров не хватает и сейчас.

Вплоть до 90-х гг. XX в. Сибирь была объектом промышленной и аграрной колонизации. Сюда приезжало больше людей, чем выезжало. Вплоть до 1930-х гг. аграрная колонизация заслоняла быстрый рост сибирских городов, и доля городского населения – главного показателя индустриальных перемен – не росла.

Условия жизни в Сибири были хуже, но всегда была существенно выше заработная плата. Сейчас процесс освоения края и его колонизации остановился, а на Севере пошел вспять. Если бы не миграция русского населения из стран Центральной Азии, то в Сибири бы явно обозначился процесс депопуляции. На Дальнем Востоке он уже очевиден.

Можно сделать вывод, что Сибирь всегда считалась в России скорее колонией, чем равноправной провинцией. Неважно, какая это колония – экономическая или политическая. Неважно, какой при этом политический строй в России – монархия, пролетарская диктатура или демократическая республика[7].

Отношение к Сибири со стороны центра не меняется, но меняется удельный вес края в экономике страны, меняется геополитическое значение региона, поскольку его ресурсы стали главным экспортным потенциалом России[8]. Растет осознание сибиряками своей значимости для страны в целом, растет и чувство несправедливости, обостренное современным экономическим кризисом и появлением новых «собственников» у сибирских ресурсов. Скорее рано, чем поздно, это чувство станет существенным региональным фактором в распределении сырьевых доходов и в изменении характера индустриализации Сибири от сырьевого к высокотехнологичному.

Примечания

[1] *Зиновьев В.П.* Этапы индустриального развития Сибири // Научная сессия Томского университета (апрель 1992 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. Часть 1: Социально-экономические и гуманитарные науки. С. 91–94; *Он же*. Этапы индустриального освоения Сибири // Хозяйственное освоение Сибири. ТГУ, 1994. С. 5–28; *Он же*. Революции XX в. в России в свете теории модернизации // Историческая наука на рубеже веков: Материалы

Всероссийской научной конференции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 16–26; *Он же*. Октябрьская революция 1917 г. в контексте перехода России от аграрного общества к индустриальному // Труды научно-практической конференции «Октябрьская революция и ее место в истории XX века». Томск, 2000. С. 15–20; *Он же*. Россия: исторические традиции и вызов времени // Вестник института России. Вып. 1: Сборник материалов конференции «Россия: политика, экономика, культура, история». Тайбей, 2001. С. 232–237; *Он же.* Особенности становления индустриального общества в Сибири в XIX – начале XX в. // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XVIII–XX вв. Томск, 2003. С. 35–48.

[2] *Зиновьев В.П.* Концепция специального курса лекций «Становление индустриального общества в России» // Новое в изучении и преподавании истории в вузах. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. С. 34–36; *Он же.* Этапы становления индустриального обществ в России // Цивилизационные и формационные подходы к изучению отечественной истории. Теория и методология (конкретно-исторические проблемы). М.: МАДИ, 1996. Вып. 3. Ч. 1. С. 25–30; *Он же*. Становление индустриального общества в России: Методическое пособие к специальному курсу лекций. Томск: ТГУ, 1998. 26 с.

[3] См.: *Хорос В.Г.* Русская история в сравнительном освещении: Пособие для учащихся старших классов с углубленным изучением истории, гимназий и лицеев. М., 1996. С. 132–134.; *Хачатурян В.М.* История мировых цивилизаций: Пособие для общеобразовательных учебных заведений. М., 1999. С. 471.

[4] *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941. С. 95.

[5] См.: *Вишневский А.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1988. 430 с.; *Иноземцев В.Л.* Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М., 1999. С. 3–64; Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия. М., 1999. 301 с.; *Стародубровская И., Мау В.* Великие революции от Кромвеля до Путина – http://www.liberal.ru/lib.asp?Num=36 и др.

[6] *Зиновьев В.П.* Сибирь в экономике России XVIII – начале XX в. // Сибирь в составе России. XIX – начало XX в. Томск, 1999. С. 29–30.

[7] См. об этом: *Шиловский М.В.* Сибирь в XX веке: некоторые итоги развития // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 2001. Вып. 5. С. 3–24.

[8] *Дубнов А.П.* Россия, Урал, Сибирь и Дальний Восток в ситуации геополитического, мирохозяйственного и социокультурного полицентризма // Сибирь в геополитическом пространстве XXI века. Новосибирск, 1998. С. 137.

2.2. Государственное и частное предпринимательство в Сибири. Этапы взаимодействия

(Первая публикация: Предпринимательство в Сибири: Материалы научной конференции. Барнаул. 7–9 сентября 1993 г. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. С. 3–6.)

Известно, что особенностью становления индустриального производства в России являлось сильное государственное вмешательство в этот процесс. В XVIII в. государственное регулирование выразилось в насаждении мануфактур, основанных на крепостном труде. Феодальная индустрия выдвинула Россию в число наиболее развитых промышленных стран мира, хотя и имела ограниченные перспективы. В XIX в. государство владело крупным производством, прежде всего в оборонной сфере, в железнодорожном транспорте, Казна активно занималась предпринимательством через управления государственных имуществ. Государственное регулирование сказалось также на относительно сжатых сроках промышленного переворота в стране, длившегося с 1830-х до 1890-х гг., на формировании государственно-монополистических структур в начале XX в., на полном господстве государственно-организованного производства начиная с 1930-х гг., на государственном формировании экономики на современном этапе ее перехода от плановой распределительной к рыночной.

Особенностью развития предпринимательства в Сибири было отставание по времени и интенсивности от аналогичных процессов в России, что было связано с ее положением колониальной окраины.

Изучение сохранившихся статистических и аналитических материалов о динамике промышленности, транспорта, торгового дела в крае позволило выделить ряд этапов в развитии государственного и частного предпринимательства, связанных с этапами индустриального освоения Сибири[1].

Первый из них охватывал XVII – первую четверть XVIII в., когда на территории Сибири был чрезвычайно слаб контроль феодального государства и освоение края шло преимущественно на

основе частной инициативы промышленников, купцов, служилых людей, опиравшихся на свободную рабочую силу «гулящих» людей. Этот этап можно считать началом частного раннекапиталистического предпринимательства в Сибири.

Второй этап занимает отрезок времени со второй четверти XVIII в. по первую четверть XIX в. Он характерен постепенным вытеснением из промышленности частного капиталистического предпринимательства феодальными предпринимателями – Казной, Кабинетом, дворянами. Под контроль государства перешла винокуренная промышленность (были скуплены заводы откупщиков Походяшиных и Глебовых), солеваренная промышленность. Заводов лишились даже монастыри. Кабинет сосредоточил в своих руках наиболее прибыльное горное дело. Заводы частных лиц поступили в Казну, а затем в Кабинет. Казна за фискальные долги приобрела предприятия Ланина, Савельева, Власьевского, Демидовых на Алтае и Сибиряковых в Нерчинском округе. Частный капитал преобладал в водном транспорте, гужевой доставке, промыслах, судостроении, подрядах, торговле.

Третий этап охватил время со второй четверти XIX в. по 1861 г. Это период кризиса государственно-феодального предпринимательства. Кризисные явления проявились в том, что сделались убыточными и закрылись посессионные и помещичьи заводы и фабрики, стала очевидной неэффективность каторжного труда в металлургии, винокурении и солеварении. Это привело к закрытию большей части казенных винокурен, убыточности каторжных предприятий. Кризис кабинетского производства выразился в полной экономической его несостоятельности. Если 1000 пуд. серебра в 1770 г. выплавлялась силами 4 тыс. мастеровых и 25 тыс. приписных крестьян, то в 1819 г. – 17 тыс. мастеровых и 86,7 тыс. крестьян, а в 1860 г. – 20890 мастеровых и 134028 приписных крестья[2]. Кабинетская металлургия держалась исключительно за счет их дармового труда и переводного курса стоимости серебра в ассигнации. Кризис феодального предпринимательства сказался и на его неспособности овладеть новыми доходными отраслями. Новая промышленность – золотодобыча на 90% была в руках частного капитала. Старые отрасли, опиравшиеся на принудительный труд, остались за Казной и Кабинетом, новые, применявшие труд наемных работников, были в основном частнокапиталистическими. Это

золотодобыча, пароходство, обрабатывающая промышленность, за исключением солеварения, винокурения и сукноделия.

Четвертый этап занимает 1861–1917 гг. В это время происходит крах феодального предпринимательства: закрываются почти все каторжные заведения, кабинетские заводы. Кабинет сохраняет позиции только в золотодобыче и черной металлургии. Частный капитал занял господствующее положение в промышленности, транспорте и торговле. Государственное предпринимательство в это время ограничилось железнодорожным транспортом, лесопромышленностью.

Пятый этап связан с революцией 1917 г., которая создала условия для ликвидации частной инициативы. Государственная плановая экономика, допускавшая в 1920-е гг. некоторую долю частного капитала, с 1930-х гг. полностью его уничтожила или поставила в нелегальное положение.

Шестой этап развития государственного и частного предпринимательства в Сибири начался на наших глазах и связан с реформами рыночного характера.

Таким образом, в отношениях государственного и частного предпринимательства в Сибири можно выделить несколько периодов.

1. XVII в. – первая половина XIX в. – противодействие государства частнокапиталистической инициативе, поддержка дворянского предпринимательства, широкомасштабное казенное производство.

2. XIX в. – 1917 г. – период взаимодействия государства и частного предпринимательства: время, когда государственная Казна брала на себя наиболее капиталоемкие проекты, прежде всего создание путей сообщения, занимала ниши, не обеспеченные частным капиталом, такие как лесопромышленность, строительство. Подобное взаимодействие способствовало быстрым темпам освоения Сибири.

3. 1917–1980-е гг. – противодействие и уничтожение частной инициативы.

4. Начало 1990-х гг. – период нового сотрудничества государства с частным бизнесом.

Несложно сделать прогноз, что взаимодействие государственного и частного предпринимательства в экономическом освоении Сибири неизбежно из-за гигантских затрат на разработку природных ресурсов и на развитие инфраструктуры.

Примечания

[1] *Зиновьев В.П.* Этапы индустриального развития Сибири // Научная сессия Томского университета (апрель 1992 г.) Ч. 1: Социально-экономические и гуманитарные науки. Томск, 1993. С. 91–94.

[2] *РГИА*. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 2. Л. 188–189; Памятная книжка для русских горных людей на 1863 год. СПб., 1863. С. 30–34.

III. РАБОЧИЕ СИБИРИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

3.1. Рабочие Сибири в 1907–1917 гг.

(Первая публикация: Рабочие Сибири в период капитализма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 4–37)

Социально-экономическая характеристика рабочих Сибири в период между двумя революциями представляет несомненный научный интерес. Без нее невозможно глубокое изучение предпосылок социалистических преобразований в крае. Она способна также добавить ряд заметных штрихов к социальному портрету пролетариата всей России в период 1907–1917 гг.

Специальных исследований по вопросу нет, хотя о численности, социальном составе, уровне классовой зрелости, экономическом положении рабочих Сибири этого периода содержатся сведения и принципиальные суждения в ряде статей и монографий советских историков. По преимуществу это труды последних пятнадцати лет. Первые попытки развернутого анализа отряда сибирских рабочих в межреволюционное время представлены в работах историков Февральской и Октябрьской революций 1917 г. В. Сафронов, М.М. Шорников, Д.М. Зольников, В.А. Кадейкин, Г.К. Волкова, С.А. Сидоренко[1] убедительно показали, что в Сибири в предреволюционное десятилетие сложился значительный отряд наемных рабочих. Но названные авторы не пришли к единой точке зрения в его качественной и количественной оценке[2]. Не внесла достаточной ясности в этот вопрос и монография А.А. Мухина[3].

В последнее время появились работы, посвященные отраслевым отрядам рабочих края[4]. Привлечение новых источников, более конкретное изучение предмета позволили этим исследователям во многом уточнить полученные данные, расширить представление о

социальной структуре и экономическом положении промышленных и транспортных рабочих Сибири в начале XX в., в том числе и в межреволюционное десятилетие. Однако и сейчас практически белым пятном остаются для историков рабочие таких отраслей, как строительство, связь и коммунальное хозяйство, торговля, рыбные и лесные промыслы. Отмеченное сохраняет актуальность дальнейшего исследования вопроса[5].

Хозяйственная структура Сибири начала XX в., определявшая характер и количественные параметры армии наемных рабочих в регионе, диктовалась ее местом в экономической системе царской России. Она являлась краем интенсивной колонизации, направление которой служило интересам господствующих классов страны и превратило Сибирь в аграрно-сырьевой придаток промышленного центра России. Преобладающее развитие в этих условиях получило сельское хозяйство, которое в 1913 г. дало две трети продукции края, в то время как промышленность – только четверть[6]. Промышленность все более ориентировалась на переработку сельскохозяйственного сырья. Некогда ведущие горнодобывающие отрасли в предвоенный период уступили первое место пищевкусовой промышленности. В 1900 г. она дала 65% всей суммы производства региона (включая Дальний Восток и часть Казахстана), в 1912 г. – 55,8%, в 1915 г. – 39,6% [7]. В 1910–1913 гг. стоимость продукции пищевкусовых отраслей составила 81,1% суммы производства обрабатывающей промышленности, или 54,7% суммы производства всей промышленности Сибири[8].

Край был прочно связан с центром страны Транссибирской магистралью. В межреволюционное десятилетие железнодорожная сеть увеличилась за счет дорог, протянувшихся на юг Сибири, в хлебные и горные районы. В 1906 г. длина стальных путей равнялась 4837, в 1913 г. – 5556, а в 1917 г. – 7150 верстам[9]. В 1913 г. было перевезено 298,8 млн пуд. грузов. К 1916 г. объем перевозок увеличился до 480 млн пуд. (1917 г. – 390 млн пуд.)[10].

Водный транспорт значительно уступал железнодорожному по грузообороту (109 млн пуд. в 1909 г.)[11]. Но он играл важную роль во внутреннем обращении, связывая северные и южные районы края между собой и железной дорогой. Водный транспорт Сибири рос количественно и качественно. Если в 1908 г. на водных артериях региона курсировали 777 судов, из них 235 пароходов и тепло-

ходов, то в 1914 г. – 1183 судна, из которых 316 являлись пароходами и теплоходами, 96 – моторными[12].

Местные перевозки почти целиком осуществлялись гужевым транспортом, по 108,9 тыс. верст шоссейных и грунтовых дорог (1911 г.)[13].

Важной частью хозяйства являлось строительство. В рассматриваемый период было построено или строилось около 2,3 тыс. верст железных дорог, сотни промышленных предприятий, в т.ч. таких крупных, как кемеровская коксохимическая фабрика, риддеровский рудник, консервный завод в Кургане, культурные, общественные здания, жилые дома в городах и сельской местности. О потребности в строительстве можно судить по тому, что население Сибири с 1897 по 1917 г. почти удвоилось (с 6,0 до 11,5 млн чел.)[14], а городское население возросло более чем в три раза, при этом основное увеличение падало на межреволюционное десятилетие в связи с переселением.

Значительное развитие в крае получили лесоразработки. Они обслуживали главным образом нужды строительства, транспорта и горнодобывающих предприятий[15].

Заметное место в хозяйстве региона занимало рыболовство. В бассейнах рек и крупных озер ежегодно добывалось около 1,2 млн пуд. рыбы[16].

Расширялась в начале XX в. и торговая сеть Сибири. В 1912 г. число торговых заведений в ней равнялась 61,9 тыс.[17] Внутренний торговый оборот накануне Первой мировой войны достиг 500 млн руб. в год[18]. Из Сибири вывозилось сельскохозяйственное сырье, продукты, лес, уголь, золото, ввозились промышленные товары, сахар, чай.

Уровень капиталистического развития региона в целом можно представить, определив его долю в населении и в различных отраслях экономики страны. В 1917 г. Сибирь при 7% всего населения России[19] давала шестую часть (16,6%) валового сбора хлебов[20], около 2% стоимости промышленного производства[21]. На ее долю приходилось 8,3% железных дорог[22], 7,5% пароходов[23], 5,5% торговых заведений[24]. Следовательно, Сибирь имела сравнительно развитое сельское хозяйство, слабую промышленность, средние по уровню развития транспорт и сферу обращения. Здесь еще не закончился промышленный переворот. Вместе с тем промышленность (прежде всего горная), транспорт, сфера обращения имели

высокую степень обобществления. В них господствовали государство и монополии центра страны[25]. Такова была, в общих чертах, экономическая основа формирования отряда наемных рабочих в Сибири.

***

Исследователи не раз пытались определить численность наемных рабочих, занятых в народном хозяйстве края в межреволюционный период, главным образом на итоговый – 1917 г. (см. табл. 1). Приведенные в ней результаты подсчетов резко разнятся – от 200 тыс. у В. Сафронова до 1200 тыс. у А.А. Мухина. Причины столь значительных расхождений уже указывались в исторической литературе[26]. Они заключаются в различном понимании авторами социальных границ рабочего класса, территориальных рамок Сибири, использования различных методик и источников подсчетов. На самом деле, если В. Сафронов учел лишь промышленных и транспортных рабочих[27], то Д.М. Зольников указал общее число лиц наемного труда[28], А.А. Мухин и М.М. Шорников включили в число наемных рабочих крестьян, ушедших на промыслы[29], в то время как в составе «промысловиков» находились мелкие товаропроизводители, торговцы, люди свободных профессий, охотники, т.е. лица, не имевшие отношения к наемному труду[30]. Неправомерным, на мой взгляд, является выделение в отдельную категорию наемного труда чернорабочих, поскольку они имелись во всех отраслях хозяйства[31].

Территориальные границы подсчетов различны у всех исследователей. Следуя за дореволюционным административным делением, они включали в состав Сибири Дальний Восток и часть Казахстана, входившую до революции в Акмолинскую и Семипалатинскую области. Эту территорию имел в виду В. Сафронов. М.М. Шорников исключил из нее Семипалатинскую область. В.А. Кадейкин и Д.М. Зольников, наоборот, не брали Дальний Восток, но сохранили часть Казахстана – Степной край. С.А. Сидоренко не признал сибирскими Якутскую и Забайкальскую области, но учел Акмолинскую область. А.А. Мухин взял Сибирь с Дальним Востоком и отнес к сибирским Петропавловский уезд Акмолинской области. Использование данных, хронологически далеких от даты подсчетов, также не способствовало их точности. Все это вместе взятое обусловило значительные расхождения в полученных результатах.

В своих подсчетах автор настоящей статьи имеет в виду территорию современной Сибири, включавшую до революции Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую губернии, Забайкальскую и Якутскую области и Омский уезд Акмолинской области. В тех случаях, когда Омский уезд источник не выделяет, учитывалась вся область. По возможности использовались среднегодовые данные. Итоги подсчетов изложены в табл. 2. Необходимо хотя бы кратко объяснить, каким образом были получены приведенные цифры.

Сведения о числе рабочих в добывающей промышленности (угле- и золотодобыче, горнорудные отрасли) получены главным образом из официальной отчетности за указанные годы – 1908, 1914 и 1917 гг. Лишь на 1917 г. по Западно-Забайкальскому и Зейскому округам (Алданский район) использованы данные 1916 г.

В графу «Фабрично-заводская промышленность» включены и сведения о горных заводах (металлургических, солеваренных и шлифовальном). Сведения В.А. Скубневского[32] дополнены данными о числе рабочих на казенных винных складах и в типографиях, учтенных им частично[33].

В графу «Обрабатывающая промышленность» включены сведения о наемных рабочих как в крупной, так и в мелкой промышленности, в т.ч. и в ремесленных заведениях. К сведениям губернских обзоров, из которых вычтены данные о добывающей промышленности, прибавлены число рабочих на горных заводах, неучтенные полиграфисты и рабочие казенных винных складов, ремесленники крупных городов (по обследованию 1910 г.), рабочие таких ремесленных центров, как Шатрово, Усолье, Барнаульский уезд[34]. На 1917 г. приняты данные 1914 г. с вычетом числа рабочих, занятых на закрытых винных складах, но с учетом увеличения рабочих на горных заводах (с 1,2 тыс. в 1914 г. до 4,2 тыс. в 1917 г.). Такое решение автора основано на том, что фабрично-заводская промышленность края, несмотря на некоторое сокращение в 1915 г., к 1917 увеличила число рабочих. Велика вероятность такой тенденции и в развитии мелкой промышленности, которая тоже получила военные заказы.

Сведений о числе работников связи в 1908 г. нами не найдено, поэтому приняты данные А.Е. Плотникова на 1905–1907 гг., которые, как утверждает автор, вполне достоверны[35].

О числе лесорабочих отрывочные данные получены из сведений местных статистических комитетов, опубликованных в обзорах губерний. Так, в 1908 г. в Томской губернии лесными промыслами были заняты 2 тыс. чел., в Иркутской – 4 тыс., в Енисейской губ. и Забайкалье для обслуживания горных предприятий необходимо было не менее 8 тыс. лесорабочих, а в целом по Сибири около 20 тыс. В 1913 г. в связи с ростом угледобычи и шахтной добычи золота усилилась потребность в лесе, и только в Иркутской губернии на лесоразработках трудились 9 тыс. чел.[36], а в целом по краю – не менее 25 тыс. Данные за 1913 г. приняты и для 1917 г.

Число рабочих на рыбных промыслах было установлено с помощью трудов П.М. Головачева и В.В. Солдатова. Первый назвал число наемных рабочих в наиболее развитых рыболовецких районах Сибири – в низовьях Оби и на Байкале – 12,5 тыс. на 1910 г.[37] Второй на эту же дату привел число занятых рыболовством и среди них наемных рабочих (471 из 6 тыс. среднегодовых) в Забайкалье[38]. Принимая во внимание, что уровень развития отрасли во всех районах Сибири, исключая нижнее течение Оби и Байкал, был одинаков, и имея сведения губернских обзоров о занятых рыболовством в 1908 и 1912–1914 гг., автор приблизительно подсчитал общее число наемных рабочих, занятых на рыбных промыслах.

Таким образом, хотя наши подсчеты отличаются от статистически достоверных и в ряде моментов содержат элемент предположительности, они отталкиваются от реальных фактов и источников, учитывают хозяйственную конъюнктуру, в крайнем случае, опираются на косвенные указания. Конечно, приведенные цифровые показатели нуждаются в дальнейшем уточнении. Но, по мнению автора, они пригодны для анализа и в настоящем виде.

Сравнение данных за 1908 и 1913–1914 гг. показывает увеличение общего числа наемных рабочих во всех отраслях, а в итоге – на 122 тыс. чел., что явилось прямым следствием интенсивного движения края по капиталистическим рельсам. В годы Первой мировой войны замедлились темпы роста числа рабочих в промышленности, снизилось число занятых в водном транспорте, в строительстве и торговле. Все это обусловило уменьшение количества наемных рабочих в крае с 650 тыс. в 1913–1914 гг. до 633 тыс. в 1917 г. Есть основание думать, что это сокращение было большим, так как

за неимением сведений по лесным и рыбным промыслам, по сельскому хозяйству на 1917 г. на эту дату перенесены итоги подсчетов на 1913 г., однако в этих отраслях в связи с мобилизацией, вероятнее всего, произошло снижение занятости. Доля наемных рабочих в общем числе населения Сибири составила в 1917 г. 6%, а в среднем по России – около 10% [39]. Такое соотношение отвечало уровню их экономического развития. В Сибири было сосредоточено около 4% всех наемных рабочих России.

Концентрация рабочих в Сибири была также меньшей, чем в Европейской России (см. табл. 3). Лишь каменноугольные копи и железнодорожные депо и мастерские отличались высокой степенью сосредоточения рабочих. К 1917 г. 85,8% сибирских шахтеров находились на копях с числом рабочих не менее 500, из них с числом не менее 1000 на каждой – 57,7% (1908 г. – 57% и 44% соответственно)[40]. Аналогичные показатели для железнодорожных депо и мастерских – 49,5% и 28% на 1917 г. (71,1% и 42,1% на 1907 г.)[41].

В промышленности Сибири, как и в России в целом, шел процесс концентрации рабочих на крупных и крупнейших предприятиях. В 1908 г. на предприятиях с числом рабочих более 500 на каждом работало 8,2 тыс. чел. (11,4%), в 1914 г. – 13,1 тыс. (16,0%), в 1917 г. – 33,3 тыс. (33,5%). Из них на предприятиях с числом рабочих более 1000 соответственно – 4,3, 6,5, 18,1%. При этом в горных отраслях степень сосредоточения рабочих была значительно большей, чем в обрабатывающих. В 1908 г. на горных предприятиях с числом рабочих более 500 трудились 16,2% всех рабочих, в 1913 г. – 20,2%, в 1917 г. – 39%. К 1917 г. концентрация рабочих на промышленных предприятиях в Сибири достигла среднего уровня. Для сравнения скажем, что в России в 1913 г. на таких трудились 54% рабочих, в США в 1914 г. – 32,5%. В 1914 г. на одно крупнейшее предприятие в России приходилось 1400 рабочих, в Сибири – 930 (1917 г. – 1040), в США – 1100, в Германии – 900[42]. Следует отметить, что в наших подсчетах промышленность мелкая исключалась[43].

Размещение наемных рабочих на территории Сибири не было равномерным. Для промышленных рабочих это диктовалось особенностями освоения природных ресурсов края. В Восточной Сибири, менее благоприятной для аграрной колонизации, большее

развитие получила горнодобывающая промышленность (80% сибирских горняков). В то же время предприятия обрабатывающих отраслей находились преимущественно в Западной Сибири, и они занимали, вместе с мелкими заведениями, четыре пятых всех рабочих этих отраслей. В целом по Сибири три пятых промышленных рабочих имела Западная Сибирь, а две пятых – Восточная (1913–1914 гг.). Если же исключить мелкие заведения, то перевес был на стороне Восточной Сибири (см. табл. 4). Наиболее промышленно развитыми являлись Иркутская, Томская губернии и Забайкальская область. Они сосредоточивали около 60% горных и фабрично-заводских рабочих Сибири и по этому показателю опережали в 1914 г. 25 губерний Европейской России, а в 1917 г. – 26 губерний из 58, т.е. находились в середине ранжированного ряда[44]. По доле промышленных рабочих в общем числе населения Иркутская губерния и Забайкалье входили в двадцать наиболее промышленно развитых губерний страны. По уровню промышленного развития Сибирь была близка к Северу Европейской России, Нижнему и Среднему Поволжью, Белоруссии, Закавказью. В то же время она в громадной степени отставала от Центрально-Промышленного района, Петербургской губернии, Юга России, Урала. Достаточно сказать, что доля промышленных рабочих в общем числе населения Петербургской губернии в 1917 г. равнялась 15,3%, Московской губернии – 11,8%, Пермской – около 5%, Екатеринославской – около 3%, в то время как в Сибири – 0,9%, в Закавказье (вместе с Бакинскими нефтепромыслами) – 1,2%, на Севере – 0,6%, в Белоруссии – 0,6%, в поволжских губерниях – 1% [45]. Следовательно, отсталость Сибири очевидна только рядом с промышленными центрами страны и не являлась таковой при сравнении с другими экономическим районами России. Сибирь даже несколько опережала Белоруссию, Север России, Среднюю Азию. В крупнейшей из сибирских губерний – Томской – в 1917 г. было около 230–240 тыс. наемных рабочих[46].

Данные табл. 4 наглядно показывают также, что в 1908–1914 гг. аграрная колонизация по своим темпам опережала промышленное развитие края, вследствие чего доля промышленных рабочих в общем числе населения снизилась с 0,9% в 1908 г. до 0,8% в 1914 г. В 1914–1917 гг. имел место обратный процесс.

Важной особенностью размещения пролетариата края, которая уже отмечалась в литературе[47], было преимущественное расположение крупных отрядов его в полосе железных дорог и в немногих городах на них. Здесь находились практически все транспортные рабочие. В 1912 г. 23 крупнейшие станции железных дорог имели от 900 до 4 тыс. рабочих и служащих[48]. Водники концентрировались главным образом в Томске, Омске, Тюмени, Новониколаевске, Красноярске, Барнауле. В городах и на железных дорогах сосредоточивались не менее половины строителей и большая часть служащих и рабочих торговли. Только в Томске, Омске, Иркутске, Красноярске было около 15,2 тыс. приказчиков (1912–1913 гг.)[49].

В то же время промышленные рабочие размещались главным образом за городской чертой. Если фабрично-заводские предприятия обрабатывающей промышленности являлись по большей части городскими и на них трудились до 2/3 всех рабочих крупных заведений[50], то мелкая промышленность была рассеяна в сельской местности. В 1913–1914 гг. 60% рабочих обрабатывающей промышленности являлись жителями села. Горняки края работали на предприятиях, расположенных преимущественно вдалеке от общественно-политических и экономических центров (2/3 рабочих отрасли). Лишь каменноугольные копи находились вблизи железных дорог. Всего же в полосе железных дорог и в крупнейших городах Сибири в 1917 г. находилось около 290 тыс. наемных рабочих, или приблизительно 70% рабочих, занятых вне сферы сельского хозяйства.

Крупные отряды рабочих имелись в золотоносных районах: Ленско-Витимском (14 тыс.)[51], Алданском (5 тыс.)[52], Енисейском (3,3 тыс.)[53] и летом – в низовьях Оби (10 тыс. рыбаков)[54]. Золотые прииски, вследствие первобытного состояния путей сообщения, были изолированы от внешнего мира большую часть года, поэтому работавшие на них являлись наиболее разобщенной частью пролетариата края. В целом же размещение наемных рабочих Сибири следует признать благоприятным для их участия в общественно-политической жизни региона.

***

Неоднородность социального состава рабочих Сибири являлась следствием неравномерности экономического развития народного хозяйства края.

Наиболее сформировавшийся в классовом отношении отряд пролетариата находился на железных дорогах Сибири. Здесь кадровые рабочие, по мнению Б.И. Земерова, составляли в 1909–1917 гг. до 85% всех рабочих[55].

Речники Сибири уже к началу XX в. имели слой кадровых рабочих в 2/3 их общего числа. На треть они являлись потомственными судорабочими[56]. С учетом грузчиков и берегового состава долю кадровых рабочих среди водников края можно принять равной 50%.

В фабрично-заводской промышленности Сибири к началу рассматриваемого периода уже сложились кадры постоянных рабочих. На горных заводах они сформировались еще во второй половине XIX в.[57] На других крупных предприятиях обрабатывающей промышленности, переход которых на фабричную стадию к 1908 г. практически завершился[58], костяк настоящих рабочих также образовался. Это убедительно показал В.А. Скубневский на примере Хайтинской фарфоровой фабрики[59]. Но фабричные предприятия оставались островками в море мануфактурных заведений и мелких товаропроизводителей. В 1908–1914 гг. они сосредоточивали едва третью часть всех рабочих отрасли[60].

Не менее сложным был социальный состав рабочих горнодобывающей промышленности. Здесь интенсивно шел процесс формирования постоянных рабочих параллельно с процессом технической перестройки предприятий. Но он не завершился вплоть до 1917 г. В 1916 г. из 913 предприятий горной и горнозаводской промышленности к фабричным относились 98 (8,2 тыс. рабочих), к находящимся в состоянии перехода от мануфактуры к фабрике – 101 (22,2 тыс. рабочих), к мануфактурным и мелким заведениям – 714 (32,9 тыс. рабочих)[61]. Это предопределяло социальную пестроту отряда горняков. Среди них были как кадровые фабричные, так и постоянные мануфактурные рабочие, недавние крестьяне и кустари-золотничники. Слой кадровых фабричных рабочих был значителен на золотых и серебросвинцовых рудниках, приисках с драгированием россыпей[62], постоянные рабочие преобладали на каменноугольных копях[63]. В то же время на приисках «Лензото» они составляли 24,8% (1912)[64], а по золотопромышленности – не более пятой части рабочих. В целом в горной и горнозаводской промыш-

ленности слой постоянных рабочих не превышал треть всего контингента занятых, а доля кадровых рабочих-пролетариев фабричного типа – 10–12% [65].

Таким образом, не менее 46% всех рабочих транспорта и промышленности края накануне Первой мировой войны были постоянными, а слой кадровых рабочих фабричного типа достигал 40%. Для отсталой в промышленном отношении окраины, какой являлась Сибирь, это значительная цифра.

Авангардным отрядом рабочих Сибири являлись металлисты. В Сибири они были представлены рабочими 23 маталлообрабатывающих заводов (1,6 тыс.)[66], не меньшим числом рабочих в механических мастерских при горных предприятиях и 11,6 тыс. рабочих железнодорожных депо и мастерских[67], всего около 15 тыс. чел.

Значительный процент профессиональных наемных рабочих был в строительстве. Так, в 1910 г. из 7658 опрошенных рабочих-строителей Амурской железной дороги 1517 не имели земли, 4754 – усадеб, 4097 – скота и инвентаря[68], т.е. большинство имело с землей чисто формальную связь.

В других отраслях производства состав наемных рабочих был менее пролетарским. Основным поставщиком рабочей силы для народного хозяйства Сибири оставалось как местное, так и пришлое крестьянство. Крестьяне пополняли ряды рабочих там, где сформировались пролетарские кадры, и были основным компонентом складывания пролетарского слоя в тех отраслях, в которых процесс классообразования не завершился. Участие в этом процессе других социальных и административных групп – городских низов, ссыльнопоселенцев, лиц несвободного труда – было много меньшим[69].

Таким образом, социальный состав наемных рабочих края не стабилизировался и указывал на их классовую незрелость. Отряд сибирских рабочих являлся формирующейся частью российского пролетариата, за счет которой последний рос вширь и пополнял свои ряды.

Более однородным был половозрастной состав рабочих Сибири. Женский и детский труд не получил широкого применения в промышленности, на транспорте и в строительстве. Причины этого заключались как в малочисленности женского населения в крае, так

и в характере самого производства, опиравшегося главным образом на тяжелый ручной труд.

В горной промышленности доля женского и детского труда в 1907 г. равнялась 7,3%, в 1913 г. – 4,6% [70]. В обрабатывающей промышленности (1914 г.) женщин было 16,6%, подростков и малолетних – 14,6%. На железнодорожном транспорте работало, по различным данным, 5,3–7% женщин[71].

Отряд сибирских рабочих был многонационален, при численном преобладании русских. На горных промыслах они составляли в 1908 г. 82,6%, в 1913 г. – 67,4% всех работающих. Вторым крупным компонентом в межреволюционный период стали иностранные рабочие (корейцы, китайцы). В 1908 г. их было 13,6%, в 1913 г. – 27,4% горнорабочих. На горных промыслах трудились в 1908 г. 0,3% рабочих из коренных народностей Сибири, в 1913 г. – 0,7%. Из других национальностей следует отметить татар, казахов, поляков[72].

Железнодорожники в 1910–1914 гг. на 91–92% состояли из русских, на 3–6% из поляков, литовцев, латышей, немцев, коренных народностей Сибири[73]. Иностранные рабочие сосредоточивались главным образом в горной промышленности Восточной Сибири. Они являлись основными рабочими на забайкальских золотых приисках[74]. Использование массового дешевого труда иностранных рабочих служило тормозом на пути технического прогресса в золотопромышленности Восточной Сибири и объективно затрудняло формирование в ней пролетарских кадров.

Рабочих из коренных народов Сибири в промышленности и транспорте в предвоенный период было немного. Значительное их число трудилось на рыбных промыслах[75], на лесозаготовках[76].

В период Первой мировой войны произошли существенные перемены в составе наемных рабочих края. Основной источник пополнения рынка труда – деревня – был истощен мобилизациями. К 1917 г. оказались в солдатских шинелях 995,2 тыс. сибирских крестьян[77], или около половины трудоспособных мужчин сельской местности. Сюда вошло и значительное число рабочих из крестьян в промышленности и транспорте. В 1914–1915 гг. призвали в армии 39–42% железнодорожников, 14% рабочих обрабатывающих отраслей[78], 35–40% русских рабочих золотых приисков[79]. Одновре-

менно резко сократился приток отходников из Европейской России. По подсчетам А.А. Мухина, их число составило в 1915 г. 10,5 тыс., а в 1912 г. оно достигало 106 тыс.[80]

Рабочих рук между тем требовалось больше, чем до войны. В 1916 г. только в горной промышленности требовалось 28 тыс. рабочих, или более 30% наличного числа рабочих[81]. Дефицит покрывался за счет более широкого применения женского и детского труда, массового привлечения иностранных рабочих-сезонников, использования военнопленных, насильственно мобилизованных из коренных народов Сибири, каторжных, беженцев.

Представление о составе рабочих в промышленности Сибири можно получить из сведений по оборонным предприятиям края (включая Дальний Восток и часть Казахстана) на 1916 г. Сюда входили как предприятия обрабатывающей промышленности (частично или полностью работавшие на оборону), так и горнодобывающей (приравненные к оборонным). Из 104,4 тыс. работавших на этих предприятиях насчитывалось 36,8% мужчин русского подданства, кроме рабочих из коренных народов Сибири и Казахстана (9,4%), 5,8% женщин, 5,2% подростков и детей обоего пола, 6,6% военнопленных и 36,1% иностранных рабочих. Из 38464 мужчин 560 являлись военнослужащими, 15456 получили отсрочки от призыва и 250 были возвращены из действующей армии[82].

И.И. Серебренников в своем дневнике приводит сведения о составе рабочих на 31 декабря 1916 г. по 347 предприятиям оборонной промышленности Сибири, включая некоторые прииски и пароходство, с общим числом рабочих в 44407 чел. Из названного числа было взрослых русских мужчин 17439 (39,3%), из коренных народов Сибири – 8,1%, военнопленных – 8,1%, иностранных рабочих – 29,7%, женщин – 7,6%, подростков и детей – 7,3%. Из русских рабочих 44% были военнообязанными[83]. Приведенные показатели свидетельствуют об ослаблении качественного состава рабочих в промышленности и на транспорте.

Обращение к другим источникам подтверждает эту картину. В 1916 г. в горной и горнозаводской промышленности Сибири доля русских рабочих снизилась до 55,1%, в то же время доля иностранных рабочих увеличилась до 33,3%, аборигенов Сибири до 3,1%. Военнопленные составили 5,8% всех горнорабочих. Доля женщин

и детей выросла до 5,9% [84]. Около 10% всех рабочих были лицами принудительного труда[85].

Выросло использование женского и детского труда в обрабатывающей промышленности. Если в 1914 г. на предприятиях, подчиненных фабричной инспекции Томской губернии, было 27,11% женщин и детей, то в 1916 г. – 34,46% [86]. Больше стало работать женщин на железной дороге, в строительстве. В строительном отделе Риддеровского рудника в январе 1917 г. женщины и дети составляли 1,5%, военнопленные – 55,5%, в октябре 1917 г. – 20,2% и 50,2% соответственно[87]. На постройке Кемеровского коксохимического завода женщины, дети, военнопленные составляли 51,0% общего числа рабочих на 1 янв. 1917 г.[88]

Из источников военного времени в пополнении рынка труда в крае большую роль играли военнопленные. К концу 1917 г. в Сибири находилось 230,7 тыс. военнопленных, из них 137 тыс. было занято вне сельского хозяйства[89]. Насильственно мобилизованные из аборигенов Сибири и Казахстана, беженцы не оставили заметного следа в формировании армии труда в Сибири. По данным И.Г. Мосиной, в июле 1916 г. из 106 тыс. беженцев лишь 30% были трудоспособными, 18,9 тыс. их размещались в крупных городах[90].

В целом перечисленные факты свидетельствуют о негативном влиянии условий военного времени на социальный состав рабочих Сибири. В то же время поступательное развитие промышленности и транспорта вплоть до начала 1917 г., освобождение от призыва в армию с 1915 г. рабочих на оборонных предприятиях не могли не оказать положительного воздействия на социальные процессы, происходившие в отряде сибирских наемных рабочих.

Это выразилось не только в количественном увеличении занятых в промышленности и транспорте и в усилении степени концентрации рабочих на крупных и крупнейших предприятиях, но и в увеличении слоя постоянных рабочих в таких отраслях, как золотопромышленность, добыча полиметаллических руд. Положительным являлся и сам факт вовлечения в рабочую среду вчерашних крестьян, подростков, женщин, представителей коренных народов Сибири, что способствовало их пролетарскому воспитанию, хотя на первых порах и ослабляло состав рабочих. Контакт и совмест-

ный труд русских рабочих с рабочими других национальностей, военнопленными способствовали развитию интернационализма.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на действие негативных факторов, ядро постоянных рабочих в промышленности и транспорте края сохранилось. На железных дорогах доля постоянных рабочих, по подсчетам Д.М. Зольникова, составляла не ниже 43% в 1917 г.[91] На каменноугольных копях и приисках «Лензото» она равнялась 40%, а в целом по золотопромышленности Сибири – 22% (исключая иностранцев и лиц принудительного труда – 40–50%). Во всей горной промышленности доля постоянных рабочих не превышала 30%, из них кадровых фабричных рабочих – 10% [92]. В водном транспорте и в обрабатывающей промышленности, по которым сведений нет, вероятно, шли те же процессы. Исходя из того положения и опираясь на вышеназванные цифры, можно приблизительно определить число постоянных рабочих в промышленности и на транспорте края на 1917 г. Оно равнялось 95 тыс., или 35% рабочих названных отраслей. Это, конечно, грубая прикидка, но дающая некоторое представление о сдвигах в пролетарском ядре сибирских рабочих. Сокращение его как количественное, так и относительное не было катастрофическим и коснулось максимум пятой части.

Необходимо отметить также численный рост авангардного отряда пролетариата – металлистов. На металлообрабатывающих предприятиях края, по подсчетам В.А. Скубневского, трудились около 6 тыс. рабочих[93]. В железнодорожных депо и мастерских находилось в 1916 г., по разным подсчетам 18,2–22,2 тыс. человек[94]. Механические мастерские горнодобывающих предприятий, кроме того, насчитывали 1–1,5 тыс. рабочих-металлистов. Всего к 1917 г. в Сибири было 25–30 тыс. металлистов, сосредоточенных преимущественно в крупных городах и на главных станциях железных дорог.

В межреволюционное десятилетие в отряде сибирских рабочих произошли существенные изменения. Он вырос численно, стал более концентрированным В промышленности и на транспорте сложился костяк постоянных рабочих, хотя процесс формирования пролетарских кадров в промышленности не закончился вплоть до

1917 г. В годы Первой мировой войны кадровый состав сибирских рабочих был серьезно ослаблен, но пролетарское ядро сохранилось.

***

Экономическое положение различных групп сибирских рабочих не было одинаковым. Характеристика его определяется главным образом продолжительностью рабочего дня, величиной заработной платы и условиями труда и быта[95].

Отраслевые отряды рабочих Сибири имели различное число рабочих дней в году и различную длительность рабочего дня. Железнодорожники трудились от 293 до 338 дней в году в зависимости от службы[96]. Рабочие золотопромышленности в 1906/07 г. работали 310 дней, в 1912–1914 гг. – 308,5 дня, в 1915–1917 гг. 301, 6 дня[97]. Шахтеры угольных копей работали 260–280 дней[98]. Строительный сезон длился 5–6 месяцев[99]. Приказчики в большинстве случаев вообще не имели выходных[100].

Число выходов на работу было меньшим, нежели число дней работы предприятий, вследствие прогулов, невыходов по болезни и другим причинам. В июле 1914 г. горняки 20 крупнейших предприятий трудились в среднем 21,1 дня в месяц, а предприятия работали 24,1 дня. В июле 1916 г. соответствующие показатели составили 21,6 и 26,2 дня в месяц[101].

В среднем рабочие Сибири имели такой же рабочий год, как и рабочие соответствующих категорий в Европейской России.

Продолжительность рабочего времени (абсолютного рабочего дня) по отраслям была различной. Она колебалась также в зависимости от сезона и рода работ на отдельных предприятиях. На железной дороге рабочее время колебалось в пределах 9–12,7 часа[102] (по данным Д.М. Зольникова, 7–14 часов, а в среднем составляло 11,2 часа летом и 9,6 часа зимой)[103].

Среднее рабочее время на приисках Сибири в 1906–1907 гг. равнялось 9,3 часа, в 1912–1916 гг. – 9,7 часа. Летом оно было длиннее зимнего на 1,5–3 часа. Рабочее время до 8 часов имели в 1906–1907 гг. 20,2% рабочих, в 1912–1914 гг. – 17%, в 1915–1916 гг. – 11% [104]. На горных заводах оно равнялось 9–10 часам[105], на каменноугольных копях – 9,8 часа[106]. В целом горняки Сибири имели примерно такое же рабочее время, что и другие рабочие горных отраслей страны – около 10 часов[107]. Рабочие обрабатывающей промышленности трудились летом 9–12 часов, зимой 7–

13 часов, в среднем – 10–10,5 часа[108]. Рабочие и служащие торговли работали 9–11 часов[109], строители – 9,5–11 часов, при этом иностранные рабочие – до 12 часов[110]. Строители железных дорог трудились по 11–12 часов[111], рыбаки – 6–10 часов (в среднем 8,5 часа)[112]. В среднем рабочие названных отраслей работали около 10 часов в сутки (без учета рыбаков – 10,3 часа), т.е. столько же или немногим больше, чем в целом по стране[113]. Средние цифры, однако, скрывают, что на многих промышленных предприятиях рабочие трудились по 12–16 часов в сутки[114]. Рабочий день удлинялся сверхурочными работами, плохой организацией труда, порой длительными переходами до рабочего места. У горняков основное рабочее время составляло в 1914 г. 9,7–10 часов, сверхурочное – 0,1–0,2 часа, обеденные перерывы – 2–2,5 часа, время на распределение и путь до рабочего места – 1–1,5 часа, а весь рабочий день составлял 12,8–14,2 часа. По подсчетам Д.М. Зольникова, на железных дорогах рабочий день длился летом 14 часов, зимой – 11,4 часа, в горной промышленности – 13 и 10,1 часа, в обрабатывающей – 12,0 и 11,6 часа[115]. В целом это также не превышало общероссийских норм.

Заработная плата сибирских рабочих разнилась по отраслям. Наиболее высокой она была у железнодорожников – 63 руб. в среднем в месяц в 1905 г., 51 руб. в месяц в 1910 г., 65 руб. в месяц – в 1916 г.[116] Горняки получали в 1905–1909 гг. 31,9 руб. в месяц, в 1910–1914 гг. – 37,3 руб. в месяц[117]. Рабочие обрабатывающей промышленности получали в 1908 г. 20,6 руб. в месяц[118], в 1914 г. – около 25 руб.[119] Приказчики зарабатывали 20–35 руб. в месяц (1910–1914 гг.)[120], строители при 25 рабочих днях в месяц – 43 руб. (1911 г.)[121], на строительстве железных дорог – 37,5 руб. (1910 г.)[122]. Рыбаки зарабатывали 100–200 руб. в год, или по 19 руб. в месяц[123]. В предвоенное время средняя заработная плата рабочих в промышленности, транспорте и строительстве составляла 42 руб. в месяц. Это значительно выше, чем в целом по стране. Среднемесячные заработки рабочих промышленности Европейской России составляли в 1905–1909 гг. 23,0 руб., в 1910–1914 гг. – 25,9 руб.[124] Шахтеры Донбасса получили в 1913 г. 33,9 руб., металлурги Юга России – 40,6 руб.[125], железнодорожники страны – 34,7 руб. в месяц[126].

Наиболее высокую заработную плату получали квалифицированные рабочие – машинисты, драгеры, слесари, токари, литейщики, плотники, маляры – от 50 до 145 руб. В среднем по 40 руб. в месяц зарабатывали квалифицированные рабочие-горняки, прочие получали 20–30 руб. в месяц. Женщины и подростки получали от 10 до 22 руб. в месяц[127].

Значительны были сезонные колебания заработной платы, особенно у рабочих приисков[128]. Преобладала сдельная форма оплаты труда, меньше распространена была повременная. Применялись и премиальные системы. На железных дорогах в 1910 г. премиальные добавки составляли 13,8%, в 1916 г. – 21,5% всего заработка[129]. На Иркутском солеваренном заводе выдавали премии за перевар соли, на драгах – за перемыв песков[130]. Делались попытки вовлечь рабочих в участие в прибылях («Лензото»)[131].

Широко были распространены натуральные виды оплаты труда. Железнодорожники получали в виде пособий, бесплатного обучения детей в школах, выдачи спецодежды, квартирного обеспечения в 1905 г. 14,2% всей заработной платы, в 1910 г. – 19,6%, в 1916 г. – 15,5% [132]. Горняки в натуральном виде получали половину всей оплаты труда (1911–1913 гг. – 49,3%). На мелких предприятиях натуральные выдачи составляли до 90% всего заработка[133]. Широко распространена была работа за харчи среди приказчиков, в мелких заведениях обрабатывающей промышленности, у рыбаков.

Номинальная оплата труда рабочих Сибири имела тенденцию к повышению. В этом же направлении изменялась и реальная заработная плата. Это можно проследить на примере горнорабочих. Если уровень 1895–1899 гг. взять за 100%, то уровень 1900–1904 гг. будет равен 110,9%, 1905–1909 гг. – 114,24%, 1910–1914 гг. – 116,63% [134].

Рабочие Сибири получали заработную плату, которая была много меньше стоимости рабочей силы. Д.М. Зольников, опираясь в основном на материалы по Забайкалью, пришел к выводам, что заработную плату, обеспечивающую прожиточный минимум семьи, получали в 1913 г. 31,8% железнодорожников, 20% горняков (1914 г.) и 12% рабочих остальных профессий[135]. По нашим подсчетам, касающимся горняков всей Сибири, оказывается, что содержать семью из 4 человек могли 9,5% рабочих угольных ко-

пей, 27% рабочих на приисках с драгами, 3,5% рабочих «Лензото», 7,4% всех горняков края. При этом 14,4% рабочих не могли обеспечить себя[136]. Таким образом, даже наиболее высокооплачиваемые рабочие края – горняки и железнодорожники – в подавляющем большинстве не могли обеспечить воспроизводства рабочей силы.

Норма эксплуатации между тем росла. У железнодорожников она составляла в 1910 г. 48%, в 1914 г. – 61% [137]. В золотопромышленности норма эксплуатации в 1905–1909 г. – 105%, в 1910–1914 гг. – 110%. На приисках «Лензото» в те же годы – 160% и 150% [138]. У шахтеров Судженских копей в 1912 г. – 110% [139]. В среднем по горной промышленности норма эксплуатации колебалась в пределах 100–130%. В промышленности России она была несколько ниже – около 100%. В доказательство этого можно привести такие цифры[140]. Норма прибыли неотчетных предприятий Сибири равнялась в 1912 г. 9,6%, в России в целом – 8,4%. При приблизительно равном органическом строении капитала норма эксплуатации в Сибири была выше. Норма прибыли неотчетных золотопромышленных предприятий Енисейской губернии составила в том же году 26%, Иркутской – 12,5%. Прибыль торговых неотчетных заведений в Сибири была также выше. В Сибири норма составила 7,4%, в России – 6,3% [141].

Условия труда рабочих Сибири оставляли желать много лучшего. Если на железных дорогах, в горной промышленности, на казенных предприятиях существовали правила соблюдения элементарной техники безопасности, то на предприятиях обрабатывающей промышленности их не было вплоть до 1914 г. Малочисленность членов надзора делала контроль фикцией. В крае на 800–900 горных предприятий с занятыми на них в разные годы от 40 до 67 тыс. рабочих находились 30–35 чиновников горного надзора. О качестве технического персонала можно судить по такому факту: в горной промышленности Сибири на 1909 г. лишь 4% всего персонала среднего звена имели специальное горное образование[142]. Состояние оборудования предприятий было ниже всякой критики. Ревизия Анжерских копей, хорошо оборудованных по сибирским понятиям, обнаружила «приведение оборудования и обустройства копи к крайнему обветшанию»[143]. В 1917 г. техническая комиссия Совета рабочих депутатов Судженских копей признала неисправ-

ными 6 паровых котлов, 4 насоса, 3 подъемные машины, освещение плохим, электропроводку ненадежной[144]. На угольных копях и приисках штреки проходились узко для экономии времени и денег, работа по колено в воде считалась «сухой». На предприятиях обрабатывающей промышленности были тесны производственные помещения, с плохой вентиляцией и освещением. На металлургических заводах, солеварнях, винокуренных и кожевенных заводах рабочие дышали отравленным воздухом. Спецодежда выдавалась регулярно только на казенных заводах.

Устарелость и медленная замена оборудования, отсутствие надлежащей техники безопасности, длительный рабочий день вели к утомлению рабочих, частым травмам и гибели.

На железных дорогах в 1905 г. пострадали 1606 чел., или 1,56% всех рабочих, в 1908 г. – 1447 чел. (1,8%), в 1914 г. – 1382 чел. (1,59%)[145].

В горной и горнозаводской промышленности официальная статистика зарегистрировала в 1907 г. 991 несчастный случай – 2,3% рабочих, из них 37 (0,09%) погибли. В 1914 г. соответствующие показатели составили 4204 (9,81%) и 56 (0,13), в 1916 г. – 2423 (5,86%) – 38 (0,009%)[146]. Официальная статистика в несколько раз занижала число травм. В 1915 г. в Енисейском горном округе врачами учтено 1564 травмы, а горным инженером – 302[147]. Большинство несчастных случаев происходило по вине хозяев. Так, в 1911 г. на приисках Витимского округа по вине хозяев произошло 65,19% всех несчастных случаев (считая и случаи из-за опасности производства)[148].

В то же время в Сибири отсутствовало сколько-нибудь удовлетворительное медицинское обслуживание. Одна больница в Сибири приходилась на 29,25 тыс. кв. верст и на 18,4 тыс. чел., на одного врача в Сибири приходилось 19304 кв. версты и 12,5 тыс. чел., в Европейской России – на 288 кв. верст и 7,7 тыс. чел. Официальные лица признавали, что медицинский персонал за Уралом «поставлен перед невыполнимой задачей»[149]. Конечно, на промышленных предприятиях медицинское обслуживание было поставлено лучше. В 1913 г. на 761 прииск с 41,6 тыс. годовых рабочих приходилось 115 больниц и приемных покоев, 12 врачей, 117 фельдшеров и 14 акушерок[150]. Свои больницы имели железные дороги, крупные предприятия горной и обрабатывающей промышленности. Но и

здесь качество и оперативность медицинского обслуживания были низкими.

Рабочие жили частью в собственных домах, образующих целые рабочие поселки, порой – в землянках, а частью – в деревянных бараках, построенных за счет Казны или хозяев. На предприятиях с постоянным составом рабочие жили оседло, обзаводясь хозяйством, скотом, усадьбами. В Забайкалье в 1917 г. 48,9% железнодорожников имели хозяйства со скотом[151]. Таких рабочих на приисках была десятая часть, на копях – пятая[152].

Теснота и антисанитария являлись непременными атрибутами жилья рабочих. В 1913 г. на одного живущего в казармах на приисках приходилось 3,6 кв. м жилья, на каменноугольных копях – 4,4 кв. м. В домах рабочих копей на семью приходилось 5,7 кв. м жилой площади, на приисках – 14,8 кв. м. Рабочие жили в казармах (бараках) без разделения холостых и женатых.

Дети рабочих могли получить образование в объеме начальной школы, и то не всегда. В 1911 г. в Сибири учились 26,1% мальчиков и 11,7% девочек школьного возраста, в среднем – 19,1% детей[153]. Дети железнодорожников имели возможность посещать ведомственные школы, дети городских рабочих – министерские. Дети горняков в редких случаях имели возможность получить образование. В 1913 г. в 37 школах на горных промыслах учились 2,7 тыс. учеников из 14 тыс. детей школьного возраста в горных районах[154].

В целом экономическое положение сибирских рабочих было более незавидным, чем у рабочих Европейской России. Они имели немного более продолжительный рабочий день, их эксплуатировали более варварскими методами. Они были еще более обделены в отношении образования, социального обеспечения, более стеснены с административно-правовой стороны. В то же время наемные рабочие Сибири получали более высокую заработную плату как в номинальном, так и в реальном выражении.

В годы Первой мировой войны положение рабочих Сибири, как и в целом по стране, резко ухудшилось. Прежде всего, резко снизилась реальная заработная плата, несмотря на ее номинальный рост. Так, реальная оплата труда горняков от уровня довоенного пятилетия снизилась в 1915 г. до 89,95%, в 1916 г. – до 82, 84%, в январе – феврале 1917 г. – до 66,42% [155]. По подсчетам Д.М. Зольникова,

реальные заработки рабочих Иркутска упали в 1916 г. по сравнению с 1913 г. до 70%, в Томске – до 61% [156]. Нормы потребления и качество питания снизились.

Между тем норма эксплуатации росла. На приисках она достигла 160% [157], на каменноугольных копях – 275–420% [158]. Увеличилось число рабочих дней. Если в 1914 г. горнорабочие крупнейших предприятий должны были работать 24,1 дня в месяц в среднем, то в 1916 г. – 26,2 дня. Усилились сверхурочные работы.

Налицо было не только относительное обнищание рабочих края, о чем свидетельствовала постоянно растущая норма эксплуатации, но и абсолютное. К началу 1917 г. положение наемных рабочих Сибири стало наиболее тяжелым за весь рассматриваемый период.

Рабочие Сибири в 1908–1917 гг. являлись сравнительно крупным отрядом пролетариата России. Это был период его роста и дальнейшего формирования в классовом отношении. Кадровый пролетариат сложился только на транспорте, в промышленности его слой был еще невелик. Социальный состав сибирских рабочих остался неоднородным. В годы Первой мировой войны он стал еще более пестрым. В то же время в промышленности и на транспорте сохранилось ядро постоянных рабочих (не менее 35% общего числа занятых к 1917 г.).

Единое экономическое положение наемных рабочих в Сибири еще не сложилось. Для эксплуатации разных групп рабочих применялись различные методы, высоки были перепады в заработной плате, величине рабочего дня. Но тенденция к созданию единых условий существования для отряда сибирских рабочих и сближения их с подобными для всего рабочего класса России имела место. Этому способствовало общее ухудшение положения трудящихся масс во время войны.

Отряд сибирских рабочих и, прежде всего, его передовая часть – промышленные и транспортные рабочие – был способен поддержать революционные действия рабочих промышленных центров страны, мог быть проводником гегемонии пролетариата России в социальных переворотах.

Таблица 1

Численность наемных рабочих в Сибири в 1913, 1917 гг., по подсчетам советских историков, тыс. чел.*

Отрасли	Авторы						
	В. Сафронов	М.М. Шорников	В.А. Кадейкин	Д.М. Зольников	С.А. Сидоренко	А.А. Мухин	
	1917 г.	1917 г.	1917 г.	1917 г.	1917 г.	1913 г.	1917 г.
Обрабатывающая промышленность	20	42	135	70	100	41,5	52
Горная и горнозаводствая	40	107,7	115	81	100	87,8	96,5
Вся промышленность	60	149,7	250	151	201	129,3	148,5
Железная дорога	100	85	115–120	93	110	106,5	118,5
Водный транспорт	6	5	25	30	25	–	40–50
Связь	–	–	18	–	–	13	–
Весь транспорт и связь	106	90	158–163	123	135	119,5	158,5–163,5
Строительство	6	18	30	25	15–20	45	–
Рыболовство	–	40	40	–	–	60	–
Коммунальное хозяйство	–	–	20	–	–	–	–
Чернорабочие	–	67,8	67	–	–	–	–
Лесоразработки	–	–	–	–	–	50	–
Торговля	–	–	–	–	–	60	–
Сельские кустарные промыслы	–	345,2	–	–	–	–	345,2
Городские ремесленники	–	–	–	–	–	–	60
Сельское хозяйство	–	180	–	260	–	200	–
Прислуга	–	–	–	–	–	60	–
Общее число наемных рабочих	200	890,7	565–570	900–920	350–360	1200	1024,2–1039,2

* *Сафронов В.* Указ соч. С. 39–50; *Шорников М.М.* Указ. соч. С. 99–103; *Кадейкин В.А.* Указ соч. С. 5; *Зольников Д.М.* Рабочие движение в Сибири в 1917 г. С. 52–54; *Сидоренко С.А.* Указ соч. С. 91–97; *Мухин А.А.* Рабочие Сибири в эпоху капитализма. С. 148–158.

Таблица 2

Динамика численности наемных рабочих Сибири в 1908–1917 гг., тыс. чел.

Отрасли народного хозяйства	1908 г.		1913–1914 гг.		1917 г.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Промышленность,	119,8	22,7	136,5	21,0	146,1	23,1
в т.ч. добывающая[1]	46,6	8,9	56,5	8,7	63,1	10,0
обрабатывающая[2]	73,0	13,8	80,0	12,3	83,0	13,1
фабрично-заводская	25,3	4,8	25,0	3,8	36,5	5,9
Транспорт и связь	105,5	20,0	109,8	16,9	120,7	19
в т.ч. железнодорожный[3]	82,1	15,5	76,6	11,8	93,0	14,7
водный[4]	21,4	4,0	25,8	4,0	20,4	3,2
связь[5]	2,0	0,5	7,3	1,1	7,3	1,1
Строительство[6]	30,0	5,7	60,0	9,2	25,0	4,0
Лесные промыслы[7]	20,0	3,8	25,0	3,9	25,0	4,0
Рыболовство[8]	14,7	2,8	15,0	2,3	15,0	2.4
Торговля[9]	45,0	8,5	63,0	9,7	61	9,6
Коммунальное хозяйство и предприятия питания[10]	18,0	3,4	20,0	3,0	20,0	3,1
Сельское хозяйство[11]	170,0	32,2	220,0	33,9	220,0	3,1
Народное хозяйство	528	100,0	650,0	100,0	633,0	100,0

Источник подсчета:

[1] На 1908 г. – *Сборник* статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1908 году. Пг., 1917; на 1914 г. – *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 337. Л. 221–245; Д. 449. Л. 102–187; *ГАТО*. Ф. 433. Оп. 1. Д. 532. Л. 231–233; *ЦХАФ* АК. Ф. 3. Оп. 3. Д. 46. Л. 32; *ГАЧО*. Ф. 52. Оп. 5. Д. 46. Л. 3; на 1917 г. – *Шлаин Б.И.* Западно-Сибирский горнопромышленный район в 1914–1919 гг. М., 1920. С. 68; *Горная* промышленность ДВР. Чита, 1922. С. 32; *РГИА*. Ф. 37. Оп. 75. Д. 721. Л. 4; *ЦХАФ АК*. Ф. 3. Оп. 3. Д. 410. Л. 22; Д. 534. Л. 76–77; Ф. 160. Оп. 5. Д. 12, Л. 2–27; Д. 14. Л. 17; Д. 16. Л. 5–17; Д. 17. Л. 3–184; Д. 52. Л. 10–13; *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1414., Л. 280; Д. 1851. Л. 2–24; Д. 1853. Л. 186; Д. 1860. Л. 31; *ГАТО*. Ф. 428. Оп. 4. Д. 3035. Л. 91, 165; Ф. 433. Оп. 1. Д. 574. Л. 12–21, 28, 34–40; *ГАЧО*. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1299. Л. 31; Ф. 210. Оп. 1. Д. 1929. Оп. 1. Д. 31.

[2] На 1908 г. – *Головачев П.М.* Указ. соч. С. 180; *Скубневский В.А.* Обрабатывающая промышленность … С. 37–39, 46–47; *Обзор* Якутской области за 1905 год. Якутск, 1906. С. 22; Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1911 г. СПб., 1911. Отд. I С. 103, 195, 254, 255, 268, 321, 326; *Статистика* по казенной продаже питей. СПб., 1910. С. 68–69; *Сборник* статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1908 году. Пг., 1917; на 1913–1914 гг. – *Скубневский В.А.* Численность и концентрация … С. 84; *Обзоры*: Акмолинской области за 1914 год. Омск, 1915; Иркутской губернии за 1913 год. Иркутск, 1915; Тобольской губернии за 1913 год. Тобольск, 1915. С. 15; Томской губернии за 1912 г., Томск, 1914. С. 26; Енисейской губернии за 1914 год. Красноярск, 1915. С. 16; *Статистика* по казенной продаже питей. Пг., 1915. С. 68–69; *ГАЧО*. Ф. 52. Оп. 5. Д. 46. Л. 3; *ЦХАФ АК*. Ф. 3. Оп. 3. Д. 46. Л. 32; *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 449. Л. 102–187; *ГАТО*. Ф. 433. Оп. 1. 532. Л. 231–233; на 1917 г. – *Скубневский В.А.* Численность и концентрация … С. 84; ЦХАФ АК. Ф. 160. Оп. 5. Д. 18. Л. 2–19; *ГАТО*. Ф. 433. Оп. 1. Д. 574. Л. 28–29, 39–40; *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1414. Л. 280; *ГАЧО*. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1363. Л. 317–321.

[3] На 1908 и 1914 гг. – *Земеров Б.И.* Динамика численности … С. 37; на 1917 г. – *Зольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 г. С. 51.

[4] Подсчет по данным и методике В.Н. Большакова (*Большаков В.Н.* Указ. соч. С. 126, 139, 141).

[5] На 1908 г. приняты сведения переписи 1897 г. На 1913–1917 гг. приняты сведения профсоюзной переписи 1920 г. с вычетом телеграфистов по железной дороге, так как они учтены нами в графе «Железные дороги» (Труды ЦСУ. М., 1922. Т. VIII, вып. 2. С. 158–159).

[6] На 1908 г. приняты данные А.Е. Плотникова (см.*: Плотников А.Е.* Указ. соч. С. 24); на 1914 г. – данные получены путем перенесения отношения численности строителей к общей численности населения в Забайкалье (5,2 тыс. на 920 тыс.) на всю Сибирь (источники подсчета – *Свешников Н.А.* Указ. соч. С. 18; *ГАЧО*. Ф. 52. Оп. 5. Д. 46, Л. 03); на 1917 г. – приняты подсчеты Д.М. Зольникова (З*ольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 году. С. 53).

[7] Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1911 г. СПб., 1911. Отд. I. С. 326; *Обзор* Иркутской губернии за 1913 г. Иркутск, 1915. С. 11; *Обзор* Тобольской губернии за 1913 г. Тобольск, 1915. С. 14.

[8] *Азиатская* Россия. СПб., 1914. Т. 2. С. 57; *Головачев П.М.* Указ. соч. С. 50, 177; *Солдатов В.В.* Земледельческие домашние промыслы … С. 135; *Обзоры*: Акмолинской области за 1914 год. Омск, 1915. С. 35; Иркутской губернии за 1908 год. Иркутск, 1910. С. 11; Томской губер-

нии за 1912 год. Томск, 1914. С. 18; *Сибирский* торгово-промышленный и справочный календарь на 1911 года. СПб., 1911. Отд. I. С. 193–265.

[9] В 1908 г. в Сибири насчитывалось 14,6 тыс. приказчиков, в 1914 г. – 20,3 тыс. Принимая во внимание, что на одного приказчика приходилось минимум по одному ученику и рабочему, получаем для 1908 г. – 43,7 тыс., для 1914 г. – 61 тыс. С учетом продавцов казенных винных лавок – 45 и 63 тыс. соответственно (*Статистика* по казенной продаже питей на 1908 год. СПб., 1910. С. 65; … на 1913 год. Пг., 1915. С. 65; *Статистика* прямых налогов и пошлин на 1912 год. Пг., 1915. С. 30–32).

[10] На 1914 и 1917 гг. приняты сведения профсоюзной переписи за 1912 г. (*Труды ЦСУ*. М., 1922. Т. VIII, вып. 2. С. 158–159). В 1908 г. число рабочих показано меньшим, поскольку меньшим было и число предприятий общественного питания – трактиров, ресторанов, буфетов. (1908–3,2 тыс., 1913–3,8 тыс.).

[11] На 1908 г. принято отношение численности наемных рабочих в сельском хозяйстве к общему числу населения по переписи 1897 г. На 1914 г. приняты подсчеты Л.М. Горюшкина (См.: *Горюшкин Л.М.* Аграрные отношения в Сибири в период империализма. С. 236). Наши подсчеты по аналогии с 1908 г. дали на 1914 г. 215 тыс. рабочих. На 1917 г. приняты сведения 1914 г.

Таблица 3

Концентрация рабочих в горнодобывающей и фабрично-заводской промышленности Сибири в 1908–1917 гг.*

Показатели		1908 г.			1914 г			1917 г.		
		Обрабатывающая промышленность	Горная промышленность	Вся цензовая промышленность	Обрабатывающая промышленность	Горная промышленность	Вся цензовая промышленность	Обрабатывающая промышленность	Горная промышленность	Вся цензовая промышленность
Кол-во предприятий, ед.	Абс.	471	742	1213	486	826	1312	600	670	1270
Число рабочих, тыс.	Абс.	25,3	46,8	72,1	25,0	56,5	81,5	36,5	63,1	99,6
В т.ч. с числом рабочих от 100 до 499	Абс.	72	96	168	65	112	177	54	48	102
	%	15,3	12,9	13,8	14,3	12,4	13,0	9,0	7,2	8,0
Рабочих на них	Абс.	10,2	21,9	32,1	9,6	21,4	31,0	8,9	10,9	19,8
	%	39,6	46,8	44,5	38,8	37,9	38,0	24,4	17,2	19,9
В т.ч. с числом рабочих от 500 до 999	Абс.	1	8	9	3	8	11	12	12	24
	%	0,2	1,1	0,7	0,6	0,9	0,9	2,0	1,8	1,9
Рабочих на них	Абс.	0,6	4,5	5,1	1,7	6,1	7,8	7,0	8,3	15,3
	%	2,4	9,6	7,1	6,8	10,8	9,5	19,1	13,2	15,4
В т.ч. с числом рабочих 1000 и более	Абс.	–	1	1	–	3	3	1	7	8
	%	–	0,1	0,1	–	0,4	0,2	0,1	1,0	0,6
Рабочих на них	Абс.	–	3,1	3.1	–	5,3	5,3	1,7	16,3	18,0
	%	–	6,6	4,5	–	9,4	6,5	4,7	25,8	18,1

* Источники подсчета указаны в табл. 2.

Таблица 4

Размещение фабрично-заводских и горных рабочих в Сибири в 1908–1917 гг., тыс.*

Губернии и области Сибири	1908 г.		1914 г.		1917 г.	
	Абс.	% от населения	Абс.	% от населения	Абс.	% от населения
Тобольская	4,5	0,3	5,0	0,3	9,0	0,4
Акмолинская	5.0	0,4	6.8	0,4	8,0	0,5
Томская	26,0	0,8	16,1	0,4	25,3	0,5
Енисейская	7,5	0,9	7,8	0,8	10,5	1,0
Иркутская	14,0	2,8	16,3	2,2	25,4	3.1
Забайкальская	14,6	3,4	27,1	2,9	19,0	2,0
Якутская	3,4	1,3	3,2	1,0	5,4	2,0
Сибирь	75,0	0,9	82,3	0,8	102,6	0,9

* Акмолинская область учтена полностью. Источники подсчета рабочих указаны в табл. 2. Сведения о численности населения в Сибири взяты: на 1908 г. из: *Сибирский* торгово-промышленный календарь на 1911 год. СПб., 1911. Отд. I. С. 82–316; на 1913 г. – *Свешников Н.А.* Указ. соч. С. 18; на 1917 г. – *Гапоненко Л.С., Кабузан В.М., Кузьмин Т.Ф.* О численности и составе населения России накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Исторический архив, 1962. № 5. С. 81–82.

Примечания

[1] *Сафронов В.* Октябрь в Сибири. Красноярск, 1962, 721 с.; *Шорников М.М.* Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963. 646 с.; *Зольников Д.М.* О численности и концентрации рабочего класса в Сибири накануне социалистической революции // Известия СО АН СССР. Сер. общ. наук. № 5, вып. 2. Новосибирск, 1965. С. 3–41; *Он же.* Рабочее движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск, 1969. 332 с.; *Он же.* Влияние состава население на формирование рабочих Сибири накануне Октябрьской революции // Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. Томск, 1945. С. 84–99; *Кадейкин В.А.* Рабочие Сибири в борьбе за власть Советов и осуществление первых социалистических преобразований (ноябрь 1917 – август 1918). Кемерово, 1966. 369 с.; *Волкова Г.К.* К вопросу о численности и составе промышленного пролетариата Западной Сибири накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Вестник ЛГУ. № 8. Сер. Ист., языка

и лит. 1965. Вып. 2. С. 25–38; *Сидоренко С.А.* О численности промышленного пролетариата Сибири накануне Октября // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1969. Вып. 3. С. 84–99.

[2] Подробнее об этом см.: *Блинов Н.В.* Некоторые вопросы современной историографии формирования пролетариата в Сибири // Из истории Сибири. Томск, 1973. С. 3–26.

[3] *Мухин А.А.* Рабочие Сибири в эпоху капитализма. М., 1972. С. 132–170.

[4] *Хроленок С.Ф.* Формирование пролетариата в золотодобывающей промышленности Восточной Сибири // Очерки истории Сибири. Иркутск. Вып. 3. С. 3–115; *Земеров Б.И.* Источники формирования и социальный состав железнодорожников Сибири (1894–1917 гг.) // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 8. С. 55–81; *Он же.* Динамика численности и профессиональной структуры железнодорожников Сибири в период империализма // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 14. С. 24–40; *Скубневский В.А.* Обрабатывающая промышленность и рабочие Сибири по материалам переписи 1908 г. // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 8. С. 27–54; *Он же.* Численность и концентрация рабочих обрабатывающей промышленности Сибири (1895–1917 гг.) // Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1976. С. 69–88; *Большаков В.Н.* К вопросу о формировании и численности речников в Сибири (1895–1917 гг.) // Там же. С. 123–143; *Зиновьев В.П.* К вопросу об экономическом положении горнорабочих Сибири (895–1914 гг.) // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 8. С. 130–159; *Он же.* О рынке рабочей силы для горной промышленности Сибири в период империализма // Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1976. С. 52–62; *Он же.* Формирование горнорабочих Сибири в период империализма (1895–1917 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 1977. 19 с.

[5] На это не раз обращали внимание советские историки. См.: *Разгон И.М.* Расстановка классовых сил в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции // Вопросы истории Сибири. Томск, 1969. Вып. 4. С. 8; *Блинов Н.В.* Историография рабочего класса дореволюционной Сибири: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Томск, 1975. С. 30–31, 34–35.

[6] *Горюшкин Л.М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 127.

[7] *Динамика* российской и советской промышленности. М.; Л., 1929. Т. 1: Свод статистических данных по фабрично-заводской промышленности с 1887 по 1926 год. Ч. 1: Промышленность 1900 года. С. 98–100; М., 1930. Ч. 3. С. 14–15, 162.

[8] В пределах Сибирского края 1925 г. подсчитано по данным: *К вопросу* об индустриализации Сибири. Новониколаевск, 1925. С. 82.

[9] *Земеров Б.И.* Динамика численности и профессиональной структуры железнодорожников Сибири … С. 37; Зольников Д.М. Рабочее движение в Сибири в 1917 г. С. 51.

[10] *Свешников Н.А.* Экономика Сибири в период империализма. М., 1975. С. 179, 210.

[11] *Азиатская* Россия. СПб., 1914. Т. 2. С. 480.

[12] *Большаков В.Н.* К вопросу о формировании и численности речников Сибири … С. 126.

[13] *Горюшкин Л.М.* Аграрные отношения в Сибири … С. 113.

[14] *Исторический* архив. 1962. № 5. С. 81.

[15] В 1911 г. было продано 0,5 млн куб. саж. леса (*Азиатская* Россия. СПб., 1914. Т. 2. С. 212).

[16] Азиатская Россия. Т. 2. С. 339.

[17] *Статистика* прямых налогов и пошлин. СПб., 1915. С. 10–11.

[18] *Рабинович Г.Х.* Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX века. Томск, 1975. С. 226.

[19] Подсчет по: *Исторический* архив. 1962. № 5. С. 78–82.

[20] *Горюшкин Л.М.* Аграрные отношения в Сибири … С. 50.

[21] Данные на 1915 г. (Подсчет по: *Динамика* российской и советской промышленности … Т. 1. Ч. 3. С. 181–182).

[22] *Зольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 г. С. 24.

[23] *Свешников Н.А.* Экономика Сибири в период империализма. С. 194.

[24] Подсчет по: *Статистика* прямых налогов и пошлин … С. 10–11.

[25] См.: *Рабинович Г.Х.* Крупная буржуазия и монополистический капитал …

[26] *Блинов Н.В.* Историография рабочего класса дореволюционной Сибири. С. 29.

[27] *Сафронов В.* Указ. соч. С. 39–50.

[28] *Зольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 г. С. 54.

[29] *Шорников М.М.* Указ. соч. С. 103; Мухин А.А. Указ соч. С. 154.

[30] Правомерность такого приема справедливо поставил под сомнение Л.М. Горюшкин (*Горюшкин Л.М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма. С. 231).

[31] К этому прибегали М.М. Шорников, В.А. Кадейкин, А.А. Мухин.

[32] *Скубневский В.А.* Численность и концентрация рабочих обрабатывающей промышленности Сибири (1895–1917 гг.). С. 77, 84.

[33] В 1908 г. Скубневским В.А. учтено 15 типографий, в то время как их было 79 (*Сибирский* торгово-промышленный и справочный календарь на 1911 г. СПб., 1911. Отд. V. С. 24–384).

[34] Сведения о числе наемных рабочих в ремесленных мастерских взяты у В.А. Скубневского (*Скубневский В.А.* Обрабатывающая промышленность и рабочие Сибири по материалам переписи 1908 г. С. 37–39).

[35] *Плотников А.Е.* К вопросу об объективных предпосылках классового формирования сибирских рабочих в 1895–1905 гг. // Рабочие Сибири в период империализма. Томск. 1976. С. 24.

[36] *Обзор* Иркутской губернии за 1913 год. Иркутск, 1915. С. 11.

[37] *Головачев П.М.* Экономическая география Сибири. М., 1914. С. 59, 177.

[38] *Солдатов В.В.* Земледельческие домашние промыслы сельского населения и сельское рыболовство в Забайкальской области. Хабаровск, 1912. С. 135.

[39] Данные о числе наемных рабочих в России взяты у Л.С. Гапоненко. Прислуга и служащие вычтены из итога (*Гапоненко Л.С.* Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970. С. 89).

[40] Источник подсчета указан в табл. 2.

[41] Источник подсчета: *Земеров Б.И.* Динамика численности и профессиональной структуры железнодорожников Сибири в период империализма. С. 39; *Зольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 г. С. 82.

[42] *Гапоненко Л.С.* Рабочий класс России в 1917 году. С. 89.

[43] Исключается она и в подсчетах концентрации рабочих в Европейской России.

[44] Подсчитано по данным: *Гапоненко Л.С.* Указ соч. С. 47–49, 113–114, 120; *Сборник* статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1911 году. Пг., 1918. 620 с.; см. также табл.4 данной статьи.

[45] Там же. Сведения о населении: Исторический архив. 1962. № 5. С. 70–82. Север России – Архангелская, Олонецкая, Вологодская, Новгородская губернии; Белоруссия – Минская, Могилевская, Гродненская, Витебская губернии; Поволжье – Астраханская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Казанская, Пензенская губернии.

[46] Источники подсчета указаны в табл. 2.

[47] *Зольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 г. С. 83.

[48] *Земеров Б.И.* Динамика численности и профессиональной структуры железнодорожников Сибири … С. 34.

[49] *Толочко А.П.* Движение торговых служащих Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.) // Из истории Сибири. Томск, 1973. С. 186.

[50] *Скубневский В.А.* Численность и концентрация рабочих обрабатывающей промышленности Сибири (1895–1917 гг.). С. 77–78.

[51] *Государственный* архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 135. Оп. 1. Д. 1414. Л. 280.

[52] ЦГИА СССР (РГИА – Российский государственный исторический архив). Ф. 37. Оп. 75. Д. 721. Л. 4.

[53] *Государственный* архив Томской области (ГАТО). Ф. 433. Оп. 1. Д. 574. Л. 104.

[54] *Головачев П.М.* Указ. соч. С. 59.

[55] *Земеров Б.И.* Источники формирования и социальный состав железнодорожников Сибири (1894–1917 гг.). С. 80–81.

[56] *Большаков В.Н.* Указ. соч. С. 134, 135.

[57] *Зиновьев В.П.* Формирование горнорабочих Сибири в период империализма. С. 10.

[58] В 1908–1909 гг. фабрики (55,5%) давали 90% продукции и занимали 78,2% рабочих крупных предприятий обрабатывающей промышленности (без горных заводов). См.: *Скубневский В.А.* Обрабатывающая промышленность и рабочие Сибири по материалам переписи 1908 г. С. 46.

[59] *Скубневский В.А.* Состав рабочих Хайтинской фарфоровой фабрики // Осуществление ленинских идей в союзе рабочего класса и крестьянства в Сибири. Барнаул, 1976. С. 70–72.

[60] См. табл. 2.

[61] *Зиновьев В.П.* Формирование горнорабочих Сибири в период империализма. С. 7.

[62] Он равнялся приблизительно 50–60% всех рабочих (подсчитано по источникам: *Берсеневич И.П.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Томского горного округа. СПб., 1912. Т. 1. С. 43–414; *Государственный* архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 543. Оп. 1. Д. 192. Л. 97–102; *ГАТО*. Ф. 433. Оп. 1. Д. 559. Л. 69; Д. 574. Л. 104).

[63] В поселках Анжерской копи жили оседло семьями 77,3% всех рабочих (ГАТО. Ф. 215. Оп. 8. Д. 475. Л. 46–103), в поселках Судженских копей – 56,4% всех рабочих в 1907 г. (Горные и золотопромышленные известия. 1908. № 3–4. С. 42). На Черемховских копях в 1915 г. впервые пришли на шахты только 10,3% рабочих (*ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 453. Л. 17–59).

[64] *Баташев П.Н.* Правда о ленских событиях. М., 1913. С. 17.

Об этом свидетельствует и квалификационный состав горнорабочих в в 1914 г.: из 25,6% рабочих, являвшихся квалифицированными, 4,6% были техническими специалистами, 4,3% – строителями, 16,7% обладателями основных горняцких профессий (забойщики и крепильщики). Подсчитано по сведениям анкетных обследований предприятий горной промышленности: *РГИА*. Ф. 37. Оп. 67. Д. 592. Л. 1–2, 6–7, 9–10, 12–13. 15–16; Д. 599. Л. 4–7; Д. 600. Л. 1–2; Д. 605. Л. 1–2; Д. 618. Л. 8–15, 19–20, 25–26, 31–32; Д. 624. Л. 14–15; Д. 648. Л. 1–8; Д. 652. Л. 1–2; Д. 633. Л. 1–2; Д. 692. Л. 1–10; Д. 698. Л. 1–12; Д. 1251. Л. 3–4, 9–10; Оп. 75. Д. 611. Л. 1–16; Д. 612. Л. 2–9; Д. 613. Л. 9–18; Д. 624. Л. 1–26; Д. 626. Л. 2–9, 13–17; Д. 633. Л. 3–4, 9–10, 13–14, 16–17; Д. 645. Л. 1–2, 15–16; Д. 650. Л. 1–2, 4–5, 14–15; *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 241. Л. 24–25.

[66] *Скубневский В.А.* Численность и концентрация рабочих обрабатывающей промышленности Сибири. С. 95.

[67] *Земеров Б.И.* Динамика численности и профессиональной структуры железнодорожников Сибири в период империализма. С. 39.

[68] *Сычевский Е.П.* Майские стачки 1910 года на Амурской железной дороге // Записки Амурского областного музея краеведения. Благовещенск, 1958. Т. 4. С. 52.

[69] В 1911 г. на строительстве Амурской железной дороги было 4 тыс. каторжан, на Нерчинских приисках – 1023 каторжника (*Сычевский Е.П.* Указ. соч. С. 58; *РГИА*. Ф. 468. Оп. 25. Д. 216. Л. 22–25).

[70] *Горнозаводская* промышленность Сибири в 1907 г. Западно-Сибирская область. Томск, б.г. С. 33; *Тульчинский К.Н.* Восточно-Сибирская горная область в 1907 г. Томск, 1909. С. 95, 107, 110, 113, 117; *Горные* и золотопромышленные известия. 1914. № 24. С. 561; *РГИА*. Ф. 37. Оп. 77. Д. 1179. Л. 92–101; *Положение* рабочего рынка и условия промышленного труда в Забайкалье в 1914–1915 гг. Иркутск, 1916. С. 14–15.

[71] *Зольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 году. С. 64–65.

[72] *Горные* и золотопромышленные известия. 1909. № 23. С. 232–233; 1914. № 24. С. 561; *РГИА*. Ф. 37. Оп. 77. Д. 1179. Л. 90, 92, 96–100; Ф. 468. Оп. 25. Д. 367. Л. 26–32; *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1743. Л. 107; Д. 1757. Л. 14; *ГАТО*. Ф. 234. Оп. 1. Д. 304. Л. 14; Ф. 215. Оп. 8. Д. 514. Л. 14; Ф 433. Оп. 1. Д. 427. Л. 10; Д. 632. 148.

[73] *Зольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 году. С. 67; на 1908 г. Н.А. Свешников приводит аналогичные цифры: 90–92% (*Свешников Н.А.* О составе промышленного и транспортного пролетариата Сибири // История СССР. 1972. № 6. С. 158).

[74] *Государственный* архив Читинской области (ГАЧО). Ф. 52. Оп. 5. Д. 46. Л. 15.

[75] Из 10 тыс. рабочих рыбных промыслов низовьев Оби 70% были из коренных народностей края (*Головачев П.М.* Указ. соч. С. 59).

[76] Только на Ленских приисках на лесозаготовках работало 2–3 тыс. якутов (*ГАИО*. Ф. 286. Оп. 1., Д. 35. Л. 9–10. Подсчет наш).

[77] *Россия* в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 49.

[78] *Зольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 году. С. 70.

[79] *РГИА*. Ф. 33. Оп. 1. Д. 74. Л. 3; Свешников Н.А. приводит несколько иную цифру – 25% (*Свешников Н.А.* Экономика Сибири в период империализма. С. 136).

[80] *Мухин А.А.* Указ. соч. С. 134.

[81] *Зиновьев В.П.* О рынке рабочей силы для горной промышленности Сибири в период империализма. С. 62.

[82] *Россия* в мировой войне 1914–1918 гг. С. 74, 76–79. Подсчет наш.

[83] *ГАИО*. Ф. 609. Оп. 1. Д. 7. Л. 22, 23. Подсчет наш.

[84] *РГИА*. Ф. 37. Оп. 67. Д. 1316. Л. 8; Оп. 75. Д. 681. Л. 14–18; Д. 714. Л. 24; Д. 721. Л. 4; Ф. 69. Оп. 1. Д. 125. Л. 19; Д. 160. Л. 12–48; Ф. 468. Оп. 25. Д. 424. Л. 27–31; *ГАКК*. Ф. 470. Оп. 1. Д. 977. Л. 1–17; Ф. 543. Оп. 1. Д. 192. Л. 98, 101–102; Д. 267. Л. 26–27; *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1851. Л. 23–24; Д. 1860. Л 6; *ГАТО*. Ф. 428. Оп. 4. Д. 3035. Л. 83, 87, 89–91, 175; Ф. 433. Оп. 1. Д. 544. Л. 29. Подсчет наш.

[85] *Зиновьев В.П.* О рынке рабочей силы для горной промышленности Сибири в период империализма. С. 59.

[86] *Волкова Г.К.* Указ. соч. С. 36.

[87] В январе 1917 г. на Риддерской жел. дороге из 727 чел. рабочих женщины составляли 22,4%, подростки – 10%, военнопленные – 5% (*Го-*

сударственный архив Алтайского края – ГААК, сейчас – Центр хранения архивного фонда Алтайского края – ЦХАФ АК). Ф. 160. Оп. 5. Д. 17. Л. 3–4, 21–22, 161–162.

[88] *Волкова Г.К.* Указ. соч. С. 37.

[89] *Зольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 году. С. 77.

[90] *Мосина И.Г.* Некоторые вопросы рабочей политики буржуазии Сибири в годы Первой мировой войны // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Томск, 1976. С. 32–33.

[91] *Зольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 году.

[92] *Зиновьев В.П.* Формирование горнорабочих Сибири в период империализма. С. 11, 15.

[93] *Скубневский В.А.* Численность и концентрация рабочих обрабатывающей промышленности Сибири. С. 79.

[94] *Земеров Б.И.* Динамика численности и профессиональной структуры железнодорожников Сибири в период империализма. С. 39; *Зольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 году. С. 82.

[95] В.И. Ленин, обращаясь к экономическому положению рабочих, писал, что самый жизненный интерес рабочих «состоит в более высокой заработной плате, в более коротком рабочем дне, в более здоровых условиях труда» (*Ленин В.И.* Аграрная программа либералов // Полное собрание сочинений. М., 1967. Т. 10. С. 47).

[96] *Земеров Б.И.* Рабочий день и рабочее время железнодорожников-эксплуатационников Сибири (1894–1914 гг.) // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 6. С. 131.

[97] См.: *Зиновьев В.П.* О рынке рабочей силы для горной промышленности Сибири в период империализма. С. 65.

[98] При колебаниях от 240 до 340 дней (*Горные* и золотопромышленные известия. 1910. № 7. С. 160; № 8. С. 206; 1913. № 18. С. 418; *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 449. Л. 172; Д. 1156. Л. 13, 23, 29, 36, 65, 71, 96, 101, 120; Д. 1757. Л. 26; Д. 1783. Л. 134; Д. 1797. Л. 147; *РГИА*. Ф. 37. Оп. 75. Д. 404. Л. 12–13; Д. 405. Л. 4–15, 24–25, 94–97; Д. 581. Л. 21–24). Подсчет.

[99] *Громан В.В. Обзор* строительной деятельности в России. СПб., 1912. С 98.

[100] *Толочко А.П.* Указ соч. С. 191.

[101] *РГИА*. Ф. 37. Оп. 67. Д. 599. Л. 10, 25; Д. 600. Л. 1, 6: Д. 605. Л. 1, 19; Д. 618. Л. 18, 30, 36, 49; Д. 633. Л. 12, 18; Д. 648. Л. 7, 25; Д. 652. Л. 1, 12; Д. 692. Л. 6, 20; Д. 698. Л. 4, 15; Д. 1251. Л. 3, 7; Д. 1317. Л. 17; Оп. 75. Д. 645. Л. 13, 22; Д. 650. Л. 7, 24; Д. 663. Л. 12.

[102] *Земеров Б.И.* Рабочий день и рабочее время … С. 131.

[103] *Зольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 г. С. 97.

[104] Подсчет по источникам: на 1906–1907 гг. – *Ленские* приски: Сборник документов. М., 1937. С. 218; *ГАТО*. Ф. 433, Оп. 1. Д. 430. Л. 1–12, 45–70, 148–159, 176–182, 208–215; за 1912–1914 гг. – *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 443. Л. 61–63; Д. 446. Л. 1–28; Д. 1350. Л. 1–18; Д. 1833. Л. 17–31; *ГАТО*.

Ф. 433. Оп. 1. Д. 522. Л. 50–75, 181–189, 286–293; Д. 506. Л. 428–439; за 1915–1916 гг. – *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1428. Л. 1–19; *ГАКК*. Ф. 470. Оп. 1. Д. 977. Л. 1–7; Ф. 543. Оп. 1. Д. 192. Л. 27–32, 36–44; *ГАТО*. Ф. 433. Оп. 1. Д. 544. Л. 35–376; *РГИА*. Ф. 37. Оп. 67. Д. 1316. Л. 11–32; Оп. 75. Д. 711. Л. 52–57.

[105] *Положение* рабочего рынка и условия промышленного труда в Забайкалье. С. 62–75; *Горные* и золотопромышленные известия. 1912. № 10. С. 215; 1913. № 8–9. С. 176; *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1264. Л. 74.

[106] *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1156. Л. 12–123; *РГИА*. Ф. 37. Оп. 75. Д. 404. Л. 12–17, 23–32, 37–38; Д. 405. Л. 24–25, 94–97; Д 433. Л. 7–15; Д. 581. Л. 19–22.

[107] *Кирьянов Ю.И.* Рабочие Юга России. 1914 – февраль 1917 г. М., 1971. С. 57.

[108] *Зольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 году. С. 97.

[109] *Толочко А.П.* Указ. соч. С. 190.

[110] *Громан В.В.* Указ. соч. С. 98–99.

[111] *Сычевский Е.П.* Указ. соч. С. 55.

[112] *Солдатов В.В.* Указ. соч. С. 135.

[113] *Кирьянов Ю.И.* Бюджет времени рабочего капиталистической России // Исторические записки. М., 1974. Т. 94. С. 159.

[114] *Зольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 году. С. 98.

[115] Там же. С. 97.

[116] *Земеров Б.И.* Динамика номинальной заработной платы железнодорожников Сибири (1900–1917 гг.) // Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1976. С. 11.

[117] *Зиновьев В.П.* Формирование горнорабочих Сибири в период империализма (1895–1917 гг.): Дис. … канд. ист. наук. Томск, 1977. С. 150.

[118] *Азиатская* Россия. СПб., 1914. Т. 2. С. 433, 438; *Статистика* по казенной продаже питей на 1908 г. СПб., 1900. Вып. III. С. 68–69.

[119] *Зольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 году. С. 86–87.

[120] *Толочко А.П.* Указ. соч. С. 191.

[121] *Громан В.В.* Указ. соч. С. 46. Подсчет.

[122] *Сычевский Е.П.* Указ. соч. С. 55.

[123] *Солдатов В.В.* Указ. соч. С. 135.

[124] Подсчитано по данным С.Г. Струмилина (*Струмилин С.Г.* Избранные произведения. М., 1964. Т. 3. С. 325).

[125] *Кирьянов Ю.И.* Рабочие Юга России. С. 64.

[126] *Крузе Э.Э.* Положение рабочего класса в России в 1900–1914 гг. Л., 1976. С. 192.

[127] См.: *Зольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 году. С. 86–87; *Зиновьев В.П.* Формирование горнорабочих Сибири в период империализма. С. 151.

[128] Летняя оплата была в 1,5–2 раза выше зимней.

[129] *Земеров Б.И.* Динамика заработной платы железнодорожников Сибири … С. 112.

[130] *Рабинович Г.Х.* О методах капиталистической эксплуатации промышленных рабочих Сибири в конце XIX – начале XX в. // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 8. С. 114.

[131] *РГИА*. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 805. Л. 59.

[132] *Земеров Б.И.* Динамика номинальной заработной платы железнодорожников Сибири. С. 112.

[133] *Зиновьев В.П.* Формирование горнорабочих Сибири в период империализма. С. 162.

[134] Там же. С. 152. 153, 221.

[135] *Зольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 году. С. 88.

[136] *Зиновьев В.П.* Формирование горнорабочих Сибири в период империализма. С. 156.

[137] *Земеров Б.И.* Динамика заработной платы железнодорожников Сибири … С. 118.

[138] *Зиновьев В.П.* Норма эксплуатации горнорабочих Сибири (1895–1917) // Материалы первой конференции молодых ученых. Томск, 1974. Вып. 1. С. 107.

[139] *Рабинович Г.Х.* О методах капиталистической эксплуатации промышленных рабочих Сибири … С. 112.

[140] *Статистика* прямых налогов и пошлин за 1912 г. Пг., 1915. С. 398–399.

[141] Там же. С. 184–185, 410–411.

[142] *Зольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 году. С. 100.

[143] *ГАТО*. Ф. 215. Оп. 8. Д. 771. Л. 30.

[144] *Государственный* архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 24. Л. 6.

[145] *Земеров Б.И.* Социальное обеспечение железнодорожников Сибири (1897–1917 гг.) // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 14. С. 77.

[146] *Зиновьев В.П.* Формирование рабочих в период империализма. Приложения. Таблица 24.

[147] *ГАТО*. Ф. 433. Оп. 1. Д. 544. Л. 154–158.

[148] *Горные* и золотопромышленные известия. 1913. № 11. С. 237.

[149] *Азиатская* Россия. СПб., 1914. Т. I. С. 271.

[150] *Зиновьев В.П.* Формирование горнорабочих Сибири в период империализма. С. 173.

[151] *Зольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 году. С. 56.

[152] *Предварительные* итоги переписи городов, поселений городского типа, станций железных дорог и промышленных предприятий в Забайкальской области 1917 года. Чита, 1918. С. 2–3, 12–13.

[153] *Азиатская* Россия. СПб., 1914. Т. I. С. 255.

[154] *Зиновьев В.П.* Формирование горнорабочих Сибири в период империализма. С. 172.

[155] *Зиновьев В.П.* Формирование горнорабочих Сибири в период империализма. С. 221.

[156] *Зольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 году. С. 93.

[157] *Зиновьев В.П.* Норма эксплуатации горнорабочих Сибири. С. 107.

[158] Источник подсчета: Горная промышленность ДВР. Чита, 1922. С. 49–50; *РГИА*. Ф. 37. Оп. 67. Д. 600. Л. 4; Оп. 75. Д. 650. Л. 7.

3.2. Китайские и корейские рабочие на горных промыслах Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в.

(Первая публикация: Вопросы экономической истории России. Томск: ТГУ, 1996. С. 79–100)

Использование труда иностранных рабочих – распространенный феномен развития рыночных отношений и возникает в ответ на дефицит отечественной рабочей силы. Обычно он выражается в контрактации высококвалифицированных специалистов и в массовом найме неквалифицированных работников на черные и сезонные работы. Нишу заполняют в этом случае мигранты из стран с низким уровнем потребления. Миграция может принимать форму «утечки мозгов» из слаборазвитых стран в ведущие страны индустриального мира, форму сезонных миграций, временного пребывания, переселения. Таков приток турок, португальцев, хорватов в ФРГ, арабов во – Францию, африканцев – в Англию, мексиканцев – в США, китайцев – в Австралию, палестинцев и индусов – на нефтяные промыслы Ближнего Востока и т.д. К подобного же рода явлениям относится и начавшийся процесс оттока работников из стран СНГ в Европу.

Российская империя не была исключением в общем движении рыночной экономики. Россия не только принимала в значительных размерах иностранный капитал, но и была крупным потребителем на мировом рынке труда. Это может показаться абсурдом при высоком уровне безработицы в самой России, однако на окраинах страны использование труда иностранных рабочих носило массовый характер. Рабочие из Персии трудились на нефтяных промыс-

лах Бакинского района, в портах Каспийского моря, китайские, корейские, даже индийские рабочие играли все более заметную роль в формировании экономической структуры Дальнего Востока России и Сибири.

Этой теме в отечественной историографии долго не везло по политическим мотивам. В дореволюционное время так называемый желтый вопрос широко обсуждался в публицистике[1]. Однако после 1917 г. о нем основательно забыли даже применительно к Дальнему Востоку, история которого написана так, будто бы китайский вопрос в нем совершенно не существовал[2]. Лишь в последнее время появились публикации о китайских и корейских отходниках на Дальнем Востоке[3]. Что же касается Сибири, то кроме отдельных упоминаний в литературе, об иностранных рабочих специальных исследований исторического характера нет[4].

В настоящей статье будет представлен краткий очерк истории применения труда иностранных рабочих в горной промышленности Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. на основе статистических, исследовательских публикаций и архивных данных, преимущественно оставшихся от горного и переселенческого ведомств.

Прежде всего, были собраны и систематизированы все доступные сведения о численности и размещении китайских и корейских рабочих в горной промышленности Сибири и Дальнего Востока с разделением на области (см. табл. 2–6). Приведенные в таблицах подсчеты относительны по точности, поскольку составлены по разным источникам, включающим цифровые данные, основанные на разных методиках подсчета. Здесь помещены среднегодовые сведения о числе рабочих из отчетов горнополицейских исправников, данные о годовых рабочих из отчетов горных инженеров, не всегда учтены сезонные рабочие, данные не полны. Однако приведенные подсчеты наиболее полные в историографии, к тому же тенденцию в применении труда китайских и корейских рабочих они отражают.

По данным горной инспекции, впервые в значительных размерах китайский труд стал применяться на приисках Приамурья после разгрома «Желтугинской республики» вольностарателей на китайской стороне Амура, когда китайцы-золотоискатели вынуждены были скрываться на русской территории (1886 г.), хотя генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев разрешил

контрактацию китайцев на прииски еще в 1864 г.[5] В 1890-е гг. число китайских и корейских рабочих стало стремительно расти на приисках Забайкалья, Приморской и Амурской областей. Это было связано с изменением методов золотодобычи. Выработка богатейших месторождений золота хозяйскими работами, т.е. крупными централизованными мануфактурами, привела золотопромышленность Сибири к кризису. Промышленники стояли перед альтернативой: они должны были или механизировать добычу, чтобы сделать рентабельной эксплуатацию бедных и мелких россыпей, или переходить на золотничный способ, перекладывая на старательские артели риск и расходы, оставляя за собой только снабжение артелей всем необходимым и скупку золота. На промыслах Томской и Енисейской губерний, Витимского горного округа пошли по пути механизации добычи и обработки золотоносной породы. На приисках Забайкальской, Амурской, Приморской областей, Олекминской системы Иркутской губернии взяла верх вторая тенденция. Промышленники нашли более выгодным опереться на дешевый и неиссякаемый поток иностранных рабочих сезонников, а на приисках Степных областей – на труд казахов.

Применение труда иностранных рабочих в Азиатской России всегда имело тенденцию к усилению, при редких сбоях вследствие международных осложнений. В первой половине 1890-х гг. китайцы и корейцы стали заметным элементом на промыслах Амурской и Приморской областей, со второй половины 90-х гг. XIX в. – на приисках Восточного Забайкалья и Нерчинского горного округа Кабинета, на рубеже XIX–XX вв. – на промыслах Западного Забайкалья с 1909 г. – на приисках Олекмы, а перед Первой мировой войной – на горных предприятиях Ангарского горного округа, Енисейской и Томской губерний. Корейцы и китайцы стали основными работниками на приисках Кабинета с 1897–1898 гг., на промыслах Приморья и Приамурья – с 1900 г., на частных промыслах Забайкалья – с 1911 г., на Олекминских приисках – с 1916 г. (см. табл. 2–5). В целом по Сибири и Дальнему Востоку, включая Степной край, китайцы составляли в 1898 г. 21,2% горнорабочих, в 1910 г. – 36,7%, в 1913 г. – 41,8%, в 1916 г. – 48,7% ; корейцы – 3,1, 0,5, 4,8, 3,7% соответственно (табл. 6).

Реальные же количество и доля китайских и корейских рабочих на горных промыслах были значительно большими, чем показано в

таблицах. Так, только на Горбиченских приисках кабинета в 1897 г. было летом до 4 тыс., а зимой – до 500 китайцев (среднегодовой показатель 1800)[6]. В 1909 г. на тех же приисках начитывалось до 8 тыс. китайцев, а среднегодовое их число равнялось 2,4 тыс.[7] Общее количество китайских рабочих на приисках Нерчинского горного округа оценивалось современниками в 1909–1916 гг. в 25–30 тыс. чел. летом и 15 тыс. зимой[8]. На приисках Дальнего Востока в конце XIX в. общее число китайцев оценивалось в 15–17 тыс. чел. при среднегодовом показателе в 7–8 тыс. чел.[9] Специалисты утверждали, что реальное число китайцев на промыслах еще выше, чем количество рабочих. Один из чиновников Забайкальского переселенческого управления (вероятно, В. Монтвид) писал в 1915 г.: «Китайское население приисков значительно превышает число собственно рабочих, китайцы приходят на прииски крупными партиями, но не все они находят себе работу. Часть из них обслуживает рабочих единоплеменников в смысле торгового посредничества, ремесел и проч., большая же часть остается на приисках в чаянии работы, предоставляя собою значительный резерв избыточных рабочих рук, из которого, при случае, в любом количестве несложно черпать дешевую и нетребовательную рабочую силу.

На приисках характерна для китайских рабочих зачастую практикуемая такая система: китайская артель разбивается на две части, которые работают по очереди – несколько дней одна часть, несколько дней – другая»[10]. В 1914 г. китайские рабочие составляли на приисках Забайкалья 76,7% рабочих, в других отраслях горного дела – 29,1%, а во всей промышленности области – 36,1% всех наемных рабочих (20323 чел. из 64223 учтенных при обследовании)[11].

Усиление миграции китайцев-отходников в Сибирь и на Дальний Восток в 1890-е гг. обусловлено не только российскими, но и китайскими обстоятельствами. В течение второй половины XIX в. шла интенсивная колонизация китайцами Маньчжурии, а с 13 сентября 1893 г. был отменен указ императора Юнчженя о наказании подданных, покинувших страну. Маньчжурские колонисты устремились на заработки в пределы России. В 1906–1910 гг., по подсчетам Ф.В. Соловьева, в Россию выехали по паспортам 550 тыс. китайцев, а вернулись около 400 тыс.[12], ежегодная миграция, таким образом, составила около 100 тыс. чел. Массовой была также и нелегальная иммиграция. Приезжавшие законным путем меняли национальные паспорта в течение месяца на русские годовые билеты.

Позиция правительства России по отношению к рабочим-иммигрантам менялась в зависимости от международного положения на Дальнем Востоке. Если во второй половине XIX в. китайские рабочие на прииски привлекались, то в начале XX в. однозначным стало ограничение миграций.

В 1908 г. был ограничен наем на прииски корейских рабочих, что было связано с заключением в 1907 г. конвенции России и Японии, по которой Корея попадала в сферу влияния Японии, но через три года все запреты были сняты. Местные жители, как русские, так и корейцы, высказывали в связи с запретом крайнее недоумение. Затем законом от 21 июня 1910 г. был запрещен наем на казенные предприятия китайских рабочих. Кабинетские прииски оказались под угрозой остановки. Министр Императорского Двора был вынужден срочно просить премьер-министра П.А. Столыпина о временном праве нанимать на нерчинские промыслы китайцев и корейцев. Разрешение было дано с условием постепенной замены китайских рабочих русскими[13].

В октябре 1911 г. последовало новое ограничение: китайским отходникам было предложено выбирать сезонные (на три-четыре месяца) паспорта до 1 января 1912 г. Основная масса китайских рабочих на приисках паспортов не имела, поэтому зимне-весенняя приисковая компания оказалась под угрозой. Золотопромышленники добились отсрочки введения новых правил до 15 августа 1912 г., т.е. до нового приискового сезона. В докладе совета съезда золотопромышленников Амурского округа отмечалось, что «работы стали, торговля на складах и амбарах замерла, товары лежали, наступили платежи по векселям, запахло банкротствами, и золотопромышленность на Амуре, по-видимому, должна была себя ликвидировать». Далее отмечалось, что вследствие[14] применения закона с приисков ушли лучшие, не один год работавшие рабочие. Золотопромышленники, конечно, драматизировали ситуацию, но в Амурской области действительно с 1911 г. резко сократилось число китайцев на всех приисках. Обязательное фотографирование, визирование паспортов, их очный обмен, выплата подати, полицейский контроль за перемещением китайцев – особые бляхи для нанятых на работы – все это ограничивало обмен рабочей силы на горных предприятиях. Предприниматели безуспешно пытались добиться отмены бюрократических сложностей при найме китайцев. Наоборот, защищая стратегические интересы империи и национальной буржуазии, центральные

власти предусматривали дальнейшие ограничения для миграции китайцев в Россию. Директор Горного департамента Карпинский в конфиденциальном письме от 27 июля 1913 г. прямо предупредил председателя съезда золото- и платинопромышленников России Арандаренко, чтобы промышленники сами ограничивали наем китайцев, иначе последует правительственное запрещение[15]. В 1914 г. на самом деле Министерство торговли и промышленности представило в Государственную думу законопроект ограничения найма иностранных рабочих на горные промыслы, в котором предлагалось запретить наем китайцев в Сибири и прекратить применение китайского труда в Приамурском генерал-губернаторстве в течение 5 лет[16].

Горные чиновники настаивали на запрещении китайского труда в золотопромышленности, указывая на то, что он – причина хищнического, примитивного характера эксплуатации россыпей, утечки золота за границу, сокращения сферы промышленной колонизации, емкости рынка русского труда и товаров, прекращения технического прогресса в отрасли, роста преступности в горнопромышленных районах. Угроза для русских национальных интересов со стороны китайцев-отходников для них была несомненна[17].

Золотопромышленники, напротив, всеми доступными мерами отстаивали право нанимать китайцев и корейцев, выдвигая в качестве аргументов следующие доводы: труд русских рабочих дефицитен и дорог, разработка бедных россыпей с его помощью невыгодна и невозможна, китайцы и корейцы, будучи сезонниками, не могут препятствовать колонизации, они расширяют русский рынок сбыта, потому что покупают в основном русские товары, они не сужают русский рынок труда, потому что русский рабочий не идет на прииски, где согласны работать только китайцы, китайская преступность не выходит за пределы китайских общин, корейцы нужны в тайге как незаменимые огородники, которые удешевляют продукты в промысловых районах[18].

В доводах обеих сторон было немало справедливого. Действительно, труд китайцев оплачивался значительно ниже труда русских рабочих, что позволяло вернуться к эксплуатации приисков, считавшихся ранее выработанными, перемывать отвалы, оставшиеся от работ прошлых лет. Стоимость поденщины русского рабочего в Амурской тайге составляла в 1910/11 г. 2,25 руб., китайского – 1,03 руб., в 1911/12 г. – 2,08 руб. и 0,92 руб., в 1912/13 г. – 2,75 руб. и 0,7 руб. соответственно. В месяц русский рабочий потреблял товаров и продуктов на 36 руб., китайский – на 20 руб.[19]

В Зейской тайге китаец зарабатывал в 1916 г. около 1 руб. в день, а русские отказывались от работы при заработке ниже 1,5 руб. в день[20]. Горные чиновники правильно отмечали, что дешевый китайский труд стал альтернативой внедрению техники – драг, гидромониторов, экскаваторов, но большинство забайкальских предпринимателей и не имели капиталов на закупку и доставку техники, они почти все работали под краткосрочный кредит. Упрек в ретроградстве можно справедливо адресовать только Кабинету Его Императорского Величества, который при гигантских барышах не давал на модернизацию золотодобычи ни копейки.

На каменноугольных копях китайские рабочие тоже смогли составить серьезную конкуренцию русским. Их производительность была ниже, чем у русских забойщиков, но и получали они значительно меньше. Так, в Восточной Сибири в мае 1917 г. русский шахтер вырабатывал в день 0,352 куб. саж. угля, китайский – 0,255 куб. саж., получали они соответственно по 3,71 руб. и 2,82 руб. в день в среднем[21].

Конкуренция на рынке труда делала напряженными отношения русских и китайских горнорабочих. Стычки между ними были не редкостью, что отмечалось горной инспекцией везде, где появлялись китайцы. Они сразу же сбивали цены на неквалифицированный труд. Были случаи китайских погромов, драк, поджогов и т.д. В 1907 г., например, шахтеры копей Андроникова сожгли китайские бараки. О столкновении русских и китайских рабочих сообщали из Западно-Забайкальского и Амурского горных округов[22]. Неприязнь была естественной реакцией русских рабочих, более квалифицированных, грамотных, претендующих на более высокие заработки. Появление китайцев на приисках Забайкалья вызвало следующие отзывы современников: «… китаец-рабочий, отличаясь трезвостью, исполнительностью и скромностью, сводит свои потребности до минимума и выносит с прииска приличный заработок. Но русские относятся к нему с пренебрежением, называя его тварью. Но этот «Ванька», как русские обыкновенно называют китайцев, далеко сильнее духом и настойчивостью русского приискового рабочего»[23].

Низкие, сравнительно с русскими рабочими, заработки, конечно, не были благом для китайских рабочих. Низкий уровень потребления, всемерная экономия диктовались нищетой, острой конкуренцией среди китайцев и стремлением заработать средства для хозяйственного обзаведения на родине. Вид китайских рабочих поражал даже привычных к российской рвани чиновников. Инженер М.В. Нестеров,

исследовавший карийские промыслы Кабинета, писал: «Китайские рабочие мало требовательны: пища их простая и состоит, главнейшее, из риса, крупчатки и бобового масла, одежда самая примитивная: рубаха и шаровары, а иногда и совсем без рубахи, на ногах какое-то подобие обуви, и все это носится без смены до тех пор, пока не истлеет на теле»[24]. Весьма пристрастный публицист А. Вережников подчеркивал тупое бессилие, нечеловеческое терпение, равнодушие истощенных оборванных китайцев «и к голоду, и к холоду, и к смерти». Он писал, что «становясь на работу, китайцы не предъявляют к хозяевам никаких требований, кроме поденной платы. Они не нуждаются ни в жилищах, ни в отоплении, ни в палатках или фанзах, построенных наскоро собственными руками, отапливаются тоже собственными средствами, к питьевой воде неразборчивы, белье не стирают, не моются, не чистят посуду. Зимой и летом в одних лохмотьях. В китайских жилищах непролазная грязь, смрадная вонь, мрак и теснота»[25].

Надо сказать, что состояние жилищ русских приисковых рабочих современники описывали теми же словами, но русские рабочие по контрактам получали места в бараках с отоплением, освещением и водоснабжением, обеспечивались худо-бедно медицинской помощью за счет работодателей, и все это составляло статью расхода при найме русских рабочих и статью экономии при найме китайцев.

Питание китайских рабочих было действительно более скудным, чем у русских, но не полфунта чумизы в день, как писал А. Вережников. Из материалов совета съезда золотопромышленников Амурского округа[26] можно узнать сравнительные месячные нормы потребления китайских и русских рабочих (табл. 1).

Содержание русского рабочего, таким образом, обходилось почти вдвое дороже, чем китайского, но состав необходимых продуктов, питания и вещей был почти тот же. Пища русских рабочих состояла из хлеба, капустных щей с мясом, каши с маслом, чая с сахаром, китайских рабочих – из хлеба, просовой каши, вареного гороха с соевым маслом, чая без сахара. Китайцы потребляли чрезвычайно мало мяса и рыбы – 5 фунтов в месяц, в то время как русские – 35 фунтов. Китайцы также очень мало тратились на обувь и обслуживание в быту. Специфически китайскими товарами являлись только соевое (бобовое) масло, чумиза, остальные предметы потребления были русского производства. Так что замечание некоторых чиновников о том, что китайцы не покупали русских товаров, следует признать неверным.

Таблица 1

Сравнительное потребление русского и китайского рабочего в месяц

Предметы потребления	Русский рабочий		Китайский рабочий	
	Количество	Стоимость, руб.	Количество	Стоимость, руб.
Мука	2 пуда	9,2	2 пуда	9,2
Мясо	30 фунтов	9,0	2 фунта	0,6
Масло	3 фунта (скоромное)	1,8	3 фунта (бобовое)	0,75
Соль	3 фунта	0,3	1,5 фунта	0,15
Рыба	5 фунтов	0,75	3 фунта	0,45
Сахар	3 фунта	0,84	–	–
Крупа	7,5 фунта	1,12	7,5 фунта	0,9
Горох	–	–	7,5 фунта	0,9
Чай	0,5	0,35	0,2	0,14
Капуста	3 фунта	0,3	–	–
Махорка	1 фунт	0,5	1 фунт	0,5
Спички	1 пачка	0,15	1 пачка	0,15
Керосин	0,7 фунта	0,14	0,7 фунта	0,14
Рубаха	4/12	0,65	4/12	0,65
Кальсоны	4/12	0,65	–	–
Шаровары	2/12	0,5	4/12	0,5
Тулуп	1/24	1,0	–	–
Телогрейка	–	–	1/12	0,6
Катанки	1/12	0,75	–	–
Сапоги болотные	1/12	1,0	–	–
Бродни (ичиги) с головками	1/12	0,8	1/12	0,93
Шапка, картуз	1/24	0,25	–	–
Лопата	2/12	0,17	1/12	0,08
Кайло	2/12	0,2	1/12	0,1
Топор	1/12	0,2	1/12	0,2
Обслуживание	–	5,38	–	2,9
Итого	–	36,0	–	19,69

Таблица 2

Численность иностранных рабочих на горных промыслах Приморской области в 1894–1917 гг.*

Годы	Горные округа	Количество горнорабочих			
		Всего	Русских	Китайцев	Корейцев
1894	Приморский	2076	1981	–	95
1895	Приморский	2464	2290	–	174
1896	Приморский	2740	2401	–	339
1897	Приморский	2779	2657	–	152
1898	Амгунская система	4612	3914	–	698
1899	Амгунская система	6257	4617	851	779
1900	Амгунская система	3000	1125	1875	?
1906	Амгунская система	3985	1575	551	1859
1907	Приморский	3323	989	667	1667
1908	Приморский	2827	735	2092	–
1909	Приморский	4024	1033	2991	–
1910	Вся область	7094	2279	4815	–
1911	Приморский	?	?	2783	?
1911	Уссурийский	2779	642	1774	393
1912	Приморский	?	?	3269	?
1912	Уссурийский	2631	503	2014	114
1913	Приморский	3306	500	1806	1000
1913	Уссурийский	2499	527	1952	18
1913	Вся область	5805	1027	3758	1018
1914	Приморский	?	?	3269	?
1914	Уссурийский	3691	883	2773	35
1916	Уссурийский	4789**	539	4212	34
1917	Уссурийский	5301***	524	4603	17

* Таблица составлена по: 1894–1899 гг. – Ведомости населения (*Тове Л.Л., Рязанов В.Д.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Амурско-Приморского района. СПб., Т. I: Приморская область. Приложения. С. 204–211); 1900 г. – Годовые отчеты (*Тове Л.Л., Иванов Д.В.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Амурско-Приморского района. СПб., 1905. Т. II: Амурская область. Ч. I. С. 366; 1906–1909 гг. – Годовые отчеты (*Золото* и платина. 1911. № 23. С. 587); 1910 г. – *Соловьев Ф.В.* Указ. соч. С. 102–103; 1911–1912 гг. – *РГА ДВ*. Ф. 1194. Оп. 1. Д. 264. Л. 15; *Соловьев Ф.В.* Указ. соч. С. 40; 1913 г. – *Хроленок С.Ф.* Золотопромышленность Сибири. С. 211; *РГА ДВ*. Ф. 1194. Оп. 1. Д. 264. Л. 15; 1914 г. – *Соловьев Ф.В.* Указ. соч. С. 40; *РГА ДВ*. Ф. 1194. Оп. 1. Д. 264. Л. 15; 1916–1917 гг. – *РГА ДВ*. Ф. 1194. Оп. 1. Д. 264. Л. 15

** Включая 4 индусов.

*** Включая 3 индусов.

Таблица 3

Численность и размещение иностранных рабочих на горных промыслах Амурской области в 1892–1917 гг.*

Годы	Горные округа	Количество горнорабочих			
		Всего	Русских	Китайцев	Корейцев
1	2	3	4	5	6
1892	Амурский	–	–	–	470
1893	Амурский	–	–	–	1050
1894	Буреинский	–	–	30	51
1895	Буреинский	–	–	145	110
1896	Буреинский	–	–	323	325
1897	Буреинский	2361	1300	871	190
1900	Амурская область	7863	1163	5681	1019
1903	Амурский	3567	882	2110	565
1904	Амурский	3161	988	1660	513
1905	Амурский	2337	847	1001	489
1906	Амурская область	16235	8909	3320	4006
1906	Амурский	2171	714	980	477
1906	Буреинский	7014	2895	1340	2779
1906	Зейский	7050	5300	1000	750
1907	Амурская область	15322	6675	5087	3560
1907	Амурский	3155	771	2052	332
1907	Буреинский	4467	1704	1835	1428
1907	Зейский	7700	4200	1700	1800
1908	Амурская область	17694	5475	7528	4637
1908	Амурский	3690	821	2463	406
1908	Буреинский	5204	1854	1619	1731
1908	Зейский	8800	2800	3500	2500
1909	Амурская область	18863	5013	11691	2159
1909	Амурский	4691	889	3802	–
1909	Буреинский	5672	1624	3689	359
1909	Зейский	8500	2500	4200	1800
1910	Амурская область	25322	4112	22060	150
1910	Амурский	6214	776	5438	–
1910	Буреинский	7858	1036	6822	–
1910	Зейский	12250	2300	9800	150

Продолжение табл. 3

1	2	3	4	5	6
1911	Амурская область	21660	3657	16899	1111
1911	Амурский	4343	555	3527	261
1911	Буреинский	8600	530	7220	850
1911	Зейский	8717	2572	6145	–
1912	Амурская область	23622	5806	16522	1294
1912	Амурский	5286	622	4241	423
1912	Буреинский	7284	443	5970	871
1912	Зейский	11052	4241	8311	-
1913	Амурская область	21219	2617	16835	1767
1913	Амурский	5431	560	4624	247
1913	Буреинский	6811	465	5698	648
1913	Зейский	8977	1792	6513	872
1914	Амурская область	22117	2512	17632	1973
1914	Амурский	7836	892	5975	969
1914	Буреинский	6397	506	5543	348
1914	Зейский	7884	1114	6114	656
1915	Амурская область	19964	2061	16562	1341
1915	Амурский	6262	720	4946	596
1915	Буреинский	5146	691	4311	144
1915	Зейский	8556	650	7305	601
1916	Амурская область	23568	1541	20457	1570
1916	Амурский	5849	530	4716	603
1916	Буреинский	5433	395	4803	235
1916	Зейский	12286	616	10938	732
1917	Амурская область	22943	3906	18267	670
1917	Амурский	9000	3000	6000	-
1917	Буреинский	3773	471	3184	118
1917	Зейский	10170	535	9083	552

* Составлено по: 1892–1900 гг. – *Това Л.Л., Иванов Д.В.* Указ. соч. С. 357–366; 1903–1905 гг. – *Золото* и платина. 1915. № 13–14. С. 191; 1906–1910 гг. – *Золото* и платина. 1911. № 23. С. 587; 1911–1912 гг. – по Амурскому и Буреинским округам – *Золото* и платина. 1915. № 13–14. С. 191; По Зейскому округу – *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 337. Л. 118, 133; *Золото* и платина. 1916. № 1–2. С. 21; 1913 г. – *Хроленок С.Ф.* Золотопромышленность Сибири … С. 211; 1914–1917 гг. – *РГА ДВ*. Ф. 1194. Оп. 1. Д. 62. Л. 118; Д. 63. Л. 5; Д. 64. Л. 4; Д. 65. Л. 1–13; Д. 66. Л. 3; Д. 67. Л. 9; Д. 263. Л. 25; Д. 264. Л. 15; Д. 265. Л. 76. По Амурскому округу данные за 1918 г.

Таблица 4

Численность иностранных рабочих в Забайкальской области в 1898–1917 гг.*

Годы	Горные округа	Количество горнорабочих			
		Всего	Русских	Китайцев	Корейцев
1	2	3	4	5	6
1898	Нерчинский	7315	1511	5704	–
1898	Восточно-Забайкальский	1465	1465	–	–
1898	Западно-Забайкальский	1532	1532	–	–
1898	Забайкальская область	10312	4508	5704	–
1906	Нерчинский	10352	2561	7791	–
1907	Нерчинский	11071	2940	8131	–
1907	Частные прииски	3387	2860	527	–
1907	Каменно-угольные копи	985	985	–	–
1907	Забайкальская область	15443	5800	8658	–
1908	Нерчинский	12069	3306	8763	–
1908	Частные прииски	4171	3457	714	–
1908	Каменно-угольные копи	980	905	75	–
1908	Забайкальская область	17220	7668	9552	–
1909	Нерчинский	12175	3400	8775	–
1909	Частные прииски	5554	4762	792	–
1909	Каменно-угольные копи	1297	1147	150	–
1909	Забайкальская область	19026	9309	9717	–
1910	Нерчинский	11161	3447	7462	252
1910	Частные прииски	3977	3112	865	–
1910	Каменно-угольные копи	1478	1378	100	–
1910	Забайкальская область	16616	7937	8427	252
1911	Нерчинский	10505	3065	7440	–

Продолжение табл. 4

1	2	3	4	5	6
1911	Частные прииски	4038	1420	2518	100
1911	Каменно-угольные копи	1527	?	?	–
1911	Забайкальская область	16070	4485	9958	100
1912	Нерчинский	11225	2661	8554	–
1912	Частные прииски	5408	2266	3105	37
1912	Каменно-угольные копи	1091	?	?	–
1912	Забайкальская область	17724	4927	11706	37
1913	Нерчинский	11723	3248	8445	–
1913	Частные прииски	7843	2654	5168	21
1913	Каменно-угольные копи	1624	1050	574	–
1913	Забайкальская область	21190	6952	14187	21
1914	Нерчинский	12716	2631	10028	57
1914	Частные прииски	4596	1287	3287	22
1914	Каменно-угольные копи	1430	1014	316	–
1914	Забайкальская область	18742	4932	13731	79
1915	Нерчинский	12125	2556	9569	–
1915	Частные прииски	9378	810	5190	78
1915	Каменно-угольные копи	1917	?	?	–
1915	Забайкальская область	23420	3366	14759	78
1916	Нерчинский	13824	2212	11422	190
1916	Частные прииски Восточного Забайкалья	7394	2615	4712	67
1916	Частные прииски Западного Забайкалья	2362	740	1553	68

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5	6
1916	Каменноугольные Копи	2744	1709	1035	–
1916	Забайкальская область	26324	7276	18722	325
1917	Нерчинский	15917	6140	9777	–
1917	Частные прииски Восточного Забайкалья	2337	373	1864	100

* Составлено по: 1898 г. – *История* рабочего класса Восточного Забайкалья (1707–1922). Иркутск, 1981. С. 126; *Вестник* золотопромышленности. 1899. № 24. С. 569; *Нерчинские* прииски в 1906–1915 гг. – История рабочего класса Восточного Забайкалья … С. 186; Данные о числе корейцев в 1910 г. – *РГИА*. Ф. 468. Оп. 25. Д. 182. Л. 28–29; 1914 г. – Положение рабочего рынка и условия промышленного труда в Забайкалье в 1914–1915 гг. Иркутск, 1914. Вып. 1. С. 14–15; Численность китайцев на частных приисках Забайкалья (вероятно, Западно-Забайкальских) в 1907–1910, 1912 гг. – *Золото* и платина. 1916. № 1–2. С. 21; *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 433. Л. 78; 1911 г. – *РГИА*. Ф. 468. Оп. 25. Д. 182. Л. 74; 1913 г. – *РГИА*. Ф. 37. Оп. 77. Д. 1179. Л. 96–97; *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 276. Л. 83, 84; Число рабочих на горных промыслах Восточной Сибири в 1911–1915 гг. – *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 337. Л. 101–294; Число рабочих на каменноугольных копях в 1909 г. – *Горные* и золотопромышленные известия. 1911. № 21. С. 226; *Число* рабочих на приисках Восточного Забайкалья в 1915–1916 гг. – *РГИА*. Ф. 37. Оп. 75. Д. 714. Л. 6; *ГАЧО*. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1211. Л. 3, 49; в Западно-Забайкальском округе – в 1916 г. – *НАРБ*. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1192. Л. 1–23; в 1917 г. – *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 460. Л. 11–47; на Нерчинских приисках в 1916–1917 гг. – *ГАЧО*. Ф. 210. Оп. 1. Д. 1327. Л. 134–136, 187; *РГИА*. Ф. 468. Оп. 25. Д. 452. Л. 21–22; на каменноугольных копях в 1916 г. – *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1853. Л. 9–41.

Таблица 5

Численность иностранных рабочих на горных промыслах Иркутской губернии в 1909–1916 гг.*

Годы	Горные округа	Количество горнорабочих			
		Всего	Русских	Китайцев	Корейцев
1909	Олекминский	3253	3108	90	55
1909	Витимский	6428	6428	–	–
1909	Ангарский	2609	2609	–	–
1909	Иркутская губерния	12290	9536	90	55
1910	Олекминский	2870	2805	16	49
1910	Витимский	6812	6812	–	–
1910	Ангарский	2595	2595	–	–
1910	Иркутская губерния	12277	12212	16	49
1913	Олекминский	3514	1984	232	1298
1913	Витимский	7491	7491	–	–
1913	Ангарский	2614	2614	–	–
1913	Иркутская губерния	13619	12089	232	1298
1915	Ленский	5154	2711	1315	1088
1915	Витимский	6632	6632	–	–
1915	Ангарский	2918	2918	–	–
1915	Иркутская губерния	14704	1261	1315	1088
1916	Ленский	5393	1717	1931	1745
1916	Витимский	13447	11443	2004	–
1916	Ангарский	3969	3670	299	–
1916	Иркутская губерния	22809	16830	4234	1745

* Составлено по: 1909 г. – *Горные* и золотопромышленные известия. 1911. № 20. С. 215; 1910 г. – *Горные* и золотопромышленные известия. 1913. № 19. С. 440; 1913 г. – *Хроленок С.Ф.* Золотопромышленность Сибири … С. 211; 1915–1916 гг. – *РГИА*. Ф. 135. Оп. 67. Д. 1316. Л. 6; Ф 1418. Оп. 1. Д. 794. Л. 600–601; *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1860. Л. 6. Д. 1853. Л. 231.

Таблица 6

Динамика численности и размещения китайских и корейских рабочих на горных промыслах Сибири и Дальнего Востока в 1898–1916 гг.*

Годы	Губернии и области	Количество горнорабочих			
		Всего	Русских	Китайцев	Корейцев
1898	Приморская	6257	4617	861	779
1898	Амурская	7863	1163	5681	1019
1900	Забайкальская	10312	4508	5704	–
1898–1900	Сибирь и Дальний Восток	57845 100,0%	43801 75,7%	12246 21,2%	1798 3,1%
1910	Приморская	7094	2279	4815	–
1910	Амурская	25322	4112	22060	150
1910	Забайкальская	16616	7937	9427	252
1910	Иркутская	12277	12212	16	49
1910	Сибирь и Дальний Восток	96214 100,0%	60445 62,8%	35318 36,7%	451 0,5%
1913	Приморская	5805	1027	3758	1018
1913	Амурская	21219	2617	16835	1018
1913	Забайкальская	21190	6952	14187	21
1913	Иркутская губерния	13619	12089	232	1298
1913	Сибирь и Дальний Восток	86131 100,0%	45988 53,4%	36039 41,8%	4104 4,8%
1916	Приморская (Уссурийский край)	4789	539	4212	34
1916	Амурская	23568	1541	20457	1570
1916	Забайкальская	26324	7276	18722	325
1916	Иркутская	22809	16830	4234	1745
1916	Енисейская	4699	4676	–	23
1916	Томская	10768	10330	438	–
1916	Сибирь и Дальний Восток **	98697 100,0%	46932 47,6%	48063 48,7%	3702 3,7%

* Подсчет числа горнорабочих по: 1900 г. – *Сборник* статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1900 заводской год. СПб., 1903. С. X; за 1910 г. – *Горные* и золотопромышленные известия. 1912. № 14. С. 314; *Сборник* статистических сведений … за 1910 заводской год. 1913. С. 72–581; 1913 г. – Горные и золотопромышленные известия. 1914. № 24. С. 561; 1916 г. – РГВИА.Ф. 369. Оп. 9. Д. 4. Л. 26–27.

** Без Приморского округа.

Современники отмечали, что корейские рабочие по уровню потребления, поведению, образу жизни мало чем отличались от русских рабочих. Они охотно перенимали манеру одеваться, проводить свободное время, быстро усваивали русский язык, часто женились на русских, учили детей в русских школах, крестились в православие. В среду русских рабочих они входили легко, поскольку не составляли им конкуренции, в отличие от китайцев. Горный инженер А.Н. Митинский отмечал: «Корейцы миролюбивы, честны, трудоспособны, на преступления не идут, покупают все русские товары, уживаются с русскими легко, с китайцами не могут жить, так же как и русские»[27]. Это единодушное мнение публицистов и чиновников. Золотопромышленники даже в период гонений на корейцев, старались их сохранить в рабочих командах и на резиденциях, где были разбиты огороды.

Приисковый врач, исследователь Сибири и натуралист Н.В. Кириллов считал корейцев лучшим элементом для колонизации дальневосточной тайги. Он писал, что золотопромышленники вовремя «пригрели корейцев, не имевших для себя не только иного крова, но лишенных и своего отечества. Эти обстоятельства, по их глубокому значению, необходимо учесть. В них заложена та основа, что вызвала бесспорное тяготение корейцев в массе к русскому, к России. Что представляет собой кореец? Культура его невысока. Конечно, для гиляка и он совершенство, но то ведь ихтиофаг. Корейцы не лишены известной организованности, но таковая касается лишь местных интересов, экономических их нужд и не заключает в себе чего-то угрожающего окружающим. Это не китаец с его тысячелетними тайными религиозными и политическими обществами и организациями, замыкающими их в тесный круг самих себя. Корейцы способны и склонны к нашей культуре. Они воспримут и понесут ее дальше, продолжая наше же дело»[28].

Оставим в стороне рассуждения Н.В. Кириллова о невысокой культуре корейских рабочих. С его точки зрения, и русские рабочие тоже были малокультурны, что можно признать справедливым. На наш взгляд, врач отметил главные причины присутствия корейских рабочих на приисках – бегство из оккупированной японцами страны, поиск постоянного заработка и места жительства. Малое количество корейцев на приисках объяснялось не только их сравнительной малочисленностью, но и вытеснением их китайцами. Золотопромышленники Амурской области сетовали не то, что «ко-

реец, как честный, смирный и трудолюбивый рабочий, очень желателен, хотя ввиду своих высоких потребностей сравнительно с китайцами также не держится в тайге», как и русский[29].

Все наблюдатели также однозначно оценивали способность китайцев к ассимиляции как весьма слабую. Они отмечали обособленность, замкнутость китайцев, их слабое восприятие чужой культуры. В. Монтвид в докладе о рабочем рынке в Забайкалье писал: «На приисках создается особый, весьма своеобразный уклад жизни, и на этот уклад китайцы наложили свою неизгладимую печать, превратив приисковый район в целом … в подлинное китайское царство в миниатюре»[30]. С Зеи сообщали: «… в Зейском районе остановились «машины», почти исчезли русские рабочие, а казармы, где они жили и шумели, опустели, но зато около приисковых станов выросли большие китайские поселенья с совершенно обособленной жизнью, с лавками, харчевнями, театрами и др. учреждениями, китайцы видны всюду, на всех почти приисках и дорогах…»[31].

Русская администрация приисков не касалась внутреннего устройства китайских общин. Обычно китайские общины состояли из артелей по 100–150 чел., которые управлялись старшими из своей среды. С русской администрацией китайцы контактировали через переводчиков, которыми подвизались обычно опытные китайцы-отходники, не раз бывавшие на заработках. Среди них было немало проходимцев, обиравших соплеменников. Китайские рабочие контрактовались иногда на родине, чаще в русских городах или прямо на промыслах. Работали они от русских подрядчиков, но постепенно среди китайцев стали выделяться свои подрядчики, которые вели переговоры о найме и управляли единоплеменниками на промыслах. На Нерчинских промыслах Кабинета китайцы составляли в 1911 г. 35,6% (96 из 277) подрядчиков, в 1913 г. – 47,8% (141 из 296)[32]. То же самое происходило в других приисковых районах.

Обособлению китайских золотоискателей способствовали сами условия ведения работ. Китайцы нанимались преимущественно на золотничные работы, где контроль капитала над рабочими был не прямым, а опосредованным, через скупку золота, арендную плату, продажу товаров. Внутренняя жизнь китайской общины и организация производства оставались в руках артелей, старост, подрядчиков, переводчиков.

Китайские артели на промыслах вынуждены были бороться как минимум на пяти фронтах: конкурировать с подобными себе артелями, с русскими рабочими, бороться с эксплуатацией китайских посредников – переводчиков и подрядчиков, с русскими предпринимателями и с бандами хунхузов, действовавшими во всех приисковых районах, где было китайское население.

В конкурентной борьбе с русскими и корейскими рабочими китайцы выиграли. Их труд стал вне конкуренции с начала Первой мировой войны, когда пришлось отменить все ограничения на применение труда иностранных рабочих. Китайские рабочие в это время преобладали во всех округах Иркутской горной области, кроме Витимского и Ангарского. Но и в них китайцы составляли значительный процент рабочих (см. табл. 5). Китайские рабочие появились в Западной Сибири. На Судженских копях в 1915 г. их было 48 чел, а в 1916 г. уже 342, на приисках Енисейского округа в 1916 г. работали 23 корейца, а к 1 февраля 1917 г. насчитывалась уже 109 корейцев и китайцев, на приисках Мариинской тайги в 1917 г. из 1000 рабочих 100 были китайцами, на предприятиях Копикуза в том же году из 11860 горнорабочих 64\58 являлись китайскими подданными[33]. Наем китайцев начался на копи Подмосковного угольного бассейна, на лесные заготовки Урала, на Мурманскую железную дорогу. В Сибири на предприятиях, работавших на оборону или приравненных к ним, работали 37710 китайцев, или 36,1% от общего числа – 104408 рабочих[34].

Менее успешно китайцы-отходники боролись с хунхузами, паразитировавшими на труде соплеменников. Этому способствовала замкнутость китайских общин, недоверие к русской полиции. Горнополицейская стража и не пыталась вмешиваться в китайские дела. Запуганные жестокими расправами с непокорными товарищами китайцы-золотоискатели платили хунхузам немалую дань. Исправники постоянно сообщали об убийствах в китайских общинах. Так, из Зейского округа в 1909 г. сообщалось, что «этот год особенно изобиловал зверскими преступлениями, совершенными китайцами. Среди китайцев действовали хорошо вооруженные шайки»[35].

В отношениях же с отечественными и российскими предпринимателями китайские артели оказались не такими смирными, как хотели бы их видеть работодатели и посредники. Волнения и стачки китайских рабочих начались почти с самого их появления на промыслах. Можно выделить две волны выступлений китайских

рабочих. Первая относится к 1893–1900 гг., т.е. ко времени появления китайцев на приисках Дальнего Востока, когда устанавливались границы взаимных уступок и претензий, вырабатывались традиции взаимоотношений. Столкновения происходили в немалой степени по вине корыстолюбивых и лукавых переводчиков и подрядчиков из китайцев, обманом привлекавших соплеменников на прииски. С 1893 по 1900 г. произошли 65 волнений и стачек с 1914 участниками.

Новая волна стачек китайских рабочих поднялась лишь в период Первой мировой войны, вследствие роста цен, низких расценок и плохого снабжения товарами и продуктами на мелких приисках. С 1914 г. по февраль 1917 г. 6 раз бастовали китайцы на горных промыслах Забайкалья (239 участников), 7 раз – на предприятиях Дальнего Востока (1931 рабочий), по одному разу – на приисках Енисейской, Иркутской губерний и Якутской области. Всего с 1893 г. по февраль 1917 г. произошло 23 выступления китайских и корейских рабочих, в которых участвовали 5654 чел. Это показатель очень слабой социальной активности.

Подводя итоги приведенным сведениям, мнениям и подсчетам, следует признать, что китайские рабочие оказали самое серьезное влияние на развитие горной промышленности в Сибири и, особенно, на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. Вместе с тем их изолированность от общественной жизни, временность пребывания в России большинства из них не позволили им оказать значительного влияния на формирование постоянных кадров горнорабочих, постоянного населения в горнопромышленных районах.

Примечания

[1] *Арсеньев В.К.* Китайцы в Уссурийской тайге. Хабаровск, 1914; *Комов П.* Желтая раса и рабочий вопрос в Амурской золотопромышленности // Сибирские вопросы. 1909. № 32–34; *Надаров И.П.* Хунхузы в Южно-Уссурийском крае // Военный сборник. СПб., 1906. № 9; *Панов А.А.* Желтый вопрос на Дальнем Востоке // Сибирские вопросы. 1909. № 49–50; *Желтый* труд в золотопромышленности в Забайкалье // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1915. № 30. С. 161–162; *Вережников А.* Китайская толпа // Современник. 1911. № 4. С. 124–134; *Золотопромышленность* Приамурья // Золото и платина. 1914. № 2. С. 33–38; *Риф А.* Золотопромышленность и броьба с желтым трудом (Письмо в редакцию). Дарасун // Золото и платина. 1914. № 11–12. С. 253; *Оссендовский А.М.* К во-

просу о свободном доступе рабочих китайцев на золотые промыслы. 1916. № 12. С. 20–21; *Левитов И.* Желтый Босфор. СПб., 1903. 86 с.; *Он же*. Желтороссия как буферная колония. СПб., 1905. 120 с. и др.

[2] *История* Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М., 1991. 470 с.

[3] *Соловьев Ф.В.* Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (185\61–1917 гг.). М., 1989. 127 с.; *Хроленок С.Ф.* Китайские и корейские рабочие на золотых промыслах Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. // Исторический опыт освоения восточных районов России: Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. Владивосток, 1993. Кн. III. С. 25–28.

[4] *Патронова А.Г.* История развития золотодобывающей промышленности Забайкалья в 1832–1916 гг.: Автореф. … дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 1971. С. 16–17; *Овсянников Н.Д.* Развитие мелкой золотопромышленности. Положение золотничников (вольностарателей) на золотых приисках Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Труды Иркутского гос. ун-та. 1963. Т. 31. Серия историческая. Вып. 4; *Зиновьев В.П.* О рынке рабочей силы для горной промышленности Сибири в период империализма // Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1976. С. 52–68; *Хроленок С.Ф.* Золотопромышленность Сибири (1932–1917): Историко-экономический очерк. Иркутск, 1990. С. 210–212.

[5] *Тове Л.Л., Иванов Д.В.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Амурско-Приморского района. СПб., 1905. Т. II: Амурская область. Ч. I. С. 353–356.

[6] *Восточное* обозрение. 1900. 17 марта; *История* рабочего класса Восточного Забайкалья. Иркутск, 1981. С. 126.

[7] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 25. Д. 182. Л. 28–129; *Горные* и золотопромышленные известия. 1909. № 23. С. 233.

[8] *Митинский А.Н.* Горнопромышленность Приамурья // Горный журнал. 1912. Т. I. С. 81; *Горные* и золотопромышленные известия. 1915. № 23. С. 307.

[9] *Государственный* архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 135. Оп. 4. Д. 5. Л. 124.

[10] *Желтый* труд в золотопромышленности в Забайкалье // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1915. № 30. С. 161–162.

[11] Там же; *Государственный* архив Читинской области (ГАЧО). Ф. 52. Оп. 5. Д. 46. Л. 8.

[12] *Соловьев Ф.В.* Указ. соч. С. 39–40.

[13] *РГИА*. Ф. 468. Оп. 25. Д. 182. Д. 15, 18, 45.

[14] *Золото* и платина. 1914. № 10. С. 216–217.

[15] *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 4. Д. 5. Л. 124.

[16] *Золото* и платина. 1914. № 11–12. С. 253.

[17] *Митинский А.Н.* Горнопромышленность Приамурья … С. 71, 91–95; *Золотопромышленность* Приамурья // Золото и платина. 1914. № 2. С. 33–38.

[18] *Оссендовский А.М.* Указ. соч. С. 20–21; *Риф. А.* Указ. соч. С. 253; *О современном* положении золотого промысла в Амурской области // Золото и платина. 1914. № 10. С. 215–217; *Соколовский С.М.* О современном положении золотого промысла в Амурской области // Горные и золотопромышленные известия. 1915. № 1. С. 2–5; № 2. С. 21–24; № 3. С. 46; *Протоколы* заседаний съездов золотопромышленников Приморского горного округа // Российский государственный архив Дальнего Востока (РГА ДВ). Ф. 1194. Оп. 1. Д. 8. Л. 287–289.

[19] О современном положении золотого промысла в Амурской области // Золото и платина. 1914. № 10. С. 218, 221, 222.

[20] *Викулов А., Кабанов И.* О мерах, необходимых для поднятия золотого промысла в Зейском горном округе (рабочий вопрос) // Золото и платина. 1916. № 3–4. С. 50.

[21] *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1866. Л. 3–10.

[22] *Национальный* архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 107. Оп. 1. Д. 741. Л. 169; *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1797. Л. 155.

[23] *Сибирская* жизнь. 1904. № 253.

[24] *Нестеров М.В.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Нерчинского округа Кабинета Его Императорского Величества // Вестник золотопромышленности горного дела вообще. 1904. № 22. С. 513.

[25] *Вережников А.* Китайская толпа // Современник. 1911. № 4. С. 131–132.

[26] *Золото* и платина. 1914. № 10. С. 218.

[27] *Горный* журнал. 1912. Т. I. С. 91.

[28] *Протоколы* заседаний съездов золотопромышленников Приморского горного округа // РГА ДВ. Ф. 1194. Оп. 1. Д. 8. Л. 288.

[29] *Золото* и платина. 1914. № 5. С. 116.

[30] *ГАЧО*. Ф. 52. Оп. 5. Д. 46.

[31] *Летний.* Некоторые впечатления из путешествий по Зейской и Алданской тайге (в 1911–1912 гг.) // Золото и платина. 1913. № 3. С. 81.

[32] *РГИА*. Ф. 468. Оп. 25. Д. 182. Л. 51.

[33] *ГАИО*. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1866. Л. 6; *Очерки* истории партийных организаций Кузбасса. Кемерово, 1973. Ч. I. С. 75; *Питиримов И.* 102 года. Материалы к истории Мартайгинских приисков // Сибирские огни. 1932. № 6. С. 81; *Государственный* архив Томской области (ГАТО). Ф. 428. Оп. 4. Д. 3035. Л. 51; *Государственный* архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 543. Оп. 1. Д. 192. Л. 98–99.

[34] *Россия* в Первой мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 74.

[35] *Золото* и платина. 1912. № 10. С. 277.

3.3. Социально-политический облик сибирского отряда рабочего класса России накануне Революции 1917 г.

(Первая публикация: Из истории социальной и общественно-политической жизни советской Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. С. 13–18.)

Рабочий класс сыграл в Октябрьской революции роль гегемона. Понятно поэтому, что история класса-победителя находится в центре внимания советских ученых. Успехи, достигнутые исследователями в этой тематике, неоспоримы. Итоги работы были подведены в серии обобщающих трудов общероссийского и регионального масштаба. Таковы «История рабочих Ленинграда», «История рабочего класса СССР», «История рабочего класса Сибири», «История рабочего класса Белоруссии». Эти и другие работы выявили также малоизученные аспекты, показали нерешенные проблемы. Во всех изданиях наиболее слабые места связаны с исследованием социально-политической структуры, облика российского пролетариата, форм его социальной активности. Таким образом, недостаточно изученными остались характеристики, без знания которых невозможно точно определить революционный потенциал рабочего класса, объяснить его действия во время революции, а в конечном счете – уверенно говорить о закономерности революционных перемен в России.

Историки российского пролетариата до сих пор спорят о содержании ключевых понятий: «пролетариат», «чистый пролетариат», «кадровый рабочий», «сознательный рабочий» и т.д.[1] В теоретическом плане вопрос о социально-политической структуре пролетариата рассматривался упрощенно. Например, главным стремлением большинства историков было выделить идеального носителя пролетарской революционности – «чистый» пролетариат. Этим, видимо, объясняется, что многие историки продолжают вслед за А.М. Панкратовой делить рабочий класс на 3 слоя: 1) «чистый пролетариат, 2) рабочий с наделом, 3) рабочая аристократия[2]. Неточность этой схемы очевидна, поскольку рабочая аристократия – часть кадрового или «чистого» пролетариата.

По этой же причине упрощенно рассматривалась структура политического сознания пролетариата – только с точки зрения формирования классового самосознания. Поэтому политически активный рабочий обычно отождествлялся с политически сознательным, в то время как он находился под мощным прессом идей других классов. Политическая активность, политическая сознательность, классовая сознательность – термины неоднозначные по содержанию. Политическую активность рабочий мог проявить под черносотенными лозунгами или мог быть случайно вовлечен в политическое выступление. Среди политически активных рабочих были обладающие пролетарским классовым сознанием (они составляли авангард класса), рабочие, имеющие мелкобуржуазное, буржуазное и даже монархическое сознание. Экономически активные рабочие могли иметь спектр политических симпатий от пролетарских до буржуазных. Пассивная часть рабочих, не способная даже к экономическому протесту, могла иметь мелкобуржуазное, буржуазное и монархическое сознание.

До сих пор заметна обособленность историков российского пролетариата в изучении своего предмета от коллег – историков международного рабочего движения, пролетариата зарубежных стран[3]. Исследователи отечественного пролетариата более консервативны и осторожны в выводах и суждениях. Не прошло бесследно необоснованное административное вмешательство в историческую науку в начале 1970-х гг., приведшее к временному ослаблению исследований в области социально-политического облика российского пролетариата. Но нельзя говорить, что они свертывались или прекращались. В разное время вклад в изучение социальной структуры и облика российского рабочего класса внесли Б.Л. Маркус, А.М. Панкратова, С.Г. Струмилин, А.Г. Рашин, О.И. Шкаратан, В.З. Дробижев, Ю.З. Полевой, П.В. Волобуев, Л.М. Иванов, С.В. Тютюкин, Ю.И. Кирьянов, Ю.И. Серый, Н.А. Иванова и др. историки.

Особенности социально-политической характеристики рабочего класса Сибири накануне 1917 г. исследовали М.М. Шорников, В.П. Сафронов, Д.М. Зольников, Н.В. Блинов, А.А. Мухин, Н.Н. Щербаков, А.Е. Плотников, В.А. Скубневский и др. Их усилиями удалось охарактеризовать в основных чертах социальный портрет отряда сибирских рабочих, выявить размер армии наемного труда в регионе (около 700 тыс. чел.), отраслевую структуру

найма. Итоги исследований обобщены в книге «Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период» (Новосибирск, 1982). Пока эти обобщения не подвергались сомнению. Они таковы: сибирский отряд рабочего класса страны, составляя почти вдвое меньший процент от всего населения, чем в целом по стране (около 6%), имел более слабый кадровый состав, концентрацию, узкий слой квалифицированных специалистов, был сильнее связан с землей. Слой постоянных рабочих составлял на железных дорогах, в фабрично-заводской промышленности, на пароходах более половины работников, на горных промыслах, в строительстве – около 1/3, при этом на крупных приисках и каменноугольных копях – около 40%. Авангард российского пролетариата – металлисты – был представлен в Сибири рабочими депо и мастерских горных предприятий, речных затонов, железных дорог, редких металлообрабатывающих заводов. В Сибири насчитывалось 25–30 тыс. металлистов, т.е. около 5–6% от общего числа несельскохозяйственных рабочих. За годы Первой мировой войны более слабым стал кадровый состав на транспорте и в промышленности из-за мобилизаций, роста армии труда, привлечения иностранных рабочих (в основном китайцев), притока мелкобуржуазных элементов на оборонные предприятия, где они скрывались от призыва в армию. Вместе с тем на предприятиях сохранился основной костяк рабочих, усилилась концентрация рабочих в горной промышленности, приблизившись к общероссийским показателям[4].

Таким образом, доказано, что кадровый пролетариат составлял существенную часть всех рабочих Сибири. Он был сосредоточен в центрах социально-экономической жизни региона, имел возможность при должной организации контролировать основные хозяйственные артерии и центры огромной окраины.

О характере социальной активности рабочих Сибири можно судить на основании хроники рабочего движения в Сибири в июне 1907 – феврале 1917 г.[5], в которую вошли сведения об основных формах рабочего движения.

Данные статистической обработки хроники позволяют судить и о социально-политической структуре отряда сибирских рабочих. Если исходить из трехчленного деления рабочей массы по характеру социальной активности, предложенного К. Каутским и В.В. Воровским (авангард, борющаяся часть, пассивная несознательная масса[6]), то в Сибири из почти 500 тыс. несельскохозяйственных рабочих участво-

вали в стачках чуть более 50 тыс. чел., без учета повторных стачечников за период с июня 1907 по февраль 1917 г., то есть не более 10,4% (см. табл.). Этих рабочих можно считать борющейся частью, остальные почти 450 тыс. – пассивной несознательной массой, пораженной мелкобуржуазными и монархическими иллюзиями.

Таблица

Стачечная активность отраслевых отрядов наемных рабочих Сибири в межреволюционный период*

Отрасли народного хозяйства	Количество рабочих, тыс.	Число стачечников, тыс.	Доля бастовавших в общем числе рабочих,%
Обрабатывающая пром.	25,0	5,0	20,0
Горная пром.	56,5	18,6	33,0
Ж.-д. транспорт	76,6	7,2	9,4
Водный странспорт	25,8	3,6	14,0
Строительная пром.	99,0	10,6	10,7
Лесная пром.	25,0	2,2	8,8
Рыбная пром.	15	0,1	0,8
Торговля	47,6	1,6	3,4
Коммунальное хозяйство	20,0	1,0	5,0
Итого	487,8	50,8	10,4

* Составлено по данным: Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 298; *Рабочее* движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. Томск, 1991. Т. 3. С. 62–67.

Анализ отраслевой структуры стачечной активности показывает, что в течение 10 межреволюционных лет бастовал каждый третий горнорабочий, каждый пятый фабрично-заводской рабочий, каждый седьмой водник, каждый десятый железнодорожник, строитель, рабочий лесных промыслов, каждый тридцатый работник торговли и менее процента всех рыбаков и работников городских коммунальных служб. Во главе борьбы рабочих Сибири накануне революций 1917 г. шли не металлисты, как в центре страны, а шахтеры каменноугольных рудников и приисков, предприятий, находившихся в переходной стадии к фабричному уровню. Всего в Сибири в межреволюционный период произошло 960 стачек с 98 тыс. участников, следовательно, каждый из 50 тыс. учтенных активных рабочих бастовал в среднем по два раза. В политических стачках участвовали также преимущественно горняки – каждый пятый, рабочие городов, в основном печатники. Всего политических

стачечников учтено 12 тыс. чел., то есть 2,4% всех рабочих Сибири. В митингах, сходках, демонстрациях с политическими лозунгами приняли участие около 11 тыс. чел.

Далеко не всех политически активных рабочих можно отнести к политическому авангарду своего класса, большая часть из них участвовала в политических акциях под руководством товарищей, обладавших классовым самосознанием. О количестве сознательных рабочих можно судить по численности организаций РСДРП. Такие подсчеты, конечно неполные, показали, что в 43 организациях края, по 20 из которых есть сведения о числе членов, насчитывалось около тысячи чел. Если учесть, что данные неполны, с одной стороны, и то, что в них вошли и сведения о социал-демократах интеллигентах, с другой стороны, наш подсчет вполне может отражать реальную численность рабочих членов РСДРП в Сибири.

Аналогичных подсчетов по стране в целом нет, в условиях конспирации и репрессий даже руководство партии имело самое приблизительное представление об ее численности. В.И. Ленин называл 30–50 тыс. на 1913 г., считая, однако, что точной цифры установить нельзя[7]. Самый приблизительный подсчет возможен по данным, опубликованным Н.А. Ивановой[8]. В 18 крупнейших организациях страны к 1913 г. насчитывалось около 8,8 тыс. членов, в остальных 223 комитетах и группах РСДРП, если взять среднюю численность в 50 членов, было около 11150 членов, итого – около 20 тыс. В Сибири, таким образом, находились около 4–5% социал-демократов страны, то есть та же доля, которую от общего числа рабочих России составляли сибирские несельскохозяйственные рабочие.

Вполне вероятно, что благодаря ссылке рабочее движение в Сибири было обеспечено партийными кадрами не меньше, чем общероссийское. Почти все организации социал-демократов Сибири остались вплоть до 1917 г. объединенными. Судить о распределении сил внутри них между меньшевиками и большевиками можно на основании данных о сборах на центральную рабочую печать. На большевистские «Правду» и «Звезду» зарегистрировано нами 73 сбора, на меньшевистский «Луч» – 55. Отмечается, при всей условности этого показателя, перевес большевистских настроений в среде политически сознательных рабочих Сибири в 1912–1913 гг. В России этот перевес был подавляющим[9]. Сумма сборов на «Правду» в Сибири в 1,5 раза превысила таковую для «Луча». Больше

всего сборов было у железнодорожников, горнорабочих, рабочих фабрично-заводской промышленности. Заметной дифференциации влияния большевиков и меньшевиков по отраслевым отрядам рабочих не обнаружено. Велика доля двойных сборов – на «Правду» и «Луч» одновременно, что отражает примиренческие настроения сознательных рабочих Сибири.

Влияние других политических партий на сибирский пролетариат было невелико. Накануне Первой мировой войны в крае действовали в рабочей среде 5 организаций ПСР, 3 черносотенные организации, в основном среди железнодорожников. В период войны действовали три рабочие группы военно-промышленных комитетов (Новониколаевск, Омск, Курган). Социалисты-революционеры руководили 5 стачками с 300 участниками, в то время как социал-демократы – 230 стачками с 19 тыс. участников. Организации ПСР руководили 9 митингами и сходками с 4250 участниками. Социал-демократы организовали 156 выступлений с 21,1 тыс. участников. Социалисты-революционеры контролировали 7 профсоюзов с 230 рабочими, социал-демократы – 28 с 1570 рабочими из 53 профсоюзов рабочих Сибири. Социал-демократы контролировали также 14 кооперативов с 10 тыс. членов из 59 с 62 тыс. членов, действовавших в Сибири. Социал-демократы издали 130 листовок тиражом 96,3 тыс. экз., обращенных к рабочим. Социалисты-революционеры – 33 листовки тиражом в 32, 1 тыс. экз.

Приведенные сведения и подсчеты не претендуют на абсолютную достоверность, частью весьма приблизительны и условны, но тем не менее они позволяют сделать ряд выводов. Слой рабочих-передовиков в Сибири был узок – 1–2 тыс. политически сознательных рабочих-партийцев и сочувствующих. Среди них, при общих примиренческих настроениях, преобладало влияние большевиков. Слой экономически активных рабочих исчислялся уже десятками тысяч – 50–60 тыс. участников стачек и экономических организаций. Подавляющая часть рабочих Сибири – (9/10) являлись пассивной эксплуатируемой массой. Рабочие Сибири проявляли меньшую социальную активность, чем пролетариат страны в целом. Так, 70% фабрично-заводских рабочих Европейской России участвовали в стачках накануне Первой мировой войны, а рабочие тех же отраслей промышленности в Сибири – на 20%. Всего лишь десятая часть рабочих Сибири имела опыт социальной борьбы, она и приняла активное участие в революциях 1917 г., увлекая за собой других.

Примечания

[1] *Иванова Н.А.* Структура рабочего класса России. 1910–1914. М., 1987. С. 13–22; 36–43; 103–105.

[2] *Панкратова А.М.* Проблема изучения истории пролетариата // Рабочий класс России: Избранные труды. М., 1983. С. 149.

[3] См.: *Распутнис Б.И.* Советская историография современного рабочего движения: вопросы теории и методологии. Львов, 1976. Ч. 1. С. 202–222.

[4] *Рабочий* класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 297–301, 369–374; *Зольников Д.М.* Рабочие Сибири в годы Первой мировой войны и февральской революции. Новосибирск, 1982. С. 29–38.

[5] *Рабочее* движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. Томск, 1989. Табл. 1–18.

[6] *Кирьянов Ю.И.* Об облике рабочего класса России // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 119–118.

[7] *Ленин В.И.* Как В. Засулич убивает ликвидаторство // Полное собрание сочинений. М., 1969. Т. 24. С. 34.

[8] *Иванова Н.А.* Структура рабочего класса … С. 161–168.

[9] *Курашова Н.А., Лившиц С.А.* Групповые денежные сборы рабочих на «Правду» и газеты других политических направлений (1912–1914 гг.) // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. С. 237.

3.4. Прошения о пенсии как источник информации о рабочих кадрах сибирской золотопромышленности в XIX – начале XX в.

(Первая публикация: Проблемы источниковедения и историографии Сибири дооктябрьского периода: Межвузовский тематический сборник научных трудов / Под ред.канд. ист. наук А.П. Толочко. Омск: ОмГУ, 1990. С. 69–78)

Вопрос о рабочих кадрах сибирской золотопромышленности занимает особое место в историографии Сибири XIX – начала XX в., поскольку приисковые рабочие составляли в этот период

самый крупный отряд промышленного пролетариата края. По составу рабочих на приисках публицисты и исследователи истории Сибири судили о характере социальной зрелости всего контингента наемных рабочих региона. Но дело в том, что по этому ключевому вопросу и современники и историки высказывали противоречивые суждения. Буржуазные и мелкобуржуазные публицисты и исследователи утверждали, что постоянных приисковых рабочих нет, есть крестьяне на заработках[1]. Часть горных специалистов и золотопромышленников утверждала, что на приисках Юга и Запада Сибири кадровый состав рабочих сложился еще в XIX в.[2] Современные исследователи также по-разному решают этот вопрос. Большинство исследователей (Г.Х. Рабинович, А.А. Мухин, Д.М. Зольников, А.Г. Патронова и др.) уверены в преобладании временных рабочих[3], некоторые другие – в наличии постоянных кадров[4].

Сложность изучения проблемы кадрового состава в золотопромышленности дореволюционной Сибири заключается в скудости источников, в том, что сказать «нет» – проще, чем искать доводы для положительного ответа.

В настоящей статье анализируется новый источник, который дает аргументы в пользу последней версии. Это – прошения рабочих о назначении им пенсий, сохранившиеся в фонде Общества Вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов Томского горного округа.

Общество было основано 30 октября 1894 г. в г. Томске группой либерально настроенных чиновников, золотопромышленников, профессоров Томского университета по инициативе горного инженера В.С. Реутовского[5]. Целью общества являлось материальное обеспечение больных и увечных рабочих и служащих золотых промыслов Томской горной области. Средства общества формировались за счет добровольных пожертвований частных лиц, в том числе и рабочих. Об открытии общества, его целях разъяснялось в объявлениях в газетах, в специальных листках, распространенных на приисках Сибири[6]. Первоначальный капитал составил 10,3 тыс. руб. За 20 лет (1894–1913 гг.) было собрано 79 тыс. руб., выдано пенсий 50,6 тыс. руб. Число пенсионеров с 7 в 1894 г. выросло до 134 в 1902 г., затем сократилось до 77 в 1913 г.[7]

Пенсии (3–5 руб. в месяц) и единовременные пособия в несколько десятков рублей назначались рабочим, потерявшим трудоспособность в результате увечья или болезней, приобретенных на

приисках, либо по старости, не имеющим других средств к существованию.

В фонде общества (Ф. 423 Государственного архива Томской области), а также в фонде Томской горной области (Ф. 433 ГАТО) сохранились документы о ходатайстве пособия почти 200 рабочих и служащих[8]. Обычный комплект документов состоит из прошения о назначении пенсии, заключения врачей-экспертов (нередко профессоров Томского университета Кулябко, Курлова и др.) о состоянии здоровья просителя, справки от золотопромышленника, подтверждавшей приисковый стаж просителей, заключения правления общества о назначении пособия или пенсии. Далеко не во всх случаях сохранились полные комплекты документов.

Наиболее информативный документ из этого комплекта источников – прошения. Они составлялись и подписывались чаще всего наемными писцами вследствие неграмотности просителей. Обычным их содержанием было сообщение о звании соискателя пенсии, его фамилии, имени, отчестве, возрасте, рабочем стаже, о материальном положении, составе семьи, месте жительства, характере занятий в момент обращения за пенсией, о состоянии здоровья. Образцом подобного прошения может служить прошение мариинского мещанина Гордея Мартемьянова от 9 июня 1895 г., написанное на Александровском прииске компании «Алтайское золотопромышленное дело»: «Имею честь заявить, что, проработав на приисках восемнадцать лет, в нынешнем году захворал и болезненное мое состояние вот уже в течение семи месяцев продолжается, между тем обременен семьей, которая состоит из пяти человек детей и жены, старшему из детей двенадцать лет. Вся моя семья проживает в городе Мариинске без всяких средств и терпит большую нужду, а потому покорнейше прошу не оставить без внимания моего заявления»[9].

Наличие в прошениях, справках однотипных сведений позволяет статистически обработать информацию о социальной характеристике рабочих и попытаться выделить в ней типические черты. Можно, конечно, усомниться в представительности анкетных данных о 190 рабочих и служащих для всей совокупности наемных лиц, занятых в золотопромышленности Томской и Енисейской губерний в конце XIX – начале XX в. – 10–20 тыс. чел. ежегодно. Но есть ряд аргументов, подтверждающих эти данные. Если взять возраст просителей, то 90% из них старше 45 лет[10]. Таких

рабочих на приисках было в среднем около 17% [11], следовательно, 190 анкет представляют уже не 1–2% всех рабочих и служащих, а 5–10%, что намного увеличивает репрезентативность материалов прошений при условии случайности выборки. Случайность нашей выборки обусловлена равной для всех приискателей возможностью заболеть или получить увечье. На всех приисках господствовал ручной труд, все они находились практически в одних климатических и ландшафтных условиях. Болезни и увечья были главными причинами просьб о пенсиях: из 135 случаев, выявивших причину подачи прошения, в 104 были увечье, болезнь, в 31 – старость. Направленность выборки очевидна в одном – она отсекает семьи потомственных рабочих, в которых произошла смена кормильцев, а также людей случайных, бывших на приисках год-другой.

Можно предположить, что соискатели пенсий, являвшиеся в основном уроженцами Томской и Енисейской губ, не представляют массы приискателей – временных работников из других губерний[12]. Однако сведения горных чиновников убеждают, что основные рабочие приисков Томской горной области – действительно уроженцы Томской и Енисейской губ. Так, в отчетах по Томскому горному округу за 1895/1896 г. указано, что «…большинство рабочих местные, остальные из ближайших округов», по Ачинско-Минусин-скому горному округу – «рабочие комплектовались из ближайших сел», по Енисейскому округу – рабочие «почти все местные» и т.д.[13] Лишь среди рабочих наиболее богатых приисков Алтая и Южно-Енисейской тайги была заметна доля тоболяков и выходцев из Европейской России. При обеднении россыпей и падении заработков оставались в основном местные рабочие.

Следовательно, с оговорками, по анкетным данным рабочих – соискателей пенсий можно судить о социальном портрете приисковых рабочих Томской и Енисейской губ. конца XIX – начала XX в. По крайней мере, эти материалы могут служить существенным дополнением к уже известным сведениям о составе рабочих на золотодобыче.

Наиболее ценны сообщения прошений о стаже приисковых рабочих. Такие сведения содержат 167 анкет. По результатам обработки анкет (см. табл. 1) до 95% всех рабочих и служащих, просивших пенсию или пособие, относились к кадровым, проработав-

шим более 5 лет на приисках. Типичным для них был стаж от 10 до 30 лет. Общий стаж 167 учтенных соискателей пенсий составил 4099 лет, или на одного в среднем 25 лет. Типичность подобного стажа работы для кадровых горняков подтверждается как уже известными материалами[14], так и вновь обнаруженными в архивах. Перспективны в этом плане анкетные материалы, сохранившиеся в судебных делах. Так, в деле «О нанесении побоев становому Рязанову» (1890 г., Александровский прииск К° Базилевского и Черемных Енисейского округа) протоколы допросов обвиняемых содержат сведения о посещении рабочими исповеди и святого причастия. Оказалось, что из 55 обвиняемых 18 чел. от 1 до 5 лет и 19 чел. от 5 до 20 лет не выезжали с приисков и у святого причастия не были. Кроме того, 10 чел. показали, что на приисках живут постоянно, хотя и посещают церковь. Из 55 рабочих всего 29 оказались кадровыми рабочими[15].

Таблица 1

Распределение соискателей пенсий по стажу работ на приисках

Стаж, лет	Рабочие		Служащие		Всего	
	Абс.	% к итогу	Абс.	% к итогу	Абс.	% к итогу
До 5	8	5,2	1	6,3	9	5.4
5–9	6	3,9	-	-	6	3.6
10–19	43	27,7	3	25,0	46	27,5
20–29	42	27,0	6	50,0	48	28,7
30–39	31	20,0	1	6,3	32	19,2
40–49	19	12,3	1	6,3	20	12,0
50 и более	6	3,9	-	-	6	3,6
Итого	155	100,0	12	100,0	167	100,0

Прошения, как и формуляры горнозаводских служителей, позволяют проследить весь рабочий путь приискателей. В 124 случаях, кроме общего стажа работы, в них перечислены фамилии золотопромышленников, нанимавших рабочих. Подсчеты показали, что работали у одного золотопромышленника: до 2 сезонов – 6 чел.; до 5 сезонов – 50 чел; до 10 сезонов – 46 чел; 10 и более сезонов – 22 чел.

В среднем у одного хозяина 124 учтенных рабочих работали 7 сезонов. Таким образом, типичный приисковый рабочий пред-

почитал не менять нанимателя без веских причин. Продолжительный стаж работы у одного хозяина мог свидетельствовать также и о закабалении работника. Вот некоторые примеры из прошений: крестьянин Мариинского уезда Михаил Сергеев проработал у В.И. Асташева 36 лет; крестьянин Тобольской губ. Н.М. Байгачев работал у Федорова 20 лет, у Буткевича – 10 лет; крестьянин Томского уезда А.В. Казанцев – 18 лет у Шешуковых, 7 лет – у Родюкова и т.д.[16] Нередко рабочие почти ежегодно меняли хозяев. Так выглядит, например, послужной список А.И. Кукевича, крестьянина с. Тисуль Мариинского уезда: «Более 30 лет я находился рабочим на золотых промыслах, а именно у золотопромышленника г. Христофора Попова на Воскресенском прииске – 1 год, у Рязанова на Кундустуюле – 1 год, у Ложникова на Гавриловском – 2 года, у Коновалова на Кедровке – 2 года, у Нахровича на Богородском – 1 год, у Озерова и Рязанова на Сарале – 1 год, у Цибульского на Федоровском – 2 года, Дмитриевском – 1 год, Гореловке – 1 год, в Терсях – 2 года, у Королева на Сарале – 1 год, Бобровой – 1 год, у Асташева в Средней тайге на Леонтье-Никольском – 2 года, у г. Ильина на прииске Аннинке и Преображенке – 2 года. В Ачинской тайге у Богомолова на Салгане – 4 года, у Сажина на Ивановском – 6 лет, у Романа Буткевича на Иверском – 2 года, у Савелия Буткевича на Аннинке – 3 года, где и потерял здоровье и ныне нахожусь без всяких средств к существованию»[17]. При анализе подобных показаний следует иметь в виду, что многие рабочие не помнили, у кого и сколько работали, неточно называли прииски и их владельцев.

Прошения – наглядные и яркие свидетельства раскрестьянивания бывших земледельцев, из которых лишь немногие, попав на прииски, пытались совместить крестьянский и приисковый труд. Податели прошений распределялись по сословной принадлежности следующим образом: крестьяне – 83; мещане – 44; ссыльнопоселенцы – 29; отставные мастеровые – 4; отставные солдаты – 4; «инородцы» – 1; не указали звания – 7; итого: 174.

Однако те же рабочие местом жительства называли: 54 чел. – города; 35 чел. – прииски; 63 чел. – села; не назвали – 32 чел. Из 63 жителей сел 27 указали местом жительства с. Тисуль, а не место приписки, что означает разрыв связи с прежним хозяйством и наделом, если таковые имелись. Показательно в этом плане прошение крестьянина Енисейской губернии И.И. Касаренкова: «30 лет с

приисков выезжаю в село Тисуль и в месте причисления никогда не бывал, а получаю только вид на жительство»[18]. Таким образом, на свои места приписки вернулись из 83 крестьян – соискателей пенсий лишь 36 чел.

Судя по прошениям, бывшие рабочие, потеряв силы, пытались существовать за счет какого-либо ремесла, заводили пасеки, нанимались караульными на прииски, в магазины, побирались. Так, мещанин Е.Ф. Орловский, проработавший с 1836 по 1895 г. на приисках, поселился затем в с. Банновском Кузнецкого уезда, купил дом, лошадь, корову, 30 ульев[19]. Крестьянин С.А. Спицын, поселившийся в Тисуле после 20 лет труда на приисках, нищенствовал, так же как крестьянин В.М. Сергеев после 40 лет приискового стажа[20]. Мещанин С.И. Романовский – портняжил[21], отставной солдат И.К. Леонтьев шорничал[22].

При анализе прошений необходимо иметь в виду, что они не могут дать значительной информации о процессе формирования кадров потомственных приисковых рабочих. Старики, жившие на иждивении взрослых детей, не имели права на пенсию по уставу общества. Все же некоторые сведения по этому вопросу прошения сообщают. Так, они показывают, что большинство приисковых рабочих были женаты: из 85 рабочих, указавших состав семьи, 48 были женаты, а 35 имели от 1 до 12 детей. Есть и прямые свидетельства. Так, П.К. Леонтьев, шорник Спасской резиденции Южно-Алтайского золотопромышленного дела, сообщил, что у него есть сын сорока лет, работающий на приисках той же компании и имеющий большую семью[23]. Е.А. Петров, бывший приисковый рабочий (стаж 35 лет), просил в 1902 г. пенсию, потому что его единственный сын Акентий «пошел на заработку в тайгу и с тех пор без вести пропал»[24]. П.А. Комаров, проработавший на приисках более 50 лет, сам был сыном приискового рабочего, числился же он мещанином г. Усть-Каменогорска[25].

Прошения содержат богатую информацию о профессиональных заболеваниях рабочих, в основном таких, как ревматизм, травмы, эмфизема легких, грыжа, слепота.

Прошения показывают, какими разнообразными путями попадали в тайгу рабочие, какой сплав социального опыта накапливался на приисках, помогают понять истоки социальной активности приискателей. Например, ссыльнопоселенец Мариинского округа П.А. Андреев был крепостным крестьянином в г. Саратове,

затем матросом Черноморского флота, за «неблагопристойное поведение» сослан в Сибирь на поселение, где постоянно работал на приисках в течение 34 лет[26]. Другой рабочий – мариинский мещанин М.М. Еремченко, проработав на приисках 30 лет, получил отказ в просьбе о пенсии из-за того, что, по мнению золотопромышленника Буткевича, «поведением своим не отличался и еще в силах работать»[27], хотя, по свидетельству врача, к труду не был способен в свои 53 года[28]. Среди документов встретилось прошение о пенсии Осипа Францевича Ясинского, мариинского мещанина 55 лет, одного из руководителей стачки на Быстринском прииске Кабинета в 1894 г.

Некоторые прошения указывают на перемены в сознании рабочих, на понимание ими сущности капиталистической эксплуатации. Например, бывший административно-ссыльный Каинского уезда Ахмед-Хан Ширали-оглы в своем прошении о пенсии от 20 апреля 1906 г. настаивал на ее размере в 300 руб. в год: «Сообразуясь с моей ежегодной приблизительно с заработной платой, ибо золотопромышленники извлекали пользу из меня как рабочей силы, и, к слову сказать, они только от этого потучнели и разбогатели, а я потерял последнее здоровье и чуть не нищий»[29].

Таким образом, приведенные материалы и подсчеты показывают, что прошения рабочих о пенсиях – серьезный информативный источник о составе рабочих золотых приисков Сибири, свидетельствующий о наличии в Томской и Енисейской губерниях в конце XIX – начале XX в. постоянного кадрового приискового пролетариата.

Не менее важно и то, что при отсутствии прямых статистических источников о процессе закрепления кадров и формирования трудовых традиций в той или иной отрасли, необходимо проводить анализ любых сохранившихся карточных сведений о рабочих – формуляров, алфавитных списков, судебных досье, заявлений и прошений. Практика поиска подобных материалов в архивах краев и областей Сибири показывает перспективность таких находок.

Примечания

[1] *Щапов А.П.* Что такое рабочий народ в Сибири // Сибирь. 1875. 7 сент.; *Коренев Е.Н.* Очерк санитарно-экономического положения рабочих на золотых промыслах Витимско-Олекминской системы Якутской

области. СПб., 1903. С. 168; *Мелких А.И.* Из экономической жизни Западной Сибири. М., 1912. С. 87 и др.

[2] *Черемных И.* Несколько слов о переутомляемости золотопромышленных рабочих // Вестник золотопромышленности.1892. № 11. С. 153–154; *Нестеров М.В.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Нерчинского округа Кабинета Е.И.В. // Вестник золотопромышленности. 1904.

[3] См.: *Блинов Н.В.* Некоторые вопросы современной историографии формирования пролетариата в Сибири // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 8. С. 5–7.

[4] *Зиновьев В.П.* Формирование пролетарских кадров в Сибири в 60–90-е гг. XIX в. // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 1. С. 81–85.

[5] Вестник золотопромышленности. 1894. № 14. С. 269.

[6] Рабочие Витимской тайги прислали в фонд общества 611 руб. (*Государственный* архив Томской области – ГАТО. Ф. 423).

[7] *Краткий* очерк деятельности Томского общества вспомоществования рабочим и служащим горных и золотых промыслов // Горные и золотопромышленные известия. 1914. № 22. С. 490.

[8] ГАТО. Ф. 423. Оп. 1. Д. 3. Л. 8; Д. 4. Л. 70–247; Д. 11. Л. 30–434; Д. 12. Л. 108–174; Д. 13. Л. 8–368; Д. 14. Л. 3–257; Д. 15. Л. 20–159; Д. 16. Л. 49–77; Д. 17. Л. 7–201; Ф. 433. Оп. 1. Д. 180. Л. 12–52; Д. 530. Л. 40–172.

[9] ГАТО. Ф. 423. Оп. 1. Д. 4. Л. 70.

[10] Из 75 соискателей пенсий, указавших свой возраст, только 7 были младше 45 лет, возраст 27 был от 45 до 60 лет, 23 – от 61 до 70 лет, 16 – от 71 до 80 лет, 2 – от 81 до 90 лет, 1 – старше 90 лет.

[11] Из 991 рабочего 19 приисков Томского и Северно-Енисейского округов, по которым дали сведения горные инженеры, 167, или 17%, были старше 45 лет. Данные на конец XIX в. (*Внуковский В.М.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Северной части Енисейского округа. СПб., 1905. Приложения. С. 201. 210, 212–213, 282, 316; *Фрейман Э.К.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Алтайского горного округа. СПб., 1910. С. 182–183; *Бересневич И.П.* Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Томского горного округа. СПб., 1912. Т. 1. С. 196–197, 210, 252).

[12] Из 157 соискателей пенсий, у которых указано место приписки, оказались уроженцами Томской губ. 111, Енисейской – 25. Тобольской – 11, Пермской – 4, Пензенской, – 2. Семипалатинской обл. – 2, Тамбовской и Симбирской губ. – по 1.

[13] См.: Отчеты по приискам // Вестник золотопромышленности. 1896. № 24. С. 423, 442–443; 1897. № 11. С. 249, 251; ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 105, Л. 2; Ф. 428. Оп. 1. Д. 508. Л. 327 и т.д.

[14] Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 125–126.

[15] *Государственный* архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 141. Оп. 1. Д. 1030. Л. 5–85.

[16] *ГАТО*. Ф. 423. Оп. 1. Д. 12. Л. 173; Д. 14. Л. 170. 249; Д. 16. Л. 73.

[17] Там же. Д. 12. Л. 116.

[18] Там же. Л. 111.

[19] Там же. Д. 13. Л. 18–20.

[20] Там же. Д. 14. Л. 63; Д. 16. Л. 73.

[21] Там же. Д. 16. Л. 56.

[22] Там же. Д. 4. Л. 184.

[23] Там же.

[24] Там же. Д. 13. Л. 152.

[25] Там же. Д. 17. Л. 55.

[26] Там же. Д. 4. Л. 74.

[27] Там же. Д. 13. Л. 149, 154–155.

[28] Там же. Д. 11. Л. 351–352.

[29] Там же. Д. 16. Л. 51.

3.5. Индустриальные рабочие Сибири в XVIII – начале XX в.

(Статья для «Исторической энциклопедии Сибири»)

После выхода в свет обобщающих трудов по истории рабочего класса Сибири[1] исследования в этом направлении практически прекратились, хотя осталось много нерешенных проблем. Однако увеличение роли Сибири в экономике страны заставляет вновь и вновь обращаться к историческому опыту ее хозяйственного освоения, в том числе и к истории формирования индустриальных кадров на востоке России[2]. В настоящей статье представлен итог разработки автором этой темы.

Рабочий класс Сибири прошел те же ступени формирования, что и пролетариат России: предпролетариат (ремесленники и подневольные работники XVII – первой трети XIX в.), мануфактурный пролетариат (вторая треть XIX – конец XIX в.) и пролетариат машинной индустрии (начало XX в.). История индустриализации Сибири и формирования отряда рабочего класса разделяется также на

следующие этапы: 1) XVII – первая четверть XVIII в. – начало частного раннекапиталистического предпринимательства в весьма скромных масштабах; 2) вторая четверть XVIII – первая четверть XIX в. – рост, а затем господство феодального предпринимательства Казны, Кабинета, дворянства в мануфактурной промышленности; 3) вторая четверть XIX в. – 1861 г. – кризис феодальной промышленности, рост и победа частного капиталистического предпринимательства на транспорте, промышленности, господство капиталистической мануфактуры в золотодобыче, начало промышленного переворота в водном транспорте; 4) 1861 г. – первая половина 90-х гг. XIX в. – крах феодального предпринимательства, господство капиталистической мануфактуры во всей промышленности, начало промышленного переворота в ней, утверждение пароходства, начало железнодорожного строительства; 5) вторая половина 90-х гг. XIX в. – 1930-е гг. – промышленный переворот во всех отраслях экономики, начало индустриализации. Особенностью сибирского варианта становления индустрии и формирования отряда рабочих были отставание по времени от аналогичных российских процессов, зависимость темпов и масштабов модернизации края от капитала центра страны и от экономической политики государства, решающая роль транспорта, сырьевая направленность развития, дефицит рабочей силы, особенно квалифицированной, который покрывался за счет промышленной колонизации[3].

Индустриальное развитие Сибири, взяв старт вместе с Россией в целом как частнокапиталистическое в XVII в., продолжилось затем как государственно-феодальное предпринимательство Кабинета, Казны, дворянства, монастырей. Купечество в условиях дефицита трудовых ресурсов также охотно пользовалось внеэкономическими способами рекрутирования рабочей силы. Указ 29 марта 1762 г. не оказал большого влияния на характер формирования кадров купеческих мануфактур в Сибири, так как здесь постоянный приток подневольной рабочей силы давала штрафная колонизация. Несложное производство сибирских «фабрик» и заводов вполне удовлетворялось такими работниками, как каторжные, ссыльнопоселенцы, крестьяне и мещане-недоимщики. Наряду со скудостью трудовых ресурсов, транспортными трудностями и отсутствием кредита, положение мануфактурной промышленности в крае усугублялось ее слабыми связями с рынком. Крупная промышлен-

ность Сибири XVIII в**.** обслуживала, как правило, казенные нужды (монетный двор, географические экспедиции, Нерчинскую каторгу, кабинетские заводы, воинские команды и экспедиции, канцелярии) и потребности небольшого слоя чиновничества и купечества. На широкого потребителя, конкурируя с корчемством, выходили только две отрасли – винокурение и солепромышленность. Крестьянское и мещанское население обеспечивало себя всем необходимым посредством домашнего, ремесленного и мелкотоварного ручного производства. Все это обусловливало неустойчивость мануфактур, их полную зависимость от Казны и произвола властей.

Наиболее известна и показательна в этом плане история Алтайских горных заводов Акинфия Демидова. Они были основаны Демидовыми в 1726 г. по привилегии, выданной Берг-коллегией, с правом использовать труд гулящих и других наемных людей. Однако в 1738 г. работники были закреплены за предприятиями навечно. В 1747 г. императрица Елизавета, воспользовавшись фискальными долгами Демидовых, повелела округ со всем имуществом и людьми взять «на себя».

Подобным же образом было ликвидировано крупнейшее в Сибири XVIII в. частное горнозаводское дело М.В. Сибирякова, который в 1759 г. заключил с Казной договор о поиске и добыче руд в Сибири и Даурии. В 1803 г. рудники Сибиряковых перешли вместе с Нерчинскими заводами в ведение Кабинета. Казна в течение XVIII в. монополизировала солепромышленность и винокурение. Частные солеваренные заводы с наемным трудом сначала перешли во владение монастырей, затем отошли к Казне и стали обслуживаться каторжниками. В 1891 г. Казна скупила все винокуренные заводы откупщиков.

В XVII в. мануфактурная промышленность Сибири мало использовала наемный труд. Он применялся в основном в судоходстве и на пушных промыслах (покрученники). Общее число наемных работников оценивается исследователями в 3 тыс. чел. В середине XVIII в. в Сибири на 32 заводах вместе с рудниками, их обслуживавшими, было занято около 7 тыс. работников. Из них по вольному найму работали немногие на винокуренных, солеваренных заводах и текстильных фабриках. Крестьяне же и мещане, работавшие на промышленных заведениях, нередко были из недоимщиков, а не вольнонаемными.

Сферой вольного найма были мелкие городские предприятия, строительство, речной транспорт, добыча соли на степных озерах, рыбные промыслы. По данным Комиссии о коммерции, в городах Сибири в 1760-е гг. насчитывалось 6555 чел., занятых ремесленным трудом, и 3512 наемных работников. В судостроении было занято 2,5–3 тыс. ежегодно, так как ежегодно строили до 500 разовых судов для сплава грузов. В первой половине века это были обязанные работники, с 60-х гг. – наемные.

Приблизительный подсчет числа работников, занятых в судоходстве Сибири показывает, что это была, как и в Европейской России, наиболее развитая сфера найма. Если принять среднюю численность команды крупного судна (барка, дощаник) в Западной Сибири в 25 чел., то на всех 300 судах должны были работать не менее 7,5 тыс. чел., в т.ч. 2 тыс. обязанных крестьян по проводке казенных судов в Тобольской губернии. В Восточной Сибири, при средней численности команды судна в 5 чел., было занято всего до 1 тыс. работников. Итого по Сибири во второй половине XVIII в. насчитывалось не менее 8,5 тыс. судорабочих.

Только на наемном труде основывались рыбопромысловые заведения. Капиталистические предприятия в отрасли отмечены источниками с начала XVIII в. В целом на 9 тыс. подневольных работников в Сибири в летнюю пору в 60–70-е гг. XVIII в. приходилось около 13 тыс. наемных работников. В зимнее же время индустриальная сфера края обходилась преимущественно принудительным трудом.

В первые десятилетия XIX в. сфера феодального предпринимательства в Сибири продолжала расти. Кабинет полностью монополизировал горнорудное производство. Появились в крае и обычные для Европейской России помещичьи винокуренные заводы – Панаевых и Базилевских. В Тобольске, Томске, Иркутске, Верхнеудинске были основаны для использования труда ссыльных ремесленные (работные) дома. В Иркутской пересыльной тюрьме, на Омской войсковой фабрике труд арестантов применялся в сукноделии. Тельминская фабрика на рубеже XVIII и XIX вв. из захудалого купеческого заведения была преобразована Казной в крупный промышленный комплекс, где трудились ссыльнорабочие и приписные крестьяне. Хотя грандиозный проект кригсшталмейстера Новицкого не был осуществлен, и вместо 6 тыс. работников было набрано лишь 2,3 тыс., а затем оставлено менее тысячи, Тельмин-

ская фабрика включала суконное, стекольное, мукомольное, кирпичное, поташное, писчебумажное, кожевенное, свечное и мыловаренное производства, выпускала почти на 68 тыс. руб. продукции в год и была крупнейшим промышленным предприятием Сибири.

Ссыльные были также основными работниками на винокуренных и солеваренных заводах, использовались в строительстве зданий и дорог. В 1820-е гг. власти попытались сформировать постоянные военнорабочие команды из ссыльных для устройства путей сообщения. В 1825 г. числилось по штату 1150 таких строителей. В начале 30-х гг. XIX в., с открытием золотых россыпей появился новый источник доходов для Казны и царской фамилии, для дворянства – золотопромышленность, которая на землях Кабинета опиралась исключительно на труд мастеровых и каторжников.

Экономическая целесообразность применения принудительного труда исчезла с расширением рынка наемной рабочей силы и ее удешевлением вследствие роста ссылки и переселений. Принудительный труд был дорог, так как был малоэффективен (его производительность была в 2–3 раза ниже вольнонаемного). Кроме того, он требовал больших расходов на содержание работников, на стражу, на строительство острогов и казарм. Сначала в XVIII в. от услуг каторжников отказалось судостроение, затем были распущены военнорабочие команды, сократилось использование каторжного труда в солеварении. В конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. рухнуло основанное на каторжных порядках казенное винокурение. До реформы 1861 г. дожили три каторжных завода (Успенский, Екатерининский в Тобольской губернии и Александровский – в Иркутской), сосредоточившие все казенное производство вина.

При внешнем благополучии нарастали кризисные явления в кабинетском хозяйстве. Падение концентрации руд возмещалось ростом числа занятых рабочих. Тысяча пудов серебра выплавлялась в 1770 г. силами 4 тыс. мастеровых и 25 тыс. крестьян, в 1819 г. – 17 тыс. мастеровых и 96,7 тыс. крестьян, а в 1860 г. – 20890 мастеровых и 134029 приписных крестьян. М.М. Сперанский констатировал в своем «Отчете об обозрении Сибири»: «Можно решительно утверждать, что ни в какой стране на свете не будут обрабатывать серебро, добывая 2 золотника из пуда. Сие могло бы быть только там, где нужно бы было истребить леса и чем-нибудь занять совершенно излишние и ни к чему другому не способные руки»[4].

Таблица 1

Структура занятости в промышленности и транспорте Сибири в 1820-е гг.

Отрасли производства и промышленные районы	Предприятий	Работников	
		Подневольных	Наемных
Алтайский горный окр.	60	16540	
Нерчинский горный окр.	24	5291	
Солеварение	7	761	
Ирбинский железоделательный завод	1		240
Казенное винокурение	13	3600	
Суконные фабрики Казны и ремесленные дома	7(5)	1356	
Военно-строительная рабочая команда	–	1150	
Частная обрабатывающая промышленность	271	755	1400
в т.ч. мануфактурная	30	755	566
Рыбная промышленность	–		3000–3500
Судостроение	–		2000
Водный транспорт	428 судов		10000–11000
Итого		28788	17140–18140

Несли убытки и те частные мануфактуры, которые пользовались принудительным трудом. Частная обрабатывающая промышленность, основанная на вольном труде, наоборот, выросла. Если в 1820-х гг. насчитывалось около 260 относительно крупных заведений с числом рабочих до 1400, то в 1851 г. – 255 с 1750 работниками и 1200 тыс. руб. суммы производства, а в 1860 г. – 747 предприятий с 3864 работниками и 3,2 млн руб. суммы производства. Во второй четверти XIX в. обрабатывающая промышленность Сибири вступила в мануфактурный период своего развития**,** в бумажном, кожевенном, мыловаренном, стекольном производствах капиталистические мануфактуры заняли господствующее положение. Другие отрасли остались в руках феодальных предпринимателей – винокурение, сукноделие, солеварение, а их производство составляло до 2 млн руб. в год без акциза. Мелкое товарное и домашнее производства, размеры которых невозможно установить с точностью, превосходили во много раз мануфактурные по объему выпуска

продукции. Крестьяне Тюменской округи выделывали в три раза больше сукна и в десятки раз больше холста, чем все мануфактуры Сибири. В мукомольной промышленности крупные мельницы исчислялись единицами, а мелкие крестьянские – тысячами**.** Ремесленное производство по числу работников еще значительно превышало цензовую промышленность. Так, в Тюмени в 1860 г. насчитывалось 330 наемных рабочих в промышленных заведениях и 1690 в ремесленных, в Томске соответственно – 359 и 921 на 1850 г., в Тобольске – 140 и 503 на 1850 г. «Фабричная промышленность в детстве и способы ее до того первобытны, что она с одинаковою выгодою производится и в крестьянской избе, и в городском помещении», – заключил анализ промышленности Сибири Ю. Гагемейстер[5]. Таким образом, в обрабатывающей промышленности Сибири ко второй четверти XIX в. сформировался и укреплялся капиталистический уклад, но в дореформенное время он так и не стал господствующим.

В золотодобыче капиталистическое предпринимательство сразу заняло ведущую позицию. По объему производства частная золотопромышленность превышала все остальные отрасли производства промышленных товаров вместе взятые, составив в 1860 г. 13,6 млн руб. В техническом отношении новая для Сибири отрасль горного дела покоилась на мускульном труде тысяч людей и животных. Примитивность техники золотодобычи требовала массы рабочих рук, поэтому армия рабочих в отрасли увеличивалась исключительно быстро. Золотые прииски стали важнейшим центром притяжения наемных рабочих Сибири. Если в 1830 г. в Томской губернии на частных приисках находились 800 работников, то в 1834 г. – около 6 тыс., а в 1837 г. вместе с Енисейской губернией – 10 тыс. В 1845 г. на частных приисках Сибири было 30 тыс. рабочих, в 1850 г. – 27,7 тыс., в 1860 г. – 28,3 тыс.

Кроме золотых приисков, крупной сферой капиталистического предпринимательства в первой половине XIX в. оставалась рыбодобыча, особенно на Байкале, в низовьях Оби, в Нарыме, на Барабинских озерах. На рыбных промыслах трудились не менее 3 тыс. наемных работников. Капиталистический характер приобретал транспорт. Речные перевозки стремительно росли. В 1820 г. насчитывалось 428 судов разного типа, в 1850 г. – 1009, а в 1861 г. – 2891, число работников возросло соответственно с 10–11 тыс. до 22,5 тыс. и до 32,7 тыс. соответственно. Объектом частного пред-

принимательства в 1820–1830-е гг. стали гужевые перевозки, доставка почт с наймом тысяч работников.

С 30-х гг. XIX в. капиталистический уклад стал определять тенденцию индустриального развития Сибири. Капиталистическое предпринимательство с наемными работниками утвердилось в золотопромышленности, в речном транспорте, рыбопромышленности, извозе. Феодальное предпринимательство и крепостной труд сохраняли прочные позиции в горно-металлургическом производстве, солеварении, винокурении, сукноделии вплоть до реформы 1861 г. При слабой насыщенности рынка, его постоянном расширении за счет переселений в Сибири конкуренция была слабой, все формы товарного производства имели перспективы для развития.

Таблица 2

Структура занятости в промышленности и на транспорте Сибири в 1850 г.

Отрасли производства и промышленные районы	Предприятий	Работников	
		Подневольных	Наемных
Алтайский горный окр.	59	20510	–
Нерчинский горный окр.	45	10331	–
Солеварение	4	1718	–
Винокурение казенное	6	3371	–
Казенные суконные фабрики	5(4)	96	223
Частная обрабатывающая промышленность	255	100	1747
Золотопромышленность частная	226	–	27435
Рыбопромышленность	–	–	3000–3500
Судостроение	–	–	2000
Водный транспорт	1009	–	22500
Итого		36995	57405

Реформа 1861 г. имела существенное значение для индустриализации Сибири, уничтожив обязательный труд на предприятиях Кабинета, на посессионных и помещичьих фабриках, в казенных заведениях. Промышленное развитие Сибири, как и всей страны, ускорилось. Положение края определило особенности процесса экономического развития: его отставание от центра страны и неравномерность по географическим районам и отраслям экономики. Темпы и масштабы капиталистических преобразований в Сибири все более зависели от прочности связи ее с промышленными районами страны, т.е. от состояния транспорта. До начала строительства железных дорог в Сибири основным транспортом был гужевой. Основные перевозки были организованы капиталистически. Извоз привлекал до 100 тыс. чел. в год. Значительная их часть работала по найму у предпринимателей-доставщиков. Крестьяне притрактовых сел говорили, что «кормятся бичиком».

Гужевой транспорт уже не мог удовлетворять нужды экономики края в оптовых и транзитных перевозках. Их механизация в Сибири началась с водного транспорта, который летом, даже при мускульном труде сотен бурлаков, значительно удешевлял доставку товаров по сравнению с колесными трактами. В 1844 г. совершил первый рейс между Тюменью и Томском пароход «Основа», появился первый пароход на Байкале. В 1896 г. на всех реках Сибири насчитывалось 172 парохода мощностью в 10575 л. сил и 827 грузовых судов общей грузоподъемностью в 50 тыс. т. Водный транспорт стал первой отраслью экономики края, где произошел технический переворот.

В промышленности Сибири в 60–90-е гг. XIX в. этот процесс только начинался. В 1865 г. из 1547 предприятий с 49,6 тыс. рабочих, учтенных в Сибири официальной статистикой, лишь 8 (0,5%) были фабричными, и они занимали 0,8 тыс. рабочих (1,6% от их общего числа). В 1895 г. на 12071 предприятие с 65,6 тыс. рабочих приходилось 99 (0,8%) фабричных с 9,5 тыс. рабочих (14,4%). Если в России в целом промышленная революция победила к 90-м гг. XIX в., то в Сибири она делала лишь первые шаги. Фабричные предприятия с применением машин и паровых двигателей давали основную продукцию лишь в главных отраслях обрабатывающей промышленности – винокурении, мукомольной, черной металлургии. Больше всего фабрик было в Тобольской и Томской губерниях.

В горнодобывающих отраслях заметным явлением внедрение машин стало с 80-х гг., когда появились первые гидромониторы, золотоизвлекательные фабрики на паровой тяге, на вспомогательных операциях нашли широкое применение паровые машины, стали испытываться первые драги. Однако энерговооруженность труда в сибирской промышленности осталась низкой. Основную часть товарной продукции промышленности Сибири давали мануфактуры централизованного типа. В 1865 г. 400 мануфактур (26% всех предприятий) имели 43,2 тыс. рабочих (87,2% общего числа), а в 1895 г. – 800 мануфактур (6,7% предприятий) занимали 37,2 тыс. рабочих, или 56,7% их общего числа. Однако численно в Сибири преобладали мелкие заведения домануфактурного типа. В 1865 г. их было учтено 1140 (73,7% общего числа). Они занимали 6,6 тыс. (11,2%) рабочих. В 1896 г. 11,2 тыс. заведений такого типа (92,5%) занимали 18,9 тыс. (28,8%) рабочих. Кроме того, в начале 90-х гг. в Сибири насчитывалось около 60 тыс. ремесленников. Если же учесть, что официальная статистика не полностью регистрировала мелкие заведения ремесленников, крестьян, то положение мануфактур и фабрик в Сибири можно уподобить островам в море мелких и мельчайших заведений[6].

Отраслевая структура сибирской промышленности была характерна для отсталых в промышленном отношении областей. Обрабатывающие производства долгое время уступали добывающим по объему производства и числу занятых рабочих. Размещение промышленности в Сибири было неравномерным, оно зависело от расположения источников сырья и месторождений полезных ископаемых. В связи с этим основные районы горной промышленности находились в Восточной Сибири, а большая часть предприятий обрабатывающей промышленности – в сельскохозяйственной Западной Сибири. Неразвитость транспортной сети, дороговизна доставки и кредита делали весьма трудной посредническую и связующую роль торговли. Формы ее были архаичны, наряду с товарно-денежной сохранялась меновая. Ведущую роль в распределении товаров играли временные формы обмена – ярмарки, торжки, базары.

Новый этап в индустриальном развитии Сибири начался с сооружения в 80–90-х гг. XIX в. железных дорог. На средства Казны в 1883–1885 гг. была построена Екатеринбург-Тюменская железная дорога, соединившая Обь-Иртышский бассейн с Волго-Камским,

что сразу сказалось на темпах перевооружения промышленности в городах Западной Сибири, особенно в Тобольской губернии, на увеличении объема перевозок через Урал. Строительство же Транссибирской магистрали стало крупнейшим событием промышленной революции в Сибири и одним из наиболее грандиозных событий в индустриализации мировой экономики. Только на участке Челябинск – Иннокентьевская действовали 16 мастерских, 26 депо, 400 станций и разъездов, т.е. 442 предприятия. Подвижной состав включал 1200 паровозов и 26 тыс. вагонов. В 1904 г. Сибирская и Забайкальская железные дороги нанимали постоянно и временно 88450 чел.

Транссибирская магистраль, связав основные центры Сибири с европейским и мировым рынками, стала той нитью, ухватившись за которую, сибирская экономика стала быстро подтягиваться к общероссийскому уровню. Сравнительно дешевая и надежная доставка оборудования облегчила вооружение промышленности паровыми и электрическими двигателями, новейшими механизмами. Крупные предприятия строились уже как фабричные, старые мануфактуры меняли технику и кадры. Современники отмечали: «Промышленная жизнь развивается и перескакивает от домашнего производства к высшим (технически) формам капиталистического, рабочий контингент растет»[7]. К 1908 г. фабрики преобладали в капиталистическом (фабрично-заводском) производстве: 252 фабрики (55,5% общего числа предприятий) давали на 57,7 млн руб. продукции (90%), занимали 14376 рабочих (78.2%). Есть основания полагать, что фабричные заведения к этому времени давали больше половины суммы производства всех предприятий обрабатывающей промышленности Сибири, поскольку губернская статистика на 1907 г. оценила объем производства более чем 20 тыс. промышленных предприятий Сибири в 50 млн руб., т.е. в сумму, меньшую, чем производительность одних фабрик.

Причиной краха цветной металлургии Сибири на рубеже XIX–XX вв. и сокращения числа промышленных рабочих стало банкротство феодального предпринимательства. Главной бедой золотого промысла явилась запоздалая его перестройка после выработки наиболее богатых россыпей. На разработку глубоколежащих пластов, золотоносных жил, механизацию добычи золота из бедных россыпей требовались значительные капиталовложения. Большинство золотопромышленников их не имели и вынуждены

были либо продавать прииски, либо сдавать промыслы в аренду артелям золотничников. Выход золотодобычи из кризиса происходил разными путями. Механизированная добыча россыпного золота драгами и гидромониторами, разработка рудных жил стали основными в Томской горной области – Мариинской**,** Енисейской тайге, Ачинско-Минусинском горном округе. В 1900 г. в области действовали 3 драги, а в 1905 г. – 19 драг. Здесь стали формироваться постоянные кадры рабочих. В Иркутской горной области подъем золотодобычи был связан с затратой миллионов рублей на разработку россыпей шахтным способом. Здесь также шло интенсивное внедрение техники на части операций: откачке воды, вентиляции, транспортировке пород, обогащении песков. Была построена железная дорога, гидроэлектростанции. Формирование постоянных работников на таких приисках шло медленнее.

Районами преобладания золотничных работ стали Забайкалье, Ленский, Ангарский, Зейский горные округа. Сравнительно богатые и легкодоступные россыпи наряду с практически не иссякаемым источником рабочей силы в лице корейских и китайских сезонников сделали кустарные золотничные работы здесь наиболее предпочтительными для предпринимателей. Такого рода рационализация обходилась дешевле внедрения механизмов, но вытесняла квалифицированных русских рабочих. Полумеханизированные предприятия давали в 1906 г. 60% всего сибирского золота, занимая 7 тыс. из 19,6 тыс. постоянных приисковых рабочих.

Железная дорога не составила конкуренции водному транспорту, которым осуществлялись в основном меридиональные перевозки. Водный и железнодорожный транспорт развивались параллельно. Количество самоходных и буксируемых судов с 1896 по 1908 г. в Сибири увеличилось с 514 до 777. Кроме того, действовало ежегодно до 1000 сплавных судов. Пароходство способствовало развитию товарной рыбодобычи в низовьях рек Оби, Енисея, Лены, на Байкале. Крупнейшим центром товарной рыбопромышленности стали Барабинские озера, чему способствовали населенность места и близость железной дороги. Добыча рыбы на капиталистически организованных промыслах в начале XX в. составила около 2 млн пуд., при 10,4 тыс. работников, по сравнению с 0,6 млн пуд., при 3 тыс. рабочих в первой половине XIX в.

Возросшая потребность в строительных материалах и топливе вызвала усиленные лесозаготовки вблизи железных дорог, городов,

промышленных предприятий, пароходных пристаней. Наиболее широко лесозаготовки велись Казной, Кабинетом, частными подрядчиками для железной дороги, крестьянами в Туринском, Тарском округах Тобольской губернии, Каинском, Томском, Мариинском округах Томской губернии, Красноярском, Ачинском округах Енисейской губернии, Нижнеудинском округе Иркутской губернии. Лесные работы занимали тысячи сезонных рабочих.

С проведением железной дороги начался строительный бум. Сооружение зданий, промышленных и транспортных объектов осуществлялось в основном подрядным способом наемными артелями. Небольшие стройки, ремонтные работы брали на себя строители-ремесленники или самостоятельные артели без подрядчика. Появились и постоянные строительные фирмы, которые не имели еще специализации и занимались любыми строительными заказами

С конца XIX в. в Сибири все больше стала проявляться характерная для периода промышленной революции тенденция концентрации экономической активности в городах. Крупными для своего времени промышленными и транспортными узлами стали к 1907/08 г. Томск (2,9 тыс. рабочих), Омск (3,8 тыс.), Красноярск (3,3 тыс.), Тюмень (3,2 тыс.), Иркутск (1,2 тыс.), Чита (2 тыс.). Они являлись и торговыми центрами, центрами связи и профессиональной подготовки. Надежная и постоянная связь с российским рынком привела к изменениям в структуре торговли. Упала роль сезонных торгов – ярмарок и купцов-оптовиков. Стационарная – магазинная и лавочная торговля к 1902 г. более чем в 10 раз превысила обороты ярмарок.

Все названные изменения в экономике резко увеличили армию наемного труда, потребовали повышения ее квалификации и грамотности. Таким образом, в Сибири на рубеже XIX–XX вв. обнаруживаются все признаки промышленной революции, которая в основном завершилась в 30-е гг. XX в. после механизации горнодобывающей отрасли экономики. Однако решающий шаг в механизации промышленности и транспорта региона был сделан в последние годы XIX – первые годы XX в., что позволяет считать этот исторический момент концом мануфактурной и началом фабричной эпохи в Сибири.

Степени индустриального освоения Сибири соответствовало качество применяемой рабочей силы. В XVII в. – это немногочис-

ленные кадры гулящих людей. В XVIII – первой половине XIX вв. – феодально зависимые работники и жертвы штрафной колонизации (каторжники и ссыльнорабочие разных категорий), с нарастающей долей наемных работников сначала из ссыльнопоселенцев, затем из крестьян и мещан, во второй половине XIX – начале XX в. – наемные рабочие. Особенностью состава сибирских рабочих была большая доля выходцев из Европейской России – не менее 68,4%, судя по данным переписи 1897 г. В начале XX в. из Европейской России пришли в Сибирь более 80% железнодорожников, до 60% речников, до половины рабочих обрабатывающих отраслей промышленности и около трети горнорабочих. Сибирь при формировании слоя индустриальных рабочих пользовалась готовыми кадрами из промышленных центров Европейской России и Урала. Существовали здесь и свои источники профессиональных промышленных рабочих – заводы Кабинета на Алтае и в Забайкалье, казенные фабрики.

Была высока сезонность в строительном деле, добывающих и обрабатывающих отраслях производства, в транспорте. В XIX в. в Сибири преобладали рабочие-сезонники из крестьян и мещан-отходников. Перепись 1897 г. учла зимой 104 тыс. несельскохозяйственных рабочих, видимо, это и были постоянные рабочие. Ведомственная статистика учла на это же время 228 тыс. наемных работников, то есть вдвое больше. В начале XX в. слой постоянных рабочих составлял более половины на железных дорогах, на пароходах, в фабрично-заводской промышленности, около трети на горных промыслах, в строительном деле, при этом на крупных приисках и на каменноугольных копях кадровые рабочие составляли около 40%. Авангард российского пролетариата – металлисты – был представлен в Сибири рабочими депо и мастерских горных предприятий, речных затонов, железных дорог, редких заводов. Их насчитывалось около 25–30 тыс., или 5–6% всех индустриальных рабочих. Кадровый пролетариат составлял, вопреки мнению ряда историков, существенную часть рабочих Сибири. Он был сосредоточен в центрах социально-экономической жизни региона, имел возможность при должной организации контролировать основные хозяйственные артерии и центры огромной окраины. Рабочие Сибири выделились в особый слой населения и осознали свое особое положение.

На сибирские предприятия и стройки рабочих манили более высокие заработки, хотя здесь были хуже условия труда и быта, более продолжительный рабочий день, чем на фабриках в России. Более высокие заработки были следствием дефицита труда и высокой интенсивности сезонных работ. Наиболее неустроенным был быт рабочих во временных поселках на приисках, стройках, рыбных и лесных промыслах, где рабочие ютились в бараках и землянках. Бедствовали рабочие и в ночлежках по приходе на заработки в города. В промышленных селах и поселках, на железнодорожных станциях, на пристанях, в рабочих предместьях городов рабочие и служащие жили в своих или хозяйских домах семейно, обзаводились скотом и огородами, имели постоянный заработок. Реальная заработная плата рабочих Сибири росла, в то время как рабочий день сокращался, а условия быта улучшались. Так, на золотых приисках рабочий день сократился с 12,5–14,5 часов в 1860-х гг. до 11 в 1890-е гг. и до 9–10 часов накануне Первой мировой войны, реальная заработная плата выросла за 1860 – 1890-е гг. на 12%, в начале XX в. еще на 9–10%. Жилая площадь на одного рабочего в приисковых бараках за то же время увеличилась в полтора-два раза и стала составлять в среднем 3,5–4 кв. м. В заводских и приисковых поселках строились больницы, школы, церкви. Конечно, позитивные изменения в положении рабочих происходили медленно, недовольство вызывали высокие цены и низкое качество товаров в хозяйских лавках, недостаток медицинских услуг, но рабочие в среднем имели более высокий уровень жизни, чем крестьяне. Квалифицированные рабочие имели доход выше мелкого хозяйчика или низшего чиновника. Это и был тот социальный насос, который выкачивал из деревни и ремесленных цехов рабочую силу.

В XX в. произошли структурные изменения в промышленности Сибири, которые способствовали концентрации рабочих в городах и вдоль транспортных артерий и возрастанию роли сибирского пролетариата в жизни Сибири. Горнодобывающие отрасли, ранее доминировавшие, стали уступать ведущие позиции обрабатывающим отраслям промышленности, которые стали концентрироваться в городах. В 1900 г. горные производства выпустили еще 65% стоимости всей продукции цензовой промышленности Сибири и Дальнего Востока. Причем в Западной Сибири уже преобладала

обрабатывающая промышленность. В 1915 г. обрабатывающие отрасли дали 60% суммы производства в Сибири и на Дальнем Востоке. Аграрные, а не ископаемые ресурсы стали основным сырьем для промышленности края.

В межреволюционное десятилетие железнодорожная сеть увеличилась за счет дорог, протянувшихся на юг Сибири, в хлебные и горные районы. Были построены Алтайская, Кулундинская, Тюмень-Омская, Кольчугинская, строилась Ачинско-Минусинская железные дороги. В 1908 г. на водных путях курсировали около 800 судов, из них 235 пароходов, в 1914 г. – около 1200 судов, в том числе 316 пароходов и теплоходов. Быстрыми темпами росла торговая сеть Сибири, в 1912 г. здесь насчитывалось 62 тыс. торговых заведений с оборотом около 500 млн руб. в год. Упала роль транзитной торговли, но выросла роль внутренней.

Несмотря на быстрые темпы модернизации в конце XIX – начале XX в., Сибирь имела сравнительно развитое сельское хозяйство, слабую промышленность, средние по уровню развития транспорт и сферу обращения. В 1917 г. Сибирь при 7% всего населения империи дала шестую часть валового сбора хлебов, около 2% стоимости промышленного производства, в т.ч. 13% стоимости продукции горного дела. На долю Сибири приходилось 8,3% длины железных дорог, 6,5% количества пароходов, 5,5% числа торговых заведений, 4% наемных рабочих России. На Сибирь с ее десятимиллионным населением приходилось всего 230 тыс. индустриальных работников (горная промышленность, фабрично-заводская и транспорт), или 2,3% населения. В городах Сибири жило 11,9% населения. За годы Первой мировой войны количество рабочих в Сибири увеличилось, усилилась их концентрация, но более слабым стал кадровый состав из-за мобилизаций, притока новых рабочих из деревни, из иностранцев (особенно китайцев в Восточной Сибири), из беженцев и военнопленных. В период войны снизились реальные заработки рабочих, стал продолжительнее рабочий день, усилилась эксплуатация, с 1916 г. стал ощущаться дефицит продовольствия[8].

Таблица 3

Численность наемных рабочих Сибири в 1897, 1908, 1917 гг. (тыс. чел.)

Отрасли экономики	1897 г.	1908 г.	1917 г.
Промышленность	93,8	119,8	184
в т.ч. горнодобывающая	27,8	46,8	60
обрабатывающая	66,0	73,0	124
в т.ч. фабрично-заводская	13,9	24,0	34
Транспорт и связь	28,2	105,5	130
в т.ч. ж.-д.	8,9	82,1	93
водный	13,0	21,4	30
связь	1,3	2	7
Строительство	78,4	56,1	30
Лесные промыслы	7,4	20,0	25
Рыбные промыслы	10,0	14,7	15
Торговля	10,3	32,5	44
Коммунальное хозяйство и предприятия питания	нет св.	18	20
Сельское хозяйство	135,0	170	220
Итого	363,1	537,6	668

Рабочее движение в Сибири со второй половины XVII в. по февраль 1917 г. прошло три этапа, связанных с тремя ступенями формирования пролетариата: 1) борьба предпролетариата (вторая половина XVII в. – 20-е гг. XIX в.); 2) борьба мануфактурного пролетариата (30-е гг. – первая половина 90-х гг. XIX в.); борьба пролетариата машинной индустрии (вторая половина 90-х гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Этапы отличались не только по основным движущим силам, но и по преобладающим методам, формам и целям протеста.

Главным и наиболее массовым оружием рабочих Сибири в борьбе против эксплуататоров на первом этапе были пассивные

методы – побеги и жалобы. Только по отрывочным данным, в течение XVIII в. – 1830 г. с сибирских предприятий бежали 11,4 тыс. работников, в подаче коллективных жалоб участвовали 3,2 тыс. работников, а в 35 активных протестах – волнениях и стачках – участвовали не более 2 тыс. работников.

В XVII в. – 1775 г. выступления работников происходили преимущественно на крепостных мануфактурах. Главным районом волнений была Тобольская губерния, где находились промышленные предприятия. Первый из зафиксированных в Сибири бунтов рабочих произошел на железоделательном заводе промышленников Тумашевых в Верхотурском уезде в мае 1672 г., когда наемные работники разгромили судную избу и побили служащих. В последней четверти XVIII в. – 1830 г. основные события рабочего движения разворачивались на водном транспорте. В 1789 г. поднялись на бунт 130 рабочих соляного каравана контрагента Казанцева, требуя оплаты простоя, в 1800 г. требовали дополнительной оплаты судорабочие контрагента Куткина. В 1817 г. у д. Брагиной Томского округа устроили стачку судорабочие свинечного каравана контрагента Сибирякова. Это первая из зафиксированных стачек в Сибири. В 1926–1927 гг. на Коряковской и Подчевашской пристанях бастовали, бунтовали и требовали справедливой оплаты труда 1200 судорабочих соляного контрагента Сыромятникова.

По мере развертывания горных предприятий основные очаги социальных конфликтов перешли в Томскую губернии и в Восточную Сибирь. Значительными были выступления мастеровых, идущих обозом на Алтай, в 1729 г. в Барабинской степи, ссыльных возчиков Камчатской экспедиции в 1741 г., военнорабочих Змеиногорского рудника в 1749 г., мастеровых Ирбинского завода Кабинета в 1765 г., Тельминской казенной мануфактуры в 1796 г., Салаирского рудника Кабинета в 1797 и 1810 гг., военнорабочих – строителей в Истяцких юртах Тобольского округа в 1825 г., на предприятиях Нерчинского округа Кабинета: Кличкинского рудника и Петровского железоделательного завода в 1828 г., Верхнекарийского золотого промысла в 1849 г., Солкоконского золотого промысла – в 1850 г. Работники крепостных мануфактур боролись против обязательного труда, наемные работники – против феодальных пережитков в сфере найма.

Таблица 4

Основные итоги рабочего движения в Сибири в XVII в. – 1830 г.

Периоды и категории работников		Стачки		Волнения		Жалобы		Акты террора	Число бежавших	Всего участников
		Число	Кол-во уч-ков	Число	Кол-во уч-ков	Число	Кол-во уч-ков			
1650–1775 гг.	Наемные	–	–	4(4)	1023	1(1)	7	–	–	1030
	Подневольные	–	–	5(1)	100	3(3)	600	–	3474	4174
	Итого	–	–	8(4)	1100	4(4)	607	–	3474	5181
1776–1830 гг.	Наемные	4(3)*	456	4(1)	23	9(8)	2423	–	23	2925
	Подневольные	–	–	18(11)	357	16(6)	219	3	7936	8515
	Итого	4(3)	456	22(12)	380	25(15)	2542	3	7959	11440
1650–1830 гг.	Наемные	4(3)	456	8(5)	1046	10(9)	2430	–	23	3955
	Подневольные	–		23(12)	457	19(9)	819	3	11410	12689
	Итого	4(3)	456	31(17)	1503	29(18)	3249	3	11433	16644

* В скобках здесь и далее указано количество выступлений с известным числом участников

Новый этап борьбы рабочих Сибири связан с развитием золотопромышленности, которая складывалась сразу как капиталистическая мануфактура и стала одной из наиболее заметных в России сфер приложения наемного труда. В движении приисковых рабочих можно выделить три волны: 1) 1831–1833 гг. – волнения в Мариинской тайге; 2) 1836–1838 гг. – волнения и стачки на приисках Мариинской тайги и Енисейской губернии; 3) 1841–1842 гг. – массовые стачки в Енисейской тайге. В этот период складывались традиции взаимоотношений предпринимателей и рабочих на золотых промыслах. Позже, вплоть до 1861 г., на приисках Сибири отмечались ежегодные, но незначительные столкновения хозяев и рабочих, вызванные нарушением традиций хозяевами.

Первое выступление рабочих на приисках Сибири произошло в 1831 г. на предприятиях купца Рязанова в Мариинской тайге. Часть работников, вследствие неустроенности быта и тяжести работ, притеснений со стороны хозяев и полиции ушла с промысла. В 1833 г. около 700 рабочих ушли с промыслов купцов Поповых в Мариинской тайге, протестуя против запрета старательских работ. Всего на приисках Сибири в 1831–1833 г. зафиксировано 10 случаев протеста. Главной причиной для таковых стало разное понимание рабочими и золотопромышленниками условий договоров о найме. Хозяева промыслов стремились установить обычные для капиталистических предприятий поденные или сдельные ставки оплаты труда. Рабочие же главными для себя считали самостоятельные старательские работы, а обязательные уроки рассматривали как повинность.

Новая вспышка конфликтов на приисках Мариинской тайги относится к 1836–1837 гг. Здесь произошло 12 выступлений рабочих, из которых 7 носили характер стачек. Первая из них отмечена 10–12 сентября 1836 г. на Рождественском и Бурлевском приисках К^{0} Поповых. Рабочие отказались работать после 10 сентября. Весной – летом 1837 г. по Мариинской тайге прокатилась волна стачек и волнений. Начали ее 1–2 мая рабочие Вознесенского прииска купца Мясникова, потребовав снизить дневную норму выработки (урок) с 50 до 40 тачек песка на человека. Затем 23 мая забастовали 1,5 тыс. работников крупнейшего в Сибири Воскресенского прииска К$^{\circ}$ Рязановых, требуя справедливого расчета за старательское золото. Земский заседатель, прибывший для успокоения недовольных, на-

казал розгами двух зачинщиков, чем вызвал новую стачку 8–9 июня. Рабочие отбили у казаков арестованного вожака Степана Малявина, не дали арестовать зачинщика Захара Неборокова, а воинскую команду закидали камнями. В Мариинской тайге бастовали Большеникольский прииск К° Рязановых и Казанцевых, Бурлевский прииск К° Поповых, промысел Пальгуева. Волнения охватили Митрофановский прииск Мясникова, Митрофановский прииск Хрисанфа Попова, Талаюльские прииски Поповых. В Ачинском округе бастовали работники приисков купца Бобкова. В Бирюсинской системе отмечено волнение на приисках Меджера.

Назначенное генерал-губернатором Западной Сибири П.Д. Горчаковым следствие вскрыло массу злоупотреблений со стороны приисковых управлений, земского заседателя Безрядова, губернатора Шленева. Все были отданы под суд. Зачинщики выступлений рабочих также были выявлены, арестованы и наказаны. Главным же итогом стачек 1837 г. стало «Положение о частной золотопромышленности в Сибири» 1838 г., которое ввело нормы во взаимоотношения рабочих и предпринимателей. Это был первый в истории рабочего вопроса в Сибири случай, когда протест работников вызвал реакцию законодательных учреждений России.

В начале 1840-х гг. центр золотопромышленности, а вместе с тем и рабочего движения переместился из Томской губернии в Енисейскую. В 1841 г. около 2 тыс. рабочих приисков по р. Удерей Енисейского округа «единогласно объявили, что с 1 сентября не будут работать и потому требовали окончательного расчета». Отказ рабочих продолжать работу следует классифицировать как стачку, при этом организованную и победную, так как расчет был дан до контрактного срока 10 сентября. Причиной стачки, вероятнее всего, стали ранние морозы, давшие понять, что задерживаться в тайге дальше опасно. Действительно, в том же году выход рабочих с промыслов дворянина Асташева закончился трагедией: до 120 рабочих погибли от холода и голода.

В мае 1842 г. произошли волнение и стачка на самом большом в Сибири Великониколаевском прииске К° Асташева, Коробкова и Толкачева по р. Хорме, где было не менее 2 тыс. работников, требовавших им лучших мест для старательской работы. Выступление было подавлено воинской командой. В конце лета 1842 г. обострилось положение на промыслах Северно-Енисейской тайги.

В отчете отдельного заседателя события изложены так: «В Северной части Енисейского округа на приисках поручика Малевинского, надворного советника Голубкова, флигель-адъютанта полковника Пашкова, К° купцов Красильникова и Бобкова и, наконец, купца Зотова, и в Южной части на приисках коммерции советника Мясникова по системе Удерея, с 10 ч. августа рабочие, по предварительному совещанию, произвольно прекратили работы, и, собираясь толпами, требовали настоятельно расчет, и, несмотря на убеждения местных управляющих и отдельных заседателей, рабочие остались непреклонными и ушли с промыслов прежде 1 сентября, нарушив тем и силу контрактов и 40 пункт приложения к 1465 ст. 7 Св. зак. Уст. Горн. Главные зачинщики беспорядка и соучастники их, открытые по произведенному следствию, схвачены, доставлены в Красноярск и, по обсуждению в особо составленной комиссии военного суда, наказаны по мере вины с отсылкою некоторых в каторжные работы»[9]. Бастовали и ушли 1600 рабочих из 3200. Организующей силой были артели. На приисках дополнительно разместили 310 горнополицейских стражников и учредили жандармский надзор.

Все же по форме выражения движение приисковых рабочих осталось по преимуществу пассивным. С приисков бежали, по неполным данным, в 1831–1860 гг. около 16 тыс. работников, что составило 55% всех участников социального протеста, в то время как в стачках приняли участие 10,4 тыс. работников, или 34,3% участников, в волнениях – 3,8 тыс. (12,6%). Бежали ежегодно от 3 до 11% всех приискателей. Именно пассивный протест остался самым эффективным и массовым средством борьбы.

Изменился и характер движущих мотивов выступлений работников. Еще значительными остались антифеодальные мотивы – против кабальных условий контрактов и крепостнического режима. Они были главными в 40 выступлениях. Но специфические требования наемных работников выдвигались уже в 35 случаях. Иной характер стали носить и мотивы пассивного протеста. Если работники крепостных мануфактур побегами хотели изменить свой социальный статус, то наемные работники боролись за лучшие условия продажи рабочей силы.

В 1830–1850-е гг. основной силой движения стали наемные работники капиталистических мануфактур, основным мотивом –

борьба с феодальными пережитками в сфере найма, основными средствами борьбы остались крестьянские (волнения, жалобы, побеги). Стачки как специфически пролетарский способ борьбы и пролетарские мотивы (зарплата, рабочее время, условия труда и быта) еще не стали главными. Сравнение рабочего движения в Сибири с другими районами страны показывает, что в 30–40-е гг. XIX в. эпицентр борьбы промышленных работников России находился на приисках Сибири. В 1850-е гг. пик социальных конфликтов здесь миновал.

В 60-е гг. XIX в. основными очагами активности работников стали горные округа Кабинета и казенные заводы. Мастеровые прибегали к поджогам домов, террористическим актам против служащих горных заводов и рудников, отказывались платить налоги, исполнять повинности, писали прошения, реже выступали с оружием в руках против полиции и войск. Наиболее значительным был Бердский бунт 1869 г., когда 500 мастеровых и 25 тыс. приписных крестьян Барнаульского округа Томской губернии требовали выполнения властями «истинного манифеста» с царскими милостями. Всего за 60-е гг. произошло 41 массовое выступление с 4,2 тыс. участников. Главным способом борьбы с кабальным наймом, обязательными и каторжными работами остались побеги.

В 70-е гг. рабочие совершили 52 выступления с 5,4 тыс. участников. Основными районами рабочего движения вновь стали прииски. Здесь по-прежнему преобладали волнения, побеги и другие крестьянские формы борьбы, но требования стали уже по преимуществу пролетарскими: улучшения условий труда и быта, повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, уважения человеческого достоинства, хотя еще нередки были протесты против полицейского произвола и кабалы. Стачки принимали иногда упорный характер, когда рабочими руководили артельные старосты, например на Ононских приисках Сабашниковых в 1873 г., на Еленинском прииске Назарова в 1876 г.

В пореформенные годы были созданы первые рабочие объединения: кооперативы в 1864 и 1871 гг. на Петровском железоделательном заводе в Забайкалье, ссудосберегательные кассы на Гурьевском заводе и Салаирском руднике.

Таблица 5

Основные итоги рабочего движения в Сибири в 1830–1894 гг.

Периоды и категории работников		Стачки		Волнения		Жалобы		Акты терр-ора	Число бежав-ших	Всего участ-ников
		Число	Кол-во уч-ков	Число	Кол-во уч-ков	Чис-ло	Кол-во уч-ков			
1831–1860	Наемные	27(20)	10350	33(20)	3699	3(1)	20	1	15992	30062
	Подне-вольные	–	–	4(2)	170	3(1)	44	4	24697	24915
	Итого	27(20)	10350	37(22)	3869	6(2)	64	5	40689	54977
1861–1894	Наемные	123 (101)	17078	165 (87)	12738	76(34)	4569	50	38237	74645
	Подне-вольные	–	–	–	–	–	–	–	12056	12056
	Итого	123 (101)	17078	165 (87)	12738	76(34)	4569	50	50293	86701*

* Включая 1343 учтенных участника экономических организаций – кооперативов и обществ взаимопомощи.

В 80–90-е гг. XIX в. продолжали усиливаться пролетарские черты в движении рабочих Сибири. Активные формы протеста стали более массовыми, нежели пассивные. В 80-е гг. в 110 стачках и волнениях участвовали 13,8 тыс. работников, в побегах и подаче прошений – 10,2 тыс. чел., в 1890–1894 гг. – 6,5 и 5,5 тыс. соответственно в 85 выступлениях. Более массовыми и частыми, нежели волнения, стали стачки, специфические требования наемных рабочих (размер заработка, условия труда и быта, сокращение рабочего времени) стали преобладающими, главными районами борьбы остались прииски. Таким образом, в 1830–1894 гг. рабочее движение в Сибири переживало качественно однородный период борьбы, когда главным субъектом был приисковый рабочий (работник частнокапиталистической мануфактуры), который боролся против пережитков крепостнической кабальной системы эксплуатации и за свободные условия продажи рабочих рук. Рабочие Сибири сформировали первые корпоративные организации – кассы и общества взаимопомощи.

Третий этап рабочего движения в Сибири хронологически совпал с пролетарским этапом освободительного движения в стране и связан с вступлением Сибири в эпоху индустриального развития, с процессом промышленного переворота, главным событием которого в Сибири было строительство Транссибирской магистрали. Железнодорожный транспорт ускорил аграрную и промышленную колонизацию региона, созревание индустриального общества и обострил классовые противоречия. Главной фигурой рабочего движения стал рабочий машинной индустрии – механизированного транспорта, горнозаводской и фабрично-заводской промышленности. Рабочие фабричного производства в 1895 – феврале 1917 гг. дали 52% стачечников, а с шахтерами угольных копей и золотых промыслов, переживавших переходную стадию от мануфактуры к фабричному предприятию – четыре пятых участников стачечного движения.

Специфическое средство борьбы наемных работников – стачка – стало главным орудием борьбы сибирских рабочих.

Интенсивность рабочего движения возросла многократно. Если в 1830–1894 гг. ежегодно в активных протестах участвовали 1,7 тыс. работников, то в 1895 – феврале 1917 г. – 34,3 тыс. чел., а в период первой русской революции – 235,6 тыс. чел.

Рабочие выступления стали преимущественно организованными, то есть имеющими цели, планы, продуманные требования, организационные штабы. В 1895–1904 гг. в таких протестах участвовали 50,1% стачечников, в период первой русской революции – 71,6%, в межреволюционный период – 62,1%. Накануне 1917 г. в экономических организациях (профсоюзах, обществах и кассах взаимопомощи, потребительских кооперативах) в Сибири состояли 65,3 тыс. рабочих, или каждый седьмой работник несельскохозяйственной сферы.

Таблица 6

Основные итоги рабочего движения в Сибири в 1895 – феврале 1917 г.

Формы рабочего движения	Периоды рабочего движения			
	1895–1904 гг.	1905 – май 1907 г.	Июнь 1907 – февраль 1917 г.	1895 – февраль 1917 г.
Стачки	321(207)	2089(1286)	960(707)	3370(2200)
Кол-во участников	45036	146940	98667	290643
Демонстрации	6(4)	96(61)	12(9)	114(74)
Кол-во участников	2200	105254	3880	111334
Собрания	29(18)	425(214)	198(108)	652(340)
Кол-во участников	1586	97707	8599	107892
Митинги	3(3)	282(151)	28(11)	313(165)
Кол-во участников	1300	194973	19230	212503
Волнения	73(51)	20(6)	62(22)	155(79)
Кол-во участников	10959	1378	7909	20276
Общества взаимопомощи	10(8)	8(4)	15(4)	33(16)
Число членов	675	275	863	1813
Профсоюзы	–	66(35)	53(19)	119(59)
Число членов		8888	2287	11175
Кооперативы	12(7)	7(2)	61(41)	80(50)
Число членов	235	181	25156	25572
Кассы взаимопомощи	5(3)	2	34(8)	41(11)
Число членов	108	Неизв.	790	898

По сравнению с рабочими Европейской России рабочие Сибири отставали и в социальной зрелости, и в классовой активности лет на 30. Рабочие машинной индустрии (ткачи) стали главным субъектом стачечного движения в Европейской России уже в 1870-е гг., тогда как в Сибири – во второй половине 90-х гг. XIX в. (железнодорожники и горняки). Города Сибири стали центрами рабочего движения только в период первой русской революции.

Рабочие Сибири приобрели свой политический авангард в виде организаций РСДРП, хотя среди рабочих действовали и организации ПСР, либеральных и правых партий. Первая с.-д. рабочая организация – пропагандистский кружок во главе с В.Е. Воложаниным – образовалась в марте 1896 г. среди печатников и металлистов Томска. В предреволюционный период в Сибири действовали 10 комитетов и групп РСДРП, в период первой русской революции – 29 с 2685 членами (ПСР – 18 с 129 членами), в межреволюционный период – 65 с 1942 членами, в то время как организаций ПСР – 10, Партии народной свободы – 3, монархических партий – 3. Накануне 1917 г. в Сибири было 43 организации РСДРП с 911 членами. Организации РСДРП руководили наиболее крупными выступлениями рабочих в Сибири, имевшими всероссийский резонанс, в том числе Октябрьской политической стачкой в 1905 г., восстаниями в Чите и Красноярске, Ленской стачкой 1912 г.

Политическая активность сибирских рабочих в целом была невысокой. В 1895–1904 гг. в политических стачках участвовали около 3% стачечников, в период первой русской революции – 56%, в июне 1907 г. – феврале 1917 г. – 26%. На рабочих была направлены основные агитационные усилия социал-демократов: 210 листовок и брошюр в 200 тыс. экз. в предреволюционный период, 637 изданий в 1665 тыс. экз. в период первой русской революции (изданий ПСР – 82 в 60 тыс. экз.) и в межреволюционный период, когда расширились возможности легальной агитации, 152 издания в 100 тыс. экз. Политически активные рабочие Сибири находились в основном под влиянием социал-демократов, без ярко выраженного предпочтения какой-либо фракции РСДРП. Слой рабочих социал-демократов был тонок – 1–2 тыс. чел., или 0,2–0,4% рабочих Сибири[10].

Сибирский отряд рабочего класса имел накануне революционных событий втрое меньший процент от всего населения, чем в целом по стране, более слабый кадровый состав, меньшую концентра-

цию, уже слой квалифицированных специалистов, меньшую грамотность (30%), был сильнее связан с сельским хозяйством. Социальная активность сибирских рабочих была ниже, чем в европейской части страны. В политических выступлениях участвовали не более 2,5% рабочих. Слой экономически активных рабочих Сибири составлял 50–60 тыс. участников стачечного движения, то есть около десятой части наемных рабочих. Основная часть рабочих Сибири накануне революционных событий 1917 г. представляла собой пассивную массу. Однако в Сибири действовали те же факторы, что и в целом в России. Рабочие Сибири в основном были сосредоточены в губернских центрах и вдоль железных дорог. Его концентрация и организованность были выше, чем других социальных слоев. Это и предопределило существенную роль рабочих Сибири в переломных для России событиях Революции 1917 г. и Гражданской войны.

Примечания

[1] *Рабочий* класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. 459 с.; *Зольников Д.М.* Рабочие Сибири в годы Первой мировой войны и февральской революции. Новосибирск: Наука, 1982. 206 с.; *Скубневский В.А. Рабочие* обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Томск, 1991. 271 с.; *Рабочее* движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика: В 3 т. / Под ред. д.и.н. Н.В. Блинова и к.и.н. В.П. Зиновьева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. Т. 1: XVII в. – 1904 г. 374 с.; 1990. Т. 2: 1905 – июнь 1907 г. 377 с.; 1991. Т. 3: Июнь 1917 г. – февраль 1917 г. 345 с.; *Зиновьев В.П.* Рабочее движение в Сибири в мануфактурный период: Дис. … д-ра ист. наук. Томск, 1992. Т. 1. 461 с.; Т. 2. 217 с.

[2] *Зиновьев В.П.* Индустриальные кадры старой Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 257 с.

[3] *Зиновьев В.П.* Этапы индустриального освоения Сибири // Хозяйственное освоение Сибири: вопросы истории XIX – первой трети XX в. ТГУ, 1994. С. 5–28.

[4] *РГИА*. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 2. Л. 175.

[5] *Гагемейстер Ю.* Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Т. 2. С. 121.

[6] Очерк написан на основе статьи: *Зиновьев В.П.* Сибирь в экономике России XVIII – начала XX в. // Сибирь в составе России. Томск, 1999. С. 9–40.

[7] *Сибирские* очерки // Восточное обозрение. 1899. 2 мая.

[8] Очерк написан на основе: *Зиновьев В.П.* Рабочие Сибири в 1907–1917 гг. // Рабочие Сибири в период капитализма. Томск, 1979. С. 3–37; *Рабочий* класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. 459 с.;

Зольников Д.М. Рабочие Сибири в годы Первой мировой войны и февральской революции. Новосибирск: Наука, 1982. 206 с.; *Скубневский В.А.* Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Томск, 1991. 271 с.; *Зиновьев В.П.* Социально-политический облик сибирского отряда рабочего класса России накануне революции 1917 г. // Из истории социальной и общественно-политической жизни советской Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. С. 13–18; *Большаков В.Н.* Очерки истории речного транспорта Сибири XIX век. Новосибирск: Наука, 1991. 215 с.; *Зиновьев В.П.* Индустриальные кадры старой Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 257 с.

[9] *РГИА*. Ф. 37. Оп. 73. Д. 1. Л. 122–123.

[10] Очерк рабочего движения подготовлен на основе: Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика: В 3 т. / Под ред. д.и.н. Н.В. Блинова и к.и.н. В.П. Зиновьева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. Т. 1: XVII в. – 1904 г. 374 с.; 1990. Т. 2: 1905 – июнь 1907 г.377 с.; 1991. Т. 3: Июнь 1917 г. – февраль 1917 г. 345 с.

IV. ПРОБЛЕМЫ КРАЕВЕДЕНИЯ СИБИРИ

4.1. Сибирь

(Статья для энциклопедии «Экономическая история России», авторский вариант)

Сибирь – экономико-географический регион, площадь которого исторически менялась. Сибирь впервые обозначена особой территорией на картах Азии в иранских и европейских источниках в XIII в. В русских летописях Сибирской землицей называлось Нижнее Прииртышье, Нижнее Приобье называлось Югорской и Обдорской землями. В XVI в. под Сибирью понималась территория одноименного ханства, а с присоединением к Московии Сибирского ханства (в конце XVI в. в результате похода Ермака и других отрядов служилых людей) все русские владения за Уралом стали именоваться Сибирью. С исторической точки зрения Дальний Восток также включается в состав Сибири. Однако к началу XX в. он стал выделяться в особый регион Азиатской России, наряду со Средней Азией. В географическом плане Сибирь включает только Западную и Восточную Сибирь, с границей от Уральских гор до водораздела рек, текущих в Северный Ледовитый и Тихий океаны. Граница Сибири с Монголией и Китаем также проходит по водораздельным хребтам. Сейчас в Сибирский федеральный округ (образован 13 мая 2000 г.) включено около половины исторической Сибири. Площадь – 13,1 млн км² (без Дальнего Востока – около 10 млн км²), что составляет 77% территории России. Этимологически термин «Сибирь» логичнее всего связывать, по мнению этнолога Э.Л. Львовой, с тюркским «сиб ер», означающим хвойный лес.

Население Сибири сформировалось в течение многовековых разнонаправленных миграций. Тюрки широким фронтом продвигались на север, ассимилируя или истребляя угорское, самодийское,

кетское, палеоазиатское население. Миграция тунгусо-маньчжурского населения (эвенков) шла в северном и западном направлениях. Экспансия европейского населения (славянского и угро-финского по преимуществу) шла в восточном, а затем – в южном направлениях. Доминирующим было переселение европейцев. С XII по XVI в. оно осуществлялась в виде торгово-промысловой активности русских и зырян, а с конца XVI в. – в виде военных экспедиций, промысловой, промышленной и аграрной колонизации. В XVII в. основной целью русских был мех, в XVIII–XIX вв. – драгоценные металлы и пахотные земли.

Этнический состав населения Сибири к началу XX в. кардинально изменился. В 1622 г. все население региона составляло 196 тыс. чел, в т.ч. коренное – 173 тыс. чел., в 1737 г. соответственно – 528 тыс. чел. и 230 тыс. чел. в 1858 г. – 3034 тыс. чел. и 648 тыс. чел., в 1897 г. – 5760 тыс. чел. и 870 тыс. чел. Коренное население прирастало за счет относительно крупных народов – казахов, алтайских тюрков, хакасов, бурят, якутов, самодийское и палеоазиатское население сокращалось за счет ассимиляции и потери идентичности.

Русское податное население Сибири было представлено посадским населением, государственными и монастырскими крестьянами, гулящими людьми. Уже в начале XVIII в. они составляли более 60% русского населения края, остальные были служилыми людьми. Основой старожильческого русского населения Сибири стали северяне из Архангельской и Вологодской губерний. Это население отличалось от русских центра и юга России более темной пигментацией, за счет смешения с угро-финскими народами. В XVII в., когда большая часть русского населения была мужской (промышленники, торговцы, служилые люди), практически все население было метисным. Все русские сибиряки, включая старообрядцев, отличались от европейских русских более коренастыми фигурами, более широкими лицами. Эти антропологические особенности сложились как приспособление к большей затрате физических сил в период освоения Сибири в условиях сурового климата. С усилением переселений в XIX в. тип русских сибиряков был размыт, сохранившись в старожильческих поселках Восточной Сибири. В Сибирь переселилось во второй половине XIX – начале XX в. 3,8 млн чел. Ссылка не играла, вопреки существующему мнению, большой роли в формировании населения: в течение XIX в. было

сослано в Сибирь около 300 тыс. чел. В 1900 г. массовая уголовная ссылка была прекращена, политическая дала до 75 тыс. чел. в начале XX в. Славяне составляли, по данным переписи 1897 г., 90% населения в Западной Сибири и 56% населения Восточной Сибири. Для Сибири было характерно межэтническое разделение труда: русские были по преимуществу земледельцами, тюрки – скотоводами, угры, самодийцы, палеоазиаты – оленеводами, охотниками и рыболовами. Хозяйство русских крестьян всегда носило комплексный характер, они занимались и земледелием, и скотоводством, и подсобными заработками. Старожильческие хозяйства при этом были ориентированы более на промыслы и извоз, хозяйства новоселов – на ремесло и отходничество. Первая мировая война, Революция и Гражданская война сократили массовые миграции. Затем в период Первой мировой войны из Сибири на фронт призвали почти 900 тыс. чел., то есть около половины мужчин трудоспособного возраста. Это сказалось на уменьшении темпов естественного прироста, но население края продолжало расти: в 1914 г. оно составляло 8024 тыс. чел., в 1917 г. – 9838 тыс. чел.

Сибирь всегда имела особенности в управлении. Первоначально она подчинялась Посольскому приказу, с 1599 г. – ведомству Казанского дворца, с 1637 по 1763 г. – Сибирскому приказу. В 1821–1838 и 1852–1864 гг. действовали специальные Сибирские комитеты. В Сибири позднее была проведена судебная реформа, земское самоуправление было введено в 1917 г. Гражданское управление сочеталось с военным. Сибирь разделялась на уезды и разряды во главе с воеводами, главным городом оставался до XIX в. Тобольск. Русские поселения делились на слободы и волости, инородческие – на волости и улусы. В 1712 г. была образована Сибирская губерния. В 1720-х гг. губернию поделили на провинции Тобольскую, Енисейскую и Иркутскую. В 1764 г. Сибирское царство (именной указ Екатерины II от 19 октября 1764 г.) было разделено на Тобольскую и Иркутскую губернии. В 1783–1797 гг. существовали Тобольское, Пермское, Колыванское и Иркутское наместничества. С 1797 г. Сибирь вновь разделили на Тобольскую и Иркутскую губернии. В 1803 г. была создано Сибирское генерал-губернаторство, в 1804/1805 гг. разделенное на Тобольскую, Томскую, Иркутскую губернии, Камчатскую, Якутскую области. Согласно «Сибирскому учреждению» М.М. Сперанского в 1822 г. Сибирь разделили на Западно-

Сибирское (Тобольская, Томская губернии, Омская область) и Восточно-Сибирское (Иркутская, Енисейская губернии, Якутская область, Охотское и Камчатское приморские управления, Троицкосавское пограничное управление) генерал-губернаторства. В 1851–1862 гг. действовало Кяхтинское градоначальство. В 1851 г. была учреждена Забайкальская область, в 1856 г. – Приморская, в 1858 г. – Амурская. В 1882 г. сибирские губернии были переведены на общегражданское управление, учреждены Степное (18.05.1882 г.) генерал-губернаторство с центром в Омске, Приамурское (1884 г.) с центром в Хабаровске и Иркутское (1887 г.). В 1886 г. образован Усинский пограничный округ, ставший в 1914–1921 гг. Урянхайским краем под протекторатом России.

Сельское хозяйство было ведущей отраслью экономики Сибири. Трудности с доставкой товаров в Сибирь сразу же привели к необходимости местного производства зерна. В XVII в. в Сибири возникло 4 основных земледельческих района: Верхотурско-Тобольский, Енисейско-Красноярский, Томско-Кузнецкий и Илимско-Ленско-Ангарский. В XVII в. плотно был заселен только Верхотурско-Тобольский район. Он сосредоточивал 75% всех крестьян Сибири. В течение XVIII – первой половины XIX в. территория расселения русских крестьян в Сибири значительно увеличилась и сдвинулась на юг. Границы основных районов земледелия отодвинулись на Алтай, в Минусинский округ, Прибайкалье и Забайкалье. Основным местом притока крестьян стала Томская губерния, ее лесостепная часть. Посевные площади в Сибири выросли в десятки раз (с 40 тыс. дес. в конце XVII в. до 570 тыс. в 1780-х гг.). Сбор хлебов достиг 336 тыс. т (21 млн пуд. на конец 1780-х гг.) при среднем урожае сам-4, что было достаточно для пропитания и русского, и коренного населения. Излишек товарного хлеба составлял около 3 млн пудов (48 тыс. т), или около 14% валового сбора хлебов. Казенная пашня с XVIII в. уже не практиковалась, а для снабжения войск хлеб закупался у населения. Натуральный оброк на крестьян был заменен денежным сбором с души (1762 г.). Рынком сбыта крестьянской продукции были горные, северные районы, города, винокурение. Часть хлеба шла на Урал и в Казахстан. Средний доход сибирского крестьянина составлял 30–50 руб. в год. На практике применялось захватное землепользование. В XVIII в. произошло усилилась реализация государственной собственности на землю. В 1747 г. Елизавета Петровна приняла решение перевести

Алтайский округ на себя с приписанными к нему крестьянами (около 4 тыс. душ м.п.). Крестьяне стали кабинетскими. В 1787 г. в ведение Кабинета перевели и нерчинских заводских крестьян. В 1762 г. Петр III принял решение о секуляризации монастырских земель и крестьян. В XIX в. стала распространяться практика сдачи в аренду казенных земель, лесов, угодий. В 30–50-е гг. XIX в. общий объем выращиваемого в Сибири хлеба увеличился, и цена на него резко упала, сбор зерновых достиг 160 млн пуд., или 2,5 млн т. Преобладающее значение сельское хозяйство далее упрочилось. В 1913 г. оно дало две трети стоимости продукции края, а промышленность – только четверть. Сельское хозяйство Сибири специализировалось на зерновом земледелии и мясо-молочном скотоводстве, четыре пятых сибирских крестьян занимались преимущественно земледелием. Структура посевов росла в сторону увеличения товарных хлебов – пшеницы и овса, росла доля дойных коров в составе поголовья крупного рогатого скота, в связи с бурным ростом маслоделия.

В начале XX в. площадь посевов зерновых культур выросла с 4 до 8,7 млн десятин, половину посевов занимала пшеница, валовые сборы зерна увеличились с 200 до 600 млн пудов (1917 г.). До 30% собранного зерна поступало на рынок, обеспечивая сырьем промышленность края. Часть зерна шла на российский рынок, на Урал, в Восточную Сибирь, за границу через порты Балтийского и Белого морей. Тарифная политика правительства сдерживала сибирский экспорт, так как повышенные тарифы на перевозку хлеба, начиная со станции Челябинск (в 1896–1911 гг.), снижали конкурентоспособность сибирского хлеба на рынке Европейской России и в портах Черного моря. Этот рубеж стал называться челябинским тарифным переломом. Главным фактором, определявшим цену сибирского хлеба, была погода, влиявшая на урожайность зерновых. Динамика ввоза – вывоза хлеба показывает резкие колебания в движении хлебных грузов в Сибирь и из Сибири в зависимости от урожайности хлебов. Так, в 1896 г. было вывезено 16 млн пуд. зерна, ввезено в 1902 г. 10 млн пуд., в 1911 г. – 23 млн пуд., в 1915 г. вывезен 81 млн пуд. Экспорт масла, не сдерживаемый запретительными тарифами, вырос с конца XIX в. к началу Первой мировой войны с нуля до 68 млн руб. (4,5 млн пуд.). Сибирь давала 9/10 российского экспортного масла. Появились предпринимательские хозяйства при преобладании потребительского характера крестьян-

ского производства. Сибирь стала крупнейшим импортером сельскохозяйственных машин с середины XIX в. В начале XX в. в Сибири было продано с.-х. машин на 150 млн руб. В Сибири основным видом зерновых стала пшеница, из технических культур – лен и конопля. В южных округах Алтайского края, в Томском округе стали возделывать табак, в Минусинском округе – бахчевые культуры. Картофель начали выращивать в Сибири с 60-х гг. XVIII в. В середине XIX в. урожаи картофеля достигали 5–7 млн пуд. Вокруг городов сформировались зоны товарного огородничества. В XIX в. основными животноводами стали уже русские крестьяне. Количество скота возросло до 3–4 млн голов. Хотя скот был малопродуктивен, но многочислен: обеспеченность скотом крестьянского хозяйства составляла в среднем 3–5 лошадей, 3–5 коров, 6–8 голов мелкого рогатого скота.

Сибирь в XVIII–XX вв. переживала переход от аграрного общества к индустриальному. В развитии промышленности Сибири выделяются следующие этапы: 1) XVII – первая четверть XVIII в. – начало раннекапиталистического предпринимательства в весьма скромных масштабах; 2) вторая четверть XVIII в. – первая четверть XIX в. – рост, а затем господство феодальной мануфактуры Казны, Кабинета, дворянства; 3) вторая четверть XIX в. – 1861 г. – кризис феодальной промышленности, рост и победа частного капиталистического предпринимательства в транспорте, золотопромышленности, начало промышленного переворота в водном транспорте; 4) 1861 г. – 90-е гг. XIX в. – крах феодального предпринимательства, господство капиталистической мануфактуры во всей промышленности, начало промышленного переворота, начало строительства железной дороги; 5) 90-е гг. XIX в. – 1930-е гг. – промышленный переворот во всех отраслях экономики, начало индустриализации Сибири.

В XVII–XVIII вв. в Сибири промышленность существовала как ремесленное производство в городах и в виде подсобного промысла в селах. Частнокапиталистическое предпринимательство в XVII в. ограничивалось двумя десятками винокуренных, солеваренных, железоделательных и кожевенных заводов. В XVIII в. заводы перешли по большей части к Кабинету, Казне, дворянам и монастырям. Работниками были каторжные, ссыльнопоселенцы, крестьяне и мещане-недоимщики. Крупная промышленность Сибири XVIII в. обслуживала, как правило, казенные нужды (монет-

ный двор в Сузунском заводе в 1766–1847 гг., географические экспедиции, Нерчинскую каторгу, кабинетские заводы, воинские команды и экспедиции, канцелярии) и потребности небольшого слоя чиновничества и купечества. На широкого потребителя выходили только две отрасли – винокурение и солепромышленность. Все это обусловливало неустойчивость мануфактур, их зависимость от Казны и произвола властей. Известна история Алтайских горных заводов А. Демидова, основанных в 1726 г. по привилегии, выданной Берг-коллегией, с правом использовать труд гулящих и других наемных людей. В 1747 г. императрица Елизавета повелела округ со всем имуществом и людьми взять в собственность короны. Подобным же образом было ликвидировано крупнейшее в Сибири XVIII в. частное горнозаводское дело М.В. Сибирякова, который в 1759 г. заключил с Казной договор о поиске и добыче руд в Сибири и Даурии. Казна в течение XVIII в. монополизировала солепромышленность и винокурение. В XVII в. мануфактурная промышленность Сибири практически не использовала наемный труд.

Сферой вольного найма были мелкие городские предприятия, строительство, речной транспорт, добыча соли на степных озерах, рыбные промыслы. На 9 тыс. подневольных работников в Сибири в летнюю пору в 60–70-е гг. XVIII в. приходилось около 13 тыс. наемных работников. Зимой индустриальная сфера края обходилась преимущественно принудительным трудом. В первые десятилетия XIX в. Кабинет полностью монополизировал горнорудное производство. Появились в крае помещичьи винокуренные заводы – Панаевых и Базилевских. В Тобольске, Томске, Иркутске, Верхнеудинске были основаны ремесленные (работные) дома. Тельминская фабрика, основанная купцом Я. Бобровским в 1751 г. близ Иркутска, на рубеже XVIII и XIX вв. включала суконное, стекольное, мукомольное, кирпичное, поташное, писчебумажное, кожевенное, свечное и мыловаренное производства почти на 68 тыс. руб. продукции в год и была крупнейшим промышленным предприятием Сибири. Ссыльные были основными работниками на винокуренных и солеваренных заводах. В 1820-е гг. были образованы военно-рабочие команды (1150 чел. в 1825 г.) из ссыльных для устройства путей сообщения.

Экономическая целесообразность применения принудительного труда исчезла с расширением рынка наемной рабочей силы и ее удешевлением вследствие роста ссылки и переселений. От услуг

каторжников отказалось судостроение, были распущены военнорабочие команды (1829 г.), сократилось употребление каторжного труда в солеварении и винокурении. Были ликвидированы в 1830–50-е гг., кроме трех, все казенные винокуренные заводы. До реформы 1861 г. дожили три завода – Успенский (осн. в 1770 г.), Екатерининский (осн. в 1760-х гг.) в Тобольской губернии и Александровский (осн. в 1770-х гг.) в Иркутской. Нарастали кризисные явления в кабинетском хозяйстве. Падение естественной производительности руд возмещалось ростом числа занятых рабочих. Тысяча пудов серебра выплавлялась в 1770 г. силами 4 тыс. мастеровых и 25 тыс. крестьян, в 1860 г. – 20890 мастеровых и 134029 приписных крестьян. Наиболее прибыльной частью кабинетских владений с 30-х гг. XIX в. стали золотые прииски, давшие на Алтае в 1830–1860-е гг. 961,5 пуд., а в Забайкалье – 1183 пуд. золота. Частная обрабатывающая промышленность, основанная на вольном труде, выросла. В 1820-х гг. насчитывалось около 260 заведений с числом рабочих до 1400, в 1860 г. – 747 предприятий с 3864 работниками и 3,2 млн руб. суммы производства. В бумажном, кожевенном, мыловаренном, стекольном производствах, в винокурении, сукноделии, солеварении мануфактуры заняли ведущие позиции.

В золотодобыче капиталистическое предпринимательство изначально имело форму капиталистической мануфактуры. В 1812 г. было разрешено русским подданным разрабатывать серебряные и золотые руды. На Урале, а затем и в Западной Сибири развернулись поиски золотоносных месторождений. Первые удачные заявки по притокам реки Кии были поданы 11 августа 1828 г. верхотурскими и томскими купцами А.Я. и Ф.И. Поповыми. Их затраты на разведку составили до 330 тыс. руб. Поисковые партии, снаряженные частными лицами, Казной, Кабинетом в 30-е гг., нашли золото на Алтае, в Енисейской губернии, в Забайкалье. В 40-е гг. начались поиски его в бассейне Лены, а в 50-е гг. – на Амуре. За два десятилетия среднегодовая добыча золота выросла с 45 пуд. в 1831–1835 гг. до 1296 пуд. в 1846–1860 гг. В 40-е гг. XIX в. Сибирь давала 39% мировой добычи золота. В 30-е гг. основным районом золотодобычи была Мариинская тайга, а в 40–50-е гг. – Енисейская тайга. Золотопромышленность дореформенной Сибири была сферой предпринимательства дворян и гильдейского купечества. На их долю приходилось 91,3% добытого в Сибири в 1829–1860 гг. золота (21462 пуд. на 284 млн руб.). По объему производства частная

золотопромышленность превышала все остальные отрасли производства промышленных товаров вместе взятые, составив в 1860 г. 13,6 млн руб. В 1840–60-х гг. на частных приисках Сибири было до 30 тыс. рабочих. Крупной сферой предпринимательства в первой половине XIX в. стала рыбодобыча, капиталистический характер приобрел транспорт. Речные перевозки стремительно росли. В 1820 г. насчитывалось 428 судов разного типа, в 1861 г. – 2891, число работников возросло соответственно с 10–11 тыс. до 32,7 тыс. Объектом частного предпринимательства в 1820–1830-е гг. стали гужевые перевозки, доставка почт. С этого времени начали формироваться капиталы «доставщиков» Шешуковых, Пушниковых, Кухтериных, Ботошковых. С 30-х гг. XIX в. капиталистический уклад стал определять тенденцию индустриального развития Сибири.

Реформа 1861 г. имела существенное значение для индустриализации Сибири, уничтожив обязательный труд. Промышленное развитие Сибири, как и всей страны, ускорилось. Темпы и масштабы капиталистических преобразований в Сибири все более зависели от состояния транспорта. Основные центры Сибири связывали 37 трактов. Московский тракт шел через крупнейшие города Сибири: Тюмень – Омск – Томск – Красноярск – Иркутск – Читу. Грузооборот быстро нарастал. В 1840 г. Томская таможня зарегистрировала около 21 тыс. возов (18,7 тыс. т), в конце 1880-х гг. – 70 тыс. возов (56 тыс. т). Основные перевозки были организованы капиталистически, их захватили крупные транспортные фирмы И.С. Хаминова, Каменских, Кочешевых (60-е гг.), позднее – Кухтериных, Королевых, Корниловых, Ф.Х. Пушникова, Малых, Т-во «Надежда». Извоз привлекал до 100 тыс. чел. в год. Механизация транзитных перевозок в Сибири началась с водного транспорта, который летом, при мускульном труде сотен лямочных рабочих, значительно удешевлял доставку товаров по сравнению с колесными трактами. В 1839 г. десятилетнюю привилегию на устройство пароходного сообщения в Сибири получил ростовский (затем красноярский) первой гильдии купец Н.Ф. Мясников. Западносибирскую часть привилегии он продал А.Ф. Поклевскому-Козелл, который и открыл здесь пароходное сообщение. В 1844 г. совершил первый рейс между Тюменью и Томском пароход «Основа», появились два парохода «Император Николай I» и «Наследник цесаревич» на Байкале. Первый опыт пароходства стоил

320 тыс. руб. и был убыточным. В 1860 г. по рекам Западной Сибири ходили уже 10 пароходов, в 1894 г. – 105 пароходов и 200 барж. В 1856 г. появился пароход на Лене, в 1863 г. – на Селенге и Енисее. В 1896 г. на всех реках Сибири насчитывалось 172 парохода мощностью в 10575 л.с. и 827 грузовых судов общей грузоподъемностью в 50 тыс. т. Объем перевозок быстро возрос с 16 тыс. т в 60-е гг. до 320 тыс. т в 1892 г. только по Западной Сибири. Водный транспорт стал первой отраслью экономики края, где произошел технический переворот.

В промышленности Сибири в 60–90-е гг. XIX в. этот процесс промышленного переворота только начинался. В 1865 г. из 1547 предприятий с 49,6 тыс. рабочих, учтенных в Сибири официальной статистикой, лишь 8 (0,5%) были фабричными, и они занимали 0,8 тыс. рабочих (1,6% от их общего числа). В 1895 г. на 12071 предприятие с 65,6 тыс. рабочих приходилось 99 (0,8%) фабричных с 9,5 тыс. рабочих (14,4%). Фабричные предприятия с применением машин и паровых двигателей давали основную продукцию лишь в винокурении, мукомольной промышленности, черной металлургии. Больше всего фабрик было в Тобольской и Томской губерниях. В горнодобывающих отраслях внедрение машин стало заметным с 80-х гг., когда появились гидромониторы, золотоизвлекательные фабрики на паровой тяге, драги. Основную часть товарной продукции промышленности Сибири давали мануфактуры централизованного типа. В 1865 г. 400 мануфактур (26% всех предприятий) имели 43,2 тыс. рабочих (87,2% общего числа), а в 1895 г. – 800 мануфактур (6,7% предприятий) занимали 37,2 тыс. рабочих, или 56,7% их общего числа. Численно в Сибири преобладали мелкие заведения домануфактурного типа. В 1865 г. их было учтено 1140 (73,7% общего числа). Они занимали 6,6 тыс. (11,2%) рабочих. В 1896 г. 11,2 тыс. заведений такого типа (92,5%) занимали 18,9 тыс. (28,8%) рабочих. В начале 1890-х гг. в Сибири насчитывалось также около 60 тыс. ремесленников. Обрабатывающие производства уступали добывающим по объему производства и числу занятых рабочих. Преобладали заведения по обработке сельскохозяйственной продукции. Сложные производства – спичечное, стекольное, ткацкое, фарфоровое, бумажное, металлообрабатывающее – были представлены единичными заведениями из-за недостатка оборудования, нехватки сырья, квалифицированных кадров, узости рынка сбыта. Неустойчивые, вследствие узости

рынков сбыта и сырья, постоянного дефицита оборотных средств, предприятия строились комплексными для более рационального использования сырья и маневрирования капиталов.

Из добывающих отраслей наибольшее значение имела добыча драгоценных металлов. Сибирь давала почти все серебро и более половины золота империи. В 1861 г. добыча золота составила 18,7 т, в 1890 г. – 21,9 т. Основной район золотодобычи перемещался на восток. В первое пореформенное десятилетие он находился в Енисейской губернии, с семидесятых годов – в Якутской области, куда до 1898 г. входили Ленские промыслы. Золотодобывающая отрасль на протяжении 60–90-х гг. XIX в. сохранила свой сезонный характер, техническую отсталость, опору на мускульный труд, что привело ее к концу XIX в. к серьезному кризису.

Цветная металлургия в Алтайском и Нерчинском горных округах Кабинета находились во второй половине XIX в. в состоянии глубокого кризиса. С 1861 по 1895 г. производство серебра сократилось с 15,5 до 6,4 т, свинца – с 0,8 тыс. т до 0,2 тыс. т, меди – с 0,48 тыс. т до 0,25 тыс. т. Производство серебра стало убыточным в связи с понижением мировых цен на него. Кабинетские заводы черной металлургии – Гурьевский (осн. в 1816 г.) на Алтае и Петровский (осн. в 1867 г.) в Забайкалье – сокращали производство, частные – Абаканский (осн. в. 1867 г.) и Николаевский (осн. в 1845 г.) – его наращивали. Выплавка чугуна увеличилась с 2,8 тыс. т в 1861 г. до 9,4 тыс. т в 1895 г. Соледобыча увеличилась в пореформенное время почти в пять раз – с 10,6 тыс. т в 1861 г. до 46,9 тыс. т в 1900 г., шла добыча строительных материалов и графита. Промышленность размещалась неравномерно: основные районы горной промышленности находились в Восточной Сибири, большая часть предприятий обрабатывающей промышленности – в Западной Сибири.

Неразвитость транспортной сети, дороговизна доставки и кредита делали трудной посредническую и связующую роль торговли. Формы ее были архаичны, наряду с товарно-денежной сохранялась меновая. Ведущую роль в распределении товаров играли временные формы обмена – ярмарки, торжки, базары. Через Ирбитскую (до 50 млн руб. оборота в середине XIX в.) и Нижегородскую ярмарки шла большая часть товаров из Сибири в Европу, и на них же купцы-оптовики закупали промышленные товары для Сибири, сбывали пушнину, рыбу, кожи, чай, разное сырье. Затем товары

развозились по Сибири и распродавались на мелких ярмарках, базарах и в лавках. Число ярмарок в Сибири во второй половине XIX в. значительно возросло. В 60-е гг. в крае было 184 ярмарки, в 1892 г. – 668 с оборотом в 93 млн руб. В основном они находились в Тобольской губернии, где в 1862 г. действовало 165 ярмарок с 5,4 млн руб. оборота, а в 1890 г. 567 с 10,3 млн руб. оборота. С удалением на восток и север все большее значение приобретала торговля купцов-оптовиков, которые имели промышленные заведения, транспортные средства, занимались ростовщичеством, были крупными домовладельцами.

Новый этап в индустриальном развитии Сибири начался с сооружения в 80–90-х гг. XIX в. железных дорог. На средства Казны в 1883–1885 гг. была построена Екатеринбург-Тюменская железная дорога, соединившая Обь-Иртышский бассейн с Волго-Камским. Строительство Транссибирской магистрали было крупнейшим событием промышленной революции в Сибири и одним из наиболее грандиозных событий в индустриализации мировой экономики. За 14 лет (1891–1904 гг.) было построено 8180 верст основного пути. Сибирская экономика стала быстро подтягиваться к общероссийскому уровню. К 1908 г. 252 фабрики (55,5% общего числа предприятий) давали 57,7 млн руб. продукции (90%), занимали 14376 рабочих (78,2%) в цензовой промышленности. Фабричные заведения к этому времени давали больше половины суммы производства всех предприятий обрабатывающей промышленности Сибири, включая кустарные. Металлургические заводы, выполнив заказы железной дороги, затем зачахли, не имея возможности конкурировать с уральским металлом. Горнодобывающая промышленность продолжала сокращать производство. Добыча золота снизилась до 14,9 т в 1905 г. Выход золотодобычи из кризиса происходил разными путями. Механизированная добыча россыпного золота драгами и гидромониторами, разработка рудных жил стали основными в Томской горной области – Мариинской**,** Енисейской тайге, Ачинско-Минусинском горном округе. В 1900 г. в области действовали 3 драги, а в 1905 г. – 19 драг. В Иркутской горной области подъем золотодобычи был связан с затратой миллионов рублей на разработку россыпей шахтным способом. Кредит от Государственного банка (6–7 млн руб.) помог в этот период выстоять Ленскому золотопромышленному товариществу. Районами преобладания кустарных работ на основе труда китайских и корейских рабочих

стали Забайкалье, Ленский, Ангарский, Зейский горные округа. Укреплялась каменноугольная промышленность, получившая постоянный и быстро растущий рынок сбыта в виде железной дороги, пароходства. Водные и железнодорожные пути росли параллельно. Количество самоходных и буксируемых судов с 1896 по 1908 г. в Сибири увеличилось с 514 до 777. Кроме того, действовало ежегодно до 1000 сплавных судов. Пароходство способствовало развитию товарной рыбодобычи в низовьях рек Оби, Енисея, Лены, на Байкале. Крупнейшим центром товарной рыбопромышленности стали Барабинские озера. Добыча рыбы на капиталистически организованных промыслах в начале XX в. составила около 2 млн пуд. при 10,4 тыс. работников, по сравнению с 0,6 млн пуд. при 3 тыс. рабочих в первой половине XIX в. Потребность в строительных материалах и топливе вызвала усиленные лесозаготовки в районах, прилегающих к железным дорогам, городам, промышленным предприятиям, пароходным пристаням. Наиболее широко для железной дороги лесозаготовки велись Казной, Кабинетом, частными подрядчиками, а также крестьянами в Туринском, Тарском округах Тобольской губернии, Каинском, Томском, Мариинском округах Томской губернии, Красноярском, Ачинском округах Енисейской губернии, Нижнеудинском округе Иркутской губернии. Лесные работы занимали тысячи сезонных рабочих, потребление лесопродукции составляло в 1917 г. 9,2 млн куб. саженей, через рынок проходило до 1,6 млн куб. саженей леса, или 18%. Сооружение зданий, промышленных и транспортных объектов осуществлялось в основном подрядными способом наемными артелями. Небольшие стройки, ремонтные работы брали на себя строители-ремесленники или самостоятельные артели без подрядчика. Появились и постоянные строительные фирмы, которые не имели еще специализации и занимались любыми строительными заказами. С конца XIX в. в Сибири все больше стала проявляться характерная для периода промышленной революции тенденция концентрации экономической активности в городах. Крупными для своего времени промышленными и транспортными узлами к 1907/08 гг. стали Томск (2,9 тыс. рабочих), Омск (3,8 тыс.), Красноярск (3,3 тыс.), Тюмень (3,2 тыс.), Иркутск (1,2 тыс.), Чита (2 тыс.). Они являлись и торговыми центрами, центрами связи и профессиональной подготовки. Надежная и постоянная связь с российским рынком привела к изменениям в структуре торговли. Пала роль сезонных торгов – яр-

марок и купцов-оптовиков. Стационарная – магазинная и лавочная торговля к 1902 г. более чем в 10 раз превысила обороты ярмарок (187 млн руб. против 18 млн руб).

В Сибири на рубеже XIX–XX вв. обнаруживаются все признаки промышленной революции, которая в основном завершилась в 30-е гг. XX в. после механизации горнодобывающей отрасли экономики. В начале XX в. произошли структурные изменения в промышленности Сибири. Горнодобывающие отрасли, ранее доминировавшие, уступили ведущие позиции обрабатывающим отраслям промышленности. В 1900 г. горные производства выпустили еще 65% стоимости всей продукции цензовой промышленности Сибири и Дальнего Востока, в 1915 г. обрабатывающие отрасли дали 60% суммы производства в Сибири и на Дальнем Востоке. В 1910–1913 гг. стоимость продукции пищевкусовых отраслей составила 81% суммы производства обрабатывающей промышленности, или 55% суммы производства всей промышленности Сибири.

Железнодорожная сеть увеличилась за счет дорог, протянувшихся на юг Сибири, в хлебные и горные районы. В 1906 г. длина стальных путей равнялась 4837, в 1917 г. – 7150 верстам. Были построены Алтайская (1913–15 гг.), Кулундинская (1917 г.), Тюмень-Омская (1911–1913 гг.), Кольчугинская (1913–1916 гг.), с 1913 г. строилась Ачинско-Минусинская железные дороги. В 1913 г. было перевезено 300 млн пудов грузов, в 1916 г. – 480. Водный транспорт значительно уступал железнодорожному по грузообороту (109 млн пуд. в 1909 г.). Но он играл важную роль во внутреннем обращении, связывая северные и южные районы края между собой и железной дорогой. В 1914 г. на водных путях курсировали около 1200 судов, в том числе 316 пароходов и теплоходов. На пересечении водных и железнодорожных путей выросли крупнейшие города Сибири – Омск (1716), Курган (1662), Тюмень (1586), Новониколаевск (1893), Томск (1604), Красноярск (1628), Иркутск (1661), Чита (1653). Местные перевозки осуществлялись гужевым транспортом, по 110 тыс. верст грунтовых дорог. В 1901–1903 гг. были построены Чуйский тракт (Бийск – Кош-Агач), в 1917 г. – дорога Минусинск – Белоцарск.

Лесозаготовки из крестьянского промысла превратились в предмет предпринимательства Казны и частных лиц. Главными заготовителями леса были Переселенческое управление и Кабинет Его Императорского Величества. Из добывающих промыслов уси-

лилась роль рыболовства, уменьшилось значение пушного промысла, вследствие истребления наиболее ценного зверя – соболя, бобра, калана, горностая, выдры, куницы, лисицы и песца. Главным конкурентом охотников на мировом рынке стали звероферм. Быстрыми темпами росла торговая сеть. В 1912 г. в Сибири насчитывалось 62 тыс. торговых заведений с оборотом около 500 млн руб. в год. Упала роль транзитной торговли, выросла роль внутренней.

Сибирь имела высокую степень концентрации капитала и производства, что делало экономику управляемой с точки зрения интересов государства и крупного бизнеса. Транссибирская магистраль была государственной, перевозки по рекам Западной Сибири монополизировало «Западно-Сибирское товарищество пароходства и торговли» (Товарпар, учреждено в 1898 г., правление – в Тюмени, основной капитал – 3 млн руб.), по Енисею – «Акционерное общество пароходства по реке Енисею» (1910 г., основной капитал – 700 тыс. руб.), на Байкале – «Товарищество Байкальского пароходства и торговли» (1905 г., основной капитал – 150 тыс. руб., Иркутск), на Лене – «Восточно-сибирское общество пароходства, торговли и промышленности» (1917 г., основной капитал – 10–15 млн руб., Иркутск), на Амуре – синдикат пароходовладельцев. Они и диктовали тарифы и фрахты. В сельском хозяйстве Сибири выросли две монополии. Союз сибирских маслодельческих артелей объединил 1410 кооперативных маслозаводов, 1167 лавок, 26 контор, в том числе в Лондоне, Москве и Владивостоке. Союз на равных конкурировал с иностранными закупочно-сбытовыми фирмами. Половину товарооборота Сибири контролировал союз потребительских кооперативов Сибири – Закупсбыт.

В золотопромышленности четыре владельца: Ленское золотопромышленное товарищество (Лензото), основано в 1863 г., основной капитал – около 11 млн руб.; Российское золотопромышленное общество (Золоторосс) – в 1895 г., СПб., основной капитал – 11250 тыс. руб., Федоровское общество, основанное в 1905 г., основной капитал – 1 млн руб., и Кабинет имели в 1916 г. 27% приисков, 46% рабочих, 80% добычи. В угледобыче 7 компаний давали 2/3 сибирского угля. Синдикат черемховских углепромышленников (1907, 3,5 млн руб.), адвокат Л.А. Михельсон, Акционерное общество Кузнецких каменноугольных копей (1912, 6 млн руб.), казенные Анжерские копи (1898) Сибирской железной дороги делили сбыт угля в Сибири и конкурировали с «Продуглем». Предприятия

цветной металлургии входили в общероссийский синдикат «Медь» (1907 г.). Руды Алтая поделили «Русско-Азиатская» (1912, Лондон) и «Русская горнопромышленная» корпорации (1911, 225 тыс. фунтов, Лондон) с участием английских и американских капиталов. Сибирские предприятия были тесно связаны с общероссийскими монополистическими объединениями под патронажем Международного, Русско-Азиатского, Сибирского торгового и Золотопромышленного банков.

Среди сибирских предпринимателей были распространены картельные договора (стачки), они входили в отраслевые союзы предпринимателей. Акционирование и образование союзов шли бурно в годы Первой мировой войны. Были образованы «Товарищество Алтайский мукомол» (1914, Новониколаевск), «Акционерное общество семипалатинских мукомольных паровых мельниц» (1908, Семипалатинск, 1,8 млн руб.), «Западно-сибирское торгово-промышленное мясоконсервное общество», «Сибирская мясная компания» и др. Российские фирмы, банки стали открывать свои отделения в Сибири. Появились специализированные товарные биржи. В 1915 г. в Сибири действовали 15 биржевых комитетов, Совет съезда представителей биржевой торговли и сельского хозяйства. В годы Первой мировой войны сибирские предприниматели вошли во Всероссийский союз городов, создали 32 военно-промышленных комитета. В начале XX в. Сибирь стала объектом интереса иностранного капитала, который проник в наиболее прибыльные отрасли – горное, лесное дело, в сбыт сельхозпродукции, транспорт. В горной промышленности общества создавались в основном со спекулятивной целью, до реальных инвестиций дело доходило редко. Из 17 горных акционерных обществ, открывшихся в Сибири, к 1917 г. действовало одно в Рудном Алтае – «Русская горнопромышленная корпорация». Сбыт сельхозмашин в Сибири монополизировала американская Международная компания жатвенных машин. Масштабное предприятие с капиталом 8 млн руб. развернуло в Сибири «Сибирское акционерное общество пароходства, промышленности и торговли» норвежца И. Лида, внедрившись в пароходство, лесное дело на Енисее, в торговлю и горное дело.

Характер присоединения и хозяйственного освоения Сибири всегда диктовался интересами царской семьи, государства и правящей элиты. Сибирь служила источником сырья и ресурсом для

решения стратегических проблем, испытывала дефицит капиталов, кадров. Во внешних сношениях использовалось ее геополитическое положение для военного и экономического продвижения в Центральную Азию; в торговле с Китаем и Монголией Сибири отводилась роль посредника. В 1917 г. Сибирь при 7% всего населения империи дала шестую часть валового сбора хлебов, около 2% стоимости промышленного производства, в том числе 13% стоимости продукции горного дела. На долю Сибири приходилось 8,3% длины железных дорог, 6,5% количества пароходов, 5,5% числа торговых заведений, 4% наемных рабочих России. На Сибирь с десятимиллионным населением приходилось 230 тыс. индустриальных работников (горная промышленность, фабрично-заводская и транспорт), или 2,3% населения. В городах Сибири жило 11,9% населения. Это характеристика колонизированного, догоняющего в развитии периферийного региона.

Примечания

История Сибири. Л.: Наука, 1968. Т. 1–3; *Власть* в Сибири. XVI – начало XX века: Межархивный справочник. Новосибирск: АНО «МАСС-Медиа-Центр», 2002. 294 с.; *Сибирская* советская энциклопедия. М.: Правда. 1929–1932. Т. 1–4; *Зиновьев В.П.* Индустриальные кадры старой Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 256 с.; *Сибирь* в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.; *Карих Е.В.* История Сибири (XVII–XX вв.): Учебное пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 161 с.; *Катионов О.Н.* Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVII–XIX вв. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2008. 372 с.

4.2. Томская область

(Статья для «Исторической энциклопедии Сибири», авторский вариант)

Томская область, субъект РФ, расположенный в юго-восточной части Западно-Сибирской равнины. Адм. центр – г. Томск. Образована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1944 г. из 19 районов Новосибирской области и Зырянского района Кемеровской области. В составе области в настоящее время 16 муниципальных районов: Александровский,

Асиновский (г. Асино, 1973 г.), Бакчарский, Верхнекетский, Зырянский, Каргасокский, Кожевниковский, Колпашевский (г. Колпашево, 1938 г.), Кривошеинский, Молчановский, Парабельский, Первомайский, Тегульдетский, Томский, Чаинский, Шегарский, 4 гор. окр. – Томск (1604 г.) Кедровый (1988 г.), Стрежевой (1978 г.), Северск (закрытое территориальное образование, 1949 г.), 1 пгт, 144 сельские администрации. Входит с 2000 г. в Сибирский федеральный округ. Площадь 316,9 тыс. кв. км. По размерам на 14-м месте среди субъектов РФ. Граничит на западе с Омской обл., на севере – с Тюменской обл. и Ханты-Мансийским авт. окр., на востоке – с Красноярским краем, на юге – с Кемеровской и Новосибирской областями.

Население 1926 г. – 395 тыс. чел., 1939 г. – 642,5, 1959 г. – 746,8, 1970 г. – 785,7, 1979 г. – 865,9, 1989 г. – 1001,6, 2002 г. – 1046,0, 2006 г. – 1068 тыс. чел. Томская область населена представителями 100 национальностей, в том числе русские составляют 90,84%, татары – 1,93%, украинцы – 1,6%, немцы – 1,29%, чуваши – 0,56%, белорусы – 0,51%, более 0,1% – азербайджанцы, армяне, башкиры, мордва, узбеки, удмурты, молдаване, поляки, казахи, корейцы. Коренные народы области представлены, кроме татар, селькупами – 1787 чел., хантами – 873 чел., чулымцами – 484 чел., эвенками – 103 чел., кетами – 93 чел. Средняя плотность населения одна из самых низких в РФ – 3,3 чел./кв.км. Население размещено крайне неравномерно. 80% населения сосредоточено в 8 административных районах юга и юго-востока, занимающих 15% площади, здесь плотность населения достигает 7–8 чел./кв. км. При этом 65% населения проживает в Томском районе и городском конгломерате Томск – Северск. На остальной территории области плотность населения составляет 0,3–0,5 чел./ кв. км, 715,5 тыс.чел. (70%) живет в городах, 354 тыс. чел. (30%) – в сельской местности. В Томской области 6 городов, в том числе Томск – 489,9 тыс. чел., Северск – 119,4, Стрежевой – 44,3, Асино – 27,7, Колпашево – 26,3, Кедровый – 2,8 тыс. чел., пгт Белый Яр – 8,4 тыс. чел. (на 1.01.2006 г.). Томск разделен на 4 муниципальных района. Административное управление в муниципальных образованиях осуществляется органами местного самоуправления. Система органов власти определена Уставом Томской области, законодательную власть представляет Государственная дума Томской области, исполнительную – Администрация Томской области во главе с губернатором. Герб и флаг Том-

ской области утверждены областной Думой 25.05.1997 г. На гербе, сохранившемся с 1804 г., как и на гербе Томска, изображена белая лошадь, скачущая в правую сторону по зеленому французскому щиту, увитому дубовыми листьями и бело-зеленой лентой, щит увенчан царской короной. Флаг представляет белое полотнище с гербом в 1/3 величины посредине.

Рельеф Томской области – заболоченное плоское пространство с отметками не выше 200 м над уровнем моря. Максимальная высота – 258 м находится на юго-востоке области, где выходят отроги Кузнецкого Алатау. Плоскость равнины наклонена на северо-запад, куда направлено течение р. Оби, делящей область на две равные части. Правобережье Оби несколько выше (до 193 м), чем левобережье, – до 166 м, которое занято крупнейшим в мире Васюганским болотом (53 тыс. кв. км). Центральная часть области занята широкой долиной Оби. Наклонные равнины – Чулымская, Кетско-Тымская, Васюганская, Обь-Тымская низменность – названы по притокам главной реки. Болота покрывают до 40% площади области, речные долины – пятую часть. Обь и ее крупные притоки – Томь, Чулым, Кеть, Тым, Васюган, Чая, Парабель, Шегарка – дренируют поверхность области, состоящую из рыхлых осадочных пород. Преобладающим рельефообразующим процессом остается заболачивание и торфообразование, чему способствует хозяйственная деятельность населения.

В области насчитывается 573 реки длиной более 20 км общей протяженностью 39,5 тыс. км. Все они относятся к бассейну Средней Оби, длина ее в области 1065 км. Наиболее крупные реки: Чулым – 1799 км, Кеть – 1621 км, Васюган – 1082 км, Тым – 950 км, Томь – 827 км, Парабель – 308 км. Чулым и Томь берут начало в горах Кузнецкого Алатау, остальные реки – из водораздельных болот на границах с Новосибирской, Омской областями и Красноярским краем. Всех рек 18,1 тыс. общей протяженностью 95 тыс. км. Большие и малые реки (таежки) извилисты, имеют широкие поймы и медленное течение, сильно меандрированы. Многочисленны озера пойменного и внутриболотного происхождения (12,9 тыс. суммарной площадью 4451 км^2), на юге распространены пруды (29 прудов и водохранилищ суммарным объемом 30 млн м^3). Водоразделы заболочены, преобладают выпуклые олиготрофные сфагновые болота. Половодья связаны с весенним таянием снегов, подъем воды от 5 м над отметкой межени на р. Чулым до 9 м на

р. Оби. Затопление поймы на 20–30 дней на малых реках и до 2 месяцев на больших. Для Томи характерны заторы и подъем воды до 8–11 м. Для августа – сентября обычны дождевые паводки.

Положение области в умеренных широтах (61–55° с.ш.) на плоской равнине, открытой ветрам с севера и юга, обусловливает крайнюю неустойчивость климата, резкие перепады температур воздуха в течение года и суток. Влажность воздуха зависит от западных атлантических циклонов, на климат севера области влияют арктические циклоны, на климат юга – азиатские антициклоны, на всей территории сказываются восточносибирские антициклоны. Зима продолжительная, начинается с 23–29 октября на севере и 5–8 ноября на юге области, заканчивается в начале третьей декады марта – начале апреля, солнечных дней не более 1/3, солнце низкое и холодное. Средняя температура января – 19–23°, минимальные температуры достигают – 50–58°. В марте снежный покров достигает максимума. Запас воды в снеге составляет от 100 мм на юге до 200 мм на северо-востоке. Весна короткая и бурная, средняя температура вырастает на 17–19°, снежный покров сходит в конце апреля – начале мая. Лето начинается в конце мая – первых числах июня и заканчивается в первой декаде сентября, при этом на юге оно продолжительнее на 19 дней. Солнце высокое и жаркое, продолжительность дня 16–19 часов, температура июля в среднем 22–24°, достигает до 36–38°, амплитуда суточного хода температур 12–15°, что приводит к июньским и августовским заморозкам, осложняющим выращивание культурных растений. Осень начинается в первой декаде сентября и завершается в последней декаде октября, погода неустойчивая, вторжение воздушных масс с севера и юга приводит либо к кратким моментам «бабьего лета», либо к выпадению снега. Средняя температура года в области ниже нуля: от –3° на северо-востоке до –0,6° на юге области. Для июля характерны грозы, для августа туманы, для зимних месяцев метели, с октября по май характерны гололед и изморозь. Среднее количество осадков в год 400–570 мм, максимум их приходится на июль – август в виде ливней.

Долгое время главным природным богатством области считались леса. Площадь леса составляет 29,2 млн га, или 58,2% территории области, состоит из зон северной лесостепи, осиново-березовых подтаежных лесов, средней и южной тайги. К зоне средней тайги относятся леса левобережья Оби и правобережья север-

нее реки Кеть. Хвойные насаждения (сосна, ель, пихта, лиственница, кедр) составляют 58% лесопокрытой площади. Темнохвойные леса занимают высокие речные террасы и приподнятые, дренированные участки междуречий. Сосновые леса повсеместны, но преобладают в бассейнах Кети и Тыма. Коренные березовые леса ограничены 57° с.ш., вторичные березово-осиновые леса растут вперемежку с темнохвойными лесами. Для пойм характерны осоковые луга, березовые, осиновые, ивовые, тополевые леса. Густой подлесок обычно состоит из черемухи, бузины, калины, рябины, жимолости, краснотала. Болота покрыты сосной, березой карликовых форм, багульником. Расчетная лесосека области составляет 26,9 млн м^3, ежегодный прирост древесины 27,7 млн м^3. Эксплуатационные запасы древесины оцениваются в 2,6 млрд м^3. Используется ежегодно не более 1,7 млн м^3. В лесах и болотах много дикорастущих ценных растений, представляющих промысловый интерес: брусники, черники, клюквы, голубики, смородины, малины, морошки, клубники, лекарственных трав, черемши, хрена, хмеля, щавеля, дикого лука, грибов. Особую ценность представляют 24 орехово-промысловые зоны общей площадью 450 тыс. га. Охрана лесов в настоящее время практически отсутствует.

На территории Томской области обитают 347 видов позвоночных животных, в т.ч. хищных 15, парнокопытных – 3, грызунов – 28, птиц – 247, пресмыкающихся – 3, земноводных – 6, рыб – 34 вида, беспозвоночных – около 3,5 тыс. видов. Для таежных районов характерны белка, бурундук, соболь, бурый медведь, лось, рысь, глухарь, рябчик, снегирь, кедровка, поползень, для лесостепных районов – крот, хорь, лисица, волк, косуля, хомяк, куропатка, жаворонок. По всей территории распространены воробьи, вороны, лягушки, жабы, муравьи. Кровососущие насекомые – 32 вида комаров, 8 видов мошек, 5 видов мокреца, 32 вида слепней, – именуемые по-местному «гнус», создают летом невыносимые условия жизни для людей и животных. Иксодовые клещи являются переносчиком энцефалита и ряда других болезней. Промысловое значение имеют 28 видов животных, более 30 видов птиц, 19 видов рыб. Средний улов рыбы по сравнению с максимальным послевоенным сократился почти в 4 раза, с 6,86 тыс. т в год до 1,78 тыс. т. На резкое сокращение запаса рыб оказало влияние строительство плотины Новосибирской ГЭС в 1957 г., отрезавшей нерестилища осетра, стерляди, нельмы и сместившей центр образования заморных вод

от г. Колпашева до устья р. Васюган. К XIX в. был уничтожен бобр, почти исчезли к XX в. соболь, горностай, колонок, лось. В настоящее время восстановлено поголовье лося, соболя, реакклиматизирован речной бобр, акклиматизированы американская норка, ондатра, выхухоль. Характерной чертой природопользования в Томской области является его экстенсивность. Заготовки пушных зверей упали с 1980-х гг. к началу XXI в.: соболя – с 8 тыс. штук до 2 тыс., белки – со 140 тыс. штук до 12 тыс., ондатры – с 26–33 тыс. штук до 5 тыс., норки – с 2–4 тыс. штук до 0,3–0,6 тыс. До 80% пушнины уходит на черный рынок. Для сохранения природных ресурсов на территории области организованы ботанический, 15 зоологических, 2 ландшафтных заказника, выделены 144 памятника природы регионального значения. Службы госохотнадзора и госрыбнадзора находятся в кризисном состоянии и не могут обеспечить должного уровня охраны промысловых рыб и зверей. Экологическая ситуация в области в целом благоприятна. Основной ущерб природе наносят нефтедобывающие и энергетические предприятия.

За последние шестьдесят лет предприняты значительные усилия для исследования ископаемых ресурсов Томской области. В первой половине XX в. были известны только кварцевые пески Туганского месторождения. С 1948 г. началось бурение глубоких скважин и геофизическое исследование недр. Первые признаки нефти получены в 1953 г. у Колпашева. В 1966 г. получена первая промышленная нефть из Советского месторождения. Сейчас известно 101 месторождение углеводородного сырья, в т.ч. 82 нефтяных, 13 нефтеконденсатных, 6 газоконденсатных, 84 из них переданы недропользователям. Они сосредоточены в 4 нефтегазоносных областях – Среднеобской, Каймысовской, Васюганской, Пайдугинской. Наиболее богаты нефтью Советско-Соснинский участок, Лугинецкое месторождение, газом – Мыльджинское и Средне-Васюганское месторождения. Площадь перспективной нефтегазоносной территории области равна 228,3 тыс. км^2, или 72% площади области, из них передано в разработку только 61 тыс. км^2 (26,7% перспективных площадей). Извлечено за годы эксплуатации 200 млн т нефти, ресурсы оцениваются в 9 млрд т, извлекаемые – 3,6 млрд т условных углеводородов. Разведаны не более четверти площадей. Перспективными являются Пайдугинская и Предъенисейская нефтегазоносные области. Обнаружены также рудные

твердые ископаемые: осадочные железные руды, цирконильменитовые россыпи, золото-платиновые месторождения, цинковые руды, бокситы. Томская область является крупнейшей в мире железорудной провинцией, располагая 393 млрд т 30–40% руды. Выделяется пять рудных узлов – Бакчарский, Колпашевский, Парабельский, Чузикский, Парбигский. Разработка их осложнена глубоким залеганием пластов – 160–300 м. Титан-циркониевые россыпи Туганская (124,7 млн $м^3$) и Георгиевская (3 млрд $м^3$) содержат до 30% российских запасов диоксида титана. Пески Тугана содержат также ванадий, скандий, тантал, гафний, редкоземельные элементы. Притоки Томи, ее песчано-гравийная смесь золотоносны. У с. Турунтаева на глубине 500 м находится уникальное цинковое месторождение, содержащее не менее 500 тыс. т руды. На территорию Томской области заходит Барзасское месторождение бокситов из Кемеровской области с прогнозными запасами 11,5 млн т. В Томской области известны более 100 проявлений и месторождений бурых углей, которые сгруппированы в 7 угленосных районов – Томский, Долинный, Чулымский, Бакчаро-Чаинский, Парабельский, Васюган-Тымский, Александровский. Промышленное значение имеет пока только Таловское месторождение в Томском р-не с запасами 3,6 млрд т при средней мощности пласта в 4 м. Уголь может использоваться на ТЭЦ и как химическое сырье. Известны 98 разведанных месторождений строительных материалов, глин, каолина, из которых разрабатываются 30. В русле Томи расположено крупнейшее в Западной Сибири месторождение песчано-гравийной смеси, есть большие запасы высококачественных кварцевых песков, известняков. Запасы 1505 месторождений торфа в Томской области оцениваются в 29,3 млрд т и уступают только тюменским. 70% озер содержат залежи сапропеля, которые не оценены даже приблизительно. Больше всего в Томской области добывается пресных подземных вод – 142 млн $м^3$ в год. Подземными водами обеспечены Томск, Стрежевой, районные центры. Не ограничены запасы термальных, минеральных и промышленных вод. Используются только скважины в Тегульдетском районе (вода «Омега») и в пос. Чажемто (вода «Чажемто»).

Территория Томской области издавна заселена людьми. Первые охотники за мамонтами, бизонами и носорогами появились здесь, судя по Томской и Могочинской палеолитическим стоянкам, 17–16 тыс. лет назад, вслед за тающим ледником. Они приходили из

района Саяно-Алтая в летний период. 10 тыс. лет назад ледник окончательно отступил, сложились современная речная система и климат. Территория Томской области стала зоной взаимодействия монголоидных и европеоидных племен. В период неолита в 4–3 тыс. до н.э. люди освоили всю территорию Томской области. Охотников и рыболовов этого времени археологи относят к верхнеобской культуре, а по этнической принадлежности – к предкам угро-самодийских племен. В начале 2 тыс. до н.э. на юге области сложилась культура бронзового века – самусьская с высоким уровнем обработки металла. Носителей этой культуры связывают с предками современных кетов. Во второй половине 2 тыс. до н.э. в Томское Приобье пришли европеоидные племена скотоводов и земледельцев – андроновцев, названных так по д. Андроново близ Ачинска, где впервые были обнаружены остатки их поселения. В результате их смешения с племенами охотников и рыболовов в конце 2 тыс. – начале 1 тыс. до н.э. сложилась еловская культура (названа по д. Еловка в Кожевниковском р-не). В VIII–VII вв. изменились природные условия. Исчезли степи по Кети, Чулыму, Васюгану, Тыму. Вслед за наступлением тайги и болот пришли охотники и рыболовы, предки современных хантов. Бывшие кочевники в тайге утратили прежние навыки. В период железного века в лесостепи сложилась так называемая шеломокская (мыс Шеломок на Томи) культура скотоводов и земледельцев, в зоне тайги – кулайская (гора Кулайка в Чаинском районе) культура охотников, рыболовов и коневодов. Наследниками этих культур были верхнеобская (V–X вв. н.э) и релкинская (местность Релка в Молчановском р-не) в Нарымском Приобье (VI–VIII вв. н.э.). Есть основания считать их предками современных селькупов. В это время территория Томской области попала в зону влияния первых тюркских государств. В начале 2 тыс. н.э. тюрки вытеснили на север, истребили или ассимилировали самодийцев и кетов. Во первой половине 2 тыс. н.э. сложились основные народности – томские татары, чулымцы, ханты, селькупы. Они вели междоусобные войны, страдали от набегов кыргызов, телеутов и калмыков.

Русские на территорию Томской области пришли с севера в погоне за соболиными мехами и ясаком. В 1598 г. сургутский воевода Тугарин Федоров заложил в центре Пегой селькупской орды первый острог – Нарымский, в 1602 г. – Кетский, а 27 сентября (7 октября) 1604 г. на земле томских татар по просьбе князца Тояна отряд вое-

вод Г.И. Писемского и В.Ф. Тыркова заложил Томский острог. В XVII в. Томск был самым южным форпостом русской экспансии. Он выдержал осады отрядов кочевников телеутов, кыргызов, калмыков в 1609, 1614, 1624, 1630, 1634, 1654, 1674, 1680, 1682, 1700 гг. Томские служилые люди построили Уртамский, Умревинский, Енисейский, Ачинский, Кузнецкий, Красноярский, Бикатунский, Кузедеевский и др. остроги и форпосты. Томский казак Иван Москвитин первым из русских вышел в 1637 г. к Охотскому морю.

В середине XVIII в. после разгрома китайцами джунгар и ухода кыргызов из Минусинских степей Томск стал административным центром Средней Сибири. Нарым и Кетск еще раньше Томска утратили военное значение, а затем и административное. Кетский уезд вошел в Нарымский в 1765 г., а в 1822 г. Нарымский уезд был причислен по малолюдности к Томскому. Территория Нарымского, Кетского, Томского уездов входила в Тобольский разряд, с 1629 г. выделилась в управление Томского разряда. По губернской реформе 1708–1712 гг. эти уезды вошли в Сибирскую губернию с центром в Тобольске. Воеводы стали называться комендантами, причем томский был главным над Нарымским, Кетским и Кузнецким уездами. По провинциальной реформе 1717–1727 гг. они вошли в Тобольскую провинцию, по указу 1764 г. о Сибирском царстве – в Тобольскую губернию. По губернской реформе Томский уезд в 1779 г. был включен в Колыванскую область. В 1782 г. созданное Тобольское наместничество было разделено на Тобольскую и Томскую области, в последнюю вошли Томский, Ачинский, Енисейский, Туруханский, Нарымский и Каинский уезды. В 1797 г. Павел I упразднил наместничества, и территория Томской области вновь вошла в Тобольскую губернию, а с 1803 г. – в Сибирское генерал-губернаторство с центром в Иркутске. В 1804 г. из Тобольской губернии была выделена Томская, в которую вошли земли бывшего Колыванского наместничества. По Сибирскому учреждению М.М. Сперанского 1822 г. Ачинский, Енисейский, Туруханский, Красноярский уезды отошли к вновь образованной Енисейской губернии, Нарымский вошел в Томский уезд. В 1856 г. в новый Кийский (Мариинский) уезд вошла часть восточных волостей (современные Зырянский, Тегульдетский, Верхнекетский р-ны) Томского уезда. До 1861 г. томские губернаторы были одновременно и управляющими Алтайского горного округа Кабинета Е.И.В. С 23 дек. 1919 г. по 14 марта 1920 г. Томск считался уезд-

ным центром, затем до 1925 г. вновь был центром губернии. По реформе 1925 г. территория Томской области вошла в два округа Сибирского края – Томский и Мариинский. В Томский округ был передан Александровский район Омской области. В 1928 г. из него был выделен Ларьякский туземный район, а в 1937 г. – Нижневартовский и Вампугольский сельсоветы и возвращены в состав Остяко-Вогульского округа Омской области. С ликвидацией окружной системы в 1930 г. территория Томского и Мариинского округов была разделена на районы Западно-Сибирского края, а с 1937 г. – Новосибирской области. Северный (Нарымский) округ существовал с 1932 г. до образования Томской области в 1944 г. В 1932–1949 г. на севере округа и Томской области находился Тымский туземный район. Районы области в 1940–1960-е гг. были укрупнены. Васюганский и Тымский вошли в Каргасокский, Пудинский – в Парабельский, Парбигский – в Бакчарский, Туганский – в Томский.

В начале XVII в. вокруг Томска и Нарыма появились первые пашни. Количество крестьян в Томском уезде с 30 тыс. в первые десятилетия XVIII в. выросло до 130 тыс. в 1859 г. Население пополнялось вольными переселенцами и ссыльными. В XVIII в. Томск стал крупным торгово-промышленным и транспортным центром. Число его жителей достигло 6–7 тыс., в 1825 г. – 11 тыс., в 1897 г. – 52 тыс., в 1917 г. – 101 тыс. До 100 тыс. возов с товарами ежегодно шли через Томск на восток и на запад, в Нарымский край и в Алтай. До трех сотен томских купцов торговали по всей Сибири. С открытием в 1828 г. золотых приисков в Мариинской тайге Томск стал центром снабжения золотопромышленности, резиденцией таежных «королей». В 1844 г. в Томск из Тюмени впервые пришел пароход. Появились первые ростки культуры. К концу XVIII в. при Алексеевском монастыре открылась первая школа для священников, затем – училище для детей чиновников и купцов, в 1830 г. – публичная библиотека, в 1838 г. – мужская гимназия, в 1850 г. – театр, в 1859 г. – газета «Томские губернские ведомости». После реформы 1861 г. население губернии стремительно росло: 1859 г. – 775 тыс., 1897 г. – 1928 тыс., 1917 г. – 4110 тыс. чел. Сибирская железная дорога обошла Томск стороной, но не остановила его роста, к нему была проложена в 1896 г. ветка Тайга – Черемошники, управление дорогой разместилось в Томске. Томск стал крупным речным портом, индустриальным центром с десятками мануфактур и фабрик, крупнейшими из которых были спичечная фаб-

рика Кухтериных, электростанция, мукомольные мельницы Кухтериных, Фуксмана, лесопилка Иваницкого. В городе и вокруг него действовали винокуренные заводы и мельницы Родюковых, Королевых, Фуксмана, Вытновых, Пастуховых, Гороховых, Некрасовых и др. предпринимателей. Количество рабочих на предприятиях Томска достигло 15 тыс. чел. В целом по губернии до 200–220 тыс. чел. На территории современной Томской области действовали также рыболовные пески на Оби, заготовки дров для пароходов, деревообрабатывающие промыслы для нужд Московского тракта. Заметным явлением было сооружение в 1883–1900 гг. Обь-Енисейского соединительного пути в верховьях Кети, по которому в половодье можно проехать и сейчас. В 1863 г. в губернии появился телеграф, затем телефон, в 1905 г. – водопровод.

С появлением в 1888 г. Императорского Томского университета, в 1900 г. Технологического института, в 1910 г. Сибирских высших женских курсов Томск стал крупнейшим образовательным и научным центром на востоке страны. Здесь выходили крупнейшие провинциальные газеты «Сибирская газета» (1881–1888), «Сибирский вестник» (1885–1905), «Сибирская жизнь» (1897–1917). Общественная жизнь города организовывалась вокруг десятков легальных благотворительных, просветительных, кооперативных, досуговых, профессиональных организаций. Через них политические партии проводили пропаганду своих взглядов и вербовку сторонников. Большое значение для жизни губернии имела политическая ссылка. В Томске и Нарыме отбывали ссылку декабристы, польские повстанцы, революционные демократы, народники, социал-демократы. Нарымский край в 1905–1917 гг. был одним из крупнейших в империи мест политссылки. Ссыльные способствовали распространению радикальных идей, созданию политических организаций. Томск был опорой местного политического течения – сибирского областничества, лидером которого был знаменитый ученый и общественный деятель Г.Н. Потанин. В революции 1905–1907 гг. в Томске против царских властей выступил блок левых партий – ПСР, РСДРП и либералов. Томская городская дума, опираясь на настроения части горожан, после выхода манифеста 17 окт. 1905 г. предприняла попытку захвата власти, начала формировать комитет общественной безопасности и милицию. Эта попытка встретилась со стихийным протестом монархистов, поддержанным властями и церковью. В результате черносотенного по-

грома 20 окт. погибли 66 чел. Несмотря на это, Томск остался центром оппозиционного движения в Сибири. Томская губерния всегда выбирала в Государственную думу беспартийных крестьян, а от Томска – либеральных и левых интеллигентов. Во время Первой мировой войны в губернии усилились антимонархические настроения, возросла популярность левых партий. Военно-социалистический союз, организованный политссыльными большевиками и эсерами в Нарыме, перенес после их мобилизации свою деятельность в Томск. Царская власть пала в Томске без сопротивления – по телеграмме из Петрограда. В Комитет общественной безопасности и порядка (председатель Б.М. Ган) 2–3 марта 1917 г. вошли все оппозиционеры – либералы, эсеры, меньшевики, большевики, 5–6 марта образовался Совет солдатских депутатов, 29 марта – Совет рабочих депутатов. Реальная власть была у Военно-революционного комитета и 70-тыс. гарнизона. К осени 1917 г. за власть в губернии соперничали объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов (председатель Н.Н. Яковлев) и Сибирский областной совет. В декабре 1917 г. – марте 1918 г. установилась Советская власть. В мае 1918 г. в губернии начался чехословацкий мятеж, город заняли войска Временного сибирского правительства, затем А.В. Колчака, против власти которого в губернии шла партизанская борьба. 17–18 декабря 1919 г. в результате антиколчаковского восстания большевиков, меньшевиков, эсеров и анархистов город был освобожден, 5-я Красная армия вошла в Томск. В 1920–1922 гг. в Томском округе шли вооруженные крестьянские выступления против Советской власти, деревни обнищали, в Томске осталось 80 тыс. жителей.

В Томской губ. производство восстановилось к 1926 г., но индустриализация обошла Томск стороной. Центром советской Сибири стал бывший заштатный город Томского уезда Новониколаевск (Новосибирск). Томск использовался как центр подготовки кадров, поставщик оборудования для Кузбасса. Территория Томской области была превращена в один из главных в стране районов размещения спецпереселенцев, здесь их насчитывалось около 220 тыс. Их использовали на шахтах и лесозаготовках, для организации сельхоз и промартелей. Многие погибли от голода, болезней. В период сталинских репрессий пострадали 17 тыс. томичей, в основном из рабочих и крестьян. Юг Томской области покрылся сетью лагерей и колоний, крупнейшим из которых стал ТомАсинлаг, в

40–50-е гг. Воронинлаг. В период Великой Отечественной войны Томск и Колпашево приняли 40 промышленных оборонных предприятий, десятки НИИ, учебных и культурных заведений, более 50 тыс. эвакуированных, 20 госпиталей на 10 тыс. коек. Томские ученые создали Комитет по содействию промышленности, транспорту и сельскому хозяйству. За годы войны объем промышленного производства утроился, а число горожан удвоилось. 129 тыс. томичей ушли на фронт, из них погибли 59 тыс. В Томске были сформированы геройски погибшая под Москвой в 1941 г. 166-я стрелковая дивизия, 366-я (19-я гвардейская), 79-я гвардейская дивизии, 149-я стрелковая бригада и др. подразделения, 42 томича стали Героями Советского Союза, а артиллерист А.П. Шилин – дважды.

Война показала, что томская земля сохранилась как самодостаточная экономическая общность, центром которой является 200-тысячный Томск. Образованная в 1944 г. область стала получать инвестиции на развитие промышленности. Прошли в 1950–60-е гг. реконструкцию старые предприятия пищевой индустрии, электромеханический завод, судостроительные заводы в Самуськах и Моряковке, лесоперевалочная база, эвакуированные в годы войны заводы электроламповый, манометровый, кабельный, резиновый, подшипниковый, «Сибэлектромотор», режущих инструментов, построены новая электростанция, водопровод, заводы эмальпроводов, кранового оборудования, приборный, математических машин, радиотехнический. Они стали основой томской экономики. Была механизирована лесодобыча и сформирована строительная индустрия. Близ Томска был построен крупнейший в мире оборонный ядерный комплекс – Сибирский химический комбинат из трех ядерных станций и пяти заводов. Началась разведка нефти и газа. В 1949 г. в Томске пустили трамвай, крупные населенные пункты были связаны авиатранспортом, появилось телевидение. Колхозники переселялись в города, обезлюдел Нарымский Север, сталинские переселенцы стали возвращаться на юг. К середине 60-х гг. область стала индустриальной: 56% жителей переехали в города. В 1967 г. Указом Президиума ВС СССР Томская область была награждена высшей наградой страны орденом Ленина за успехи в хозяйственном и культурном строительстве.

Брежневский период истории страны совпал для Томской области с экономическим бумом, вызванным успехами нефтедобы-

вающей промышленности. В 1954 г. была получена первая нефть, в 1966 г. ее добыча составила 49 тыс. т, в 1976–80-е гг. – по 8 млн т в год, в 1980-е гг. – более 10 млн т в год. В области три района добычи – Стрежевской (г. Стрежевой), Васюганский (пос. Пионерный), Пудинский (г. Кедровый). Месторождения были связаны с пущенным в 1972 г. нефтепроводом большого диаметра Александровское – Анжеро-Судженск. Для утилизации попутного газа в 1977 г. было создано п/о «Томсктрансгаз», которое по газопроводу Нижневартовск – Парабель – Кузбасс, построенному в 1978 г., снабжает газом западносибирские предприятия. В 1979 г. начал работать крупнейший в стране Томский нефтехимический комбинат для производства полипропилена, метанола, формалина. Лесозаготовки в области достигли максимума 8,5 млн куб. м в год в 1970-е гг., при этом до 80% добычи давал трест «Томлеспром» (куда входили 17 леспромхозов), образованный в 1936 г. Начался подъем сельского хозяйства, вокруг Томска образовался пояс сельхозфабрик, в два раза выросла продуктивность полей и скота (зерновых до 600 тыс. т, мяса до 60 тыс.т). Появилась современная строительная промышленность: завод железобетонных конструкций, домостроительный комбинат, железобетонных изделий, асфальтобетонные заводы, силикатных стеновых материалов, кирпичные заводы. Производство железобетонных изделий выросло в 4 раза. Томск изменил облик: появились троллейбусные линии, театр, дворец спорта, концертный зал, новые административные здания, жилые районы. Построены мосты через Томь, Обь в районе с. Мельникова, ж.д. Асино – Белый Яр. Пароходы на реках были заменены теплоходами, организованы 170 автобусных маршрутов между городами и селами, они начали вытеснять дорогой авиатранспорт.

На основе вузов и вузовских НИИ в 1978 г. был создан Томский научный центр Сибирского отделения АН СССР (ныне РАН), в 1986 г. произошло учреждение Томского научного центра АМН СССР (ныне РАМН), первого в стране регионального медицинского научного центра. В Томске действовало до четырех десятков отраслевых НИИ и научно-проектных институтов, работали университет и 5 институтов, до двух десятков средних специальных учебных заведений. В Томской области жили, учились и работали выдающиеся ученые с мировым именем: физики Н.Н. Семенов, В.Е. Зуев, В.Д. Кузнецов, Г.А. Месяц, А.А. Воробьев, инженеры Н.И. Камов, М.Л. Миль, Н.В. Никитин, космонавт Н.Н. Рукавиш-

ников, геологи В.А. Обручев, К.И. Сатпаев, М.К. Коровин, М.А Усов, ботаник П.Н. Крылов, хирурги Н.Н. Бурденко, А.Г. Савиных, терапевт Д.Д. Яблоков, историки И.М. Разгон, А.И. Данилов и многие другие. Томск упрочил значение важнейшего научно-образовательного комплекса на востоке страны, влияние которого охватывало всю Западную Сибирь и значительную часть Казахстана. Важную роль в достижениях области играло ее руководство во главе с первым секретарем обкома КПСС Е.К. Лигачевым.

Вместе с тем эффективность хозяйства области снижалась. Основные производственные фонды области увеличились почти вдвое – с 3,9 млрд руб. в 1986 г. до 7,4 млрд руб. в 1991 г., а объем промышленной продукции вырос только на 22%, фондоотдача снизилась почти на пятую часть. Неудача реформ, начатых М.С. Горбачевым, сказалась сначала на промышленности и строительном деле, сокративших показатели области в 1991 г., а с 1993 г. – в сельском хозяйстве. После распада КПСС и СССР в Томской области сменилось руководство, губернатором с ноября 1991 г. является В.М. Кресс, а главой Государственной думы Томской области с 1994 г. избирается Б.А. Мальцев, опытные хозяйственники. Стабильность власти показывает, что Томская область относительно благополучно пережила рыночные реформы и политические бури. Пищевая промышленность и коммунальные предприятия, энергетика, пережив акционирование и приватизацию, выстояли. Неконкурентоспособной оказалась значительная часть предприятий оборонного комплекса. На первое место выдвинулись нефтегазодобывающие отрасли и гиганты химической промышленности – СХК и ТНХК. В 2002 г. добыча нефти превысила уровень 1989 г. – 10,2 млн т, в 2005 г. добыто 13,6 млн т нефти и конденсата. В основном на предприятиях ОАО «Томскнефть». С 1995 г. в Томской области начала развиваться газодобыча (ОАО «Востокгазпром»). В 2005 г. она составила 4,5 млрд $м^3$. Газ предназначен для снабжения сырьем ТНХК, населенных пунктов Западной Сибири, для экспорта в Китай. Структуру промышленности области составляют около 200 крупных и средних предприятий. В них занято 28% численности работающих, создается 60% ВВП области. Снизилась с 30 до 12% доля машиностроения, ведется его перестройка на основе инновационных технологий. В области более 7 тыс. предприятий малого и среднего бизнеса в строительстве, торговле и промыш-

ленности, они занимают 80 тыс. работников и дают продукции на 6–7 млрд руб. В тяжелом кризисе пребывают лесодобывающая и лесоперерабатывающая отрасли. До 300 предприятий добывают лес, значительная часть которого уходит на черный рынок. После падения восстанавливается сельское хозяйство. Вокруг Томска сохранились птицефабрики и крупные животноводческие комплексы. В области действуют 125 агропредприятий, 1,3 тыс. фермеров, 118 тыс. подсобных хозяйств. По сравнению с 1989 г. к 2005 г. в 4 раза сократилось поголовье коров в коллективных хозяйствах, почти вдвое упал надой молока, в полтора раза снизилось производство мяса. В то же время выросло производство в подсобных хозяйствах, но пока оно не компенсировало потерь корпоративного сектора. В целом народное хозяйство области не вышло из кризиса. Быстрый рост с 1999 г. сменился в 2004–2005 гг. падением темпов из-за сокращения разведанных площадей в нефтепромышленности, плохих погодных условий.

Одним из главных факторов развития региона все больше становится интеллектуальный потенциал Томска и Северска. В области работает 435 школ с 10,5 тыс. педагогов, которые обучают более 100 тыс. учащихся, в 33 профессиональных училищах учится 14 тыс. чел., в 6 университетах, 17 других вузах и филиалах, 17 средних специальных заведениях учится свыше 100 тыс. студентов, работают 23 академика и члена-корреспондента гос. академий, более 700 докторов наук, свыше 4 тыс. кандидатов наук, учится 1,5 тыс. аспирантов. Бюджет учебных учреждений достиг 5 млрд руб. Томский классический университет создал модель исследовательского ун-та, политехнический ун-т – модель инновационного академического вуза, Томский ун-т систем управления и радиоэлектроники – модель бизнес-университета. ТГУ и ТУСУР вошли в число 17 победителей первого конкурса инновационных программ российских вузов. Научными исследованиями занимается свыше 60 организаций. Научный сектор дает 7% валового продукта региона. Инновационной деятельностью занимаются свыше 270 предприятий. Томская область в 2005 г. победила в правительственном конкурсе на право создания Особой экономической зоны технико-внедренческого типа. В ОЭЗ планируется развивать информационно-коммуникационные и электронные технологии; технологии производства новых материалов и нанотехнологии; биотехнологии и медицинские технологии. Основные предполагаемые

резиденты: компании «Сибур», «ВАВС», «Фазотрон»; НПО «Вирион» – всего 65 резидентов. Общие затраты на создание инфраструктуры только в 2006 г. составили около 1,9 млрд руб., в том числе средства федерального бюджета – 70% (1,323 млрд руб.). К 2015 г. предусматривается создание свыше 10 тыс. рабочих мест. Первая площадка ОЭЗ в Томске создана на базе ОАО «Томскнефтехим» в 2006 г. Идет информатизация школ, предприятий.

Томская область располагает более чем 500 лечебными учреждениями, 18 тыс. врачей и медицинских работников, это в 1,5 раза выше, чем в среднем по стране, благодаря тому, что медики готовятся в Сибирском медуниверситете, который, как и ТГУ, является наследником Императорского Томского университета. Курорт «Чажемто» известен далеко за пределами области. Томск – один из культурных центров Сибири. В XIX – начале XX в. здесь жили и творили поэт П. Драверт, писатели Н.И. Наумов, В.Я. Шишков, В. Курицин (Не Крестовский), художники П.М. Кошаров, М.М. Черемных, архитекторы К. Лыгин, А. Крячков, просветитель П.И. Макушин. В настоящее время в Томской области работают 8 профессиональных театров, более 100 музеев и 300 библиотек, около 300 центров и домов народного творчества, 2 выставочных зала, филармония, Областная библиотека им. А.С. Пушкина, старейшая публичная библиотека за Уралом. Мировую известность имеет Научная библиотека ТГУ. На территории Томской области поставлено на государственную охрану 996 памятников архитектуры, истории и культуры, в том числе 56 – федерального значения, в их числе: 613 – археологии, 162 – истории, 215 – архитектуры, 6 – искусства. Отличительной особенностью Томска являются памятники деревянного зодчества: особняк архитектора А.Д. Крячкова, жилой дом В.Я. Шишкова, усадьба купца Желябо, дом купца Голованова и др. В шести томских отделениях творческих союзов России объединено около 300 деятелей искусств, среди которых народный художник РФ А. Шумилкин, поэт-песенник М. Андреев, скульптор Л. Усов. В Томске жили и работали писатели Г.М. Марков, В.В. Липатов и многие др.

Томская область имеет давние спортивные традиции. Еще в 1890-х гг. в Томске были созданы об-ва любителей правильной охоты, любителей спорта, содействия физическому развитию. В начале XX в. действовали кружки велосипедистов, конькобежцев, футболистов, лыжников, шахматистов. В 1913 г. образовался Том-

ский спортклуб. В советское время действовал ин-т физ. культуры, руководимый В.С. Пирусским. Известные томские спортсмены – шахматист П.Н. Измайлов, олимпийский чемпион баскетболист С.А. Белов, лыжники И. Утробин и олимпийская чемпионка Н. Баранова (Масалкина). В области развиваются плавание, гимнастика, академическая гребля, прыжки с трамплина, фристайл. Клуб подводного плавания ТГУ «СКАТ» подготовил с 1959 г. более 100 мастеров спорта, обновил все рекорды мира. Сейчас в Томске и Северске действуют 8 стадионов, 7 лыжных баз, десятки клубов, есть стадионы в других городах области и райцентрах, проводятся спартакиады, корпоративные соревнования. Футбольная команда «Томь» единственная сибирская команда, играющая в высшей лиге страны. Известна северская хоккейная команда «Янтарь».

Литература

Плотников А.Ф. Нарымский край (5 стан Томского уезда, Томской губернии). Историко-статистический очерк. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1901. 366+25 с.; *Очерки* истории города Томска (1604–1954). Томск: Управление культуры Томского облисполкома, 1954. 325 с.; *Емельянов Н.Ф.* Город Томск в феодальную эпоху. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 224 с.; *География* Томской области / Под ред. А.А. Земцова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 244 с.; *Резун Д.Я., Васильевский Р.С.* Летопись сибирских городов: Новосибирское книжное издательство, 1989. 304 с.; *Численность* населения по каждому населенному пункту Томской области по итогам ежегодного учета и всесоюзных переписей населения за период с 1959 по 1989 г. Томск: Томское областное управление статистики, 1990. 95 с.; *Томская* область. Исторический очерк / Под ред В.П. Зиновьева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 656 с.; *Зиновьев В.П.* 50 лет Томской области. Томская область в далеком и недавнем прошлом // Томская неделя. 1994. 23 сент.; *Земля* парабельская: Сборник научно-популярных очерков к 400-летию Нарыма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 304 с.; *История* Северска / Под ред. В.П. Зиновьева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 257 с.; *Дмитриенко Н.М.* Сибирский город Томск. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 284 с.; *Томск* от А до Я. Краткая энциклопедия города. Томск: ЗАО «Издательство НТЛ», 2004. 438 с.; *Томск.* История города от основания до наших дней / Ред. Н.М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004, 463 с.; *Власть* в Сибири. XVI – начало XX в. Новосибирск: ИД «Сова», 2005, 695 с.; *Труды* ТГУ. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. Т. 267. Серия историческая. Судьба регионального центра в России (к 400-летию Томска). 252 с.; *Материалы* сайта Администрации Томской области /

http://tomsk.gov.ru/; *Национальный* состав населения Томской области // http://wgeo.ru/ russia/table.shtml?id=33&cjde/=70; *Народная* энциклопедия «Мой город». Томская область. Административно-территориальное деление // http://www/ moj-gorod.ru/tomskobl/ atd.html;

4.3. Нарымский колонизационный тупик

(Авторский вариант статьи для серии «Тобольск и вся Сибирь»)

Нарымский острог был основан в 1598 г. как форпост русской колонизации Сибири и пережил все метаморфозы, характерные для такого рода поселений: военный – административный – торгово-промышленный центр. Нарым недолго имел военно-стратегические функции. Граница быстро ушла далеко на юг. С 1604 г. Томск стал порубежной крепостью, которая не менее десяти раз подвергалась осаде кочевников в течение XVII в. Защищенный с юга Томским острогом Нарым имел только административные функции и до начала XIX в. был центром уезда Тобольской губернии, уезда малонаселенного и бедного. Ценного зверя здесь скоро выбили, зверопромышленники ушли на восток, крестьяне устремились на юг – в лесостепную зону, где было теплее и почвы более плодородные. В Нарымском крае задержались служилые люди для сбора ясака с инородческого населения, немногие крестьяне и торговцы.

По «Сибирскому учреждению» графа М.М. Сперанского Нарымский уезд был присоединен к Томскому, а Нарым оставлен за штатом уездных городов. В 1834 г. было упрощено управление городом. Нарым отнесли к городам малолюдным, управление которых состояло из городничего и городского старосты. В связи с этим была упразднена ратуша, должность городского старосты превратилась в общественную, содержание от Казны полагалось только городской канцелярии. Нарым лишился уездных органов – исправника с канцелярией, судебного заседателя, казначея, землемера. Вся власть была сосредоточена в руках отдельного (участкового) земского заседателя, а с конца XIX в. – станового пристава. Он правил от имени государя в 5 отделе (стане) Томского уезда, который назывался Тогурским и в который входили г. Нарым, 2 русские волости – Парабельская и Кетская и 24 инородческих волости. В 1878 г. в Нарыме, как и во всех городах империи, была проведена

реформа городского управления. Нарым получил право выбора гласных в городскую думу и городского старосты, но по реформе 1892 г. его включили в число городов, применение к которым правил самоуправления признавалось нецелесообразным «по недостаточности городских средств, свойству занятий населения и степени развития торговли и промыслов». Вместо городской думы Нарыму полагалось иметь собрание городских уполномоченных числом от 12 до 15, выборного старосту с двумя помощниками. Право выбора уполномоченных имели владельцы торгово-промышленных заведений, представители учебных, ученых, правительственных и благотворительных учреждений. Из всего этого набора в Нарыме имелись только торговцы, старостами и их помощниками в Нарыме поэтому всегда были представители местного купечества и мещан – Родюковы, Щепетильниковы, Агеевы, Соснины, Кайдаловы, Новосельцевы, Нестеровы, то есть представители тех фамилий, которых и сейчас в Нарыме немало.

О развитии города лучше всего свидетельствует динамика населения. В Нарыме за два века численность населения не изменилась. В 1802 г. число жителей обоего пола равнялось 1207, в 1916 г. – 1118, в 1989 г. – 1204. Максимальное число жителей отмечено в 1869 г., когда в Нарым прибыли ссыльные поляки и в городе еще оставалась воинская команда. Коренных жителей в крае насчитывалось в 1822 г. 6886 чел., в 1916 г. – 3645, русских в начале XIX в. – около 5500 чел., в 1916 г. – 18523 чел. Таким образом, численность всего населения края за век увеличилась вдвое, хотя число инородцев сократилось почти в два раза, а число русских выросло в 3,4 раза. Население же всей Томской губернии за это время увеличилось более чем в 10 раз. Нарымский край был колонизационным тупиком, он находился на обочине развития Сибири. Коренное население сокращалось, а старожильческое русское пополнялось за счет естественного прироста и ассимиляции аборигенов. Нарым стал краем ойкумены не для русских, которые не задержались в болотах в своем неудержимом стремлении на юг и восток. Он стал пределом движения на запад для тунгусов (эвенков), для тюрков (чатов) в их продвижении на север, для угров (хантов) – в их движении на восток. В центре болот спаслись от экспансии окруживших иноэтничных соседей потомки древних обитателей Западной Сибири самодийцев – селькупы. Несметные, на первый взгляд, лесные и водные богатства болотного края могли на самом деле прокормить мало людей, если они занимались в основном охотой и

рыболовством. Плотность населения была равна одному человеку на десять квадратных километров.

Столица комариного рая – Нарым не заслуживала звания города по своему экономическому значению. Нарым не имел ни промышленных, ни крупных торговых заведений, ни городского хозяйства. Бюджет города не рос. В 1888 г. доход составлял 3760 руб., расход – 4826, в 1916 г. – 3524 руб. и 3524 руб. соответственно. Основной доход получался с аренды и выдачи торговых свидетельств, расходы шли на содержание управления городом, полицию, благоустройство, городское училище. О том, чем занимались жители Нарыма, дает понятие первая Всеобщая перепись населения Российской империи, проведенная зимой 1897 г.

Таблица

Занятия населения г. Нарыма в 1897 г.

Род занятий	Самодеятельное население	Члены семей	Итого
Администрация и общественные службы	24	30	54
Воинская служба	7	3	10
Богослужение	5	14	19
Учебная деятельность	5	7	12
Врачебная деятельность	7	12	19
Прислуга	67	32	99
Призреваемые	8	-	8
Земледелие	3	4	7
Животноводство	62	211	273
Рыболовство	104	312	416
Обрабатывающие промыслы	25	52	77
Строительство	9	23	32
Пути сообщения	7	3	10
Торговля	28	56	84
Неопределенное	9	-	9
Итого	370	759	1129

Вся администрация гигантского края площадью в 198 тыс. кв. верст состояла из 24 чел. – станового пристава, канцелярских служителей и полицейских, городового старосты и его помощника. Из нарымских приставов наиболее известен А.Ф. Плотников, оста-

вивший историко-статистический очерк края (*Записки* императорского русского географического общества по отделению статистики. СПб., 1901. Т. X, вып. I. 366 с.). Столь малое число представителей власти не свидетельствовало, однако, о ее слабости. Весь край на самом деле жил по законам не государственного, а обычного права русских крестьян, хантов и селькупов, которые руководствовались в своей жизни веками складывавшимися традициями.

Из лиц интеллигентных профессий в Нарыме были заведующий местным училищем, участковый врач, фельдшер и повивальная бабка, заведующий почтовым отделением. Из врачей наиболее известен Виктор Николаевич Аккерман, оставивший подробный санитарный обзор рыбных промыслов на Оби. Об успехах просвещения в Нарыме можно судить по сведениям переписи 1897 г.: из 576 мужчин грамотными в Нарыме считались 47,5%, из женщин – 22,2%, трое нарымчан имели высшее образование, 3 – среднее специальное, 16 – среднее. Не такими уж сиволапыми были жители Нарыма, если в целом по Нарымскому краю грамотность русских равнялась 17%, инородцев – 4,7%, а грамотность всего населения империи не превышала 20%.

Владеть грамотой нарымским жителям было важно не для чтения книг долгими зимними вечерами, а для работы. Одним из наиболее почетных занятий горожан являлась торговля. Ею занимались немногочисленные томские купцы и мещане. Переписью 1897 г. учтено 28 торговцев, это много для маленького городка, но мало для всего края, в котором нарымские предприниматели налаживали обмен товарами. В Российской империи для того, чтобы иметь право на торговлю, нужно было выкупать свидетельство купца. В XVIII в. все торговцы стали называться купцами. По жалованной грамоте городам 1785 г. купцов разделили на три гильдии, назначили нижнюю планку для 3-й гильдии одну тысячу рублей объявленного капитала, для купцов 2-й гильдии – 5 тыс. руб., для 1-й гильдии – 10 тыс. руб. Первогильдейцы имели право торговать по всей империи и за ее пределами, второгильдейцы – торговать в пределах городов и на ярмарках, третьегильдейские – в пределах своих уездов и содержать трактиры. В Нарыме были в основном купцы 3-й гильдии. В 1806 г. их насчитывалось 52 души мужского пола. С 1807 г. для объявления капитала купца 3-й гильдии нужно было уже 8 тыс. руб., поэтому купцов в Нарыме стало 17 душ мужского пола. Больше всего купеческого населения в Нарыме было в

1860-е гг. Так, в 1865 г. купцов первой гильдии было 2, второй гильдии – 45, свидетельства на мелочный торг выбрали 54 чел. В купцы Нарыма часто приписывались жители других мест, чтобы не платить более высокие налоги в крупных городах. В 1868 г. была упразднена третья гильдия, а с 1898 г. можно было торговать по свидетельствам, не выкупая гильдейских лицензий, по этой причине численность нарымских купцов резко сократилась, в 1892 г. в купечестве Нарыма числились 23 чел., в 1909 г. – 2.

Обороты нарымской торговли были невелики. В 1888 г. в 8 лавках товары оценивались в 68465 руб., а продано было на 33158 руб., в 1898 г. оценено на 106 тыс. руб., продано – на 71 тыс. руб. Нарымчане продавали рыбу, пушнину, орех, покупали хлеб, мануфактуру, бакалейные, галантерейные, скобяные товары. Для организации торговли в городе в 1827 г. была переведена из Тогура ежегодная ярмарка, проходившая с 1 мая по 20 июня, построены торговые ряды из 26 лавок. Ярмарка официально просуществовала лет сорок, постепенно хирея. Товаров привозилось на 12–25 тыс. руб., продавалось до двух третей привезенного. Базарные дни во вторник и в пятницу также не привились в Нарыме. Тогур требовал ярмарку назад, в результате ярмарка перестала существовать. Ее заменяли лавки в городе, разъездные торговцы и их приказчики. Некоторые купцы предпочитали жить не в Нарыме, а в с. Тымском – Серяковы, в с. Колпашеве – Волковы, Колесниковы.

Торговцы объезжали инородческие юрты, крестьянские села по Кети, Тыму, Васюгану, Оби дважды в год: зимой – для скупки пушнины, осенью – для скупки рыбы. Князь Н. Костров, заведовавший статистическим отделением Томской губернии, так писал об этом: « …торговля была меновою и считалась прибыльною для обеих сторон, хотя простодушные дикари были очень часто в накладе. Но в настоящее время улов зверя стал заметно уменьшаться, отчасти от лесных пожаров, возникающих иногда от небрежности самих зверопромышленников, вследствие чего зверь ушел в другие, менее доступные места, отчасти от уменьшения самого числа звероловов. Теперь торговля пушным зверем незначительна или, по крайней мере, не так значительна, как была прежде лет 20 или 30 тому назад». Он, однако, отмечал, что торговля рыбой остается значительной. Летом рыбу везли в Томск соленой, в ноябре – мороженой, привозя взамен предметы одежды и продовольствия. Тогда же везли в Томск орех и бруснику. Цены росли: в 1864 г. пуд

нельмы стоил 4 руб. 75 коп., пуд осетра – 3 руб. 25 коп., стерляди – 1 руб. 90 коп., щуки – 70 коп.; в 1916 г. щука продавалась уже по 1,6–1,8 руб. за пуд, а стерлядь – 10 руб. пуд.

Из нарымских торговцев вышли томские купцы Родюковы, известны купеческие фамилии Прянишниковых, Щепетильниковых, Серяковых, реже выбирали купеческие свидетельства Соснины, Кайдаловы, Колесниковы, Сабинины. Многие торговцы, которых нередко называют купцами, таковыми не были.

Купцы и торговцы, кроме скупки и перепродажи рыбы, меха, ореха и ягод, занимались также организацией рыбных товарных промыслов. Песчаные отмели – пески и ямы – были традиционными местами лова. В Нарымском Приобье, по данным губернского землемера на 1835 г., песков для ловли рыбы большими неводами насчитывалось 41. Пески традиционно принадлежали инородцам, которые сдавали их в аренду (кортом) нарымским купцам и мещанам, русским крестьянам. Стоимость годовой аренды песка колебалась от 75 до 1000 руб.

В 1879 г. санитарный врач Аккерман во время инспекции рыбных промыслов нашел в крае 13 промыслов на стрежевых песках с 6 сотнями рабочих. Заведения обычно представляли собой несколько времянок-сараев для разделки, засолки и хранения рыбы, помещений для рабочих, пекарен, иногда – бань и помещений для управляющих или хозяев. Аккерман признал санитарное состояние удовлетворительным только на трех песках. Шалаши (кураль-маты) и землянки (карамо) вмещали обычно всю неводную артель 15–20 чел., и было в них чрезвычайно грязно. Аккерман писал в отчете в губернскую врачебную управу: «Рабочие помещаются в полуземлянках. Это деревянный сруб длиною в 5 сажен, шириною в 4 и по стенам в вышину 1 сажень, спущенный приблизительно на аршин в песок и покрытый отлогой крышей из теса; пол покрыт, только не везде, досками, по бокам устроены нары, в середине находится очаг, на котором горит почти постоянно огонь, дым которого проходит в отверстие, сделанное для этого в крыше». Это описание живо напоминает археологические реконструкции жилья древних обитателей долины Оби. В этом нет ничего удивительного, так как среди рыбопромысловых рабочих преобладали местные жители – селькупы и ханты. Другую часть составляли ссыльнопоселенцы, крестьяне и мещане из бедных.

Работа на песках начиналась с середины июня вслед за спадом воды. Сначала песок очищали от карч, используя в качестве тяги буксирные пароходы. Затем начинался собственно промысел. Орудие лова – стрежевой невод – представляло собой внушительную снасть в 700–1000 м длиной и со стенью от 8 до 20 м. На песке, как правило, находились две артели, которые менялись через день, делая за сутки 7–8 тоней, т.е. завозов невода. До Семенова дня (1 сентября) неводили только в светлое время суток, в сентябре – октябре – и день и ночь. Пойманная рыба до холодов хранилась в садах – проточных озерах, либо солилась. (Кстати, я родился в поселке Садовой на Парабели, думаю, что он был назван так не потому, что берега реки были покрыты цветущей черемухой, когда на них высадили ссыльных, а потому, что там было озеро-старица, которое рыбаки использовали как сад). В ноябре рыба из садов вычерпывалась и обозами отвозилась на томский рынок.

Хороший песок давал арендатору высокую прибыль. Так, в 1882 г. Князь-Ивановский песок при 6900 руб. затрат дал 9238 руб. дохода. Мизуркинский песок в том же году при 9,3 тыс. рублей затрат дал 22460 руб. дохода. Было поймано 8937 пудов рыбы, в том числе 1112 пудов осетра, 1800 пудов стерляди, 2700 пудов муксуна, 1250 пудов язя, 875 пудов сырка, 200 пудов нельмы, 1000 пудов соровой белой рыбы. Добычу всех нарымских песков определяли во второй половине XIX в. в 10 тыс. пудов осетра, 40 тыс. пудов стерляди, 40 тыс. штук муксуна, 100–300 тыс. штук сырка, 200–1000 тыс. штук язя и 3 тыс. пудов нельмы. Современники отмечали падение промыслов ценной рыбы, так как в 1843 г. было поймано 166 тыс. штук муксуна. Кроме ценной рыбы, которая шла в учет, оставалась местная соровая рыба, шедшая на питание рыбаков, на заготовку впрок работниками из остяков. Население Нарымского края ловило для себя не менее 200 тыс. пудов рыбы, т.е. больше, чем на крупных капиталистических промыслах.

Самым заметным из нарымских рыбопромышленников был Семен Степанович Валгусов (1826–1890), томский первой гильдии купец, который скупил в 1880-е гг. основные промыслы края, а местных богатеев Родюковых сделал своими приказчиками. В марте 1883 г. С.С. Валгусов купил всю будущую годовую добычу с Князь-Ивановского песка у Ивана Семеновича Родюкова за 6,5 тыс. руб., а затем и всю обстановку Князь-Ивановского и Чилинского песков (5 неводов, неводники, бочки, котлы, мережу, юф-

тевые бродни, товары в нарымской лавке) с 90 нанятыми рабочими за 18 тыс. руб. Продавец же стал распорядителем на своем бывшем песке.

Рабочими и служащими на рыбных промыслах С.С. Валгусова обычно были жители Нарыма и его окрестностей. В книге томского публичного маклера сохранился ряд контрактов Валгусова с приказчиками. Вот один из них: «№ 261 Томск. 1885 года марта 30 дня я нижеподписавшийся нарымский мещанин Иван Иванов Денисов заключил сие условие с пот. Почетным гражданином томским 1 гильдии купцом и кавалером Семеном Степановичем Валгусовым в том, что я Денисов изъявил добровольное согласие поступить к г. Валгусову на его рыболовный песок, на кокой определен в качестве служащего, на каковую обязанность я Денисов должен поступить с 1 ч. Июня и находиться по 20 ч. Ноября настоящего 1885 года, за все время служения рядил я Денисов получить с г. Валгусова жалованья семьдесят пять рублей, в число которых при заключении сего условия получено мною двадцать пять рублей, а затем остальные получать по мере заслуги и надобности, не забирая вперед, а в случае если по расчету останусь должен г. Валгусову, то перебор таковой обязан уплатить г. Валгусову я Денисов обязан вести себя честно и трезво, к г. Валгусову семейству его и доверенным от него лицам иметь должное уважение и исполнять из приказания, до окончания срока сего условия я Денисов отойти от г. Валгусова права не имею, Он же может уволить меня во всякое время, на что я протестовать не должен. Условие обязан хранить свято и ненарушимо. В том и подписуюсь нарымский мещанин Иван Денисов».

Другим промыслом, который появился во второй половине XIX в. и дал серьезный доход местным жителям, была доставка дров, продовольствия и льда на пароходы. В конце XIX в. по рекам Западной Сибири ходили не менее сотни паровых судов, для которых требовалось около 40 тыс. куб. саженей дров или 400 тыс. кубометров. В погонных саженях однополенных дров, в которых обычно велся счет, это составляло 120 тыс. саженей. Заготовка такого объема дров имела промышленное значение.

Пароходные компании заказывали обычно дрова не лесорубам, а подрядчикам-посредникам из состоятельных людей, которые могли организовать заготовку и поставку дров на пристани и с которых в случае невыполнения контракта можно было взыскать не-

устойку. В 1870-е гг. случайные контакты продавцов и покупателей дров для пароходов сменились отлаженной в деталях системой снабжения судов топливом. Определились удобные места складирования и погрузки дров на пароходы: на Оби (от устья Томи до Сургута) – Жуково, Колпашево, Нарым, Подъельники (Ильино), Тымское, Старица, Кальджа, Прохоркино, Мегипугольский Яр, Лумпокольское, Чистая протока, Белый Яр. Завязались долговременные контакты дровопромышленников и пароходных компаний. В Колпашеве стали поставщиками торговцы Коновалов и Волковы, от Нарыма до Белого Яра – купцы К.А. Серяков и К.С. Прянишников. Объем поставок дров и стоимость контрактов были, по сибирским понятиям, солидными. В 1877 г. купец К.А. Серяков поставил пароходству Колчина и Игнатова 1760 погонных саженей дров на 3 тыс. руб. на пристани Тымскую и Мегипугольскую. В 1878 г. Он же поставил пароходам купчихи Плехановой 400 погонных саженей дров на 640 руб. на пристани Нарымскую, Тымскую и у Мидякульских юрт. Договора пароходовладельцев и поставщиков дров были однотипными. Они предусматривали, чтобы дрова «были хорошего качества, сухие, негнилые, без кругляшей и вполне оплаченные пошлиною попенною и посаженною, длины каждое полено пяти четвертей, толщиною в расколе не менее двух с половиною вершков. Кладка пятериков без пролетов самая плотная, вышина двенадцать четвертей, длина пять саженей и в каждом пятерике две клетки». Если перевести эти слова на современный язык, то выяснится, что поставщик дров обязан складировать дрова в поленницы длиною около 11 м, высотой в два с небольшим метра, из 90-сантиметровых поленьев, толщиною не менее 14 см, с клетками по краям для устойчивости. Дрова должны были находиться в удобном для подхода судов месте. Ночью склад должен был обозначаться кострами или фонарями, охраняться караульным за счет поставщика. При убыли воды дрова должны были переноситься ближе к берегу. За счет поставщика сооружались мостки для переноски дров на пароход. Погрузка дров была уже обязанностью команды парохода.

При дровяных складах также находились ледники для поставки льда. Холодильников в XIX в. не было, и сохранить скоропортящиеся продукты помогал лед, заготовленный с зимы в ямах, закрытых опилками и соломой. Дровяные подрядчики поставляли также съестные припасы – хлеб и мясо. Особенно в них нуждались караваны барж с арестантами и переселенцами. Так, нарымский купец

И.А. Новосельцев в 1878 г., кроме 500 саженей дров, обязался поставить компании Колчина и Игнатова тысячу пудов хлеба и 200 пудов мяса. На лето он нанял хлебопека. Стоимость припасов – 1000 руб. – была даже выше, чем дров (800 руб.).

Квинтилион Самсонович Прянишников в 1884 г. обязался поставить 1000 саженей дров в Нарым, 400 саженей дров в Тымск, 800 саженей дров в Мегипуголский Яр и 300 саженей дров на Светлую Протоку, всего 2500 саженей дров на 6000 руб. и продуктов на 1150 руб. В 1896 г. крупнейшим поставщиком дров был Константин Александрович Серяков. Он обязался поставить для пароходов разных компаний 1000 саженей дров на 2400 руб. на пристани Нарым, Ильино, Тымск, Старица, Кальджа, Прохоркино, Мегипугольский Яр, Лумпокольское.

К.А. Серяков и К.С. Прянишников заключали контракты с пароходчиками осенью, а зимой нанимали работников из числа нарымского «пролетариата» и «цивилизовавшихся», то есть утративших свой традиционный род занятий, остяков (ханты и селькупы). Летом они работали на неводах, с осени проедались и искали зимнего заработка. «Купцы-благодетели» их уже поджидали для найма на лесные работы. Квинтиллион Прянишников нанимал человек 40 с платой по 6 руб. в месяц. Обязательной нормой (уроком) дневной выработки на работника были три четверти погонной сажени дров, поваленных, распиленных, расколотых и уложенных в поленницы для замера. За сверхурочную сажень работник получал по 50 копеек. Работники получали по условиям найма по 2 фунта мяса в день, хлеб и винную порцию по праздникам. На место работы лесорубов доставляли на санях, обратно – на пароходах. При найме выдавался задаток по 10 руб. на человека. Для нарымчан условия совсем неплохие, однако они не всегда выполнялись, а это служило причиной для взаимных претензий. В зиму 1881/82 гг. Прянишников нарушил все условия контракта с работниками: кормил их только хлебом и чаем, обманывал при замере уроков, продавал товары по двойной цене, усмирял недовольных мордобоем, заставил работать дольше контрактного срока – 1 мая. Работники отказались от работы и уехали в Нарым, где подали жалобу отдельному заседателю. Результат ее неизвестен. Подсчет показывает, что Прянишников вел выгодное дело. Он получал от пароходчиков по 2,5 руб. за сажень дров, сам платил рабочим по 60 коп. и налога по 63 коп. Доход его составлял 1 руб. 27 коп с сажени, при поставке

2,5 тыс. саженей он мог получить 3175 руб. чистой прибыли. Эта история произошла в Сургутском уезде в 350 верстах ниже Нарыма, о чем и поведал корреспондент «Сибирской газеты» (1882. 18 июня).

Константин Серяков обращался с работниками не лучше. Он нанимал остяков (хантов) с оплатой по 3–4 руб. в месяц, урок задавал по 1 сажени дров в день, штрафовал, сажал наказанных в холодный сарай под арест, сек рабочих розгами. «Сибирская газета» по этому поводу сообщала в 1881 г.: «Остяки, большею частию, терпеливо переносят всевозможные притеснения и только раз, два года тому назад, вследствие чрезмерно жестокого с ними обращения, подняли ссору с одним из приказчиков, затем драку, которая и окончилась убийством». Прянишников и Серяков были полными хозяевами на реке. Они скупали рыбу, перо, пушнину, орех, ставили стрежевые невода, брали подряды на снабжение пароходов. Они давали заработок местным жителям, не забывая, конечно, и свои интересы. Более состоятельные мещане Сургута и Нарыма предпочитали обходиться без таких посредников при заготовке пароходных дров и добыче рыбы.

В XX в. пароходы перешли на каменный уголь, однако еще в 1950-е гг. я видел на Оби закопченные буксирные пароходики с поленницами дров на корме.

Существовал в Нарыме особый слой людей, занимавшихся ремеслами, то есть тех, кто ладил нехитрый скарб для местных жителей из железа, кирпича, дерева, кожи и ткани. В XIX в. их насчитывалось 2–3 десятка на весь город. Уровень их мастерства, как замечали бытописатели, «едва ли могут удовлетворять даже незатейливые требования обывателей», но город не мог обойтись без печников, плотников, столяров, кузнецов, портных, сапожников, слесарей. Примитивность быта, хозяйственного уклада не требовала особого профессионализма и специализации. Большинство нарымчан основные предметы домашнего обихода и орудия труда привыкли делать сами.

Нарымские мещане, составлявшие от 60 до 80% всех жителей города, были универсалами. Жизнь их заполнялась разнообразной работой, зависящей от времени года. Зимой мещанин был торговец, охотник, извозчик, рыбак, ближе к весне – лесоруб и сплавщик, летом – вновь рыбак и косарь, осенью – шишкобой и ягодник. В промежутках между названными занятиями он же был плотник,

столяр, оружейных дел мастер, умел вязать сети, делать лодки, плести корзины и морды. Домой он чаще всего возвращался на короткий отдых. Вот тут его, праздного и пьяненького, видели чиновники и заезжие грамотеи и создавали в своих описаниях Нарыма образ медленного на движения и на мысль обывателя. Например, пристав А.Ф. Плотников писал об обитателях подведомственного ему града так: « …беднота и лень окончательно обуяли жителей Нарыма; апатичные ко всему (разумея мещан) и чуждые всего, что могло бы просветлить их ум, они не имеют никаких полезных развлечений; молодое поколение часы досуга (а их несть числа!) старается провести в кабаке или около ренскового погреба. Таких единственных мест развлечения, для приятного препровождения времени, в Нарыме целых три (одно приходится на 61 дом). О театре и клубе многие из «граждан» не имеют и элементарного понятия, а знают они только свои «ловушки», но и ими развлекаются тогда только, когда видят истощение своего продовольствия; в это время они отправляются «на промыслы», а затем снова предаются лени. Так идут дни за днями, годы за годами». Если бы пристав сам занимался «развлечениями» нарымских мужиков, то и он бы к 40 годам уже износился физически и требовал бы помощи старших сыновей. Чтобы выжить в условиях суровой и скудной на дары нарымской природы, нужны были не лень и скудоумие, а смекалка, истинное трудолюбие, артельная выручка, постоянная готовность идти на риск, навстречу опасностям и лишениям. Всем этим в полной мере обладали мои земляки.

Мещане города, вне зависимости от основного занятия, имели усадьбы с порядочными огородами, теплые стайки для скота, крепкие дома, конюшни, бани, ледники. Скота держали помногу, так как иначе негде было взять мяса, масла, молока, шерсти, кожи на чирки и бродни, шкур для одежды и теплой обуви.

Количество скота в Нарыме, хотя и колебалось по годам из-за эпизоотий, оставалось в пределах 1000–1500 голов крупного рогатого скота, 600–1000 лошадей, 400–700 овец. Свиней в Нарыме почти не держали, нечем было кормить. Только в XX в., когда картофель стал обычным для нарымских огородов, появилась кормовая основа и для хрюшек. Прочий же скот обходился сеном. Благо, лугов вокруг Нарыма немерено. Любопытно, что за сотни лет северная граница нарымских покосов так и не ушла дальше реки Исан в 5–10 верстах от города. За сотни лет тысячи тонн трав были

переведены в навоз и удобрили нарымские огороды, толщине чернозема на которых могут позавидовать и владельцы тамбовских пашен.

Кроме обычного сельхозинвентаря, нарымчане имели лодки-обласки (долбленные из цельного ствола осокоря), неводники из досок, большое количество рыболовных снастей для разных пород рыб и разных времен года: ставные сети для мелкой рыбы – частовики, для крупной рыбы – режевки, бредни, невода, столбы (куклы) мережи для запоров, чердаков и кривд, плавежные сети, морды, фитили с крыльями и без них, самоловы, переметы, остроги, уды. Рыбу ловили круглый год. Зимой – духовую рыбу в заморных водоемах, ближе к весне – атармами, весной – чердаками, кривдами – огромными сачками на жердях, по сходу льда – сетями, фитилями на сорах, при скате воды – запорами, сетями, с июля по сентябрь – бреднями, неводами, самоловами, мордами, переметами, по установке льда – подледными неводами, сетями, самоловами. Каждый хозяин ловил рыбу для себя. Для неводьбы сбивались в небольшие артели. На продажу шли излишки пойманной на ямах осенью стерляди, небольшая часть весенней «вонзевой рыбы» в соленом виде.

Основную же часть товарной рыбы давали стрежевые пески, девять из которых принадлежали городу Нарыму. Нарымские мещане неохотно шли в услужение к более богатым землякам, обычно наемными работниками были инородцы. Иной раз рыбопромышленники были вынуждены везти рабочих с Волги, за неимением свободных рук на месте. Добыча товарной рыбы в Нарымском Приобье в XIX в. равнялась 100–130 тыс. пуд. на 130–170 тыс. руб., в начале XX в. она оценивалась в 200 тыс. пуд. на 360 тыс. руб.

В связи с тем, что рыбная ловля имела очень важное значение для нарымских жителей, они нередко спорили с крестьянами окрестных деревень и инородческих селений за право пользоваться рыбными озерами, курьями, протоками, за право ставить запоры на рыбных реках. В начале XX в. к рыболовным угодьям Нарымского лесничества стало проявлять интерес Управление государственных имуществ и объявило казенными оброчными статьями более-менее доходные водоемы и сдало их в аренду с торгов. Права арендаторов были оспорены местными жителями, считавшими эти водоемы своими традиционными промысловыми угодьями. С детства знакомые мне речки – Исан, Нарымская протока, озеро Сагарма, как говорят архивные документы, были сданы с

торгов, хотя ими всегда пользовались нарымские мещане и селькупы юрт Тюхтеревых. В число оброчных статей не попали озера Тюхтеревский Чвор, Б. и М. Карлыки, Люженское, Городищенское, Дикое. Последнее озеро удостоилось внимания И. Завалишина, в «Описании Сибири» которого читаем: «Недалеко от города Нарыма есть озеро называемое «диким», в котором, по уверению жителей, водятся «нечистые духи». Ни один селькуп не подойдет к этому озеру даже зимой. По поверьям, в Диком водятся чудища «Кожары», а в соседнем озере Согарма живут «Косоазы». Когда они воюют, горит тайга, ужасающе трещит лес, а зимой беснуются бураны». От Дикого озера идет заросший мхом прокоп в сторону протоки из озера Согарма. Раньше по нему тек ручей. По местным преданьям, прокоп сделали работники купца Родюкова, чтобы выловить рыбу. В озере на самом деле сейчас водятся тощие прогонистые щуки и постные мелкие окуни, ради которых не стоило огород городить.

Охота не занимала большого места в жизни нарымчан, ведь они были жителями речной долины, дававшей пищу и работу круглый год. Для себя мещане добывали при случае и лосей, и медведей, и белок, при везении – соболей. Чаще охотились на птицу с ружьями, а на линную и пролетную – с сетями. Самостоятельная охота сочеталась со скупкой шкур и мехов у инородцев – селькупов, хантов, эвенков, живших по притокам Оби. Заработок приносила также заготовка кедрового ореха (до 5 тыс. пуд.) и брусники.

Заготовленное для продажи вывозилось зимой по Нарымскому тракту в Томск. В XVII в. ни зимнего, ни летнего пути между Томском и Нарымом не было, действовала верховая тропа от Тары до Нарыма. С заселением Томского уезда утвердился зимник от Томска, который шел несколькими маршрутами по левой стороны Оби, затем у с. Тогур переходил на правую сторону и шел до Нарыма. В начале XIX в. дорога приобрела статус уездного тракта (427 в.), была обустроена как колесная на отдельных участках: Томск – Богородское – Николаевское, Колпашево – Новоильинское, Калинак – Парабель – Чигара, Ильинское – Каргасокское. В начале XX в. зимник имел статус почтового и земского тракта № 15. Он шел по маршруту: Томск – Нелюбинское – Богородское – Казырбатские юрты – Жукова – Молчановское – Тагачинские юрты – Кананкина – Пятковские юрты – Тайзаковские юрты – Косоговские юрты – Трубачева – Брагина – Карнаухова – Ново-Ильинское – Тогурское –

Иванкина – Сагайдуковы юрты – Ласкины юрты – Нарым, всего 442 версты. Зимний путь до Нарыма на почтовых стоил 17 руб. 14 коп. Ремонт и содержание дорог входили в обязанность местных крестьянских обществ.

Летом связь Нарыма с внешним миром шла по реке. До появления пароходства в 1840-х гг. грузы в город доставлялись барками, которые затем разбирались. Транзит осуществлялся судами, которые против течения поднимали лямочные рабочие, были на Оби и коноводки.

Малолюдность города, экономическая немощь обитателей формировали и его облик. Управители города, редкие путешественники, ссыльные не жалели при описании Нарыма уничижительных слов. Оно и понятно, для этих господ город был местом временного, часто вынужденного пребывания. Городничий Мыльников в 1818 г. писал: «Поелику город … Высочайше утвержденного плана не имеет, то и производится домов строение, смотря по удобности и способности месторасположения, вместо обветшалых на тех же самых местах, где прежние существовали … В большие наводнения поднимается почти весь город водою и не более как домов до 30 на сухом месте». Стало быть, дома в городе лепились без всякого порядка на более-менее высоких местах.

Это подтвердил князь Н. Костров лет через пятьдесят. Он отметил, что «вид Нарыма производит грустное впечатление. Город построен без всякого порядка, улицы узки, кривы, упираются одна в другую, так что в случае значительного пожара не может быть спасения ничему». В Нарыме он увидел один каменный дом и 5–10 хороших зданий из 164, а также заметил, что «лавки, городу принадлежащие, также пусты, заперты и сгнили». Еще через 30 лет пристав А.Ф. Плотников описал свою «столицу» с превеликим сарказмом: «Город Нарым в настоящее время представляет из себя жалкую деревню. В нем всего 183 дома, которые за исключением двадцати, принадлежащих купечеству и разным более или менее состоятельным людям, пришли в ветхость и едва ли владельцы в состоянии их ремонтировать, так как беднота и лень окончательно обуяли жителей Нарыма». Оставив на совести автора замечание про лень нарымчан, соглашусь с ним в том, что «вообще в Нарыме нет ничего такого, чем бы он мог оправдать название города». Действительно, город представлял тогда и сейчас представляет порядочное по размерам село, разбитое на четыре части, которые суще-

ствуют до сих пор: Пароходная пристань на Оби в полутора верстах от города, предместье Камчатка на том же обском острове, что и пристань (сейчас это пос. Шпалозавод), собственно Нарым за безымянной протокой и Заполойное предместье за озером Полой. Через Полой есть мост, а через протоку имелся перевоз. Сейчас протока стала значительно шире, чем век назад, она уже смыла половину старого Нарыма и продолжает это делать, заставляя Нарым пятиться в направлении Колина бора.

Из выдающихся заведений в городе были 9 торговых лавок, 2 погреба вин, питейная лавка, винный склад, хлебозапасный магазин, пороховой погреб для снабжения охотничьими припасами инородцев, 2 кирпичных сарая (для выделки кирпичей), училище, открытое как уездное в 1789 г., закрытое в 1823 г. и вновь открытое в 1852 г. как городское, больничный покой.

Неприглядности города способствовало его крайне неудачное расположение. Длительные половодья, постоянное перемещение русла Оби и ее протоки, заставляли администрацию искать лучшего места для Нарыма еще и в XIX в. В 1833 г. даже было принято решение перенести город на две версты восточнее и запрещено строить новые дома, но потом о решении забыли.

Нарым украшали три церкви: каменный Крестовоздвиженский собор, построенный в 1817–1827 гг. вместо деревянной церкви на средства купца Алексея Семеновича Родюкова; Спасский собор – на берегу протоки, построенный на месте деревянного, также Спасского собора в 1770 г. и закрытый по неимению прихожан в 1831 г. (сейчас это место смыто протокой); Петропавловская кладбищенская церковь, построенная в 1770-е гг., перестраивавшаяся в 1844 и 1893 гг., но так и не доведенная до завершения. Когда я учился в Нарымской школе, церкви уже не было, а старое кладбище служило нам местом игр. На старых памятниках еще легко читались имена прежних жителей Нарыма. Летом 2009 г. я снова был в Нарыме и нашел только четыре памятника да бутафорские надгробия политссыльных.

Водомойное и водотопное место люди не покидают вот уже четыре века. Комплексное хозяйство нарымчан сделало их жизнь относительно обеспеченной и стабильной. В 1897 г. на 229 дворов приходилось 1129 жителей, т.е. по пять душ на одно хозяйство. Дети росли, а население города – нет. Тайна объясняется просто – нарымчане сотнями уезжали на заработки и не возвращались. Только

в 1888 г. было выдано 811 билетов на отлучку. Нарымских мещан числилось в 1899 г. 3500 чел., или в три раза больше населения города. За три века население Нарыма не увеличилось, традиция уезжать и не возвращаться сохранилась: большая часть моих одноклассников живет в Томске, Колпашеве, Новосибирске и других городах России. Средняя школа, основательности которой позавидует любая городская, сейчас главное предприятие Нарыма. Во главе нее уже четверть века стоит мой однокурсник Расим Юсупович Саитов. Она, как и 220 лет назад, дает основную продукцию города – крепких, смекалистых и грамотных сибиряков.

Нарым не исчез, как Зашиверск или Мангазея, не стал крупным городом, как Томск или Красноярск. Он замер в ожидании поворота судьбы. Мимо него прошли волны индустриализации, освоения нефтегазового севера, не способствовали росту ни царская, ни сталинская ссылки. Может быть, Нарым станет базой для освоения нефтяных месторождений правого берега Оби и его ждет судьба Сургута, казаки которого и построили Нарым в свое время?

4.4. Ссыльный край

(Авторский вариант статьи для альманаха «Тобольск и вся Сибирь»)

Неприветливый и небогатый край не привлекал пришельцев, однако контролировать его было необходимо, по этой причине недостаток добровольцев возмещался с самого прихода сургутских отрядов принудительным поселением здесь служилых людей и крестьян. Историк Н.Ф. Емельянов считал ссылку главным способом пополнения нарымского населения. Первыми ссыльными в Нарым он назвал 9 поморских крестьян, определенных для земледелия на р. Парабель в 1632 г. Упомянутые среди первых поселенцев Костаревы до сих пор одна из самых частых фамилий в Парабельском районе. В 1677 г. к ним добавили еще 5 ссыльных крестьян. Гарнизон Нарыма собирали из бывших врагов Московии. В 1633 г. сюда отправили «турецких сидельцев», в 1646 г. – немчина Дула, в 1662 г. – 9 литовцев и поляка-иезуита. Пленные литвины были обычным ресурсом пополнения рядов сибирских служилых людей. Среди ссыльных значились черкасы и запорожцы, русские и

цыгане, калмыки и монголы. В 1710 г. нарымчанами стали 4 шведа. Служилый «интернационал» боролся и с непривычной природой болотного края и с неуступчивыми жителями, из которых ясак приходилось выбивать силой. Иной раз в стычках с селькупами и хантами гибло до десятка служилых людей. Научились ссыльные воины растить хлеб, ловить рыбу и бить зверя, чтобы дополнить скудное государево жалованье. От служилых людей и крестьян XVII в. ведут свою родословную нарымские фамилии Нестеровых, Трифоновых, Перемитиных, Деевых, Костаревых, Скирневских, Родиковых, Барышевых, Бобылевых, Выметниных, Фатеевых, Новосельцевых и др. В 1725 г. в Нарымском уезде насчитывалось более 1000 душ в 20 русских селениях из 323 дворов. Ссылка из числа уголовно или административно наказанных осталась постоянным, хотя уже и не главным, способом пополнения числа нарымских жителей в XVIII–XIX вв. В 1899 г. в Нарымском стане насчитывалось 99 крестьян из ссыльных.

В XIX в. Нарымский край стал использоваться как большая тюрьма без замков для ссыльных по политическим мотивам. Первыми были декабристы Н.О. Мозгалевский и П.Ф. Выгодовский (Дунцов). За ними последовали участники польского восстания 1863 г. С 1864 по 1874 г. они приезжали в Нарым на поселение. Было их немного, и в Нарыме они не задерживались, всеми способами старались выбраться в Мариинск, Каинск, Кузнецк, Колывань. В 1872 г. их было в Нарыме 8, а в конце века – 6 человек. Поляки оставили после себя не только воспоминания, но и двухэтажный дом на берегу Полоя. Судя по его размерам, в нем не могло жить одновременно более десятка человек. Дом сохранился, отреставрирован, и сейчас в нем находится администрация Нарымского поселения.

Имена некоторых ссыльных поляков остались в истории – Фома Осипович Булгак, Юлиан Викентьевич Бескерский, Михаил Жуковский, Каспер Залевский, Антон Осипович Карвовский, Константин Яцковский, Михаил Андреевич Рошелественский, Колышко, Эльчинский, Сенкевич. Большинство жило на казенный счет или на посылки родственников, работали немногие, не позволяли дворянская спесь и отсутствие навыков. А. Карвовский был доверенным у купцов Родюковых, Сенкевич – у виноторговца Исаева.

Более знаменитым и деятельным был ссыльный народоволец из поляков Болеслав Петрович Шостакович, дед знаменитого компо-

зитора и сам незаурядная личность. Он был арестован в Казани по делу Ишутина – Каракозова в 1866 г. и приговорен к ссылке в Сибирь. Его оставили в Томске и дали место писца в губернском управлении, но за встречи с проезжавшими ссыльными сослали в Нарым. Приютили Болеслава Петровича ссыльные соплеменники – повстанцы. В Нарыме Б.П. Шостакович до 1877 г. перебивался разными работами, торговлей, объездил край и оставил замечательное сочинение «Промыслы Нарымского края», которое до сих пор не утратило научного значения.

Настоящего исследователя Нарым получил в лице административного ссыльного Николая Петровича Григоровского, который жил в с. Новоильинском с 1867 по 1883 г. Он настолько вжился в наш край, что не уехал даже тогда, когда закончился срок ссылки. Н.П. Григоровский занимался просвещением и изучением Нарымского Приобья. Он составил словарь селькупского языка, перевел на него Священное Писание и издал азбуку в Казани, опубликовал в записках Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества полтора десятка статей с описанием быта нарымских жителей – русских, селькупов, хантов. Летом 1882 г. он совершил по заданию РГО экспедицию в Васюганье.

Вторую волну ссылки Нарым пережил в 1906–1918 гг., когда сюда отправили участников революции 1905–1907 гг., а в период войны – неблагонадежных из прифронтовой полосы. По документам полиции выясняется, что нарымская ссылка состояла из двух основных элементов – политического и уголовного. Политические административно-ссыльные высылались на основании 34-й статьи Положения о государственной охране. Они составляли девять десятых ссыльных в довоенный период. Из общего числа сосланных под гласный надзор полиции в Нарымский край, по подсчетам историка Э.Ш. Хазиахметова, политические в 1906–1910 гг. составляли 2370 чел. из 2618. В период войны, наоборот, большинство ссыльных составляли рецидивисты из арестантских рот, отправленные на поселения в отдаленные места. Так, в 1915 г. из 2745 нарымских ссыльных уголовники составляли 2002 чел., иностранцы 597 чел., политические – 147 чел. К 1917 г. после призыва на военную службу политических в Нарыме остались 683 иностранца, 1029 уголовников, 56 политических ссыльных женщин и мужчин негодных к военной службе. В самом Нарыме больше всего ссыльных было в 1908 г. – 328 человек, в 1917 г. –

25 чел., остальные были расселены в деревнях по Оби, Кети, Парабели.

Политические, вне зависимости от партийной принадлежности, продемонстрировали властям и местным жителям, что являются не преступными, а лучшими гражданами России, грамотными, культурными, организованными, гуманными. Настороженное к ним отношение нарымчан достаточно быстро прошло. Ссыльные, прежде всего, наладили свой быт. Они были размещены по домам нарымских обывателей по одному или группами по 2–5 чел., в зависимости от имеющихся средств. Размер пособия ссыльным зависел от их сословной принадлежности, дворянам (их было 5%) полагалось 12,75 руб. в месяц, прочим – 6,3 руб. Кроме того, каждому ссыльному в год выдавалось 18–28 руб. на одежду. Родные присылали в среднем по рублю – полтора в месяц на каждого. Существовать на 10 руб. в месяц было сложно без дополнительных заработков и подсобного хозяйства. Заработок же в Нарыме был сезонным и скромным – на рыбной ловле, сборе ореха, ягод, заготовке сена, дров. В большинстве своем борцы за народное счастье к физическому труду не были способны и от нарымских «развлечений» быстро уставали. Уездный исправник Пелиошевский писал: «В течение трехлетней моей службы в Томском уезде я заметил, что ссыльные совершенно непригодны к физической работе, как состоящие из лиц, которые добывали себе средства к существованию физическим трудом; те же ссыльные, которые до ссылки занимались физичским трудом, в редких случаях не находят себе работу. Служба на бакенах, работниками у крестьян, сторожем, приказчиком, при большом желании могла быть доставлена ссыльному, если бы он только этого захотел». Это так, но в период максимального притока ссыльных вряд ли они все могли найти работу в Нарыме.

Чтобы выжить и сохранить здоровье, ссыльные объединялись, помогали друг другу. В Нарыме они организовали общественную столовую в доме мещанки Агеевой на берегу Протоки, а с 1907 по 1911 г. – в доме мещанина Колотовкина на центральной улице. Там же разместилась библиотека. Столовая фактически заменяла ссыльным клуб и общественное собрание. Летом 1911 г. в дополнение к этому был организован потребительский кооператив для продажи самых необходимых товаров: чая, сахара, керосина, махорки. Для выпечки хлеба завели пекарню. Для организации досуга ссыльные арендовали у купца Александра Родюкова большой ста-

рый дом, отремонтировали его и устроили театр. Он открылся 24 декабря 1909 г. Режиссером был профессиональный актер А.И. Ястребов, директором социал-демократ Анатолий Александрович Предтеченский. Труппу театра составили М.П. и Н.Г. Кожевниковы, Я.М. Савченко, И.Н. Харламов, Т.С. Шпак, С.А. Новоселов, Р.А. Габис, И.Л. Жилин, нарымчанка О.В. Чечельницкая, художником был К.Е. Фомин. Ставились пьесы Л.Н. Андреева, А.С. Пушкина, А.Н. Островского, А.М. Горького, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова. Театр был важен не только для ссыльных, но и для обывателей Нарыма. Все это было возможно только при содействии либерального станового пристава Алексея Трофимовича Овсянникова и попустительстве губернатора Николая Львовича Гондатти. Новый губернатор П.К. Гран в 1912 г. запретил и столовую, и кооператив, и библиотеку, запретил ссыльным охоту и отлучку на промыслы, разослал их из Нарыма по деревням. Столовая сохранилась как семейная на квартире ссыльного А.В. Мандельштама.

Политические ссыльные, кроме организации досуга и пропитания, занимались также борьбой с уголовниками, организацией побегов, протестов в виде демонстраций, собраний и митингов. Они откликались на все события общественной жизни страны. Для координации действий проводились делегатские съезды, было образовано Центральное бюро. Бюро представляло нарымскую ссылку в печати, разрешало внутренние конфликты, организовывало побеги и акты протеста. Членами бюро были А.Н. Асаткин и А.А. Предтеченский. Поддерживалась связь с Томским комитетом РСДРП и беспартийным Красным Крестом. С 1910 г. работала партийная школа наподобие школы в Лонжюмо. Организованность ссыльных Нарыма проявилась в 1916 г., когда социал-демократы, социалисты-революционеры и анархисты-коммунисты образовали Военно-социалистический союз из мобилизованных в армию. Союз развернул деятельность в Томском гарнизоне и сыграл решающую роль в свержении царской власти в Томске в феврале 1917 г. В бюро Союза входили большевики Н.Н. Яковлев, В.М. Косарев, А.В. Шотман, эсер С.А. Кудрявцев.

Нарымскую ссылку прошли многие известные революционеры, позже ставшие крупными государственными деятелями, будущие противники, жертвы и палачи. Но в Нарыме они все были вместе: большевики В.В. Куйбышев, Ю.К. Данишевский, А.И. Рыков, И.В. Джугашвили, А.Ф. Иванов, Н.Н. Яковлев, В.М. Косарев,

В.Н. Яковлева, Я.М. Свердлов, И.Н. Смирнов, В.Д. Вегман, А.В. Шотман, А.В. Шишков – будущий комиссар Нарымского края, меньшевики – И.И. Маловичко, В.Е. Мясоедов, А.А. Предтеченский, Я.М. Витол, В.К. Цауне, социалисты-революционеры С.А. Кудрявцев, И.М. Григорьев, С. Львов, Г. Попков, анархисты-коммунисты Г.М. Борзенко, Н.А. Маторин, М. Слепушкин. В мае 1917 г. последние, как тогда казалось, политические ссыльные покинули Нарым на пароходах. Музей политических ссыльных сейчас главная достопримечательность села, он в хорошем состоянии и дополнен этнографической экспозицией и реконструкцией селькупского стойбища.

Однако новая власть довольно быстро стала использовать прежние, знакомые ей лично, отдаленные места для изоляции политических противников. В июне 1924 г. Нарым по предложению ОГПУ вошел в число 10 местностей, которые Президиум ЦИК назначил местами ссылки социально опасных элементов. Новая власть оказалась, не в пример старой, решительной и безжалостной. Уже в 1923–1924 гг. на север Томского округа были сосланы более 3 тыс. человек с Дальнего Востока. В 1925–1935 гг., по данным историка В.А. Демешкина, в Томский округ систематически ссылались перебежчики из Маньчжурии, бывшие харбинцы, служащие КВЖД, участники белых молодежных организаций «Черное кольцо», «Скауты», «Интернационал» и др. В 1927–1928 гг. настала очередь отправиться на нарымскую «перековку» троцкистам (до 1000 человек). В 1930 г. уголовная и политическая ссылка в Нарымский край достигла 5 тыс. чел., из них политических было немного – 300 человек. Вновь это были в основном интеллигенты. Для большинства из них ссылка становилась трагедией, поскольку найти себе применение по специальности они не могли, но некоторые из них оставили о себе добрую память. Так, в с. Парабель с 1924 по 1936 г. работал врачом видный деятель партии социалистов-революционеров Дмитрий Дмитриевич Донской.

Однако «звездный» час нарымской ссылки был еще впереди. Он настал в 1930–1931 гг., когда Нарым стал местом расселения раскулаченных крестьян. Сюда были привезены 68600 семей, или 284146 чел. Народу привезли столько, что пришлось часть возвращать на шахты Кузбасса. В 1932 г. в границах Запсибкрая был создан Северный (Нарымский) округ с центром в г. Колпашеве. Расселение шло по планам Переселенческого управления царского вре-

мени часто без учета природных возможностей территории. Наиболее вопиющим случаем некомпетентности было поселение тысяч людей в бесплодной долине реки Ягыл-Ях в Васюганье. Создание нового земледельческого района в Нарымском Приобье было утопией, организация лесозаготовок – вполне реальным планом. Дело в итоге решило качество человеческого материала – ведь в Нарым прибыл цвет крестьянского населения России, правда использованного бестолково. На скудной и холодной нарымской почве было раскорчевано под пашни почти 140 тыс. гектаров. Напомню, что вся нарымская пашня XVII в. не превышала 160 гектаров. В тайге руками спецпереселенцев были проложены почти 4 тыс. км грунтовых дорог, выросли десятки поселков со школами, больницами, домами культуры. Жаль, что большая часть этих пашен снова заросла лесом, опять пустынны берега Чулыма, Кети, Пайдугиной, Парабели, Чижапки, Васюгана. Тысячи людей погибли зря. Сталинский бросок в нарымский тупик завершился ничем. О трудовом подвиге русских крестьян и ретивой дурости начальников напоминают серые крыши сопревших срубов, лежащие уже на земле среди брусничных полян, да остатки кладбищ, которые служат ориентиром для сборщиков ягод и охотников. Давно сгнили кресты на могилах моих прадедов и их дома в спецпереселенческих поселках Садовой на Парабели и Лапин Бор на протоке Кети.

Спецпереселенцы в 1936 г. получили права гражданства, подлежали мобилизации и защищали Родину в Великую Отечественную войну. Моих родственников из ссыльных похоронено неизвестно на каких полях России и Европы 8 чел. В конце 1940-х – начале 1950-х раскулаченные были сняты с учета в комендатурах. А в конце 50-х гг. значительная их часть выехала из нарымских болот в лучшие места.

Кулацкая ссылка была не последней в нарымской истории. В начале войны в Нарым были депортированы 18,3 тыс. «зачищенных» органами НКВД жителей Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии, а также 3,1 тыс. молдаван. В 1941 г. здесь же оказались 15,1 тыс. немцев Поволжья, а в 1944 г. – 2,2 тыс. калмыков. Они напрасно гадали на бараньей лопатке о своей судьбе – ко времени освобождения в 1954 г. их осталось менее 800 чел.

После войны репрессии продолжались, продолжалась и нарымская ссылка. В 1946 г. в Нарым прибыли около 320 власовцев, в 1948 г. – кулаки-измаильцы в количестве 840 чел. Последними в

нашем гостеприимном крае оказались западноукраинские и прибалтийские повстанцы. В 1951 г. прибыли 5,2 тыс. «лесных братьев» из Литвы и занялись знакомым делом на лесозаготовках, в 1954 г. на лесозаготовках же работали почти 9 тыс. «бандеровцев». Еще одним потоком ссыльных послевоенного времени стали высланные с черноморского побережья 156 греков, 1215 турок и 2914 чел. самых экзотичных национальностей – албанцев, ассирийцев, персов, арабов и т.д. Наконец, в начале 1950-х гг. в нарымскую ссылку попали сектанты – 2134 иеговиста и 322 баптиста. Всего с 1923 по 1954 г. через Нарымский край прошли, а многие остались навсегда в его земле, около 350 тыс. ссыльных. В 1954 г. после смерти «отца народов» в Нарымском округе в 569 поселках находились на учете 26623 спецпоселенца.

Нарымская ссылка определила и мою судьбу. Спасибо товарищу Сталину, что встретились в поселке Садовой Парабельского района мои родители, которые жили раньше в соседних селах УЧ-Пристанского района нынешнего Алтайского края – Вяткино и Брусенцево. Отцу удалось вырваться из спецпереселенческого колхоза и устроиться на работу бухгалтером в спецпереселенческую же промысловую лесоартель в пос. Талиновка в 7 км от Нарыма. В составе жителей поселка как в капле отражался весь ссыльный нарымский океан. Соседями нашими были русские, мокшаны, украинцы, немцы, латыши, татары, молдаване, селькупы (аборигены края), кержаки и ссыльные разного времени. Это сейчас я определяю их национальности, а тогда мне это было абсолютно все равно. Не помню каких-либо ссор на национальной почве среди мальчишек и взрослых. Пожилая кержачка мне вправила вывихнутую ногу, искать грибы научила меня мокшанка тетка Лизакай, а когда я тонул в Протоке, то меня вытащил Петя Ауэр.

Ссылка продолжалась и на моей памяти. В хрущевское время в поселок прислали тунеядцев, стиляг и цыган на перевоспитание. Одетые не по сезону, они страшно мерзли. В 1970-е гг. ссылка, наконец-то, кончилась. Хочется верить, что навсегда.

V. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

5.1. Революция массового потребления в СССР

Термины «революция массового потребления», «век массового потребления», введенные в научный оборот Уолтом Ростоу[1], чрезвычайно редко применяются в отечественной литературе к нашей собственной истории. Догматическая марксистская историография их не приемлет, либеральная антимарксистская считает не применимыми к советскому обществу.

У. Ростоу полагал, что пишет антикоммунистический манифест, хотя на самом деле лишь продолжил предложенную К. Марксом периодизацию становления индустриального общества. Он выделил пять стадий экономического роста: 1) традиционное или аграрное общество; 2) стадию формирования предпосылок для подъема экономики (первоначальное накопление капитала, по К. Марксу); стадию подъема (промышленная революция, по К. Марксу); стадию быстрого созревания (индустриализацию по-марксистски); век массового потребления. До последней стадии развития индустриального общества К. Маркс не дожил, а потому ее не мог предвидеть. В 1960 г. У. Ростоу писал о веке массового потребления так: «Это стадия, которая теперь процветает в США, первое ощущение которой весьма радует население Западной Европы и Японии и с которой, не без опасности для себя, заигрывает советское общество»[2].

В настоящем докладе я постараюсь доказать, что У. Ростоу прав и что «век массового потребления» Советский Союз пережил, хотя он прошел в весьма своеобразном варианте и привел к другим

социально-политическим результатам, чем в странах золотого миллиарда.

Согласно теориям модернизации в основе века массового потребления (в других вариантах – общества изобилия, по Д. Гэлбрейту, или технологического общества, по Ж. Элюэлю) лежит вторая технологическая модернизация, главными составляющими которой являются научная организация труда (Ф.У. Тейлор) и конвейерное производство (Д. Форд. Рено). Результатом второй модернизации промышленного производства стал массовый выпуск относительно дешевой и технически сложной продукции, доступной широкому потребителю. Рост интенсификации и производительности труда привел к росту заработной платы и к перераспределению национального дохода в пользу работающего класса. В 1950–1960-е гг. доля работников достигла в развитых индустриальных странах 60–70% национального дохода. Сформировалась мощная система социального обеспечения. Это не происходило само собой, а было результатом борьбы рабочего класса за эмансипацию[3]. Произошла дальнейшая демократизация общества. Составной частью революции массового потребления стала стандартизация жизни, массовая культура, механизация быта. Проиграл «праздный класс» населения и выиграл класс работников. Квалификация стала определять место человека в обществе, значение собственности снизилось. Главным социальным итогом развития общества в результате второй модернизации стал средний класс, составивший 60–70% населения. Средним классом назвали тех, кто имел доход, достаточный для простого воспроизводства рабочей силы по стандартам своей страны, благоустроенное жилье, индивидуальные средства передвижения. Общество обрело стабильность.

Как обстояло с отмеченными тенденциями социально-экономического развития и критериями благополучия в жизни советских людей? Я назову общеизвестные факты. Во второй половине 1950-х гг. произошла ограниченная демократизация советского общества. Из тоталитарного оно превратилось в авторитарное. В 50-е гг. впервые за историю страны промышленное производство стало превышать сельскохозяйственное по доле в валовом продукте. В 60–80-е гг. советское общество стало городским. Если в 1960 г. городское население составляло 48%, то в 1986 г. – 65%. Изменилась структура советского общества, ранее преобладавшее крестьянство оказалось в меньшинстве. В 1986 г. рабочий класс составлял 62% работающе-

го населения, крестьяне – 12%, интеллигенция, оставаясь официально социальной прослойкой между двумя классами, – 26%.

Во времена Н.С. Хрущева появились первые признаки массового потребления – строительство серийного жилья, бытовая техника. Главным был рост заработной платы. Если в 1958 г. средняя заработная плата в стране составляла 78 руб. в месяц, то в 1970 г. – 122 руб., в 1989 г. – 240 руб. С учетом общественных фондов потребления – 341 руб. Пусть эта заработная плата была распределена неравномерно и с определенным перекосом в сторону лиц физического труда, но она выросла за 30 лет не менее чем в три раза. Практически это чистый рост реальных доходов, так как цены были заморожены.

Выросла обеспеченность населения предметами длительного пользования. Приведу сведения официальной советской статистики.

Таблица 1

Обеспеченность населения СССР предметами длительного пользования в 1960–1985 гг. (штук на тысячу населения)

Предметы потребления	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.
Холодильники	10	89	252	275
Стиральные машины	13	141	205	205
Телевизоры	22	143	249	193
Радиоприемники	129	199	250	289

Еще более показательны цифры обеспеченности бытовой техникой в расчете на 100 семей на 1980 г. Радио, телевизоры – по 85%, холодильники – 86%, стиральные машины – 70%, швейные машины – 65%, магнитофоны – 25%, автомашины и мотоциклы – по 10%.[4] 88% семей жили в 1980 г. в благоустроенных квартирах. Сменился стандарт жилья. Если в 1950-е гг. он был еще сталинским: семья – комната в коммунальной квартире, то в 1980 г. семья – квартира. На одного жителя приходилось 13,4 кв. м жилья вместо 4–5 кв. м в 1950-е гг. 90% жилья имело канализацию, водопровод, 80% – газ, 100% электричество. Улучшилась структура питания. Приведу опять же данные официальной статистики.

Таблица 2

Потребление продуктов питания в СССР в 1960–1985 гг. (кг на человека в год)

Продукты питания	1960 г.	1975 г.	1985 г.
Мясо	40	56,7	61,4
Молоко	240	316	323
Яйца	118	216	260
Сахар	28	40,9	42
Хлеб	164	141	133
Картофель	143	120	104

Мы видим, что питание советского человека стало сбалансированным, повысилась доля мясных продуктов, снизилась доля потребления хлеба и картофеля – показателей бедности. Калорийность питания достигла уровня развитых индустриальных стран. Можно возразить, что советская статистика преувеличивала благосостояние советских людей. Но, согласитесь, что даже с учетом ее лукавства, динамику роста потребления отрицать нельзя.

Советский уровень массового потребления был скромен, не превышал 60–70% среднего уровня потребления развитых индустриальных стран, но далеко превосходил страны третьего мира. Скачок в потреблении произошел в 50–80-е гг. XX века. СССР уверенно занимал место в начале третьего десятка стран по индексу человеческого развития, ежегодно вычисляемого экспертами ООН, исходя из произведения индексов производительности труда, образования и продолжительности жизни[6]. Годы брежневского правления вошли в историю не только как годы «застоя» в общественно-политической жизни страны. Они были лучшим периодом в материальной обеспеченности жизни населения за всю историю России. Достаточно сказать, что сейчас Россия не достигла уровня потребления 1989 г.

Таблица 3

Сравнительные показатели производства на душу населения в СССР и развитых индустриальных странах в 1913–1986 гг. (в долларах на человека в год)[5]

Показатели	1913 г.	1929 г.	1938 г.	1950 г.	1986 г.
Промышленная продукция	125	135	265	500	3100
В % к развитым странам	11	9	20	28	70
В % к развивающимся странам	233	180	333	400	1000
Сельскохозяйственная продукция	220	265	265	275	480
В % к развитым странам	35,5	41	42	41,6	60
В % к развивающимся странам	138	161	156	145	267

Замечены ли были изменения в обществе теоретиками КПСС? Конечно же, замечены. Вместо коммунизма мы стали строить «развитое социалистическое общество», что было отходом от ортодоксального сталинизма. Развитый социализм и был советским вариантом общества массового потребления.

В чем же заключались советские особенности массового потребления? В чисто техническом плане отличия выражались в малой доле индивидуального транспорта, в чрезмерной централизации снабжения водой, газом, электроэнергией, теплом, в преобладании общественного транспорта. В социальном плане особенности выразились в слабости среднего класса, 11–15% которого, по разным подсчетам, соответствовали в советской стране западным критериям. В это число я включаю тех, чей доход позволял содержать 4 чел., что необходимо для простого воспроизводства рабочей силы, кто имел благоустроенную квартиру в городе, дачу за городом и индивидуальное средство передвижения. Экономисты, в отличие от историков и социологов, признают наличие в СССР среднего класса (см.: последнюю статью Руслана Семеновича Гринберга «Россия в начале XXI века: экономический успех без развития и

демократии?» // Россия и современный мир. 2006. № 1. С. 6). Монолитное в своей нищете советское общество сталинского времени было непобедимо, спаяно принципом гарантированного существования, достигнутого впервые в истории нашей страны. Материальное расслоение советского общества привело к его нестабильности.

Особенностью массового потребления в СССР был дефицит вследствие нарушения рыночных механизмов регулирования. Рост доходов опережал прирост предметов потребления при отсутствии ценового регулирования. Скрытая инфляция выражалась в дефиците, что порождало коррупцию и нарушение социальной справедливости при распределении товаров. Я имею в виду специальные, закрытые распределители товаров (столы заказов) для партийной, государственной и хозяйственной номенклатуры, магазины для своих работников на крупных предприятиях и т.д. В итоге это приводило к нарушению принципа оплаты по труду и к росту недовольства населения.

Те, кто называет период правления Л.И. Брежнева годами застоя, не правы. Это время тихой революции в сознании советских людей, время отказа от коммунистических идеалов и время прихода нормальной для индустриального мира потребительской психологии. Почти все стали выражать неудовлетворение своим положением. Пролетариат был недоволен уравниловкой в оплате труда, двойной моралью руководства. Интеллигенция была ущемлена материально и нравственно, требовала свободы творчества, инициативы. В результате появилось движение диссидентов, с одной стороны, и теневая экономика – с другой. Только крестьянство в 60–80-е гг. было довольно своим положением, впервые за свою долгую историю оно получило относительно сытое существование, достигнув к 1989 г. 87% уровня доходов промышленных рабочих.

В 80-х гг. XX века советский вариант индустриального общества оказался в системном кризисе. В начале 60-х гг. период экстенсивного роста (индустриализация) в основном завершился. Реформы А.Н. Косыгина второй половины 60-х гг., внесшие элементы рыночной экономики, не были продолжены. Одной из составляющих этого кризиса были последствия революции массового потребления, подготовившие население страны к переменам.

Примечания

[1] *Ростоу У.* Стадии экономического роста. Нью-Йорк, 1960. С. 23–24.
[2] Там же.
[3] *Вебер А.Б.* Классовая борьба и капитализм. М., 1986. С. 246.
[4] *СССР в цифрах* в 1989 г. М., 1990. С. 100.
[5] *Советский* Союз в мировой экономике (1917–1987 гг.) // МЭиМО.1987. № 11. С. 153, 156.
[6] *Human* Development Report. New York; Oxford: Oxford University Press. 2002. P. 154.

5.2. Распад СССР

(Лекция курса «Страны СНГ и Балтии», первая публикация Томск, 2004)

А. Центробежные тенденции в СССР

Геополитическое пространство, именуемое Российской империей, а с 1922 г. – Союзом Советских Социалистических Республик, формировалось более тысячи лет – с IX по XX в. Оно занимает часть Восточной Европы и всю Северную Азию. Своеобразие Российского государства, его срединное положение между Востоком и Западом является предметом дискуссии в отечественной и зарубежной общественной мысли. Российские «западники» считают свою страну частью европейской цивилизации, многие западные ученые, наоборот, склонны считать Россию восточной деспотией, не совместимой с европейскими ценностями. Славянофилы XIX в. и евразийцы XX в. считали Россию особой цивилизацией. Из последних идей интересна гипотеза Л.И. Семенниковой о том, что Россия, не будучи самостоятельной цивилизацией, является полем борьбы западных и восточных тенденций[1].

Если же отбросить политические и идеологические мотивы, то невозможно не признать, что Россия географически, культурно, исторически относится к Европе. Стало быть, она является либо частью европейской цивилизации, либо второй европейской цивилизацией (Российско-Сибирской). Формационный подход показывает, что Россия, при всей специфике развития, идет обычным для

всего мира путем от традиционного общества к индустриальному и постиндустриальному.

Особенности Российской империи (СССР) как государства таковы:

1. Многонациональность. С древности русские княжества, в т.ч. Московское, формировались как славяно-финно-тюркская общность. Сами русские являются сплавом славян и финских племен.

2. Веротерпимость, унаследованная от Византии вместе с православием. В России присутствовали все мировые религии, при преобладании православия.

3. Территориальная экспансия. Вплоть до 40-х гг. XX в. государство Российское постоянно росло. С начала царствования Ивана Грозного до Первой мировой войны Россия прирастала по 14 кв. км в день[2].

4. Высокая степень централизации управления. Россию объединяла мощная авторитарная власть великих князей, царей, императоров, генеральных секретарей коммунистической партии.

Россия всегда состояла из территорий, разнородных по уровню социально-экономического и культурного развития, по административному статусу, этнической принадлежности населения.

Народы входили в империю разными путями и в разное время. Великоруссия объединилась в XIV–XVI вв. Белоруссия, Украина, Сибирь, Западный Казахстан, Прибалтика стали частью России в XVII–XVIII вв., Финляндия и Польша – в конце XVIII – начале XIX в., Кавказ и Центральная Азия – в XIX в., Тува – в 1914–1944 гг., Галиция – в 1939 г., Северная Буковина – в 1940 г., Закарпатье и часть Восточной Пруссии – в 1945 г. Большая часть Сибири, Украины, Казахстана, Беларусь, Буковина, значительная часть Северного Кавказа и Закавказья вошли в Россию добровольно, остальные территории завоевывались в ожесточенных и практически непрерывных войнах.

Методы присоединения наложили отпечаток на отношение к русским, к Москве. Насильственное завоевание заложило традиции русофобии в Польше, на Северном Кавказе, в Прибалтике, в Западной Украине, Туркмении и Узбекистане. Традиции благодарности России сложились в Армении. В целом же способы формирования империи были далеки от идиллии. Она создавалась мечом и крестом. Русификация не добавила симпатии к русским. Вместе с тем подчинение сильному государству спасло многие слабые народы от

уничтожения соседями, законсервировало до поры многовековые этнические конфликты. Таким образом, сам характер вхождения народов и территорий в Российскую империю закладывал основы для центробежных тенденций.

Большевики, унаследовав и сохранив страну, позволили выйти из нее лишь двум наиболее развитым народам – полякам и финнам. Однако, поборов центробежные силы, коммунистические власти оставили почву для их реинкарнации. Государство из унитарного стало федеративным, но при этом в конституцию был заложен разрушительный для федерации принцип самоопределения наций. В статье 4 Конституции СССР 1924 г. было записано: «За каждой из союзных республик сохраняется право свободного выхода из Союза». Это право, подтвержденное конституциями 1936 и 1977 гг., было обусловлено согласием всех республик, входивших в федерацию лишь в Конституции 1924 г.

В практике национально-государственного строительства советское руководство часто нарушало другой принцип федерализма, записанный в конституции, – согласие союзных республик на изменение их территорий. Союзное руководство часто меняло статус и границы субъектов федерации, не считаясь с волей народов, создавая почву для будущих конфликтов. Так, были созданы этнические проблемы Северного Казахстана, Крыма, Карабаха, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья, Северного Кавказа, Ферганской долины.

Построение федеративного государства на основе национального самоопределения заложило под СССР еще одну мину замедленного действия – неравноправие субъектов федерации и деление народов на титульные (имеющие свои национальные территории) и нетитульные. Несимметричность федерации привела к тому, что титульные народы жили в федерации, а русские жили в унитарном государстве. В союзных республиках в 60–80-е гг. XX в. шел процесс формирования национальных культурно-политических элит и укрепления национальных экономик. Русская политическая элита была сосредоточена в союзных органах. РСФСР же имела усеченный набор органов управления, так как некоторые ведомства совмещались с союзными. В России не было даже своей компартии. Это ущемляло российскую политическую элиту, формировало комплекс второсортности.

Причины для недовольства русского населения создавали также непропорциональное формирование и распределение средств союзного бюджета в пользу беднейших среднеазиатских и фрондирующих прибалтийских республик.

Следовательно, центробежные силы в СССР существовали, основу их составляли:

1) этнокультурная разнородность населения;

2) национально-территориальный принцип самоопределения народов;

3) произвол союзных властей в национально-государственном строительстве;

4) историческая память (мифология) о былой независимости;

5) рост экономического потенциала и самостоятельности республик;

6) процесс формирования национальных культурно-политические элит;

7) «замороженные» этнополитические конфликты.

Эти дремавшие силы проснулись сразу же, как только ослабли тиски авторитарного советского государства.

Национализм проявился прежде всего в идеологии. Демократизация, политика гласности разбудили и националистическую составляющую общественной жизни. Сначала – в виде критики национальной политики КПСС в прошлом и настоящем, затем – в образовании республиканских народных фронтов – «Руха» на Украине, «Саюдиса» – в Литве, Партии национальной независимости Грузии, комитета «Карабах» в Армении и т.д., поставивших себе целью борьбу за восстановление независимости. В 1989–1990 гг. они пришли в власти в большинстве республик, исключая центральноазиатские. Лидером национальной оппозиции советской власти стала интеллигенция. Движение ее режиссировалось и финансировалось местными мафиозными кланами и западными спецслужбами под видом помощи демократии. Интернационализм, как часть социалистической идеологии, был дискредитирован. Господствующей стала идея национального эгоизма. Суть пропаганды была проста – для того, чтобы хорошо жить, нужно избавиться от СССР, вместе с русскими оккупантами, КПСС и советской бюрократией. Русские националисты, наоборот, требовали избавиться от кровососов-инородцев.

Произошел взрыв бытового национализма в сочетании с русофобией и антисоветизмом. Все вспомнили старые обиды. В 1988–1990 гг. произошли армянские погромы в Сумгаите, Баку, Нагорном Карабахе, столкновения между узбеками и киргизами в Ошской области, между узбеками и турками-месхетинцами в Ферганской долине, между узбеками и таджиками в Душанбе, между казахами и азербайджанцами в нефтяных районах Казахстана, между русскими и азербайджанцами в нефтеградах Тюменской области, между грузинами и осетинами, между грузинами и абхазами. Вал национальных погромов прокатился по рынкам российских городов. Русским стало трудно жить в Чечне и Прибалтике, лицам «кавказской национальности» – в городах России.

Проявлением сепаратистских тенденций стала языковая революция 1989–1990 гг., когда одна за другой республики приняли законы о государственном языке, которым были объявлены языки титульных наций.

Шагом в сторону распада Союза стал переход на экономическую самостоятельность (хозрасчет) прибалтийских республик по союзному закону 27 ноября 1989 г., которому предшествовали аналогичные республиканские акты[3].

Важным фактором разрушения Союза стал «парад суверенитетов» 1989–1990 гг. Начал его Верховный совет Литвы, приняв 26 мая 1989 г. декларацию «О государственном суверенитете Литвы». За ним последовали акты 11 марта 1990 г. «О восстановлении Литовского государства» и конституции 1938 г. В Латвии аналогичные документы были приняты 28 июля 1989 г. (декларация о суверенитете), 4 мая 1990 г. (о восстановлении независимости). В Эстонии – это декларация 2 февраля 1990 г. и постановление 30 марта 1990 г. «О государственном статусе Эстонии». Россия приняла декларацию о суверенитете 12 июня, Молдавия – 23 июня, Украина – 16 июля, Белоруссия – 27 июля 1990 г. Армения заявила о восстановлении независимости 23 августа 1990 г. О восстановлении суверенитета Грузии объявлено в постановлениях Верховного Совета 9 марта и 20 июня 1990 г. Акт о восстановлении независимости Грузии был принят 9 апреля 1991 г. Туркменистан принял декларацию о суверенитете 22 августа, Таджикистан – 22 августа, Казахстан – 25 октября, Киргизия – 15 декабря 1990 г. Лишь Азербайджан и Узбекистан не сделали специальных заявлений о восстановлении суверенитета. Важнейшей, безусловно, является рос-

сийская декларация, показавшая нежелание нового российского руководства сохранить Союз в прежнем виде и вызвавшая волну подражаний в других союзных и автономных республиках. О намерении стать союзными республиками заявили Татария и Чечня.

Таким образом, к концу 1990 г. стало ясно, что нарушены все принципы федерации и союзный договор 1922 г. не выполняется. Практически все республики заявили о верховенстве своих законов над союзными на своей территории и об изменении своего статуса, все республики стали охранять свои экономические интересы и создали автономные системы распределения продовольственных товаров. Явочным порядком начал меняться и единый социально-политический строй жизни. Этнополитические конфликты нарушили территориальное единство Азербайджана, Грузии и Молдовы.

Однако существовали мощные силы, препятствовавшие разрушению СССР:

1) желание большинства советского народа жить в союзном государстве (на референдуме 17 марта 1991 г. за сохранение СССР как обновленной федерации проголосовали 76% граждан, участвовавших в голосовании)[4];

2) единство экономики;

3) союзное руководство;

4) КПСС.

Б. Противостояние российского и союзного руководства Новоогаревские переговоры о новом союзе республик

Основным противником сохранения СССР были национальные культурно-политические элиты прибалтийских, славянских, закавказских республик и Молдавии. То, о чем не решались говорить официальные лица, открыто говорили интеллигенты. Еще в июле 1990 г. эмигранты-диссиденты, представители национальной интеллигенции республик Закавказья, Прибалтики, Татарии, собравшиеся в Праге, приняли воззвание с требованием распустить Союз. В январе 1991 г. почти аналогичное требование было принято на конференции движения «Демократическая Россия» в Харькове.

Главная линия противостояния легла между союзным руководством и лидерами РСФСР. После избрания Б.Н. Ельцина председателем Верховного Совета на Съезде народных депутатов РСФСР

29 мая 1990 г. российское руководство начало борьбу за реальное осуществление суверенитета республики. Декларация о суверенитете РСФСР, принятая 12 июня, положила начало войне законов с союзным центром. Были созданы в течение лета 1990 г. – 1991 г. необходимые высшие и центральные органы управления – Центральный банк, Пенсионный фонд, Министерство обороны, КГБ, Конституционный Суд, Верховный Суд, Генеральный прокурор, переподчинены им соответствующие службы и денежные средства.

Для ведения переговоров с другими республиками о заключении нового союзного договора 22 сентября была избрана делегация во главе с Б.Н. Ельциным. Параллельно с этим Б.Н. Ельцин и его сторонники в руководстве России поддержали действия сепаратистов в прибалтийских и закавказских республиках, осудили карательные акции против них со стороны союзного центра. В феврале – марте 1991 г. лозунги «Нет Союзу ССР» появились на массовых митингах в Москве. Однако большинство населения было еще против распада СССР

Необходимость пересмотра союзного договора 1922 г. была очевидна. Проекты, подготовленные Верховным Советом СССР, не устраивали республиканских политиков. С 23 апреля 1991 г. в резиденции президента СССР М.С. Горбачева в московском пригороде Новоогарево начались переговоры делегаций союзных республик и представителей союзного центра по договору о Союзе Суверенных Советских Республик. Новый договор предполагал существенное расширение полномочий республик, в том числе и суверенизацию автономных республик. В исключительном ведении Союза остались бы оборона, внешняя политика и охрана границ, связь, информация, службы космическая, гидрометеорологическая, стандартизации, геодезии и картографии, охрана общественного порядка. Собственность отошла бы к республикам. Союзный президент из всевластного владыки превратился бы в клерка на службе республик. Договор 20 августа согласились подписать 9 республик из 15: РСФСР, УССР, БССР, Казахская ССР, Киргизская ССР, Таджикская ССР, Туркменская ССР, Узбекская ССР и Азербайджанская ССР. Подписание договора стало бы серьезной победой М.С. Горбачева, поскольку суверенизация автономий означала бы фактический распад РСФСР и ослабление позиций российских властей. Таким образом, ценой сохранения Союза был распад РСФСР.

В. Ликвидация СССР и образование СНГ

Проект нового союзного договора не устраивал ни республиканских лидеров, несмотря на их согласие подписать проект договора, ни консервативных политиков в КПСС. Последние и предприняли попытку сохранить СССР путем военного переворота. Провал путча 19–22 августа привел к резкому усилению позиций российского президента Б.Н. Ельцина, получившего контроль над союзными силовыми структурами. Путч также усилил центробежные тенденции и привел к фактической независимости ряда республик, которую признала Россия. Литва и Эстония заявили о выходе из СССР 20 августа, Латвия – 21 августа, Украина – 24 августа, Беларусь – 25 августа, Молдова – 27 августа, Азербайджан – 30 августа, Кыргызстан, Узбекистан – 31 августа, Таджикистан – 9 сентября, Туркмения – 27 октября[6]. Медлил до декабря только президент Казахстана Н.А. Назарбаев.

Путч уничтожил также один из главных обручей, скреплявших СССР, – коммунистическую партию. Деятельность ее была приостановлена 23 августа и запрещена 6 ноября 1991 г.[7]

В течение августа – декабря 1991 г. произошел распад союзных властных структур. После путча практически бездействовал Кабинет Министров СССР. Собравшийся 2 сентября V Съезд Народных депутатов СССР самораспустился, приняв Закон «Об органах государственной власти и управления Союза СССР в переходный период». Вместо правительства действовал Межреспубликанский экономический комитет. Власть президента М.С. Горбачева была ограничена Госсоветом из глав 11 республик. С целью разработки Конституции Союза Суверенных Государств был избран новый Верховный Совет из депутатов Съезда по 20 представителей от каждой республики. В его работе участвовали делегаты от 7 республик.

Руководство Украины все больше демонстрировало нежелание участвовать в новом союзе, инициировав референдум по вопросу о независимости. Переговоры об ССГ шли по затухающей амплитуде. Если 14 ноября на заседании Госсовета за образование ССГ высказались 7 лидеров республик, то 25 ноября все они отказались подписывать договор, отправив его на рассмотрение парламентов. 3–4 декабря обе палаты Верховного Совета СССР высказались за подписание договора об ССГ. Однако чуть раньше, 1 декабря, население Украины на референдуме высказалось за независимость.

Этот референдум стал важным индикатором перемены в политическом настроении масс. Идея сохранения союза уже не имела защитников, кроме остатков союзных бюрократических структур и дезорганизованных коммунистов.

8 декабря в резиденции белорусского президента Вискули руководители трех славянских республик Станислав Шушкевич (Белоруссия), Борис Ельцин (Россия) и Леонид Кравчук (Украина) подписали Соглашение о создании Содружества Независимых Государств[8]. Высокие Договаривающиеся Стороны констатировали, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование» и образовали СНГ. Стороны декларировали, что Содружество создано с целью сотрудничества в области политики, экономики, культуры, образования, здравоохранения, Охраны окружающей среды, науки, торговли, в гуманитарных и иных областях. Стороны признали территориальную целостность друг друга, гарантировали открытость границ, свободу передвижения и информации в рамках Содружества. Сторонами предусматривалось сохранение объединенного командования стратегическими силами, гарантии международных обязательств СССР.

Соглашение было открыто для присоединения других государств. Ожидаемый в Минске президент Казахстана Нурсултан Назарбаев задержался в Москве. Сейчас участники той исторической встречи говорят о спонтанности решения, но текст Соглашения свидетельствует о его продуманности, следовательно, заготовка у авторов была. В интервью журналу «Пари-Матч» Л. Кравчук позднее отмечал, что о встрече славянских президентов в Минске договоренность была достигнута в середине ноября. Б.Н. Ельцин высказывал идею подобной договоренности еще в начале 1991 г.[9] Понимали они и значение события и его нелегитимность. По союзной конституции отдельные республики имели право на выход из СССР, а не на его ликвидацию. Б.Н. Ельцин информировал президента США Д. Буша, С. Шушкевич – президента СССР М.С. Горбачева.

Даже после Минского соглашения М.С. Горбачев пытался сохранить Союз ССР. На встрече М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина и Н.А. Назарбаева в Москве 9 декабря была достигнута договоренность, что проект об СНГ будет рассматриваться как вариант Союза наряду с проектом об ССГ в парламентах республик. Однако

Верховные Советы Белоруссии и Украины уже 10 декабря ратифицировали Минское соглашение. В Минске против ликвидации СССР голосовал только один депутат – А.Г. Лукашенко. 12 декабря Верховный Совет РСФСР также ратифицировал Соглашение об образовании СНГ и денонсировал договор 1922 г. о создании СССР.

Заявив о ликвидации СССР, славянские республики катапультировали в независимость остальных партнеров по Союзу, не спросив их согласия. Президенты республик Средней Азии и Казахстана 13 декабря, собравшись по инициативе президента Туркмении С. Ниязова в Ашхабаде, сформировали Консультативный совет по координации экономической политики[10]. Предложение С. Ниязова создать политический союз не получило поддержки, возобладало мнение о присоединении к СНГ.

Окончательно судьбу СССР решила встреча президентов 11 новых независимых республик в Алма-Ате 21 декабря. Президенты Азербайджанской Республики Аяз Муталибов, Республики Армения Левон Тер-Петросян, Председатель Верховного Совета Республики Беларусь Станислав Шушкевич, президенты Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев, Республики Кыргызстан Аскар Акаев, Республики Молдова Мирчо Снегур, Российской Федерации (РСФСР) Борис Ельцин, Республики Таджикистан Рахмон Набиев, Республики Туркменистан Сапармурад Ниязов, Республики Узбекистан Ислам Каримов, Украины Леонид Кравчук приняли декларацию об образовании Содружества Независимых Государств и прекращении существования СССР и протокол к Соглашению о создании СНГ, подписанному 8 декабря Беларусью, Россией и Украиной[11]. Алма-Атинская Декларация невелика по объему, и ее можно привести полностью:

«Независимые государства

Азербайджанская республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Республика Молдова, Российская Федерация (РСФСР), Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан и Украина,

стремясь построить демократические правовые государства, отношения между которыми будут развиваться на основе взаимного признания и уважения государственного суверенитета и суверенного равенства, неотъемлемого права на самоопределение, принципов равноправия и невмешательства во внутренние дела, отказа от применения силы и угрозы силой, экономических и других методов

давления, мирного урегулирования споров, уважения прав и свобод человека, включая права национальных меньшинств, добросовестного выполнения обязательств и других общепризнанных принципов и норм международного права;

признавая и уважая территориальную целостность друг друга и нерушимость существующих границ;

считая, что укрепление имеющих глубокие исторические корни отношений дружбы, добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества отвечает коренным интересам народов и служит делу мира и безопасности;

осознавая свою ответственность за сохранение гражданского мира и межнационального согласия;

будучи приверженными целям и принципам Соглашения о создании Содружества Независимых Государств,

заявляют о нижеследующем:

Взаимодействие участников Содружества будет осуществляться на принципе равноправия через координирующие институты, формируемые на паритетной основе и действующие в порядке, определяемом соглашениями между участниками Содружества, которое не является ни государством, ни надгосударственным образованием.

В целях обеспечения международной стратегической стабильности и безопасности будет сохранено объединенное командование военно-стратегическими силами и единый контроль над ядерным оружием; стороны будут уважать стремление друг друга к достижению статуса безъядерного и (или) нейтрального государства.

Содружество Независимых государств открыто с согласия всех его участников для присоединения к нему государств – членов бывшего Союза ССР, а также иных государств, разделяющих цели и принципы Содружества.

Подтверждается приверженность сотрудничеству в формировании и развитии общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков.

С образованием Содружества Независимых Государств Союз Советских Социалистических Республик прекращает свое существование.

Государства – участники Содружества гарантируют в соответствии со своими конституционными процедурами выполнение международных обязательств, вытекающих из договоров и соглашений бывшего Союза ССР.

Государства – участники Содружества обязуются неукоснительно соблюдать принципы настоящей Декларации»[12].

В Декларации обращает на себя внимание стремление участников Содружества избежать любой формы зависимости или давления со стороны сильнейшего участника Соглашения – Российской Федерации, а также подчеркнутое нежелание иметь какую-либо надгосударственную структуру.

Главы стран СНГ сразу же приняли ряд неотложных решений, касающихся взаимных отношений и международного статуса своих стран. Особым решением они поддержали право Российской Федерации на преемственность места СССР в международных организациях и констатировали, что Беларусь, РСФСР и Украина окажут другим государствам Содружества помощь в решении вопросов их членства в ООН и других международных организациях. Тогда же было достигнуто Соглашение о координационных институтах СНГ. Ими стали Совет Глав Государств и Совет Глав Правительств.

Утративший рычаги власти М.С. Горбачев 25 декабря выступил по телевидению с обращением к народу в связи с уходом с поста президента СССР. Он также сложил с себя полномочия Верховного главнокомандующего, упразднил Совет обороны, передал пульт управления ядерными стратегическими силами президенту Российской Федерации. 26 декабря провел свое последнее заседание Совет республик Верховного Совета СССР.

До сих пор идут споры на тему: был ли неизбежен распад СССР. С точки зрения общеисторической закономерности – да. Процессу формирования независимых национальных государств в индустриальный период до сих пор еще не мог противостоять ни один многонациональный конгломерат. Особенностью СССР было лишь то, что он распался на пороге постиндустриальной эры, пережив все трудности индустриализации. В то же время нельзя полностью отрицать вероятность сохранения федеративного государства, при более благоприятных обстоятельствах и более дальновидной политике участников событий. Однозначным можно считать только уход прибалтийских республик. Ясно также, что главной причиной летального исхода кризиса для СССР стал конфликт союзной и российской политических элит на фоне политической апатии большинства населения России.

Примечания

[1] *Семенникова Л.И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций: Учебное пособие для высших и средних специальных учебных заведений. Брянск: ООО «Курсив», 1996. С. 47–78.

[2] *Ламин В.А.* Реалии трех бывших «безлюдных пространств» // Сибирь в геополитическом пространстве XXI века. Новосибирск, 1998. С. 97.

[3] *Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф.* Федерализм в истории России. М.: Республика, 1993. Кн. вторая. С. 58–64.

[4] Там же. Приложение.

[5] *Абдулатипов Р.Г.* Национальный вопрос и государственное устройство России. М.: Славянский диалог, 2000. С. 212.

[6] *Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф.* Указ. соч. Приложение.

[7] *Ведомости* Съезда Народных Депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 35. С. 1426–1427; № 45. С. 1800.

[8] См.: Приложение № 1.

[9] *Коржихина Т.П., Сенин А.С.* История российской государственности. М., 1995. С. 316; *М.С. Горбачев* о судьбе Советского Союза // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 93.

[10] *Современные* международные отношения: Учебник / Под ред. А.В. Торкунова. М.: Международные отношения, 1998. С. 468.

[11] См.: Приложение № 2.

[12] *Внешняя* политика России: Сборник документов. 1990–1992. М.: «Международные отношения», 1996. С. 138–139.

5.3. Россия: исторические традиции и вызов времени

(Первая публикация в сборнике материалов конференции «Россия: политика, экономика, культура, история», Тайбей, 2001 // Вестник института России государственного университета Джинг-джи. Тайбей, 2001. Вып. 1. С. 233–237)

Россия – уникальное явление человеческой цивилизации, особенности которой определились исторически. Россия – одно из наиболее молодых обществ, сформировавшееся на 2–5 тысяч лет позднее, нежели цивилизации Средиземноморья, Передней и Юго-

Восточной Азии, на 500–1000 лет позднее основных обществ Европы. Великороссия, сформировавшись на периферии Европы и севернее цивилизаций Азии, заняла наименее благоприятные для жизни территории северо-восточной Евразии. Освоение этой скудной на отдачу земли в аграрный период развития требовало значительно больше усилий, чем для освоения более западных или южных территорий, вследствие больших расходов на производство при меньшей природной производительности, на транспорт, на оборону.

Эти обстоятельства за тысячу лет сформировали существующие ныне традиции российского общества. В экономической сфере – это общинность, артельность организации труда, сильное участие государства как собственника и распорядителя, условность частной собственности; в социальной сфере – это корпоративность, резкое расслоение общества на узкий слой элиты, небольшой средний слой и бедное большинство; в политической сфере – это противостояние сильного авторитарного государства и общества, несоблюдение прав граждан, законов самого государства чиновниками, высокая степень коррупции; в сфере культурной – это полиэтничность, поликонфессиональность, веротерпимость.

Сложившиеся в аграрный период традиции пока мало изменились, вследствие краткого периода существования в России индустриального общества, окончательно сложившегося лишь во второй половине XX в. Это породило ощущение вечности российских традиций, их изначальности, миф об особой судьбе России, особой духовности, соборности ее народа. Болезнь роста воспринимается нашими почвенниками как неизменная суть российского общества.

Вместе с тем невозможно, подобно «западникам», отрицать своеобразие российской истории, общества, характера и перспектив развития. Острые дискуссии об особом пути или общеевропейской судьбе России уже идут два века и имеют внутриполитические и внешнеполитические последствия. Сейчас они связаны с новым кризисом российского общества и процессом глобализации[1].

Международные отношения играли в становлении российского государства и общества гигантскую роль, особенно в последние три века. После того как Московия вышла победителем в борьбе за гегемонию в Восточной Европе в соперничестве с Золотой Ордой и Польско-Литовским государством, она стала Россией – европейской державой. Участие в европейской политике стало мощным

фактором модернизации страны. Чтобы вновь не попасть в европейские аутсайдеры и не утратить своих завоеваний, Россия была вынуждена раз за разом идти на техническую и социальную модернизацию раньше, чем для того созревали внутренние предпосылки.

Именно внешними обстоятельствами обусловлены модернизационные скачки начала XVIII в. (поражение в начале Северной войны), середины XIX века (поражение в Крымской войне), в начале XX века (поражение в Первой мировой войне), в конце XX века (поражение в «холодной» войне). Внешнеполитические неудачи становились наиболее яркими показателями отставания страны, неэффективности ее экономической и социальной системы по сравнению с развитыми странами мира.

Каким же образом Россия реагировала на вызовы времени раньше и теперь? Попытаемся ответить хотя бы на часть этого вопроса.

Общими для всех кризисных ситуаций были проведение реформ в области экономики, социальной сферы, в управлении страной, усиление роли государства во всех сферах жизни общества. В экономике государство усиливалось как собственник и дирижер. Общими явлениями становились мобилизация средств в руках государства, милитаризация промышленности, усиление социальной напряженности вплоть до вооруженных конфликтов.

Нынешняя ситуация не является исключением из общего правила. Россия вновь переживает общий кризис и модернизационный пароксизм. Современники его разрешение по внешним признакам видят в возврате к капитализму. Российские либералы твердят об окончании коммунистического эксперимента и возвращении на рельсы капитализма, нормального, с их точки зрения, для развития страны. Часть социологов и историков согласна с политиками[2]. Эта точка зрения, хотя и активно тиражируется в средствах массовой информации и даже в учебниках, ошибочна и покоится на конъюнктурном антисоветизме.

России нет смысла возвращаться ни к одной из известных пока форм индустриализма – капитализму или «реальному социализму». Я присоединяюсь к тем ученым, которые полагают, что сейчас Россия переживает состояние перехода в постиндустриальную стадию развития, хотя и не совсем к этому готова[3]. Именно эта идея положена в государственную стратегию современного правительства,

стремящегося модернизировать экономику, а не реставрировать старый капитализм[4].

Какие меры предпримет современное российское государство, чтобы осуществить постиндустриальный модернизационный рывок? Традиция указывает на тот же набор государственного инструментария, который использовался ранее государями и коммунистами. Это – реформы в области управления (они уже начались), усиление государственного участия в экономике через регулирование и укрепление государственной собственности при опоре на дееспособный частный сектор (процесс уже пошел), усиление военно-промышленного комплекса, как рычага для оздоровления промышленности и модернизации армии, увеличение закупок технологии и оборудования в более развитых странах.

В социальной сфере не стоит ждать скорого подъема жизненного уровня, как бы об этом ни твердили правительственные средства массовой информации. Но стоит ожидать более жестких методов управления, традиционного усиления влияния силовых структур на внутреннюю жизнь страны. Конечно, это не будет возвращением к полицейскому государству, чем нас пугают завзятые либералы, но наведение порядка потребует дополнительных затрат.

Какие негативные российские традиции сейчас сохранены? Это – гигантские размеры коррупции, криминализация части бизнеса и политики, негативное отношение большинства общества к частной собственности и недоверие к государственным структурам, противостояние общества и политической элиты. Частная собственность вследствие этого сохраняет свою условность. Переломить отрицательное отношение общества к крупным собственникам быстро невозможно. Предприниматели должны доказать, а не декларировать, свою большую, нежели государства, эффективность в управлении производственной сферой.

Каких новшеств по сравнению с предыдущими кризисами можно ожидать в современной ситуации? Прежде всего, следует выделить претензию на роль социального лидера интеллигенции. Именно интеллигенция сыграла главную роль в крушении социалистической системы, бюрократическая ее часть образовала органы власти, она сформировала ведущую часть легального бизнеса, она борется с криминальными структурами за контроль над экономикой. Однако именно интеллигенция меньше всего получила от перемен. Это специалисты в областях науки, образования, медицин-

ского обслуживания. Большая степень цивилизованности российского общества предполагает также большую степень демократизма, либерализма в экономике и политике, нежели в прежние времена.

Каковы будут внешнеполитические последствия российской модернизации? Россия наверняка вновь будет претендовать на безусловную гегемонию в постсоветском пространстве и на роль равноправного игрока в мировой и европейской политике, но без претензий на гегемонию.

Таким образом, Россия, в силу догоняющего типа своего развития, вновь переживает кризис роста, который, судя по всему, близок к разрешению. Ответ на вызов времени будет традиционным и связанным с усилением роли государства, мобилизационным вариантом развития. Внешнеполитической особенностью современного кризиса является смена стратегического курса на расширение территории, характерного для предыдущих веков, стратегией удержания и освоения завоеванного ранее. Сохранение ресурсов и территории будет главной задачей нынешних и последующих поколений россиян. Эта мысль должна стать главной в разработке стратегии безопасности страны и в отношениях с другими крупными государствами мира, в том числе и США, где немалое число политиков мечтает «добить» и расчленить Россию хотя бы под видом учреждения свободной конфедерации республик[5].

Примечания

[1] *Иноземцев В.* Глобализация: иллюзии и реальность // Свободная мысль. 2000. № 1. С. 26–36; *Богатуров А.* Синдром поглощения в международной политике // Pro et contra. 1999. Т. 4. Осень; *Кандель П.* Россия перед соблазном «конфликта цивилизаций»// Власть. 1995. № 11. С. 60–66.

[2] См.: *Хорос В.Г.* Русская история в сравнительном освещении. М., 1996; *Он же*. Постиндустриальный мир – проект и реальность // Восток. 1998. № 1. С. 39; *Хачатурян В.М.* История мировых цивилизаций: Пособие для общеобразовательных учебных заведений. М., 1999. С. 471.

[3] См., например: *Попов Г.Х.* Десять лет спустя, или Долги Межрегиональной группы // Московский комсомолец. 1999. 3–16 июня; *Цвилев Р.И.* Постиндустриальное развитие. Уроки для России. М., 1996. С. 7.

[4] См.: *Мау В.* «Ренессанс либерализма». Жесткий вариант // Известия. 2000. 5 марта.

[5] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 2000. 239–240.

5.4. Проблема доверия в отношениях России и ЕС: взгляд из Сибири

(Авторский вариант доклада на конференции «Взаимоотношения ЕС и России». Зальцбург, 15–16 июля 2006 г.)

Уважаемые коллеги!

Мой доклад посвящен анализу одной из проблем взаимоотношений России и Европейского Союза – проблеме доверия между народами России и европейских стран. Прочные экономические и политические отношения с Европейским Союзом, к которым стремится Россия, во многом зависят от взаимного доверия сторон. Особенностью этого анализа будет оценка отношений России и Европы через призму сибирского регионализма, поскольку я, прежде всего, житель Сибири, затем уже гражданин России и, наконец, европеец по культурно-исторической идентификации.

С точки зрения теории модернизации Европа является центром цивилизационного развития, Европейская Россия – полупериферией. Сибирь – периферийная территория, где жить, по представлениям европейцев, невозможно. В экономическом плане Россия всегда была покупателем технологий, готовой продукции и продавцом сырья: хлеба, металлов, топлива. Сибирь сейчас становится все более значимой для Европы, так как отсюда идут потоки газа и нефти. Сибирь обеспечивает российские претензии на звание энергетической супердержавы. Не случайно президент России В. Путин и канцлер ФРГ А. Меркель выбрали для встречи на высшем уровне сибирский город Томск. Рассмотрим, меняет ли возросшая роль Сибири в экономике Европы отношение европейцев к россиянам и наоборот? Заранее приношу извинения тем, кому мой подход покажется чересчур жестким.

Принципы отношений России и Европы стабильны в последние 300 лет. Несмотря на смену политических режимов в России, европейцы всегда предъявляли России одни и те же претензии культурного и политического характера. Это был всегда взгляд сверху, взгляд ментора на ученика. Таким он остается и сейчас. Менялась лишь форма выражения поучений. Были претензии к дикому деспотизму царской России, к тоталитарному советскому режиму, есть

они и к современной российской власти, которая обвиняется в авторитаризме.

В чем причина европейского неприятия России и русских? Если это политическая причина, то понятен страх перед реакционным царизмом в XIX в. и советской тоталитарной системой XX в., но непонятно, почему стиль отношений не изменился в конце XX в., когда Россия стала демократической страной?

Может быть, дело в культуре? В большом влиянии на Россию восточных традиций? Но Европа, отталкивая христианскую Россию, охотно поддерживает и принимает мусульманские страны – Албанию, Боснию и Турцию.

Может быть, причины взаимного недоверия коренятся в истории политических отношений? Действительно, Россия достаточно велика и сильна, чтобы внушать страх европейским обывателям. Петр Великий низвел в ранг второстепенных держав Швецию и Польшу, войска Елизаветы Петровны разгромили Пруссию, воины Екатерины II – Османскую империю. Устойчивые тенденции антирусских настроений проявились в европейском обществе во времена антифранцузских коалиций в конце XVIII – начале XIX в., когда Россия дала отпор объединенной Наполеоном европейской армии. Англия в течение всего XIX в. опасалась русского вторжения в Индию. Пугалом для европейских революционеров Россия была в том же XIX в. Уязвленное самолюбие националистов многих стран Европы помножилось на ненависть к русской империи со стороны либералов и социалистов. Чтобы в этом убедиться, достаточно почитать сочинения таких разных людей, как Клеменс Меттерних, Астольф де Кюстин или Карл Маркс.

Когда же Россия разродилась великой революцией 1917 г., ее не поняли и не приняли. Революция была слишком радикальной, социальные преобразования настолько глубокими, что потрясли основы миропонимания европейского бюргера. В Европе период социальных революций, вызванный становлением индустриального мира, уже был забыт. Европейцы не признали своих «коммунистических арий» в исполнении русских революционных матросов. От Советской России отгородились санитарным кордоном из обиженных ею ранее мелких национальных государств, железным занавесом санкций, одновременно обвиняя ее в закрытости и в бесчеловечности режима. Советский Союз выдержал этот карантин, построил вторую в мире по масштабам экономику, выстоял в беспре-

цедентной по жестокости войне с гитлеровским рейхом, вновь бросившим на восток объединенную армию Европы. Вы скажете, что Россия была не одинока, что ее союзницей, как и в период наполеоновских войн, была Великобритания? Однако этот союз не порождал взаимных симпатий, так как был вынужденным. Невозможно представить друзьями Сталина и Черчилля, наиболее полно представлявших национальные интересы своих государств. После исчезновения общего врага СССР и Англия разделили Европу. Период борьбы за передел мира между СССР и США и их европейскими союзниками получил название холодной войны.

СССР рухнул в 1991 г., но стена между Россией и Европой осталась. Либерального интернационала не получилось. Европейские демократы уклонились от объятий российских единомышленников. Они предпочли реализовать плоды победы в холодной войне, доказав, что национальные интересы для них превыше всего. Напрасно М.С. Горбачев говорит, что победителей в холодной войне нет. Есть победители – США с партнерами и проигравшие – Россия и ее малочисленные союзники. НАТО приближается к российским границам. На очереди вступления в блок Украина, Грузия, Финляндия, Азербайджан, Молдова. Это не может не вызывать тревогу в российском обществе. Русские не видят дружественных шагов со стороны Европы. Нас поучают и на нас наступают. Любые попытки защиты национальных интересов России в бывших советских республиках воспринимаются как возрождение Российской империи. Наступление НАТО убеждает россиян, что единственный сдерживающий фактор этой экспансии – ядерное оружие.

С приемом новых членов в НАТО уровень антирусских настроений в блоке будет расти, так как политическая элита новых членов НАТО пропитана русофобией. Политики «Старой» Европы лучше понимают российских лидеров, нежели руководители «Новой» Европы. Это показала дипломатическая борьба вокруг агрессии США в Ираке. Бывшие сателлиты СССР, в отличие от Германии и Франции, поддержали США – нового политического спонсора. Интересы США в данном случае совпадают с реваншистскими настроениями элиты восточноевропейских стран. США не нужна сильная и политически самостоятельная Европа. С раздражением руководители и идеологи США воспринимают и возвращение России к самостоятельной политике. Вновь предпринимается попытка сколотить из бывших советских республик и сателлитов СССР са-

нитарный кордон между Россией и «Старой» Европой. Вновь на главную роль в этом неблаговидном деле соглашается Польша. Американское вмешательство я считаю дополнительным фактором отчуждения России от Европы.

Сильны взаимные стереотипы отторжения. В европейском обществе Россию воспринимают как ужасную страну, где царят преступность, взяточничество, беззаконие, нищета. По этой причине, я считаю, французская судья не отдает дочь русской матери, так как та увезет ее в ужасную страну. Швейцарские власти не спешат разыскивать виновных в гибели русского самолета с детьми из России, так как это всего лишь дети из ужасной страны. России не выдают преступников типа Березовского, Гусинского, потому что эти «милые» и богатые люди вырвались из ужасной страны. Как бы восприняли в Европе или США факт приглашения в Россию ирландских, баскских или корсиканских сепаратистов? Однозначно как поощрение террористов. Сами же они это делают постоянно, привечая чеченских террористов. В Европе объявляют Ходорковского, уклонявшегося от уплаты налогов, политическим узником, однако за аналогичные преступления в своих странах любого карают беспощадно. Европейская пресса постоянно упрекает российские власти в нарушении прав человека, однако не замечает дискриминации русских в странах Прибалтики. Россию есть за что критиковать в области соблюдения гражданских прав. Нищее общество не может быть гуманным. Но тогда строгие требования нужно предъявлять всем странам, в том числе и членам Евросоюза. Двойные стандарты европейского общества, которые особенно сильно проявляются по отношению к России в деятельности Европарламента, ослабляют доверие к Европе как к эталону законности и морали.

Сильнейшим фактором, углубившим настроения недоверия к европейцам в России, стала работа Гаагского трибунала по Югославии. Гибель в Голландии одного за другим сербских руководителей, обвиненных в военных преступлениях, хотя они виноваты лишь в том, что проиграли в войне с НАТО, воспринимается многими в России как спланированное убийство. Безусловна вина суда в смерти Милошевича. После таких казусов Европа, как считают многие в России, не имеет права на менторский тон по отношению к другим странам.

Наконец, дополнительным фактором отчуждения является противостояние православной церкви и Ватикана. Римский папа не раз объявлял крестовые походы против России, начиная с XIII в. Католики и мусульмане были союзниками в наступлении против православия в Югославии, они же сотрудничают на Украине в борьбе против Русской Православной Церкви.

Следовательно, причины неприятия России европейцами не просто политические, а геополитические. Россия слишком велика и самобытна, чтобы ее Европа смогла переварить, не изменившись сама. Россия – особая цивилизация, непонятная большинству европейцев, а потому – опасная.

Вместе с тем сибирские энергоносители изменили отношения России и Европы. При всех антирусских настроениях европейского общественного мнения Европа не может игнорировать Россию, обойтись без сибирских нефти и газа. Европейцы не желают зависеть от «ужасной страны», но вынуждены покупать энергоносители в России, так как они самые дешевые, а поставки – самые надежные. Политический истэблишмент, в отличие от европейского обывателя, это уже осознает. В российско-украинском энергетическом конфликте общественное мнение Европы было на стороне Украины, хотя Украина воровала газ, предназначенный для замерзающей Европы. Европейские структуры проявили сдержанность, а правительства приняли российское предложение о прокладке газопровода в обход санитарного кордона, сооружаемого американцами на границе России.

Россия также вынуждена тратить большие средства на строительство новых портов для транспортировки топлива в Европу, так как недружественная политика прибалтийских стран делает невозможным использования для этой цели портов Эстонии и Латвии. Ту же цель обойти враждебную территорию преследует газопровод в Турцию – «Голубой поток». Кто проиграет от этих обходных маневров? Наверняка наши антироссийски настроенные соседи: вместо моста между Европой и Россией они превратятся в европейское захолустье.

Как воспринимаются все эти российско-европейские коллизии из Сибири? Сибирь – часть России, поэтому мы разделяем тревогу Москвы по поводу возросшей угрозы безопасности нашей страны со стороны НАТО. Мы, так же как и все россияне, возмущены расправой над сербами, дискриминацией русских соотечественников в

Прибалтике и на Украине, блокадой Приднестровья. Нам не понятно, почему движение к независимости, которое Европа благосклонно разрешает албанцам, невозможно для осетин, абхазов, русских на Украине и в Молдове?

Однако у жителей Сибири есть свои претензии и к Москве. Нам не нравится сам факт продажи топлива из холодной Сибири в относительно теплую Европу. Это расточительство за счет наших детей и внуков. Сибирь почти ничего не получает взамен энергетических ресурсов, доходами от продажи которых Москва распоряжается по своему усмотрению. 90% экспортных доходов страны формируется в Сибири, а в Москве сосредоточены 80% российских финансов. Не только климат, но и политика федерального центра делают жизнь в Сибири невыносимой. Уровень потребления энергии, газа в Сибири ниже, чем в Европейской России, низкий жизненный уровень населения заставляет его мигрировать из Сибири. Север Сибири становится безлюдным. Но на встрече с губернаторами Сибири в конце апреля 2006 г. в Томске В. Путин наотрез отказался увеличить долю доходов ресурсодобывающих регионов. Это свидетельствует о том, что Сибирь сейчас, как и при царе и при генеральных секретарях КПСС, остается для Москвы экономической колонией, резервуаром сырья.

В Сибири сильны сомнения в том, что федеральное правительство рационально распоряжается сибирскими энергетическими сверхдоходами. Лишние, по мнению Москвы, деньги складываются в Стабилизационный фонд, в котором съедаются девальвацией. Страна до сих пор не имеет стратегического плана развития, экономика восстанавливается медленно и не достигла 80% уровня 1989 г. Московские чиновники и бизнесмены монополизировала связи с Европой.

Таким образом, европейцы, имея дело с сибиряками, должны учитывать их психологию, иерархию идентификации. Сибиряки чувствуют себя ущемленными дважды: как русские в отношениях с европейцами и как жители дискриминируемой окраины в отношениях с Москвой. Лекарство от этой болезни – реальный федерализм. Уверен, что растущая роль Сибири в мировой экономике заставит и Москву, и Европу признать равные права жителей Сибири.

Европейцам для завоевания доверия русских лучше отказаться от двойных стандартов, от стратегии получения односторонних

преимуществ. Понятно, что Россия быстро не изменится. Для этого нужно время и экономические успехи. Подчинить Россию Европа также не в силах. Надо научиться жить рядом.

Запад по-прежнему воспринимается значительной частью российского общества как главная внешняя угроза. Отсутствие доверия на западной границе приводит к дополнительным затратам на вооружение, подталкивает политическую элиту России к мобилизационным методам восстановления экономики, ослабляет позиции демократии и делает ничтожными шансы либерализма. Проявим же, господа, взаимное терпение и уважение.

5.5. Советская история – потерянный век или героический период?

(Первая публикация: Инновации в атомной промышленности: Сборник статей. Северск, 2008. С. 177–180)

Наше восприятие истории определяет иудейско-христианское миропонимание, в основе которого лежит прогрессистская трактовка развития общества. Мы говорим об успешности развития страны, сравнивая ее приобретения с предыдущим временем и достижениями других стран. В силу этого при отсутствии или незначительности успехов в настоящем новая господствующая элита общества стремится приуменьшить достигнутое ранее, чтобы обосновать свои претензии на успешность. Так было в СССР, в котором поворот к позитивному и более полному освещению дореволюционной истории обнаружился только в конце 50-х гг. XX в., когда твердо обозначился рост уровня жизни.

Наше время демонстрирует те же тенденции в изменении общественного сознания. Негативное отношение к советской истории, господствовавшее в 90-е гг. XX в., сейчас, в связи с относительными экономическими успехами страны, уступает место более спокойному и взвешенному отношению к советской истории. Возрастает интерес к искусству советского периода истории, советской символике. Однако этот процесс идет медленно. Ученые в большинстве своем осознали пагубность очернения советского прошлого, но в СМИ по-прежнему

преобладают его негативные образы. Есть еще категория «писателей», которые пристроились зарабатывать на возрождении интереса к советской истории. К 90-летию Революции 1917 г. вышло большое число сочинений такого рода. Например, откровенно хамскую книгу по отношению к истории России и историкам опубликовали М. Веллер и А. Буровский (Гражданская история безумной войны. М.: АСТ, 2007. 640 с.). Эта меркантильная клоунада все же менее опасна, чем внешнеполитические последствия отечественного антисоветизма. «Аргументы» антикоммунистических и антисоветских опусов последних двух десятилетий взяли на вооружение наши заклятые «друзья» за рубежом. Прибалтийские, польские, грузинские, англо-саксонские русофобы используют фальсификации советской истории, чтобы создать негативный образ современной России. Эстонские власти, выбрасывая из могил кости советских воинов, не придумывали в оправдание своего варварства ничего нового по сравнению с антикоммунистическими трудами в России. Сейчас «борцы за демократию» дружно призывают наказать Россию за решительные действия на Кавказе. А. Илларионов, назвавший XX век потерянным для России, был советником у президента В.В. Путина, а теперь советует американским политикам, как лучше загнать в берлогу русского медведя. «Клеветники России» вновь активны в тех же странах, что и во времена А.С. Пушкина. Это наглядно показывает, что противостояние России с Западом не идеологическое, а геополитическое. Необходимо пересмотреть оценки советской внешней политики.

Советский период не случайный вывих истории. Он хорошо укладывается в процесс мировой модернизации как российский вариант индустриального общества. Социальные революции начала века расчистили площадку для строительства индустриального общества, подготовили для такового условия, указали к нему наиболее короткий путь. В сложнейшей геополитической ситуации первой трети XX в. Россия смогла совершить рывок из голодного лапотного прошлого в сравнительно сытый индустриальный мир. Сталинская индустриальная революция 1930-х гг. была лишь одним из шагов страны по индустриальному пути. Курс на государственную поддержку тяжелой индустрии обозначился еще в XIX в., его продолжение в 30-е гг. XX в. было обусловлено теми же внешнеполитическими оборонными задачами. В 50-е гг. XX в. Советский Союз стал страной с преобладающим индустриальным сектором в экономике. Что и было зафиксировано решениями XXI съезда КПСС как построение социа-

лизма полностью и окончательно. Решения верные, если их трактовать не как победу социализма, а как победу индустриального общества над аграрным. Достижения были грандиозны, жертвы – огромны. Этот период истории нашей страны еще назовут героическим.

Время Л.И. Брежнева обычно называют эпохой застоя, я же склонен считать это время периодом бурной и быстрой трансформации общества, происшедшей в результате революции массового потребления. У нас не принято применять этот термин к истории России. Одни историки не приемлют его из консерватизма, другие считают, что мы еще до нее не доросли, остановившись на стадии индустриализации. Я же полагаю, что революция массового потребления в СССР в 60–80-е гг. XX в. все же произошла, несмотря на ряд особенностей. Ведь именно в это время в СССР произошли резкий рост реальных доходов населения, массовое строительство благоустроенного жилья, улучшение структуры питания, смена стандартов жизни. Пусть этот процесс прошел позднее, нежели в развитых странах Запада, имел менее богатые материальную базу и стандарты потребления при высокой доле централизованных услуг и общественных фондов потребления, но он был реальностью, плодами его мы пользуемся до сих пор.

Эти перемены были осмыслены. Именно в конце 1970-х гг. была выдвинута идея «развитого социализма», заменившая совсем уже утопическую идею построения коммунизма. Еще рано подводить итоги советского периода истории, слишком политизировано отношение к нему, но некоторые выводы можно сделать и сейчас. Позитив истории СССР заключался, прежде всего, в индустриализации страны: потенциал индустрии вырос в 450 раз (в долларах); в механизации сельского хозяйства: потенциал вырос в 4 раза; в повышении жизненного уровня и смене стандарта жизни; в создании одной из лучших в мире систем образования и в культурной революции; в создании системы социального обеспечения; в сохранении национальных культур и народов; в сохранении суверенитета; в «цивилизованном» уходе коммунистов от власти. Негатив заключался в нерациональном использовании природных и трудовых ресурсов, в создании угрозы экологической катастрофы; в физических и моральных потерях населения в результате политических репрессий; в ограничении творческих и трудовых инициатив; в уничтожении рыночных традиций и навыков; в ограничении общественной самодеятельности и демократии; в создании международной напряженности и угрозы уничтожения человечества (совместно с США).

На суть сегодняшней ситуации есть разные точки зрения. По одной из них, мы возвращаемся в капитализм, и тем самым утверждается, что стране предстоит еще длительный путь совершенствования индустриального общества. Эта точка зрения удобна для новых собственников, происхождение капиталов которых небезупречно. Сторонники ее склонны закрыть глаза на моральную подоплеку приватизации, поскольку они считают идущий процесс обогащения периодом дикого первоначального накопления капитала, ссылаясь при этом на К. Маркса. Однако капитал уже накоплен трудами всего общества, и идет процесс не накопления, а перераспределения капитала. Причем новые собственники не добиваются большей эффективности в управлении предприятиями по сравнению с государственными чиновниками. Часть правящей элиты, судя по всему, приняла курс на возвращение к капитализму. Сторонники либеральной трактовки модернизации, зашоренные примитивным антикоммунизмом, считают советский опыт «контрмодернизацией», «псевдомодернизацией», не допуская даже мысли об альтернативе частнокапиталистической индустриализации[1].

Существует противная этой точка зрения, сторонники которой считают происходящее со страной ныне трагической ошибкой, результатом заговора мирового империализма, что народ скоро поймет козни врагов и потребует возвращения назад в социализм.

Думаю, что оба названных подхода к объяснению развития нашего общества ошибочны. Видимо, ближе к истине те, которые считают, что Россия стоит на пороге постиндустриального мира, что и капитализм и «реальный социализм» – это пройденные страной варианты развития индустриального мира, к которым нет смысла возвращаться. Я присоединяюсь к тем ученым, которые полагают, что сейчас Россия переживает состояние перехода в постиндустриальную стадию развития, хотя и не совсем к этому готова[2]. Именно эта идея положена в государственную стратегию современного правительства, стремящегося модернизировать экономику, а не реставрировать старый капитализм. Показательно в этом отношении интервью главы экспертного управления при президенте РФ А. Дворковича, в котором он 20 декабря 2007 г. заявил: «… мы не строим капитализм, мы строим нормальное общество, где люди могут жить комфортно и использовать, реализовывать свои таланты, чтобы зарабатывать деньги, за эти деньги иметь возможность купить нужные им товары, услуги, воспитывать детей»[3]. Это и есть основа для единства общества. Возрастание роли

государства в такой момент истории закономерно. Национальные программы указывают на неизбежность государственного дирижирования в строительстве нового информационного общества. Е.М. Примаков прямо говорит о том, что в России «лишь государственное участие в экономике оказалось способным обеспечить ее отход от односторонней сырьевой ориентации, которая уготавливала ей незавидное будущее второстепенного члена мирового сообщества», говорит «о необходимости промышленной политики, начисто отвергаемой сначала псевдолибералами, а затем их последователями»[4].

Не надо выбрасывать советский опыт на свалку и пренебрегать им. Советский вариант развития индустриального общества рожден революционной ситуацией начала XX в. Он не выдержал испытания временем на этапе перехода в постиндустриальную стадию. Чтобы сломать отжившую систему директивной экономики, вновь понадобились революционные меры, вот поэтому революция 1991–1993 гг. не антитеза, а продолжение русской революции 1917 г. в едином контексте модернизации общества. Мы все еще пользуемся советским багажом в экономике, политике и культуре.

Полагаю, что в учебниках истории и для школы и для вузов должен соблюдаться принцип одинакового отношения ко всем периодам истории России, так как все поколения в равной степени заслуживают уважения за свой труд и ратные подвиги во имя своей страны. У нас не было золотого века, нам всегда жилось трудно, но от века к веку лучше. Нам есть чем гордиться и есть что защищать. У нас единое прошлое. Советский период дал важнейшие результаты – индустриализацию и Победу. Об этом и надо прежде всего говорить подрастающему поколению, чтобы консолидировать страну. Мир не стал гуманнее, поэтому, чтобы нас не смяли, Россия должна быть сильной и единой.

Примечания

[1] *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу. М.: РОССПЭН, 2006. С. 213–216.

[2] *Стародубровская И., Мау В.* Великие революции от Кромвеля до Путина – http://www.liberal.ru/lib.asp?Num=36; и др.

[3] http://www.vesti.ru/doc.html?id=153273&cid=0

[4] *Примаков Е.М.* 2007 год: прощание с псевдолибералами // Российская газета. 2008. 15 янв.

VI. Список научных трудов В.П. Зиновьева

1. Научно-исследовательские труды

1970 г.

1. О первоначальном накоплении капитала в Сибири // Сборник докладов 24-й научной студенческой конференции, посвященной столетнему юбилею со дня рождения В.И. Ленина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 43–45.

1971 г.

2. Ранние монополии в Сибири (на примере стачек винокуренных заводчиков) // Тезисы докладов IX научной конференции студентов и аспирантов. Новосибирск: НГУ, 1971. С. 26–27.

1972 г.

3. Формирование рабочих кадров в горной промышленности Сибири накануне революции 1905–1907 гг. // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. Вып. 3. С. 82–84.

1973 г.

4. К вопросу об экономическом положении горнорабочих Сибири (1895–1914 гг.) // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. Вып. 8. С. 130–159.

1974 г.

5. К расчету реальной заработной платы приисковых рабочих Сибири (на материалах приисков Томского горного округа) // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1974. Вып. 14. С. 86–99.

6. Нормы эксплуатации горнорабочих Сибири (1895–1917 гг.) // Материалы конференции молодых ученых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1974. Вып. 1. С. 106–108.

1976 г.

7. О рынке рабочей силы для горной промышленности Сибири (1895–1917 гг.) // Рабочие Сибири в период империализма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. С. 52–68.

1978 г.

8. Промышленность и рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861–1917 гг.): Библиографический указатель. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. 211 с. В соавт. с А.Л. Афанасьевым, Н.В. Блиновым, В.А. Бузановой и др.

9. Стачечная борьба рабочих Сибири в период империализма: хроника, статистика, историография. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. 323 с. В соавт. с Н.В. Блиновым, Д.М. Зольниковым, А.Е. Плотниковым, А.П. Толочко, В.А. Скубневским.

10. Томская губерния в период империализма и буржуазно-демократических революций в России (1900–1917 гг.) // Из истории земли Томской: Сборник документов и материалов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. Вып. 1. С. 159–163.

1979 г.

11. Рабочие Сибири в 1907–1917 гг. // Рабочие Сибири в период капитализма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 3–37.

12. Объективные предпосылки участия горнорабочих Сибири в революции 1905–1907 гг. // Вопросы истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 52–58.

1980 г.

13. Стачки и волнения рабочих Сибири в 1861–1894 гг.: Статистический анализ // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. С. 70–93. В соавт. с А.Е. Плотниковым.

14. Рабочее движение в Алтайском горном округе во второй половине XIX в. // Барнаулу 250 лет. Барнаул: АГУ, 1980. С. 110–112.

15. Горная промышленность и формирование горнорабочих (1895–1917 гг.) // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализм. Новосибирск: Наука, 1980. С. 6–31.

1981 г.

16. Численность и концентрация промышленных рабочих Азиатской России в 1850–1914 гг. // Рабочий класс центра страны и Сибири. Новосибирск: Наука, 1981. С. 147–157.

17. Формирование пролетарских кадров в Сибири в 60–90 е гг. XIX в. // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск: Наука, 1981. Вып. 1. С. 81–85.

18. Размещение рабочих крупной капиталистической промышленности Азиатской России накануне Первой мировой войны (опыт статистического анализа) // Рабочий класс России в период империализм. М.: Институт истории СО АН СССР, 1981. С. 81–103.

1982 г.

19. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: Наука, 1982. 459 с. В соавт. с Н.В. Блиновым, Д.М. Зольниковым, Д.Я. Резуном и др.

20. Материалы о рабочих Сибири // Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 гг. М.: Наука, 1982. 464 с.

21. Методы капиталистической эксплуатации рабочих в золотопромышленности России // Из истории буржуазии в России. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. С. 64–78.

22. Отраслевая структура рабочих Сибири накануне и в годы первой русской революции // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть советов в Сибири (1905–1920 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. С. 56–61.

1983 г.

23. Предисловие // Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. С. 3–4.

24. Проблемная лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири при Томском университете (итоги и перспективы исследования) // История СССР. 1983. № 4. С. 213–215. В соавт. с В.А. Дремовым и А.Г. Тимошенко.

1984 г.

25. Историография рабочего движения в Сибири в XIX в. // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 124–125.

26. Сибирская периодическая печать о Морозовской стачке 1885 г. // Морозовская стачка 1885 г. и рабочие Центрального Промышленного района России в конце XIX – начале XX в. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1984. С. 53–58.

27. Методы вторичной эксплуатации в горной промышленности Сибири в период капитализма // Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма. Барнаул: АГУ, 1984. С. 106–128.

1985 г.

28. Рец. История рабочего класса СССР // Известия СО АН СССР. 1985. № 9. Вып. 2. Серия истор., филол., философ. С. 64–65. В соавт. с В.Н. Большаковым.

29. Предисловие // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. С. 3–4.

30. Методика составления хроники рабочего движения в Сибири в период капитализма // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. С. 150–168. В соавт. с Н.В. Блиновым.

1986 г.

31. Стачечное движение горнорабочих Сибири накануне и в период буржуазно-демократических революций в России // Революционное и общественное движение в Сибири в конце XIX – начале XX в. Новосибирск: Наука, 1986. С. 7–20.

32. *Обзор* основных источников по истории горной промышленности Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. Вып. 1. С. 102–104.

1987 г.

33. Рабочее движение на Алтае во второй половине XIX в. // Очерки истории Алтайского края. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1987. С. 155–162.

34. Отражение стачечной борьбы рабочих Азиатской России накануне первой российской революции в общероссийских хрониках рабочего движения // Вопросы истории, историографии и источниковедения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. С. 31–33.

35. Влияние политической ссылки на рабочее движение в Сибири. историографический аспект // Политическая ссылка в Сибири. XIX – начало XX в. Историография и источники. Новосибирск: Наука, 1987. С. 73–80.

36. Рабочие из коренных народов Сибири на капиталистических предприятиях // Смена культур и миграции в Западной Сибири (причины и динамика). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. С. 61–63.

37. Первые стачки в Тобольске. Апрель – июнь 1827 г. // Роль Тобольска в освоении Сибири: Тезисы областной научной конференции, посвященной 400-летию Тобольска. 3–4 июня 1987 г. Тобольск, 1987. С. 64–65.

1988 г.

38. Политическая ссылка и рабочее движение в Сибири в 70–90-е гг. XIX в. // Политическая ссылка и революционное движение в России. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск: Наука, 1988. С. 73–80.

39. Промышленное и транспортное освоение Сибири во второй половине XIX в. в советской историографии // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализм. Историография проблемы. Новосибирск: Наука, 1988. С. 25–41.

40. Лесопромышленность Томской губернии. 1861–1917 гг. // Из истории Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. С. 3–15. В соавт. с Абатулиной С.Г.

41. Горная отчетность как демографический источник // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. Вып. 1: Досоветский период. С. 187–189.

42. Записки ЗСОИРГО об истории промышленного освоения Западной Сибири // История Западной Сибири в дореволюционный период: Тезисы докладов омской областной научной конференции, посвященной 110-летию Омского краеведческого музея. Омск, 1988. С. 14–15.

43. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика: В 3 т. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. Т. 1: XVII в. – 1904 г. 374 с. В соавт. с П.З. Курускановым

44. Прошения о пенсиях как исторический источник о рабочих кадрах сибирской золотопромышленности в XIX – начале XX в. // Проблемы историографии и источниковедения дореволюционной Сибири. Омск: ОмГУ, 1988. С. 69–78.

1989 г.

45. Предисловие // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. С. 3–5.

46. Бердский бунт 1869 г. // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. С. 188–198. В соавт. с А.Т. Топчием.

47. Изучение борьбы наемных рабочих и работных людей в Сибири в XVIII–XIX вв. // Некоторые вопросы отечественной истории в советской историографии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. С. 21–32.

48. Динамика добывающей промышленности Томской губернии в период капитализма // Социально-экономическое развитие Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск: Иркутский пед. ин-т, 1989. С. 21–28.

49. Временные промысловые поселки в освоении Сибири в период капитализма // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. Вып. 1: Палеодемография и демографические процессы в Сибири в эпоху феодализм и капитализма. С. 115–116.

1990 г.

50. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика: В 3 т. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. Т. 2: 1905 – июнь 1907 гг. 376 с. В соавт. с Б.К. Андрющенко, В.А. Бузановой, П.С. Коноваловым и др.

51. Основные источники по истории добывающей промышленности Сибири (60–90-е гг. XIX в.) // Источники по истории освоения Сибири в период капитализма. Новосибирск: Наука, 1989. С. 133–147.

52. Основные этапы и формы рабочего движения в Сибири // История и общество в панораме веков. Всесоюзная Байкальская

историческая школа: Тезисы докладов. Иркутск: Иркутский ГУ, 1990. Вып. 1. С. 95–99.

53. Формирование капиталистических отношений в рыбопромышленности Сибири // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул: АГУ, 1990. С. 119–133. В соавт. с Э.В. Галажинским.

54. К периодизации рабочего движения в России в XIX в. // Проблемы историографии и источниковедения пролетариата Центрального Промышленного района России. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1990. Вып. 1. С. 9–15.

1991 г.

55. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика: В 3 т. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. Т. 3: Июнь 1907 г. –февраль 1917 г. 343 с. В соавт. с Н.М. Дмитриенко, А.П. Толочко, П.Ф. Никулиным и др.

56. Предисловие // Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источники. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. С. 3–4.

57. Озерное рыболовство в Сибири в XIX – начале XX в. // Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источники. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. С. 62–81.

58. Лесоторговля в Омске в XIX – начале XX в. // Областная научно-практическая конференция, посвященная 275-летию города Омска: Секция «История Омска и Омской области». Омск: ОмГУ, 1991. С. 46–48.

59. Первые электростанции в Томске // Томский календарь памятных событий и дат на 1991 год. Томск, 1991. С. 31–32. В соавт. с Н.М. Дмитриенко.

1992 г.

60. Керевское каторжное село // Томская старина. 1992. № 2. С. 6–7.

61. Побеги рабочих Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Проблемы классовой борьбы и общественного движения в Сибири в дооктябрьский период. Омск: ОмГУ, 1992. С. 6–19.

62. Забытый спор: Н.М. Ядринцев – Н.В.Скорняков // Научная конференция памяти Н.М. Ядринцева. Омск, 1992. Секция историографии и методологии истории. С. 8–11.

63. Новые данные о распространении социалистических идей в Сибири в конце XIX – начале XX в. // Проблемы общественно-политической и культурной жизни Сибири XIX в. Барнаул: АГУ, 1992. С. 120–132.

64. Социально-политический облик сибирского отряда рабочего класса России накануне Революции 1917 г. // Из истории социальной и общественно-политической жизни советской Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. С. 13–18.

1993 г.

65. Этапы индустриального развития Сибири // Научная сессия Томского университета (апрель 1992 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. Ч. 1: Социально-экономические и гуманитарные науки. С. 91–94.

66. Формирование постоянных кадров в сибирской золотопромышленности в начале XX в. // Социально-политическое развитие Сибири в XIX–XX вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. С. 27–38.

67. Традиции артельного труда в Сибири в XIX – начале XX в. // Организация труда и трудовая этика. Древность, средние века, современность. М.: ИВИ РАН, 1993. С. 241–252.

68. Обские рыбопромышленники // Российское купечество от Средних веков к Новому времени (XIV – первая половин XIX в.). М.: Институт российской истории РАН, 1993. С. 96–99.

69. Маклерские книги как источник по истории России XIX в. // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск: ОмГУ, 1993. С. 71–74.

70. К «Хронике общественного движения в Сибири в XIX – начале XX в.» // История общественных движений и политических партий России. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. С. 14–17.

1994 г.

71. Город Нарым (водотопное место) // Сибирская старина. 1994. № 7 (12). С. 6–8.

72. Петр Иоакимович Пальчинский // Из прошлого Сибири. Новосибирск: НГУ, 1994. Вып. 1–2. С. 5–14.

73. Этапы индустриального освоения Сибири // Хозяйственное освоение Сибири: вопросы истории XIX – первой трети XX вв. ТомГУ, 1994. С. 5–28.

74. Государственное и частное предпринимательство в Сибири. Этапы взаимодействия // Предпринимательство в Сибири: Материалы конференции. Барнаул: АГУ, 1994. С. 3–6.

75. Артель в дореволюционной Сибири // Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни России (XIX – начало X вв.). Омск: ОмГУ, 1994. С. 26–38.

76. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1994. Т. 1, кн. 1. 170 с. В соавт. с Д.Я. Резуном, А.С. Зуевым, В.А. Скубневским и др.

77. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1994. Т. 1, кн. 2. 168 с. В соавт. с Д.Я. Резуном, А.С. Зуевым, В.А. Скубневским и др.

78. Промыслы населения Нижнего Притомья в XIX – начале XX в. // Северск: история и современность. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. С. 46–53.

79. Сибирская торговля в XIX – начале XX века: Библиографический указатель отечественной литературы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 128 с. В соавт. с Б.К. Андрющенко, В.А. Скубневским и А.В. Старцевым.

80. Дополнения к хронике рабочего движения в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск: ТомГУ, 1994. С. 110–113.

81. Предисловие // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск: ТомГУ, 1994. С. 3–5.

82. Винные откупа в Сибири в XVIII–XIX вв. // Исторический опыт освоения Западной Сибири. Томск: ТомГУ, 1994. С. 36–51.

83. Из истории самоуправления Томска (организация аренды городского имущества) // Гражданское общество и региональное развитие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. С. 21–22.

84. Томская область. Исторический очерк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 655 с. В соавт. с Н.М. Дмитриенко, Е.А. Васильевым и др.

1995 г.

85. Лесные и рыбные промыслы Причулымья в XIX – начале XX в. // Земля Асиновская. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 77–84.

86. Купеческая семья Кухтериных // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.). Барнаул: АГУ, 1995. С. 191–203. В соавт. с Н.М. Дмитриенко.

87. П.И. Пальчинский – великий инженер России // История российской интеллигенции (материалы и тезисы научной конференции). М.: МАДИ, 1995. Ч. 2. С. 51–53.

88. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1995. Т. 1, кн. 2. 170 с. В соавт. с Д.Я. Резуном, А.С. Зуевым, В.А. Скубневским и др.

89. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1994. Т. 2, кн. 2. 184 с. В соавт. с Д.Я. Резуном, А.С. Зуевым, В.А. Скубневским и др.

90. Стачечное рабочее движение на Дальнем Востоке России. Хроника 1905–1916 гг. // Материалы к хронике общественного движения в Сибири. 1895–1917 гг. Томск: ТомГУ, 1995. С. 131–165. В соавт. с Л.В. Попелковой.

91. Яйский лесопромышленный (история акционерного общества «Яялес»). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 311 с. В соавт. с Н.М. Дмитриенко и П.С. Коноваловым.

92. Об октябрьских событиях 1905 г. в Томске // Революция 1905–1907 гг. и общественное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Омск: ОмГУ, 1995. С. 80–93.

93. Ценные рукописи по истории промышленного освоения Сибири (В.Е. Аврамов, П.И. Пальчинский, В.И. Шемелев) // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск: ОмГУ, 1995. С. 67–71.

1996 г.

94. Нарымские рыбопромысловые пески // Земля каргасокская. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 214–221.

95. Менеджеры Сибири. XIX – начало XX вв. // К истории предпринимательства в Сибири: Материалы Всероссийской научной конференции. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1996. С. 38–42.

96. Общественное движение в Томске в XIX в. // Доклады региональных межвузовских «Потанинских чтений», посвященных

160-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина. Томск: ТомГУ, 1996. С. 42–50.

97. О составлении хроники общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. // Из истории революций в России (первая четверть XX в.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. Вып. 1. С. 77–81.

98. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1996. Т. 3. Кн. 1. 161 с. В соавт. с Д.Я. Резуном, А.С. Зуевым, В.А. Скубневским и др.

99. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1996. Т. 3, кн. 2. 138 с. В соавт. с Д.Я. Резуном, А.С. Зуевым, В.А. Скубневским и др.

100. Общественное движение в Омске. 1895 – февраль 1917 гг. Томск: ТомГУ, 1996. 170 с. В соавт. с А.Е. Плотниковым, А.П. Толочко, Ю.П. Родионовым.

101. За штатом (Нарым в XIX – начале XX в.) // Земля парабельская. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 121–152.

102. Купеческая семья Кухтериных // Былое. М., 1996. № 9–10. В соавт. с Н.М. Дмитриенко.

103. Китайские и корейские рабочие на горных промыслах Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. // Вопросы экономической истории России XVIII–XX вв. Томск: ТомГУ, 1996. С. 79–100.

104. Интеллигенция пос. Чекист // Образование. Культура. Духовность: Материалы первых северских культурно-исторических чтений, посвященных дням славянской культуры и письменности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 68–69.

105. Поселок Чекист // Неизвестный Северск. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 60–79.

1997 г.

106. Кого везла «Фортуна»? // Земля верхнекетская. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. С. 359–358.

107. Этнический аспект общественного движения в Сибири и на Дальнем Востоке накануне Революции 1917 г. // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Общественное движение в Сибири в начале XX века. Омск: ОмГУ. 1997. С. 86–91. В соавт. с Е.В. Карих.

108. Письма Г.Н. Потанина к М.Г. Васильевой как источник по социальной истории сибирских городов начала XX в. // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск: ОмГУ, 1997. С. 109–112.

109. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1997. Т. 3, кн. 3. 125 с. В соавт. с Д.Я. Резуном, А.С. Зуевым, В.А. Скубневским и др.

110. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1997. Т. 4, кн. 1. 144 с. В соавт. с Д.Я. Резуном, Н.М. Дмитриенко, В.А. Скубневским и др.

111. Неопубликованные исследования по истории промышленного освоения Сибири (В.Е. Абрамов, П.И. Пальчинский, В.И. Шемелев) // Сибирские архивы и историческая наука. Кемерово: КемГУ, 1997. С. 36–38.

112. Казахи Чуйской долины (конец XIX – начало XX в.) // Россия, Сибирь и государства Центральной Азии (взаимодействие народов и культур). Барнаул: Барнаульский гос. пед. ун-т, 1997. С. 27–31.

113. Родюковы // Сибирь в XVI–XX веках. Экономика, общественно-экономическая жизнь и культура. К 70-летию члена-корреспондента РАН Л.М. Горюшкина. Новосибирск, 1997. С. 86–94.

114. Горный инженер В.С. Реутовский // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Барнаул: АГУ, 1997. С. 75–81.

1998 г.

115. Исследование истории Сибири XVIII – начала XX вв. в Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири // Юбилейный сборник научных трудов Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири при ТГУ. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 73–80.

116. В.И. Шемелев – историк и краевед Алтая // Актуальные вопросы истории Сибири. Научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина 20 мая 1997 г. Барнаул: АГУ, 1998. С. 168–172.

117. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1998. Т. 4, кн. 2. 129 с. В соавт. с Д.Я. Резуном, Н.М. Дмитриенко, В.А. Скубневским и др.

118. «Киргизский» вопрос на землях Алтайского округа Кабинета // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX). Международная научная конференция, посвященная 175 летию образования Омской области: Тезисы докладов и сообщений. Омск: ОмГУ, 1998. С. 65–68.

119. Нарымский край в XVI – начале XX в. // Нарымский край – мое отечество: Материалы зональной научно-практической конференции, г. Колпашево, 27 июня 1997 г. Томск. 1998. С. 6–10.

1999 г.

120. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1999. Т. 4, кн. 3. 103 с. В соавт. с Д.Я. Резуном, Н.М. Дмитриенко, В.А. Скубневским и др.

121. Революции XX в. в России в свете теории модернизации // Историческая наука на рубеже веков: Материалы Всероссийской научной конференции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 16–26.

122. Валентин Воложанин – томский социал-демократ // Вопросы отечественной и всеобщей истории: Сборник статей. Томск: ТГПУ, 1999. С. 22–27.

123. История дорожного дела в Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 284 с. В соавт. с Б.К. Андрющенко, В.А. Бузановой, В.Г. Зыковой, П.С. Коноваловым.

124. Пароходные промыслы на Оби // Земля александровская: Сборник научно-популярных очерков к 75-летию образования Александровского района. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 292–299.

125. Пригородная Петропавловская волость в 1920-е гг.: социально-экономическое развитие // «Сибирь – мой край …». Проблемы региональной истории и исторического образования: Сборник научных трудов. Новосибирск: НГПУ, 1999. С. 262–272.

126. История Северска. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 258 с. В соавт. с Б.К. Андрющенко, В.Г. Зыковой, П.С. Коноваловым.

127. Славянское единство и судьбы СНГ // Славянское единство: Международная научная конференция, посвященная 2000-летию

Рождества Христова: Тезисы докладов и сообщений. Омск: ОмГУ, 2000. С. 25–29.

128. Томск: История города от основания до наших дней. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 427 с. В соавт.

129. Сибирь в экономике России XVIII – начала XX вв. // Сибирь в составе России. Томск, 1999. С. 9–40.

130. Исследования по истории Сибири в Томском университете в конце 1980-х – 1990-е гг. // Там же. С. 93–106.

131. Список научных трудов профессора Н.В. Блинова // Там же. С. 107–114.

132. Исследования по истории Сибири в Томском университете в конце 1980-х – 1990-е гг. // Вестник Томского государственного университета. Томск. 1999. Т. 268. С. 4–8.

133. Исследования по истории Сибири в Томском университете в конце 1980-х – 1990-е гг. // Северо-Восточная Азия на карте. Т. 2. Сендай: Тохоку-университет. Центр исследования Северо-Восточной Азии, 1999. С. 51–67. (на японском языке).

134. Стачки винокуренных заводчиков и виноторговцев Сибири в 70–90-е гг. XIX в. // Человек в истории. Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 177–185.

2000 г.

135.»И в Сибири также солнце светит и здесь народ живет…» (Бытовые письма как источник по социальной истории Сибири) // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории: Тезисы докладов и сообщений IV региональной научно-методической конференции. Омск, 2000. С. 92–96.

136. Средний Васюган – 300 лет: Исторический очерк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 110 с. В соавт.

137. Определение южных границ Западной Сибири в XVIII–XX вв. // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. Томск: Изд-во Том. ун-та, С. 5–10.

138. Судьбы северских деревень // Труды музея г. Северска. Вып. 1: Музей и город. Томск: Изд-во Том. ун-та, С. 104–108.

139. Октябрьская революция 1917 г. в контексте перехода России от аграрного общества к индустриальному // Труды научно-практической конференции «Октябрьская революция и ее место в истории XX века». Томск, 2000. С. 15–20.

140. Алтайский округ Кабинета во внешней политике России. XIII – начало XX в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул. 2000. С. 9–16.

2001 г.

141. Новатор (о Ю.В. Куперте) // По страницам истории и судьбы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 117–118

142. Торговый обмен Сибири и Центральной Азии в XVI – начале XX в. // Сибирь в системе международных связей. Томск, 2001. С. 8–12.

143. Предисловие (некоторые итоги изучения региональных связей Сибири и стран Центральной Азии) // Сибирь в системе международных связей. Томск, 2001. С. 3–7.

144. Организация сельского управления на месте города Северска в 20–60-е гг. XX в. // Музей и город: Тезисы III межрегиональной научно-практической конференции. Северск. 2001. С. 19–24.

145. Россия: исторические традиции и вызов времени // Вестник Института России. Вып. 1: Сборник материалов конференции «Россия: политика, экономика, культура, история». Тайбей", 2001. С. 232–237.

146. Материалы государственного архива Томской области как источник по истории Казахстана // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.). II Международная конференция: Тезисы докладов и сообщений. Омск; Кокшетау: Изд. ОмГУ, 2001. С. 14–16.

147. Правовой статус наемных рабочих сибирских мануфактур XVIII–XIX вв. // Проблемы истории и исторического познания. Томск, 2001. С. 76–84.

148. Крестьянские письма как источник по истории освоения Сибири // Европейские исследования в Сибири. Вып. 3: Материалы Всероссийской научной конференции «Американский и сибирский фронтир» 6–8 февраля 2001 г. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 17–20.

149. Лесные пожары в Сибири в XIX – начале XX в. // Опыт природопользования в Сибири в XIX – начале XX в. Новосибирск: Новосибирский университет, 2001. С. 163–170.

150. Томский некрополь. Списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах 1827–1939. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 328 с. В соавт.

151. О переименовании улиц исторического города (Площадь революции) // Историческая наука на рубеже веков: Материалы Всероссийской научной конференции. Т. 4. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 169–172.

2002 г.

152. Угроза исламского экстремизма в Центральной Азии // Россия – Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности: Материалы семинара «Безопасность в «контактных зонах» Азиатской России и Центральной Азии: опыт и практика регулирования этнополитических напряжений». Барнаул. 26 27 февраля 2002 г. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 47–53.

153. Доставщики // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. XII. С. 49–52.

154. Роль китайцев в процессе освоения Сибири и русского Дальнего Востока в XIX–XX вв. // Сборник научной конференции «Россия и отношения между обеими сторонами Тайваньского пролива». Вестник института России. Тайбэй, 2002. Вып. 2. С. 294–303.

155. Мариинский ликеро-водочный завод. 1902–2002. Томск: Изд-во Том. ун-та, 284 с. В соавт. с Б.К. Андрющенко, Л.А. Багаевой, В.А. Бузановой, В.Г. Зыковой.

156. Современная отечественная историография индустриального развития Сибири в XIX – начале XX в. // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.). К 75-летию члена-корреспондента РАН Л.М. Горюшкина: Материалы Международной научной конференции. Новосибирск, 2002. С. 208–213.

157. Концепция проекта Томского МИОНа // Первая Всероссийская научно-практическая конференция грантополучателей программы Межрегиональные исследования в общественных науках «Потенциал социально-гуманитарных наук и проблемы развития современного российского общества» 18–20 декабря 2002 г.: Сборник аннотаций и докладов. СПб., 2002. С. 72–73.

2003 г.

158. Александр Ермолаевич Плотников в студенческие годы // Омские исторические чтения. Омск: Издание ОмГУ, 2003. С. 4–11.

159. Экономика Содружества Независимых Государств и Балтии в 1992–2002 гг. // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность): Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. Омск: Изд. ОмГУ. 2003. С. 153–161.

160. Особенности становления индустриального общества в Сибири в XIX – начале XX в. // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XVIII–XX в. Томск, 2003. С. 35–48.

161. Russia's Place in Europe // The Future of European Union Relations with Eastern Europe held in Oxford, United Kingdom. 15–17 November 2002. Томск, 2003. С. 21–24.

162. Локальные исследования и большая история // Томск советский: Материалы городской научно-практической конференции Томского регионального отделения Общероссийского общественного объединения «Российские ученые социалистической ориентации». Томск: Издательство ИОА СО РАН, 2003. С. 95–98.

163. Экономический кризис в странах Центральной Азии как основа социальной нестабильности // Российская Западная Сибирь – Центральная Азия: новая региональная идентичность, экономика и безопасность: Материалы Международной конференции. Белокуриха. 24–25 мая 2002 г. Барнаул: Аз Бука, 2003. С. 301–309.

164. Основные тенденции формирования экономических отношений между странами СНГ и Балтии // Евразийство и Казахстан: Труды Евразийского научного форума: «Гумилевские чтения». Астана, 2003. Т. 2. С. 8–13.

165. Отношения регионов Сибири и Центральной Азии // Степной край Евразии: Историко-культурные взаимодействия и современность: Тезисы докладов и сообщений III научной конференции. Астана – Омск – Томск, 2003. С. 17–19.

166. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв.: Сборник материалов Всероссийской конференции. Новосибирск: НГУ, 2003. С. 185–193.

167. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // Сибирь в контексте мировой культуры. Опыт самоописания. Томск: Сибирика, 2003. С. 19–27.

2004 г.

168. Исторический факультет // Томский университет. Ежегодник-2003. Факультеты и подразделения в 2003 году (история, хроника, комментарии, статистика). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 118–130.

169. Томский межрегиональный институт общественных наук ТГУ (2003) // Томский университет. Ежегодник-2003. Факультеты и подразделения в 2003 году (история, хроника, комментарии, статистика). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 261–266.

170. Рец. Умбрашко К.Б. М.Т. Каченовский и «скептическая школа» об особенностях истории России. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2001. – 356 с. // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 97–98.

171. Эпистолярное наследие великого сибиряка // Г.Н Потанин, М.Г. Васильева «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью». Переписка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 3–10. В соавт. с В.А. Есиповой и Г.И. Колосовой.

172. Томская городская дума в революции 1905–1907 гг. // Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX веков: Сборник материалов региональной научной конференции. Новосибирск, 2004. С. 131–136.

173. Рабочее движение в Средней Азии и Казахстане в XIX – 1904 г. // Народы Евразии: культура и общество: Материалы научной конференции, посвященной 10-летию Евразийской концепции Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева в Году России в Казахстане. Астана, 2004. С. 64–66.

174. Социально-политическая история Сибири второй половины XIX – начала XX вв. в современной историографии // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве (к юбилею профессора Е.И. Соловьевой): Материалы региональной научно-практической конференции (Новосибирск, 15–16 апреля 2004 г.). Новосибирск, 2004. С. 65–68.

175. В.Е. Воложанин и сибирское областничество. Из истории одной полемики // Человек – текст – эпоха. Вып. 1: Формирование жизненной среды и менталитета. Томск, 2004. С. 191–205.

176. Воложанин Валентин Евгеньевич // Томск от А до Я. Краткая энциклопедия города. Томск, 2004. С. 58.

177. Завод пищевых продуктов «Томский» // Там же. С. 118.

178. Киров Сергей Миронович // Там же. С. 147.

179. Куйбышев Валериан Владимирович // Там же. С. 179.

180. Некрасов Николай Виссарионович // Там же. С. 233.

181. Октябрьские события 1905 г. // Там же. С. 246.

182. Рабочее движение // Там же. С. 283–284. Совместно с Н.М. Дмитриенко.

183. Революция 1905–1907 гг. // Там же. С. 289–290.

184. Реутовский Вячеслав Степанович // Там же. С. 293–294.

185. Коммунистическая партия Советского Союза // С. 156–158. В соавт. с Н.С. Ларьковым и А.В. Войтовичем.

186. Сибирский регион в историческом освещении // Факторы формирования духовного мира и социального облика населения Западной Сибири с древности до современности. Томск, 2004. С. 46–57.

187. П.И. Пальчинский о природе сибирского регионализма // Проблемы этнического сепаратизма и регионализма в Центральной Азии и Сибири. Барнаул, 2004. С. 69–74.

188. Памяти Олега Николаевича Разумова // Томский финансовый журнал. 2004. № 1. С. 27. В соавт. с Н.С. Ларьковым.

2005 г.

189. От чистого истока. Век томского водопровода / Ред. В.П. Зиновьев, А.Ф. Порядин. Томск: ГалаПРЕСС, 2005. 304 с. В соавт. с Л.А. Багаевой, В.А. Бузановой, В.Г. Зыковой, Е.В. Карих, В.И. Черкашиным.

190. Волнения на крепостных мануфактурах Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв.: Сборник научных трудов. Новосибирск, 2005. С. 86–92.

191. Томский межрегиональный институт общественных наук ТГУ // Исследовательский университет: Сборник статей. Томск, 2005. С. 68–78. В соавт. с Г.В. Майером, Э.И. Черняком.

192. Исторический факультет // Томский университет. Ежегодник-2004. Факультеты и подразделения в 2004 году (история, хроника, комментарии, статистика). Томск, 2005. С. 131–142. В соавт. с А.В. Литвиновым.

193. Томский межрегиональный институт общественных наук ТГУ // Томский университет. Ежегодник-2004. Факультеты и под-

разделения в 2004 году (история, хроника, комментарии, статистика). Томск, 2005. С. 284–288. В соавт. с Е.Ф. Троицким.

194. Гуманитарные и правовые вопросы взаимодействия стран СНГ и Балтии // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность): Межвузовский сборник научных трудов. Омск, 2005. Вып. 3. С. 159–166.

195. Основные направления внешней политики Казахстана на современном этапе // Степной край Евразии. Историко-культурные взаимодействия и современность: Тезисы докладов и сообщений IV Международной научной конференции, посвященной 170-летию со дня рождения Г.Н. Потанина и Ч.Ч. Валиханова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 220–226.

196. Томская ГРЭС-2. 60 лет. 1945–2005 гг. Томск: PROMO, 2005. 200 с. В соавт. с Л.А. Багаевой, В.А. Бузановой, Л.М. Вороновой, В.Г. Зыковой, Е.В. Карих.

197. Формирование сибирского отряда рабочих России в XVIII – первой половине XIX вв. // Современное историческое сибиреведение. XVII – начала XX вв. К 60-летию профессора В.А. Скубневского. Барнаул: Аз Бука, 2005. С. 226–243.

198. Деловая элита старой Сибири: исторические очерки / А.В. Старцев, В.А. Скубневский, В.П. Зиновьев и др. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 264 с.

199. Формирование сибирского отряда рабочих России во второй половине XIX – начале XX в. // Евразийский ежегодник. Астана, 2005. С. 350–366.

200. Участие казахов в индустриальном освоении Сибири // Евразия: народы, культуры, социумы: Труды Четвертого международного евразийского научного форума. Астана, 2005. С. 76–77.

201. К читателям «Трудов ТГУ» // Труды ТГУ. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. Т. 267. Серия историческая. Судьба регионального центра в России (к 400-летию Томска). С. 3–6.

202. Общественное движение в Томске в начале XX века // Труды ТГУ. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. Т. 267. Серия историческая. Судьба регионального центра в России (к 400-летию Томска). С. 20–23.

203. Документальные источники по истории семьи // Документ в парадигме междисциплинарного подхода. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 222–224.

2006 г.

204. Дело «Об устройстве лесов в Сибири» (1847–1862 гг.) как источник по истории промышленности Сибири // Документ в контексте истории: Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. Омск, 2006. С. 133–137.

205. К вопросу о промышленной колонизации Сибири в XIX – начале XX в. // Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII – начала XXI в. Новосибирск: НГПУ. С. 41–48.

206. Исторический факультет // Томский государственный университет. Ежегодник-2005. Томск: Изд-во Том. ун-та, С. 115–119.

207. Томский межрегиональный институт общественных наук ТГУ // Томский государственный университет. Ежегодник-2005. Томск: Изд-во Том. ун-та, С. 258–261.

208. Новомейские (из истории сибирского купечества) // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Памяти профессора Л.И. Боженко: Сборник статей. Томск, 2006. Вып. 3. С. 62–68.

209. Конференция «Сибирское общество в период социальных трансформаций XX века» // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2006. № 2. С. 109–110.

210. Волнения и стачки наемных рабочих Сибири в XVII – первой половине XIX вв. // Восточные регионы России: стратегии и практики освоения, Новосибирск, 2006. С. 142–156.

211. Керевское село // Земля кожевниковская. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 381–390.

212. Временные промысловые поселки в Сибири (XIX – начало XX в.) // Сибирь в XVII–XX веках: демографические процессы и общественно-политическая жизнь. Новосибирск, 2006. С. 210–217.

213. Революция массового потребления в СССР в 1960–1980-е гг. // Экономическая история Сибири XX века. Ч. 1: Материалы Всероссийской научной конференции 30 июня – 1 июля 2006 г. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. С. 43–49.

214. Революционный век России // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 5–13.

215. Корейские рабочие на горных промыслах Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. // Российские корейцы: история и современные проблемы: Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. 24 сентября 2004 г. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 47–51.

216. Востоковедческие исследования в Томском университете // Актуальные проблемы Центральной Азии и Китая: история и современность: Сборник научных статей памяти Б.П. Гуревича. Барнаул: Аз Бука, 2006. С. 453–463. В соавт. с Б.С. Жигаловым.

217. Сводный отчет по сетевому межрегиональному проекту «Российско-китайское сотрудничество: региональное (сибирско-дальневосточное) измерение». 53 с. Раздел 3. С. 29–39 // http://www.ino-center.ru/russia-china/russia-china.pdf в соавт. с В.А. Моисеевым, Р.А. Кушнерик, Э.Р. Абдразаковой, Е.А. Афанасьевой, В.А. Барминым.

2007 г.

218. Сибирские газеты второй половины XIX в. о рабочих волнениях // 150 лет периодической печати в Сибири: Материалы региональной научной конференции, посвященной 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей». 19–20 апреля 2007 г. г. Томск. Томск: РИО ТГУ, 2007. С. 151–153.

219. К истории поселка Яя // Проблемы урбанизации восточных регионов России в XIX–XX вв. (К 60-летию проф. В.П. Андреева). Томск, 2007. Коллективная монография. С. 102–109.

220. The Problem of Trust in the EU – Russia relations: a view from Siberia // European union and Russia: Face to Face. Tomsk, 2007. P. 375–381.

221. Исторический факультет // Томский университет. Ежегодник-2006. Факультеты и подразделения в 2006 году (история, хроника, комментарии, статистика). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 122–126.

222. Томский межрегиональный институт общественных наук ТГУ // Томский университет. Ежегодник-2006. Факультеты и подразделения в 2006 году (история, хроника, комментарии, статистика). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 265–266.

223. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с. Автор гл. 8. Индустриальное развитие и экономическая политика правительства в Сибири в XVIII – начале XX в. С. 244–270.

224. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 258 с.

225. Мариинские купцы Савельевы // Личность в истории Сибири XVIII–XX веков: Сборник биографических очерков. Новосибирск: И.Д. «Сова», 2007. С. 107–112.

226. Шиловский Михаил Викторович (к 60-летнему юбилею) // Общественно-политическая жизнь Сибири XX век: Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007. Вып. 8. С. 17–34.

227. Современная историография хозяйственного освоения Сибири в XVII – начале XX века // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начала XX века: Сборник материалов региональной научной конференции. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2007. С. 26–34.

228. Размышления о Болонском процессе // Инновации в атомной отрасли: Сборник статей. Северск: Изд. СГТА, 2007. С. 144–150.

229. Экономические организации рабочих Сибири во второй половине XIX – первые годы XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2007. № 1. С. 21–33.

230. Русская революция в контексте модернизации // Великий Октябрь в контексте истории XX века. К 90-летию Великой Октябрьской социалистической революции и Прокопьевского рудника. Томск. 2007. С. 3–12.

2008 г.

230. Политическая ссылка и рабочее движение в Сибири накануне революции 1905–1907 гг. // Азиатская Россия во второй половине XIX – начале XX в. Проблемы региональной истории: Сборник научных статей, посвященный 60-летию профессора, доктора исторических наук А.П. Толочко. Омск, 2008. С. 253–261.

231. Зиновьев В.П., Фоминых С.Ф., Хаминов Д.В., Некрылов С.А. Историческому образованию в Сибири 90 лет: исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах. Томск: Изд-во ТомГУ, 2008. 261 с.

232. Регионы Западной Сибири и Китай: характер и перспективы сотрудничества // Сибирский международный ежегодник. Томск. 2007. Вып. 3. С. 120–137. В соавт. с Э.Р. Абдразаковой.

233. Как нам относиться к советской истории? // Пишем времена и случаи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию кафедры отечественной истории

НГПУ (Новосибирск, 25–26 апреля 2008 г.). Новосибирск, 2008. С. 96–98.

234. Экономические организации рабочих Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении. Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2008. С. 163–181.

235. Традиции сибирского винокурения в XVIII–XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 1 (2). С. 13–23.

236. Солепромышленность Сибири в XVII–XX вв. // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв: Сборник научных трудов. К 40-летию профессора Ю.М. Гончарова. Барнаул: Азбука, 2008. Вып. 2. С. 50–56.

237. Русская революция в контексте модернизации: социально-экономический аспект // Русская революция в контексте истории: Материалы региональной научной конференции (Томск, 6–8 ноября 2007 г.) Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008.С. 67–76.

238. Экспертиза скрытой социальной напряженности и проявлений экстремизма, ксенофобии // Археология и этнография Приобья: материалы и исследования: Сборник трудов кафедры археологии и этнологии. Томск: ТГПУ, 2008. Вып. 2. С. 46–55.

239. Газопровод «Запад – Восток» в экономической политике КНР // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте. Политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток. Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. С. 262–267. В соавт. с Е.А. Афанасьевой.

240. Базилевские // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. Т. 1: А – М. М., РОССПЭН, 2008. С. 137.

241. Кухтерины // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. Т. 1: А – М. М., РОССПЭН, 2008. С. 1193. В соавт. с Н.М. Дмитриенко.

242. Лид // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. Т. 1: А – М. М., РОССПЭН, 2008. С. 1236.

243. Мясниковы // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. Т. 1: А – М. М., РОССПЭН, 2008. С. 1470.

244. Советская история – потерянный век или героический период? // Инновации в атомной отрасли: Сборник статей. Северск: Северская государственная технологическая академия, 2008. С. 177–180.

245. Энциклопедия Томской области. Т. 1: А – М. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 464 с. В соавт.

В.т.ч.: Валгусов С.С. // С. 93–94.

Воложанин Е.В. С. 115–116.

Грачев В.А. С. 172.

Киров С.М. С. 291.

Куйбышев В.В. С. 359–360.

Кухтерины. С. 369–371. В соавт. с Н.М. Дмитриенко.

2009 г.

246. Жандармско-полицейская отчетность как источник по социальному облику рабочих Сибири в XIX веке // Документ в контексте истории: Материалы II Международной научной конференции. Омск, 2009. С. 28–33.

246. Социальная трансформация сибирской деревни в период коллективизации (на примере Петропавловской волости) // Сибиряки. Региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве: Сборник научных трудов / Под ред. Н.Н. Родигиной. Новосибирск, 2009. С. 121–129.

247. Экономические связи Сибири и Западной Монголии в XIX–XX вв. // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов (Материалы IX международной конференции, г. Ховд, 16-20 сентября 2009 года). Т. II: Общественные науки. Ховд; Томск, 2009. С. 97–99.

248. История Северска. Очерки. Северск: Музей г. Северска, 2009. 380 с. В соавт.

249. Энциклопедия Томской области. Т. 2: Н–Я. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 469–1000. В соавт.

В. т.ч.:

Нарым. С. 475–476;

Нарымский тракт. С. 478.

Некрасов Н.В. С. 495–496.

Нефтяная промышленность. С. 500–501. В соавт. с М.Я. Худобцом.

Политическая ссылка. С. 591–592.

Поповы. С. 600–601.

Промышленность. С. 617–619. в соавт. с М.Э. Черняком.

Региональные и международные связи Томской области. С. 642–644. В соавт. с О.В. Корнеевым, Е.Г. Ивановой, Е.В. Нефедовой.

Реутовский В.С. С. 650–651.

Самусьский судоремонтно-судостроительный завод. С. 671–672.

«Томский». С. 799–800.

Цибульский З.М. С. 888–889.

Черняк Э.И. С. 900–901.

Экономика. С. 931. В соавт. с М.Э. Черняком.

250. Индустриальные рабочие Сибири в XVIII – начале XX в. // Леонид Михайлович Иванов. Личность и научное наследие историка: Сборник к 100-летию со дня рождения. М.: РОССПЭН, 2009. С. 140–158.

251. Пальчинский Петр Иоакимович (Акимович) // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. Т. 2: Н-Я. М.: РОССПЭН, 2009. С. 220–221.

252 Реутовский Вячеслав Степанович // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. Т. 2: Н–Я. М.: РОССПЭН, 2009. С. 519–520.

253. Родюковы // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. Т. 2: Н–Я. М.: РОССПЭН, 2009. С. 532–533.

254. Сибирь // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. Т. 2: Н–Я. М.: РОССПЭН, 2009. С. 700–706.

255. Федоровское золотопромышленное общество Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. Т. 2: Н–Я. М.: РОССПЭН, 2009. С. 1030–1031.

2. Исследования на правах рукописи

1. Формирование горнорабочих Сибири в период империализма (1895–1917 гг.): Дис. … канд. ист. наук. Томск, 1977. 261 с.

2. Формирование горнорабочих Сибири в период империализма (1895–1917 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 1977. 18 с.

3. Рабочее движение в Сибири в мануфактурный период: Дис. … д-ра ист. наук. Томск, 1992. Т. 1. 461 с.; Т. 2. 217 с.

4. Рабочее движение в Сибири в мануфактурный период: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Томск, 1992. 39 с.

3. Учебные и учебно-методические издания

1. Алтай в эпоху капитализма. Барнаул: АГУ, 1986. 271 с. В соавт. с А.П. Бородавкиным, В.А. Скубневским, А.А. Храмковым и др.

2. История Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 472 с. В соавт. с З.Я. Бояршиновой, А.Н. Жеравиной, А.Т. Топчием и др.

3. Положение об организации и подведении итогов социалистического соревнования в Томском университете. Томск, 1988. 39 с. В соавт. с С.Я. Александровой, Р.С. Буркиной, Е.Ф. Дударевым, Б.А. Люкшиным, Р.С. Поломошновой.

4. Концепция специального курса лекций «Становление индустриального обществ в России» // Новое в изучении и преподавании истории в вузах. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. С. 34–36.

5. Этапы становления индустриального обществ в России // Цивилизационные и формационные подходы к изучению отечественной истории. Теория и методология (конкретно-исторические проблемы). М.: МАДИ, 1996. Вып. 3, ч. 1. С. 25–30.

6. Становление индустриального общества в России: Методическое пособие к специальному курсу лекций. Томск: ТГУ, 1998. 26 с.; 2003. 28 с.

7. История отечества. 1917–1997 гг.: Программа курса лекций для студентов международного отделения исторического факультета. Томск: ТГУ, 1998. 12 с.

8. История государственных учреждений России: Программа курса лекций для студентов международного отделения исторического факультета. Томск: ТГУ, 1998. 27 с.

9. Страны СНГ: Программа курса лекций. Томск: ТГУ. 16 с.

10. Страны СНГ: Программа курса лекций // Рабочие программы курсов лекций по общепрофессиональным и специальным дисциплинам. Томск, 2001. С. 52–63.

11. Страны Содружества Независимых Государств // Рабочие программы курсов лекций кафедры теории международных отношений. Томск, 2002. С. 88–100.

12. Учебный курс «Страны СНГ» // «Международные отношения» в Сибири: Материалы семинара «Новое в преподавании дисциплин специальности «международные отношения». Томск, 27–28 ноября 2001. Томск, 2002. С. 42–44.

13. Россия и Европейский Союз. 1991–2000 годы // Программа европейских исследований ТГУ. Томск, 2002. С. 26–27.

14. Проблемы внутренней и внешней политики стран Центральной Азии (1991–2002 гг.). План специального семинара // Регионы России и мировые интеграционные процессы. Томск: МИОН ТГУ, 2003. С 155–164.

15. Внешнеполитические проблемы стран Центральной Азии. Программа специального курса лекций // Регионы России и мировые интеграционные процессы. Томск: МИОН ТГУ, 2003. С. 165–171.

16. Распад СССР и образование СНГ: Лекция // Сибирский международный ежегодник. Томск: ТГУ, 2003. С. 5–17.

17. Из опыта работы специального семинара «Проблемы внутренней и внешней политики стран Центральной Азии (1991–2002 гг.) // Перспективы развития межрегионального образовательного пространства на базе гуманитарных кафедр российских университетов. Всероссийский научно-методический симпозиум. 16–19 сентября 2003 г. Барнаул. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. С. 547–550.

18. Страны СНГ и Балтии: Учебное пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 294 с.

19. История России с древнейших времен до 1917 г.: Программа курса лекций для студентов специальностей «международные отношения» и «регионоведение». Томск, 2005. 20 с.

20. Историография истории России до 1917 г.: Программа курса лекций для студентов специальности «история». Томск, 2005. 14 с.

21. История внешней политики России: Программа курса лекций для студентов специальностей «международные отношения» и «регионоведение». Томск, 2005. 22 с.

22. Организации и институты СНГ // Мировые интеграционные процессы и международные организации: учебное пособие. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2006. С. 221–236.

23. Страны Содружества независимых государств и Балтии // Рабочие программы курсов лекций кафедры мировой политики. Томск, 2007. С. 85–102. В соавт. с Е.Ф. Троицким.

4. Научно-популярные публикации в газетах

1. Революционер // За советскую науку. 1887. 1 10.
2. Забытое имя (Валентин Воложанин) // Наука в Сибири. 1988. 25 авг.
3. Чертовщина // Народная трибуна. 1990. 14.06.
4. О томских электростанциях // Народная трибуна 1990. 5 июля (В соавт. с Н.М. Дмитриенко).
5. Городской голова Захарий Цибульский // Томский вестник. 1991. 22 марта.
6. Первые томские электростанции // Народная трибуна. 1991. 11 нояб. В соавт. с Н.М. Дмитриенко.
7. Кухтерины. Народная трибуна. 1992. 3, 7 янв. В соавт. с Н.М. Дмитриенко.
8. Нечистая! // Томский вестник. 1992. 31 дек.
9. Его талант оживлял любое дело. К 140-летию со дня рождения Вячеслава Реутовского // Елань. 1993. 13 нояб.. С. 11.
10. Эгоизм имущих и озлобленность эксплуатируемых // Томский вестник. 1992. 1 мая.
11. Памяти поэта (о В.В. Курицыне) // Народная газета. 1992.
12. Российский опыт не менее полезен, чем заморский // Томский вестник. 1993. 18 мая.
13. 50 лет Томской области // Томская неделя. 1994. 23 сент.
14. Время насилия: взгляд без эмоций // Народная трибуна. 1994. 13 дек.
15. Трижды Ново-Соборная, или О том, как переименовали площадь четырех революций // Коммунист. 1997. № 6 авг.
16. В Сибири – как в России. Только хуже… // Вечерний Новосибирск. 2003. 16 окт.

5. Научные труды под редакцией В.П. Зиновьева

1. Рабочие Сибири в период капитализма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. 181 с. Член редакционной коллегии.
2. Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. 180 с. Ответственный редактор.
3. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: Наука, 1982. 459 с. Ответственный секретарь редколлегии.

4. Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905–1920 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. 302 с. Член редакционной коллегии.

5. Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. 180 с. Член редакционной коллегии.

6. Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализм. Барнаул: АГУ, 1984. 220 с. Член редакционной коллегии.

7. Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 216 с. Ответственный редактор.

8. История Сибири: Учебное пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 472 с. Член редакционной коллегии.

9. Организаторская и идеологическая деятельность большевиков Сибири в период борьбы против царизма и капитализма. Омск: ОмГУ, 1987. 156 с. Член редакционной коллегии.

10. Проблемы историографии и источниковедения дореволюционной Сибири. Омск: ОмГУ, 1988. 132 с. Член редакционной коллегии.

11. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика: В 3 т. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. Т. 1: XVII в. – 1904 г. 374 с. Ответственный редактор.

12. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика: В 3 т. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. Т. 2: 1905 г. – июнь 1907 г. 377 с. Ответственный редактор.

13. Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул: АГУ, 1990. 176 с. Член редакционной коллегии.

14. Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источники. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 257 с. Ответственный редактор.

15. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика: В 3 т. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. Т. 3: Июнь 1907 г. – февраль 1917 г. 345 с. Ответственный редактор.

16. Проблемы классовой борьбы и общественного движения в Сибири в дооктябрьский период. Омск: ОмГУ, 1992. 168 с. Член редакционной коллегии.

17. Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника. Вып. 1–5: 1895 год. – 1999 год М.: Институт российской истории РАН, 1992–1998. Консультант (редактор) по Сибири и Дальнему Востоку.

18. Хозяйственное освоение Сибири: вопросы истории XIX – первой трети XX вв. Томск: ТГУ, 1994. 169 с. Ответственный редактор.

19. Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни России (XIX – начало XX вв.). Омск: ОмГУ, 1994. 181 с. Член редакционной коллегии.

20. Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. 'Томск: ТГУ, 1994. 157 с. Ответственный редактор.

21. Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск: ТГУ, 1994. 143 с. Ответственный редактор.

22. Урало-сибирское казачество в панораме веков. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 206 с. Член редакционной коллегии.

23. Томская область. Исторический очерк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 655 с. Ответственный редактор.

24. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: В 4 т. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1994–1999. Т. 1–4. В 10 частях. Член редакционной коллегии.

25. Яйский лесопромышленный (история Акционерного общества «Яялес»). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 311 с. Ответственный редактор.

26. Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск: ТГУ, 1995. Вып. 2. 187 с. Ответственный редактор.

27. Из истории революций в России (первая четверть XX в.): Материалы Всероссийского симпозиума, посвященного памяти профессора И.М. Разгона. Томск, 13–15 апреля 1995 г. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. Вып. 1. 261 с.; Вып. 2. 205 с. Член редакционной коллегии.

28. Хроника общественного движения в Сибири. 1895 – февраль 1917 гг. Кн. 1: Общественное движение в Омске. 1895 – февраль 1917 гг. Томск: ТГУ, 1996. 171 с. Ответственный редактор.

29. Неизвестный Северск. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 244 с. Ответственный редактор.

30. Вопросы экономической истории России XVIII–XX вв. Томск: ТГУ, 1996. 225 с. Ответственный редактор.

31. Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII–XIX в. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск: Водолей, 1996. 319 с. Ответственный редактор.

32. Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Общественное движение в Сибири в начале XX век. Омск: ОмГУ, 1997. 142 с. Член редакционной коллегии.

33. Нарымский край – мое отечество: Материалы зональной научно-практической конференции. г. Колпашево, 27 июня 1997 г. Томск, 1998. 102 с. Член редакционной коллегии.

34. История дорожного дела в Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 284 с. Ответственный редактор.

35. Историческая наука на рубеже веков: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 120-летию Томского государственного университета. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. Т. II: Россия и российская историческая мысль XVII–XX вв. 232 с. Член редколлегии.

36. Ларьков Н.С., Чернова И.В. Полицмейстеры, комиссары, начальники. Руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX–XX вв. Томск: Изд-во ТГЦ, 1999. 183 с. Соредактор.

37. Человек в истории. Памяти профессора З.Я. Бояршиновой. Томск, 1999. 274 с. Соредактор.

38. История Северска. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 258 с. Ответственный редактор.

39. Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. Вып. 2. 188 с.Ответственный редактор.

40. Средний Васюган- 300 лет. Исторический очерк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 110 с.

41. Молодые международники Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 86 с. Ответственный редактор.

42. Вестник Томского государственного университета. 1999. Ноябрь. № 268. 197 с. Отв. секретарь.

43. Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 284 с. Редактор.

44. Зольников Д.М. Времена и нравы. (От Гражданской войны до наших дней глазами и участника событий и ученого-историка). Новосибирск: НГУ, 2000. 217 с.

45. Сибирь в системе международных связей: Сборник статей. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 152 с. Ответственный редактор.

46. Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.). II Международная конференция: Тезисы докладов и сообщений. Омск – Кокшетау: Издание ОмГУ, 2001. 268 с. Член редакционной коллегии.

47. Проблемы истории и исторического познания. Томск, 2001. 269 с. Ответственный редактор.

48. Рабочие программы курсов лекций по общеобразовательным и специальным дисциплинам. Томск, 2001. 78 с. Отв. ред.

49. Томский некрополь. Томск, 202. 328 с. Соредактор.

50. Европейские исследования в Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. Вып. 3: Материалы Всероссийской конференции «Американский и сибирский фронтир». 255 с. Член редакционной коллегии.

51. Американские исследования в Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. Вып. 5: Материалы Всероссийской конференции «Американский и сибирский фронтир». 230 с. Член редакционной коллегии.

52. Андрющенко Б.К., Багаева Л.А., Бузанова В.А., Зиновьев В.П., Зыкова В.Г. Мариинский ликеро-водочный завод. 1902–2002. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 284 с. Ответственный редактор.

53. Проблемы истории, историографии и источниковедения России XVIII–XX вв. Томск, 2003. 301 с. Ответственный редактор.

54. Степной край Евразии: Историко-культурные взаимодействия и современность: Тезисы докладов и сообщений III научной конференции. Астана – Омск – Томск, 2003. 186 с.

55. Индукаева Н.С. История международных отношений. 1918–1945 гг. Учебное пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 170 с. Редактор.

56. Бычкова Т.А. Культура традиционных обществ Китая и Японии: Учебное пособие к специальному курсу лекций. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 76 с. Редактор.

57. Регионы России и мировые интеграционные процессы: Сборник статей. Томск: ТГУ, 2003. 190 с. Ответственный редактор.

58. Проблемы междисциплинарных исследований в гуманитарных науках: Научный ежегодник Томского МИОН – 2002. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 454 с. Ответственный редактор.

59. Народы Евразии: культура и общество: Материалы научной конференции, посвященной 10-летию Евразийской концепции Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева в Году России в Казахстане. Астана, 2004. 264 с. Член редколлегии.

60. Валютная и социальная политика Европейского Союза: Учебное пособие. Томск: ТомГУ, 2004. 210 с. Член редколлегии совместно с Э. Ремаклем и А.Г. Тимошенко.

61. Человек – текст – эпоха. Вып. 1: Формирование жизненной среды и менталитета. Томск, 2004. 320 с. Ответственный редактор (совместно с Е.Е. Дутчак).

62. От чистого истока. Век томского водопровода / Ред. В.П. Зиновьев, А.Ф. Порядин. Томск: ГалаПРЕСС. 2005. 304 с.

63. Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения XIX – начало XX в. Томск, 2004. 230 с. Ответственный редактор

64. Томская ГРЭС-2. 60 лет. 1945–2005 гг. Томск: Изд-во «PROMO», 2005. 200 с. Авторы: Багаева Л.А., Бузанова В.А., Воронова Л.М., Зиновьев В.П., Зыкова В.Г., Карих Е.В. Ответственный редактор.

65. Современное историческое сибиреведение. XVII – начало XX вв. К 60-летию профессора В.А. Скубневского. Барнаул: Аз Бука, 2005. 378 с. Член редколлегии.

66. Евразийский ежегодник. Астана, 2005. 482 с. Член редколлегии.

67. Евразия: народы, культуры, социумы: Труды Четвертого Международного евразийского научного форума. Астана, 2005. 470 с. Член редколлегии.

68. Международные отношения: теория, история, практика: Межвузовский сборник научных трудов. Омск, 2005. 272 с. Член редакционной коллегии.

69. Жеравина А.Н. Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 324 с. Редактор.

70. Вестник Томского государственного университета. Томск: ТГУ, сентябрь 2005. № 288. Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология». 214 с. Научный редактор.

71. Вестник Томского государственного университета. Томск: ТГУ, сентябрь 2005. № 289. Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология». 202 с. Научный редактор.

72. Труды ТГУ. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. Т. 267. Серия историческая. Судьба регионального центра в России (к 400-летию Томска). 252 с. Научный редактор.

73. Титов В.Ю. Протестные настроения в общественном мнении граждан РСФСР во второй половине XX века (на материалах 1945–1960 гг.). Иркутск: Изд-во Иркут. пед. ун-та, 2005. 322 с. Научный редактор.

74. Вопросы истории, международных отношений и документоведения: Сборник трудов студентов и аспирантов исторического факультета. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 128 с.

75. Коваляшкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири в концепциях государственной политики и областнической мысли. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 326 с. Научный редактор.

76. Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в.: Материалы Всероссийской научной конференции (Томск, 19–21 октября 2005 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 304 с. Научный редактор.

77. 150 лет периодической печати в Сибири: Материалы региональной научной конференции, посвященной 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей». 19–20 апреля 2007 г. г. Томск. Томск: РИО ТГУ, 2007. 294 с. Соредактор.

78. Гайдашева В.А., Жеравина А.Н., Никулин П.Ф., Толстов С.И., Усольцева О.В. Интеграция приписной деревни и горнозаводского производства на кабинетских землях в Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 198 с. Научный редактор.

79. Язык творит Россию: Материалы научно-практической конференции. Томск: Красное знамя, 2007. 56 с. Соредактор с С.А. Заплавным, А.Г. Федоровым, Н.А. Хлыстовой.

80. Вестник Томского государственного университета. 2007. № 1–12. Председатель редакционной коллегии редакции «История».

81. Труды Томского областного краеведческого музея. Томск: Ветер, 2007. Т. XIV. 181 с. Редактор.

82. Афанасьева Е.А. Современный Синьцзян. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 206 с. Научный редактор.

83. Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. Очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 424 с. Научный редактор.

84. Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества. Томск: ТУСУР, 2007. 196 с. Научный редактор.

85. Сибирский международный ежегодник. Томск, 2007. Вып. 3. 262 с. Соредактор с А.Г. Тимошенко и Л.В. Дериглазовой.

86. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона. Новосибирск: Издательский дом «Сова», 2008. 270 с. Отв. редактор.

87. Историческому образованию в Сибири 90 лет: исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 261 с. 16,4 п.л.

88. Русская революция в контексте истории: Материалы региональной научной конференции (Томск, 6–8 ноября 2007 г.) Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 318 с. Отв. редактор.

Научное издание

Василий Павлович ЗИНОВЬЕВ

ОЧЕРКИ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ СИБИРИ. XIX – НАЧАЛО XX в.

Редактор *В.С. Сумарокова*
Оригинал-макет *Д.М. Кижнер*

Подписано в печать 31.08.2009.
Формат 60x $84^{1}/_{16}$.
Печ. л. 21,0; усл. печ. л. 19,5; уч.-изд. 21,4. Тираж 500. Заказ № 8 9 3

ОАО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ОАО «Издательство Иван Федоров», 634003, г. Томск, Октябрьский взвоз, 1